

ISSN 0042-8779

В О П Р О С Ы И С Т О Р И И

В Н О М Е Р Е:

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА.
МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ЧАЯНОВ

ЧЖОУ ЭНЬЛАЙ

6

МОСКВА · 1988

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вопросы ИСТОРИИ

№ 6

ИЮНЬ

1988

СОДЕРЖАНИЕ

Историки и писатели о литературе и истории. Материалы конференции . . .	3
В. В. Карпов – Вступительное слово	3
Академик П. Н. Федосеев – История, литература, общество	4
Член-корреспондент АН СССР В. И. Касьяненко – Основные закономерности развития и актуальные вопросы истории советского общества	13
Член-корреспондент АН СССР П. А. Николаев – Отражение истории советского общества в художественной литературе и проблемы литературоведения	19
Ф. Ф. Кузнецов . Наша литература требует нового осмысления (27); А. П. Ланщиков . А был ли правый уклон? (30); В. П. Астафьев . Полуправда нас измучила... (33); Д. М. Урнов . Больше историзма (35); М. Ф. Шатров . Необходимо сотрудничество литераторов и историков (36); А. Я. Марков . Печатать всю правду (39); В. Д. Оскоцкий . Стереотипы старого мышления (41); Н. Е. Шундик . Надо идти вперед (44); В. А. Костров . Не создавать лишних врагов (47); А. О. Чубарьян . Искать единство в многообразии (48); А. А. Искендеров . Без самокритики нет движения вперед (50); Д. М. Балашов . Любить свою землю и любить свой народ (51); О. А. Ржешевский . Необходим новый подход при подготовке коллективных трудов (53); П. Ф. Стаднюк . Делать правильные выводы из прежних ошибок (54); В. А. Куманев . За правдивое освещение прошлого (57); С. П. Залыгин . История и литература – из одной колыбели (61); Д. А. Волкогонов . Сталинизм – это концепция извращенной теории и практики социализма (63); Г. А. Беляя . Две модели искусства (64); Ю. С. Кукушкин . Устранить препоны изучению и преподаванию истории (67); А. И. Казинцев . Память – скорбная и милосердная (69); Ю. Н. Афанасьев . Избавить историческую науку от мертвящих пут сталинщины (71); И. И. Минц . Создавать совместные труды (74); Р. Г. Яновский . Сознание масс отражает потребность перемен (75); Ю. Г. Буртин . Условие консолидации (77); С. А. Небольсин . История – это не предмет, а жизнь (79); А. Б. Чаковский . Не будет больше 1937 года (82); Е. А. Амбарцумов . Почему правдивая история еще не написана (82); О. М. Попцов . Дело – в истинной жизни (85); Е. П. Чельшев . Международные аспекты обсуждаемой проблемы (87); П. Г. Горелов . Потребность идеала (89); А. А. Фурсенко . Укреплять союз историков и писателей (92); В. Д. Поликарпов . Для самоуспокоенности оснований нет (94);	

Г. А. Митин. Не создавать самим «белых пятен» (97); Ю. А. Лукин. Перестройка, демократизация, художественная культура (99); В. А. Шишкин. Строить концепции, опираясь на факты (102); А. И. Овчаренко. Крайности начинают не только настораживать... (104); Ю. Л. Прокушев. Только правду! (106); К. И. Варламов. Крепить революционный дух народа (109); Ш. Н. Федосеев. Заключительное слово (111).

СТАТЬИ

М. П. Ким — О периодизации истории советского общества	115
Л. И. Медведко — Ближний Восток: самый продолжительный «конфликт века»	131

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

В. В. Кабанов — Александр Васильевич Чаянов	146
С. Л. Тихвинский — Чжоу Эньлай	168

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Общее собрание Отделения истории	188
А. Ш.— В Бюро Отделения	189
Новые книги	190

ИСТОРИКИ И ПИСАТЕЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСТОРИИ

27—28 апреля с. г. состоялась конференция, посвященная обсуждению актуальных вопросов исторической науки и литературы, организованная Академией наук СССР, Союзом писателей СССР и Академией общественных наук при ЦК КПСС. В работе конференции приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев, заведующие отделами ЦК КПСС Ю. П. Воронов и В. А. Григорьев.

Конференцию открыл вступительным словом первый секретарь правления Союза писателей СССР В. В. Карпов. Вступительный доклад «История, литература, общество» произнес вице-президент АН СССР акад. П. Н. Федосеев. С докладами выступили главный редактор журнала «Вопросы истории КПСС», член-корреспондент АН СССР В. И. Касьяненко и и. о. академика-секретаря Отделения литературы и языка АН СССР член-корреспондент АН СССР П. А. Николаев.

Ниже публикуются материалы конференции.

В. В. КАРПОВ. *Вступительное слово*

В наши дни часто говорят: «Больше дела, меньше слов». Конференция, которая сегодня открывается, — это не только слова с трибуны, это наше профессиональное дело, дело большой государственной масштабности. И Академия наук и Союз писателей СССР готовили эту конференцию, понимая не только важность, но и необходимость повести совместный разговор ученых-историков и литераторов, когда историческая наука и литература перестраиваются, выходят на простор правды, тем более, что эта наша встреча проходит в преддверии XIX Всесоюзной партийной конференции.

В своем выступлении перед руководящими работниками Узбекистана М. С. Горбачев сказал: «Партии надо проявить мужество и волю, освободиться от сложившихся представлений о социализме, на которых лежит печать определенных условий и особенно — периода культа личности. Освободиться от старых представлений о методах строительства, а главное — избавиться от всего, что, вообще говоря, деформировало социализм, сковывало творческие способности народа»¹. Эта задача нравственного и духовного оздоровления общества, задача сознательного, активного участия каждого человека в созидательных процессах не может быть решена без объединения всех интеллектуальных сил — науки, литературы, искусства.

Великая воспитательная сила истории практически реализуется и через научные труды, и через художественные произведения. В исследованиях читатель обретает знания, веру, убеждения. В литературе силой

¹ Правда, 10.IV.1988.

таланта писателя оживают исторические события, личности, страсти и переживания героев — все это благодаря эмоциональному изображению и восприятию отражается, в конечном счете, на моральных, нравственных, психологических качествах характера читателя.

В общем, мы с вами делаем общее дело. Именно общностью задач и целью должны мы объединяться в совместной работе, и не только на конференции, помогая народу восстановить его подлинную родословную и правду истории. В последнее время мы много пишем и говорим о том, как и чем заполнять «белые» или «черные пятна» в нашей истории. Лучше и правильнее их заполнять не одной краской, а многоцветием жизни, соответствующим периоду, где образовалось «пятно». Много и часто мы пишем о негативных явлениях, репрессиях, страданиях и несправедливостях. Нужно вскрыть эти нарывы на теле нашей истории.

За годы перестройки мы уже о многом подумали, поняли, осознали многое, и пора нам уже думать не только о пятнах, не только о заплатках, а и о воссоздании нашей истории в полном объеме, да связать ее с древними и средними веками, чтобы народ наш, а особенно молодежь, полной грудью вдохнула богатырскую силу наших прапрадедов и святую кристальную чистоту наших отцов — ленинской гвардии, и беззаветную преданность Родине победителей в Великой Отечественной войне, и тех, кто несмотря ни на что дал силу нашему народу в трудные полуголодные годы первых пятилеток.

Позвольте мне в качестве напутствия нашей работе напомнить слова прекрасного писателя, историка Н. М. Карамзина: «Историк должен ликовать и горевать со своим народом. Он не должен, руководимый пристрастием, искажать факты, преувеличивать счастье или умалять в своем изложении бедствия; он должен быть прежде всего правдив; но может, даже должен, все неприятное, все позорное в истории своего народа передавать с грустью, а о том, что приносит честь, о победах, о цветущем состоянии, говорить с радостью и энтузиазмом. Только таким образом может он сделаться национальным бытописателем, чем прежде всего должен быть историк»².

П. Н. ФЕДОСЕЕВ. *История, литература, общество*

Со времени апрельского (1985 г.) Пленума ЦК и XXVII съезда КПСС в центре нашей жизни и общественной мысли стоят вопросы перестройки и революционного обновления советского общества. На переломном этапе истории нам приходится переосмысливать многие сложившиеся представления о настоящем и прошлом, теоретически осваивать новые явления общественного развития и духовной жизни. Медленно и с большим трудом происходит этот процесс в обществоведении, что вызывает справедливые нарекания.

Идеология обновления касается всех сторон жизни — школьного образования, управления экономикой, руководства культурным строительством, науки, мировой политики. Перестраивая свою деятельность, АН СССР сосредоточивает усилия на приоритетных направлениях научно-технического и социального прогресса, разрабатывая и осуществляя соответствующие научные программы. В числе общеакадемических программ выделяются проблемы перестройки и обновления социализма. Это, во-первых, теоретическое обеспечение экономической реформы на основе хозяйственного расчета, расширения демократии и гласности, самостоятельности предприятий и самодеятельности трудовых коллективов. Во-вторых, разработка долгосрочной перспективы комплексного социально-экономического и культурного развития. В экономических обоснованиях первостепенное значение придается совершенствованию управления, осо-

² Карамзин Н. М. Предания веков. М. 1987, с. 28.

бый упор делается на ресурсо- и трудосбережение с учетом повышения квалификации работников и производительности труда при растущем применении достижений научно-технического прогресса.

Центральное место в науке занимают проблемы человека и активизации человеческого фактора. Речь идет о всестороннем изучении места и роли личности в общественном развитии, творческого потенциала человека, его способностей и устремлений, потребностей и мотивов деятельности, ценностных ориентаций и социальных установок, процессов мышления, сознания и самосознания. Актуальной остается проблема социального и биологического в человеке. Важным направлением стало исследование системы «человек — машина — среда». Имеется в виду не только обучение людей, адаптация их к технике, но и гуманизация самой «техносферы», сохранение окружающей среды, рациональное использование ресурсов природы. Внимание к человеку, к человеческому фактору усиливается во всех направлениях академических исследований. Преодолеваются технократический и односторонний технико-хозяйственный подходы к оценке экономического развития и научно-технического прогресса, проявляется особый интерес к социальной сфере.

Большую актуальность приобрели и теснейшим образом переплелись сейчас вопросы истории и литературы, в центре которых — проблемы человека и деятельности народных масс. Такое переплетение истории и литературы нельзя считать чем-то необычным, исключительным. История и литература, можно сказать, сестры по происхождению и по социальному значению. В Древней Руси, как и у других народов, история и поэтическое творчество начинались с эпоса, былин, преданий, а с появлением письменности — с повестей и сказаний о событиях и лицах прошлых лет и своего времени. Воспроизведение жизни в исторических трактатах или художественных образах, имеющих большое воспитательное значение для новых поколений, роднит историю и литературу по их роли в социальном и нравственном развитии, в патриотическом и интернационалистском воспитании людей.

Но, пожалуй, никогда еще вопросы истории и литературы не имели такого актуального, можно сказать, социального значения, как в наше время. Живой и острый интерес широкой общественности вызывает освещение нашего прошлого в исторических трудах, в художественной литературе, в литературоведении, литературной критике и публицистике. Всесторонний, объективный подход к изложению событий истории и сегодняшнего дня — это требование не только истины, но и совести. Мрачные и тяжелые стороны жизни, вызванные грубыми нарушениями принципов социализма, не могут заслонить исторических свершений, беспрецедентных трудовых и ратных подвигов советского народа, руководящей роли Коммунистической партии как его политического авангарда. Говоря словами В. И. Ленина, «требуется... изображение процесса *в целом*, учет всех тенденций и определение их равнодействующих или их суммы, их результата»³.

История всегда была и остается полем острой идеологической борьбы. И сегодня наши идейные противники пытаются использовать каждую знаменательную дату как повод для того, чтобы подвергнуть сомнению жизнеспособность и завоевания социализма, не гнушаясь при этом злостными вымыслами, грубым искажением фактов. Поэтому правдивое изложение исторических событий, марксистский анализ наших успехов и ошибок на пути строительства социалистического общества — важная идеологическая задача советских ученых и деятелей литературы. Ее решение дает возможность объективно раскрыть его позитивный и негативный опыт, убедительно показать огромные достижения и неисчерпаемые

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27, с. 195—196.

возможности социализма, его революционный вклад в мировую историю, его перспективы.

Как подчеркивал Ленин, «жизнь идет вперед противоречиями, и живые противоречия во много раз богаче, разностороннее, содержательнее, чем уму человека спервоначалу кажется»⁴. Это относится прежде всего к революционным периодам и, конечно, к такому сложному процессу, как перестройка и революционное обновление социалистического общества. Новое всегда встречало ожесточенное сопротивление консервативных сил. Редакционная статья «Правды» от 5 апреля с. г. убедительно раскрыла демагогические приемы и антиперестроечные настроения сторонников возврата к командно-бюрократическим методам управления и догматическому бездумью. Глубоко понять и адекватно воспроизвести в науке и литературе прошлое и настоящее — это повелительное требование времени. Мы должны ясно представлять, от чего мы ушли, что унаследовали, от чего необходимо отказаться и к чему идем.

Самая важная задача историков и литературоведов — создать правдивую, основанную на марксистско-ленинском анализе историю советского общества, его духовного развития, покончить с безликостью в освещении исторического процесса, с замалчиванием биографий его конкретных деятелей, его драматических противоречий. Это задача трудная и в высшей степени ответственная, поскольку именно опыт развития советского общества, жизни и борьбы народа может и должен служить базой для дальнейших теоретических выводов, для обновления социалистического общества, продолжения и углубления перестройки.

Хотя у нас подготовлено и издано немало крупных трудов, вопросы истории XX в., особенно истории советского общества, пока слабо разработаны, освещаются неполно, а иногда и односторонне, с большими пробелами и изъянами. По этим вопросам идут оживленные дискуссии, особенно в литературно-художественных журналах, однако историки и литературоведы, как и другие обществоведы, за небольшим исключением, недостаточно активно участвовали в них, робко реагировали на происходящие в духовной жизни нашего общества процессы.

Все мы понимаем огромные масштабы идейного и эмоционального воздействия литературы и искусства на общественное сознание, особенно молодежи. В художественных произведениях, правда, не однозначно, иногда противоречиво, отображаются реальные процессы или отдельные стороны действительности. Более того, литература и искусство не только отражают, но и преобразуют жизнь. Во-первых, они не просто копируют действительность, а воспроизводят ее своими специфическими способами, преобразуют непосредственные восприятия, впечатления в художественное, образное видение мира. Во-вторых, они активно воздействуют на жизнь, на ее различные проявления, способствуют ее изменению в том или ином направлении. В этом активная роль литературы и искусства, их не только эстетическая, но и моральная сила; за последние годы они все чаще прибегают к исторической тематике. Конечно, произведения литературы и искусства создаются по своим законам, художник не обязан копировать исторические трактаты, подгонять свои творения под стандарты научного исследования. Назначение исторической науки в этом отношении состоит не только в принципиальной оценке литературных произведений с точки зрения их соответствия действительности, но и прежде всего в создании научного фундамента для правильного понимания и освещения исторического процесса, его художественного отображения.

Главное состоит в том, чтобы раскрыть объективную логику истории, ее закономерности, связь событий, показать преемственность идей Великого Октября, дела революции и нынешней перестройки. Вместе с тем

⁴ Там же. Т. 47, с. 219.

предстоит заполнить «белые пятна», восстановить историческую справедливость, воздав должное тем, кто был незаконно репрессирован, незаслуженно забыт, показать как победы советского общества, так и его неудачи, как светлое, созидательное, так и трагическое в его истории.

Далеко не все для нас ясно, не все бесспорно, многое надо заново исследовать на основе документов (и не какой-то их части или отрывков из них, а всей документальной и статистической базы, достоверных свидетельств современников), а также анализа и сопоставления различных версий как отечественных, так и зарубежных историков и литераторов. Достичь совместными усилиями более глубокого понимания по принципиальным вопросам, особенно по истории советского общества, — задача не простая. И мы представляем себе, что консолидация ученых и писателей не унификация мнений, оценок, а налаживание делового взаимного общения, объединение усилий для внимательного обсуждения и определения объективных критериев исторической правды, принципиальных подходов к освещению событий и лиц, к оценке художественных произведений.

Как известно, споры по этим вопросам идут не только между учеными и писателями, но и между самими историками, самими писателями, литературоведами, литературными критиками. Особенно острые дискуссии вызывают переломные этапы истории: Великий Октябрь, гражданская война и интервенция, нэп, индустриализация и коллективизация, культурная революция и национально-государственное строительство, Великая Отечественная война, начавшиеся в 30-х годах нарушения законности, массовые репрессии, связанные с культом личности Сталина, попытки преодоления культа и восстановления ленинских норм партийной и государственной жизни, затем нарастание застойных явлений, наконец, поворотный этап в истории нашего общества — перестройка и революционное обновление всех сторон его жизни.

Непрестанно поднимается вопрос об оценке периода культа личности. Известно, что о заслугах Сталина было сказано много и с громадным преувеличением, в том числе и нами, людьми нашего поколения, о чем так правдиво и чистосердечно рассказал К. М. Симонов. По мере выявления фактов произвола и беззаконий, политического коварства и двуличности все больше раскрывалась негативная, зловещая роль Сталина в жизни советского общества на протяжении многих лет. Суровое всенародное осуждение вызывают злоупотребление властью и преступления Сталина и его окружения, причинившие много горя и бед советским людям, большой урон развитию социализма, его престижу на мировой арене.

Сейчас углубляется анализ объективных и субъективных причин появления культа личности и его деструктивных последствий. Деформация социализма, административно-бюрократические методы руководства, подавление демократии и дегуманизация общественной жизни имели свое «обоснование» в теоретических и политических установках Сталина. Главное в том, что он извратил марксистско-ленинскую теорию и практику диктатуры пролетариата, сделал ее орудием преступлений, расправ с кадрами, массовых репрессий против советских людей.

К. Маркс и Ф. Энгельс были убеждены, что на смену капиталистическому обществу с его социальными антагонизмами и войнами придет общество, состоящее «из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану». Это будет «общество, международным принципом которого будет — мир, ибо у каждого народа будет один и тот же властелин — труд»⁵. Как известно, стихийные восстания угнетенных масс выливались в суровую расправу с угнетателями, а подавление восставших превраща-

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18, с. 57; т. 17, с. 5.

лось в кровавое побоище, сопровождалось беспощадным террором. Поэтому Маркс и Энгельс считали, что задачей революционной партии должно быть развитие организованной классовой борьбы, ведущей к созданию государства рабочего класса, которое они в противовес диктатуре буржуазии назвали диктатурой пролетариата. По этому поводу Маркс, имея в виду Парижскую коммуну как форму диктатуры пролетариата, говорил, что она не устраняет сразу классовой борьбы, но «создает рациональную обстановку, в которой эта классовая борьба может проходить различные фазы наиболее рациональным и гуманным путем»⁶.

Исторический опыт нашей страны убедительно показал, что ужесточение классовой борьбы в ходе революционных преобразований происходило не по инициативе и не по воле рабочего класса, а по вине его классовых противников. Для преодоления их сопротивления рабочий класс, естественно, применял меры принуждения и насилия. Но, как указывал Ленин, диктатура пролетариата — не в одном насилии и даже не главным образом в насилии. Суть ее — в организации новых форм жизни, новых форм общественного производства и распределения. Цель ее — упразднение классовых антагонизмов, создание социально единого общества. Социальной основой диктатуры пролетариата является, по Ленину, союз рабочего класса со всеми трудящимися. Сталин же встал на путь принудительных, насильственных мер в отношении трудового крестьянства и подозрительности к интеллигенции. По Ленину, Советская власть как государственная форма диктатуры пролетариата — это более высокая и более широкая форма демократии, демократия для народных масс. Сталин же свертывал демократические начала в государственном управлении и общественной жизни, а самые демократические органы, Советы, утрачивали при этом свое значение органов народовластия.

Согласно теории научного коммунизма, историческими рамками диктатуры пролетариата является переходный период от капитализма к социализму. С победой социализма, уничтожением эксплуатации человека человеком и устранением эксплуататорских элементов создается социальное и идейно-политическое единство общества, исчезает почва для классовых антагонизмов и классовой борьбы, а стало быть, и необходимость диктатуры пролетариата. Однако уже после победы социализма, после провозглашения морально-политического единства советского народа Сталин в конце 30-х годов выдвинул и в последующие годы продолжал исповедовать тезис о неизбежности обострения классовой борьбы по мере продвижения социалистического общества вперед. В результате победы Советского Союза в Великой Отечественной войне стала особенно очевидной несостоятельность этого тезиса. Эта всемирно-историческая победа выявила небывалую сплоченность советских людей, их социальное и идейно-политическое единство.

Исходя из этого, группа научных работников, которую мне было поручено возглавить, еще в 1947 г., в проекте новой Программы партии выдвинула положение о том, что с полной победой социализма и утверждением морально-политического единства общества диктатура пролетариата выполнила свою великую историческую миссию и превратилась во всенародное государство. Однако эти соображения не только не получили развития, но и были тогда надолго похоронены. Более того, именно на рубеже 40—50-х годов с новой силой развернулись жестокие репрессии против советских людей разных наций и разных регионов.

В конце 1952 г., говоря о необходимости повышения политической бдительности и искоренения «гнилого либерализма», Сталин вновь стал нагнетать грозную атмосферу обострения классовой борьбы с «врагами народа». Эта устрашающая установка не была опубликована, но частично нашла свое отражение в докладе на торжественно-траурном заседа-

⁶ Там же. Т. 17, с. 553.

нии в Москве 21 января 1953 г. в связи с 29-й годовщиной со дня смерти Ленина: «Чем значительней успехи коммунистического строительства — тем более коварные, гнусные и жестокие приемы и методы применяют наши враги. Чем успешнее наше продвижение вперед — тем острее будет борьба врагов нашего народа, обреченных на пеминуемую гибель... Эти скрытые враги, поддерживаемые империалистическим миром, вредили и будут вредить нам и впредь. Именно об этом убедительно говорит дело группы врачей-предателей — подлых шпионов и убийц, спрятавшихся под маской врачей, продавшихся рабовладельцам-людоедам из США и Англии»⁷. Какие бедствия, какие новые преступные действия могли бы иметь место, если бы и далее осуществлялись такого рода теоретические и политические установки!

И только на XX съезде КПСС Н. С. Хрущевым было ясно и определенно сказано о несостоятельности и вредности теории обострения классовой борьбы после победы социализма. А на XXII съезде партии было признано, что диктатура пролетариата с полной победой социализма выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой. Советское государство, возникшее как государство рабочего класса, превратилось на новом этапе развития в общенародное государство, в орган выражения интересов и воли всего народа. Конечно, и тогда еще не все аспекты классового подхода к проблемам общественного развития, особенно применительно к международным отношениям, были последовательно разработаны. Хотя было определенно сказано, что война между двумя системами не является фатальной неизбежностью, не может и не должна служить способом решения международных споров, в Программе КПСС еще осталась формула, что мирное сосуществование является специфической формой классовой борьбы, что при нем создаются более благоприятные возможности для борьбы рабочего класса капиталистических стран.

И мы, разумеется, поддерживали и пропагандировали тогда этот тезис. Отчасти это связано было с тем, что Программа КПСС подготавливалась в условиях, когда, с одной стороны, леваки нападали на политику мирного сосуществования как на «стовор с империализмом», а с другой — резко обострились отношения между СССР и США из-за вторжения американских наемников на Кубу, на Плайя Хирон, с чего и начался карибский кризис. Но теоретическая «недоработка» наша состояла в том, что тогда еще не проводилась четкая социально-политическая дифференциация внутри мировой капиталистической системы, по существу, вся она отождествлялась с лагерем империализма, недооценивались растущие в ней демократические, миролюбивые силы.

В документах XXVII съезда КПСС дан глубокий анализ различий и противоречий в самой капиталистической системе и сделан вывод о громадном значении борьбы главных движущих сил общественного развития — мирового социализма, рабочего и коммунистического движения, народов освободившихся государств, массовых демократических движений — против империализма, его политики агрессии и угнетения, за мир, демократию и социальный прогресс. Поэтому было признано невозможным оставить в новой редакции Программы КПСС определение мирного сосуществования государств с различным общественным строем как специфической формы классовой борьбы.

Ценнейшим приобретением теории и практики последних лет является новое, подлинно диалектическое мышление, составляющее революционный метод и душу современной перестройки. Коренной вопрос нового мышления — подлинно диалектическое понимание классового и общечеловеческого начал в общественном развитии.

Основной недостаток в трактовке этого вопроса состоял в том, что

⁷ Правда, 22.I.1953.

противоположности в общественной жизни рассматривались как обособленные полярности, вне их взаимной связи и взаимодействия с общечеловеческими проблемами и, так сказать, промежуточными или нейтральными сторонами и силами социальной и культурной жизни. Мы привыкли оперировать известными полярными противоположностями: капитализм и социализм, буржуазия и пролетариат, буржуазная культура и социалистическая культура, буржуазная мораль и коммунистическая мораль и т. д., как будто между ними и вне их ничего не было. Это наложило отпечаток на понимание процессов экономического и духовного развития в современном мире. Так, экономическое развитие в капиталистическом мире рассматривалось главным образом лишь с точки зрения социально-классовой формы производства. А ведь научно-технические достижения — результат общечеловеческих усилий и не являются монополией какого-то класса, хотя империалистические силы стараются монопольно владеть ими. Но упрощенный взгляд на классовую природу капиталистического хозяйства привел к недооценке совершающейся в нем научно-технической революции как составной части развития цивилизации. Мы не можем забывать указаний Ленина о том, что нельзя построить социалистическое общество, не усвоив всего того, что достигнуто человечеством в научном познании и техническом развитии.

Проблема соотношения классового и общечеловеческого касается и развития мировой культуры. Коренное различие между буржуазной и социалистической культурой в сознании некоторых теоретиков как бы заслоняло общечеловеческие культурные ценности, созданные за тысячелетия многими поколениями и умножаемые духовным творчеством современников. Ленин говорил, что в каждой культуре антагонистического, в том числе и буржуазного общества, есть две культуры — реакционная и прогрессивная, демократическая. И в современных капиталистических странах наряду с духовной отравой создаются ценные произведения культуры. Но сектантское понимание социалистической культуры мешало и мешает усвоению общечеловеческих культурных ценностей и традиций, международному культурному обмену и общению, использованию зарубежного опыта для повышения уровня культуры на производстве и в строительстве, в торговле и бытовом обслуживании.

Метафизическое понимание противоположностей сказалось и в области морали. При абстрактном противопоставлении коммунистической и буржуазной морали, по существу, выпадали сложившиеся веками общечеловеческие нравственные нормы поведения, выработку которых незаслуженно и незаконно приписали себе церковные проповедники. А ведь эти простые нормы, основные правила всякого человеческого общежития, как называл их Ленин, призваны регулировать повседневную жизнь людей, должны стать на деле непреложными моральными заповедями для всех, органическими компонентами коммунистической морали.

Особенно тонкий и деликатный вопрос, где тем более недопустима догматическая поляризация подходов и оценок, — это область национальных отношений. Здесь национальное и интернациональное, классовое и национальное находятся в сложном переплетении и требуют подлинно диалектического подхода, нового мышления. Отдельные истории и литераторы односторонне освещали вопросы исторического развития народов СССР; это подогревало нездоровые настроения и использовалось во вред нашему общему делу. Запущенность и догматизм в теоретической работе и практике до сих пор эхом откликаются в негативных явлениях и процессах, с которыми мы сегодня столкнулись в ряде регионов страны.

История и литература должны воспитывать национальную гордость, но работать на наши общие интернациональные интересы, а не против них. Требуются объективность и точность подходов к освещению событий

и роли различных деятелей в становлении и развитии межнациональных отношений. Надо различать такие явления, как национальные чувства, национальное сознание или самосознание, национальная гордость, с одной стороны, и национальная ограниченность, национальная кичливость, наконец — национализм, шовинизм, с другой. Нельзя все это смешивать и тем самым запутывать дело, вызывать негативную общественную реакцию.

В наше время исключительно важное значение приобретает разработка современных научных подходов и ориентаций в изучении национальных отношений, истории и культуры народов СССР. Первостепенное значение приобретают вопросы совершенствования национально-государственного строительства, дальнейшего развития и укрепления связей между советскими республиками, автономными областями, а также решения их внутренних проблем с учетом многонационального состава их населения. При этом надо учитывать и увязывать в едином комплексе как экономические факторы, так и национальную культуру, традиции, историю, национальную психологию. Все более актуальной становится задача обеспечения двуязычия, изучения родного языка и языка межнационального общения.

Принципиальный вопрос — отношение к историческому наследию наших народов: что мы воспринимаем и что отвергаем из этого наследия. Ленин учил, что мы берем из прошлого все то, что выражает интересы общественного прогресса, и отрицаем то, что тянет назад, мешает движению вперед. Надо видеть, разграничивать и оценивать разные виды наследства, чтобы очистить ценное, живое от омертвевшего, реакционного. Мы, говорил Ленин, гордимся тем, что русский народ выдвинул Радищева, декабристов, революционеров-демократов 70-х годов XIX в., что русский рабочий класс создал в 1905 г. могучую революционную партию масс, что крестьянин начал становиться демократом. В то же время мы ненавидим позорящую наше национальное достоинство шайку Романовых, Бобринских, Пуришкевичей, которые тоже оставили свое гнусное наследство, постыдную память о себе⁸. Эти принципиальные указания Ленина, требующие разборчивого отношения к наследству, к вопросам национальной гордости, имеют громадное значение для оценки исторических событий и отдельных лиц, политических и культурных традиций, пришедших из прошлого наших народов.

Правильное понимание взаимосвязи классового и общечеловеческого с позиций нового мышления особенно важно в теории и практике международных отношений нашего сложного ядерного века. Ключевым здесь является соотношение мирного сосуществования и классовой борьбы, а также национально-освободительного движения. Вопрос заключается в правильном понимании борьбы двух систем на мировой арене и внутреннего их развития. Статья в «Советской России» от 13 марта 1988 г. и в этом отношении тянет нас от нового мышления к догматическому толкованию мирного сосуществования как формы классовой борьбы. Известно, что буржуазная пропаганда многие годы использовала это положение для раздувания мифа о «советской угрозе», подталкивая общественное мнение в капиталистических странах не к оздоровлению и гуманизации международных отношений, а к усилению конфронтации между государствами, принадлежащими к различным общественным системам, консервации и ужесточению «образа врага». Неприглядной выглядит «игра в прятки» автора этой статьи. Полемика ведется им якобы с неким академиком-философом. Но трудно допустить, что он не читал документов партии по этому вопросу и не знает, кому принадлежит приоритет в обосновании и разъяснении принципа мирного сосуществования в ленинском понимании, с позиций нового мышления. Во всяком

⁸ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 107, 108.

случае, статья в «Советской России» не способствует росту доверия зарубежных читателей к советской внешней политике, а скорее действует в обратном направлении.

Такие тенденции особенно нетерпимы, когда КПСС, Советское государство, советский народ совместно со всеми прогрессивными силами предпринимают самые активные действия для обеспечения прочного мира, свободного от ядерного оружия и других средств массового уничтожения. Конечно, мирное сосуществование государств и приоритет общечеловеческих интересов в мировых делах не отменяют классовой и национально-освободительной борьбы в несоциалистическом мире. Мирное сосуществование ничего общего не имеет с теорией конвергенции двух систем, различающихся по классовой природе своего общественно-политического строя. Остаются глубокие социально-экономические различия между двумя мировыми системами, не прекращается, а временно обостряется идеологическое их противоборство. Азбукой марксизма является классовый подход к вопросам международных отношений. Но надо различать, что такое мирное сосуществование, что такое «холодная война», что такое военно-политическая конфронтация на основе гонки вооружений и что такое интервенция и локальные войны.

Суть мирного сосуществования с позиций нового мышления состоит не в разжигании классовой борьбы на мировой арене, не в обострении международной напряженности, а в том, чтобы перевести борьбу двух систем на рельсы мирного экономического соревнования, научно-технического состязания, чтобы идеологическое противоборство не превращалось в «психологическую войну», подрывную, диверсионную деятельность, чтобы не допускалось вмешательство во внутренние дела других стран. Наши отношения с Индией, Финляндией, многими неприсоединившимися капиталистическими странами — хороший пример мирного сосуществования государств с разным общественным устройством.

Мирное сосуществование представляет собой область межгосударственных отношений и предполагает решение международных проблем не военными, а мирными средствами, при невмешательстве во внутренние дела. Это значит, что вопросы классовой борьбы в той или иной капиталистической стране — это проблемы ее внутренней жизни. Коммунисты и все левые силы самостоятельно решают вопросы борьбы труда против эксплуатации, за жизненные права и интересы трудящихся, самостоятельно определяют соотношение этой борьбы с глобальными проблемами и такой общечеловеческой проблемой, как защита мира.

Конечно, в художественном изображении как истории, так и современности не может игнорироваться требование правды, соответствия с действительностью, как бы ни были различны творческие подходы, присмы и стилевые особенности произведения. Литература социалистического реализма, основоположником которой был М. Горький, наиболее адекватно отображает объективную реальность, историческую действительность. На этом пути открываются неисчерпаемые возможности для творчества, ибо это путь новаторов, первопроходцев, ведущий вперед, в будущее. Но это не дает оснований для сектантско-догматического подхода к анализу художественных произведений с точки зрения отрицания всего того, что не подходит под «каноны» социалистического реализма. У одного и того же художника бывает разные по стилю и форме произведения. Между тем в оценке художественных произведений у нас проявлялось нередко догматическое, полярное противопоставление различных творческих направлений, приемов и стилей.

Социалистический реализм не остается неизменным, принципы его развиваются и углубляются, обогащаются формы его воплощения в процессе художественного творчества и его теоретического осмысления. Конечно, различия между реализмом и формализмом остаются в миро-

вой литературе, в том числе и в литературе социалистических стран. Но, во-первых, между реализмом и формализмом пролегает не пропасть, а непрерывная литературная ткань, причем одни, так сказать, промежуточные, произведения больше тяготеют к реализму, другие — к формализму. И в этих, последних, своеобразно, в специфических формах, так или иначе находят отражение различные черты и грани жизни, особенности человеческих переживаний и размышлений.

Заслуживают большего упрека литературоведы и искусствоведы. Плохо занимаются они разработкой теории литературного процесса, художественного творчества вообще. Запущена такая важная область науки, как эстетика. В стране нет значительного научного подразделения, которое занималось бы эстетической теорией. СССР, пожалуй, единственная страна в мире, в которой нет ни одного журнала по эстетике и теории художественного творчества. В таком журнале крайне интересованы литературоведы и искусствоведы, писатели и литературные критики, драматурги и театральные деятели, живописцы и композиторы, скульпторы и архитекторы. И, конечно, читатели, ценящие, почитающие и любящие искусство, стремящиеся содержательно и эстетически осмыслить художественное творчество.

Сила социализма, его прогрессивный, гуманный характер проявляются в его способности к научному самоанализу, самокритике и самосовершенствованию. Роль художественной литературы и искусства, исторической науки и литературоведения в этом процессе самовыражения исключительно велика. И мы надеемся, что наша сегодняшняя встреча будет способствовать развитию делового и тесного сотрудничества ученых и деятелей литературы и искусства.

В. И. КАСЬЯНЕНКО. Основные закономерности развития и актуальные вопросы истории советского общества

В единый тугой узел соединила перестройка проблемы экономической реформы, развития демократии, нравственного обновления общества, утверждения нового политического мышления на мировой арене. Важную роль в дальнейшем углублении концепции перестройки и обосновании идеологии обновления сыграл февральский Пленум ЦК партии, выдвинувший принципиальные вопросы восстановления ленинской концепции социализма, марксистско-ленинской методологии исследований, определивший задачи обновления исторического сознания советского народа. В речи М. С. Горбачева на Пленуме высокую оценку в создании новой атмосферы, для раскрепощения умов и возбуждения всеобщего интереса к истории и современным перестроечным процессам получила деятельность общественно-политических, литературно-художественных журналов.

ЦК нашей партии продолжает энергично поддерживать смелые, острые выступления газет и журналов, которые двигают вперед перестройку, критикуют силы консерватизма и догматизма, антиперестроечные настроения. Примером тому явилась редакционная статья «Правды» от 5 апреля с. г. «Принципы перестройки: революционность мышления и действия». Громадный интерес вызывают сообщения Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30—40-х и начале 50-х годов. Кстати, Комиссия привлекает к своей непростой, сложной работе группу историков.

История сейчас стала своеобразным магнитным полем всеобщего возбуждения, оказывающим заметное влияние на процессы обновления исторической памяти нашего народа. Большую роль в этом сыграли писатели, журналисты, которым до сих пор, объективно говоря, принадлежит инициатива в постановке и оценках многих фактов, событий, лич-

постей. Активное вторжение в историю писателей, публицистов, членов историко-патриотических объединений в условиях демократизации и гласности — это вполне закономерное и полезное явление. И, несмотря на допущенные издержки, о которых говорилось на февральском Пленуме ЦК КПСС и на встрече в Центральном Комитете партии с руководителями средств массовой информации, литераторы показали нам пример того, как можно писать оперативно, остро, живо, заинтересованно, по закрытым в прошлом вопросам истории и современной жизни нашего общества. Эти публикации взволновали общественное мнение, обострили всеобщий интерес к отечественной истории, ее героям и антигероям. И это хорошая школа для историков, особенно для молодых историков и молодых писателей, которые начинают выступать, писать по исторической проблематике.

Многие вопросы, которые сейчас дискутируются в печати, давно волновали и писателей, и литературоведов, и нас, историков. И, пожалуй, только сейчас мы поняли, с душевной болью ощутили, сколь велики наши потери в освещении полной правды жизни и подлинной истории, в патриотическом и интернациональном воспитании советских людей. Необходима консолидация творческих сил в борьбе за правду, за обновление исторического сознания народа, за возрождение лучших традиций советской интеллигенции, ее гражданской позиции и действий, ибо речь идет о судьбоносных решениях и будущем нашей социалистической Родины!

Уже три года мы живем и действуем в условиях перестройки, дискуссий и свободы творчества. Будем откровенны. Среди части историков появилась определенная растерянность перед небывалой гласностью, откровенностью и самокритичным отношением к нашему прошлому, не говоря уже о том, что мы написали за все годы после Ленина. Это и понятно. Еще бы: подобного у нас не было, откровенно говоря, со времен Ленина! Большие трудности в обновлении образа мышления и психологии, в преодолении элементов собственного механизма торможения и былой практики исследований испытывают сейчас историки, особенно историки старшего поколения. Переход от старого состояния и образа мышления к новому всегда труден и противоречив, болезнен. В условиях перестройки, когда совершается революционная ломка концепций, методов, подходов, психологии, он происходит гораздо труднее. И у некоторых возникла боязнь «раскачать лодку» и подорвать устои социализма.

Подобные опасения и даже угрозы были уже в нашей истории. Для некоторых общественных деятелей, как и для писателей, они оказались в прошлом трагическими. От наветов и репрессий погибли или получили тяжелые морально-психологические травмы выдающиеся историки: академики Н. М. Лукин, Е. В. Тарле, С. Ф. Платонов, С. В. Бахрушин, С. Ф. Плинтковский, Л. В. Черепнин, историки партии В. И. Невский, В. Г. Кнорин, М. Н. Лядов, Н. Н. Попов и другие талантливые историки, все потенции которых наша историческая наука так и не использовала. К сожалению, историки сейчас недостаточно активны в напоминаниях о горьком опыте администрирования и произвола в науке, в защите полной правды и уроков истории. Так же, как и писателям, историкам отказывали в 50—70-х годах в опубликовании трудов, которые не соответствовали духу «единомыслия» и аллилуйщины.

У историков еще мало документов, новых концепций, идей и оценок периодов и событий, чтобы правдиво и в полном объеме показать состояние общества и партии, созидательные подъемы и социальную напряженность, взлеты одних и падение других руководителей. Не умаляя значения сделанного за минувшие годы по всем периодам и направлениям истории советского общества, следует вместе с тем признать, что атмосфера догматизма и застой, полное отсутствие техни-

ческой оснащенности труда исследователей отрицательно сказались на теоретическом уровне, источнико-документальных основах, идейно-воспитательных функциях исторических исследований и публикаций. Многие из них подвергались влиянию общей атмосферы конъюнктуры и нетерпимости к оппонентам, в том числе к писателям и публицистам.

Схематизм, обезличивание, уход от драматических ситуаций и столкновений правды и лжи, добра и зла, управляемого и стихийного в реальной жизни общества, оправдание многих конкретных явлений рассуждениями об общих объективных закономерностях — все это делало труды по истории КПСС и СССР малоинтересными, нередко непопулярными, особенно среди молодежи. Очевидно также, что многие из нас растеряли традиции и опыт историков 20-х годов. Современное поколение историков разучилось выступать в роли публицистов и не поспевает оперативно и профессионально удовлетворять запросы читателей по вопросам истории. До сих пор не без основания историков упрекают за незавершенность многотомных трудов по истории СССР и КПСС, за дефицит монографий, брошюр и даже журнальных статей по актуальным историческим и современным проблемам. И как определенная реакция на это — небывалый интерес к сочинениям Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева и В. О. Ключевского. Повышенному спросу читателей на их издания могут позавидовать многие современные писатели и историки.

Перестройка разрушает инертный образ мышления, согласно которому всякий общественный процесс освещался как непрерывно восходящий, безостановочно и гладко развертывающийся и «мудро» управляемый. Противоречия, трудности и коллизии оценивались как «незаконные» и «аномальные». Корни подобных суждений не без оснований охарактеризованы как реформистские и догматические. Перестройка поставила перед нами центральную задачу теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма, очистить ее от наслоений и деформаций, не дававших в полной мере реализовать потенциал социализма.

Партия решительно отвергла догматическое и канонизированное извращение идей В. И. Ленина, который сам никогда не претендовал на законченность своих высказываний по поводу конкретных путей, сроков и рубежей строительства социализма и коммунизма в нашей стране. Мы исходим из того, что богатство ленинских идей еще далеко не исчерпано, а в ходе социалистического строительства они были грубо извращены. Следовательно, многое из того, что было написано нами после Ленина по истории строительства социализма в СССР, подлежит строгой критической переоценке, переосмыслению и обновлению в соответствии с ленинской концепцией социализма, правдой и уроками истории, в том числе уроками собственного развития науки.

Сейчас она пребывает в критическом состоянии. Перестройка, необходимость восстановления ленинской концепции социализма выявили нелепый парадокс. Оказывается, мы гораздо лучше знаем историю Родины периодов средневековья и капитализма и хуже — историю 70 лет после Октябрьской революции! Более полувека, со времени первой Всесоюзной конференции историков-марксистов (28 декабря 1928 г. — 4 января 1929 г.), нас призывали изучать современную историю, обобщать текущий опыт строительства социализма. Обществоведами написаны горы литературы. Однако правильные призывы и искренние стремления обществоведов освещать и обобщать опыт современников тогда, в условиях культа личности Сталина, его идеологии и административно-репрессивных методов руководства наукой, естественно, не могли быть реализованы. Социальные функции исторической науки и образ мышления историков были деформированы, что до сих пор отрицательно сказывается на их перестройке.

Малозффективными, без желаемого приращения знаний и продвиже-

ния вперед теоретической мысли были дискуссии историков, проводившиеся в 50—70-х годах в обстановке застоя и догматизма, инерции старого мышления и интеллектуальной заторможенности по вопросам периодизации истории СССР и КПСС, о предшественниках большевизма, перемещении международного революционного центра в Россию, о напе, нациях и национальной культуре, наконец, о развитом социализме, существенные черты, критерии и хронологические границы которого так и остались нераскрытыми.

Революционный переход к новому качественному состоянию исторической науки и исторического сознания народа — задача необычайно трудная в методологическом, психологическом и организационном отношении. В содружестве с философами и экономистами, писателями и литературоведами нам предстоит многое в истории исследовать заново, рассказать полную правду о всех периодах, событиях и фактах, деяниях партии и государства. Предстоит совершить нелицеприятный критический анализ существующей литературы; освободиться от всего, что не соответствует принципу историзма, марксистско-ленинской методологии. Ныне, как и 30 лет назад после XX съезда КПСС, нам вновь предоставляется шанс создать полную и правдивую историю советского общества, разобраться в существенных ценностях социализма, в закономерностях и движущих силах, противоречиях и трудностях поступательного развития нашего общества, в объективных и субъективных причинах деформации реального социализма.

Для правильной реализации широких возможностей обновления и науки и исторического сознания, преодоления наметившегося увлечения сенсационным материалом и одностороннего освещения событий, фактов, переломных рубежей и драматических ситуаций в 70-летнем процессе развития нашего общества необходимы, как нам кажется, единство и сотрудничество литераторов и историков, межпрофессиональный обмен знаниями, опытом, информацией. Совпадение в конкретных и предметных зонах интересов исторической науки и художественного творчества, наличие общих трудностей и устремленности к обновлению логически делают необходимым такое сотрудничество и единство, разумеется, при сохранении и обогащении специфики в подходах и оценках, методах раскрытия исторических и художественных образов.

К сожалению, в последние годы произошло известное «отчуждение» между научно-историческим и художественно-историческим творчеством. В условиях догматизма, застоя и консерватизма недавних десятилетий мы растеряли опыт подобного сотрудничества художников и ученых. А таких примеров в прошлом было немало. Сегодня мы с большим вниманием и, естественно, с профессиональным интересом читаем и обсуждаем замыслы, идеи, оценки, принципы подбора исторического материала в книгах и журнальных публикациях Б. Можаяева и В. Белова, А. Рыбакова и М. Шатрова, В. Дудинцева и многих других писателей. Можно понять стремление писателей и руководителей журналов скорее удовлетворить общественный интерес к закрытым в прошлом сферам жизни и страницам истории. Но будем откровенны: не все оценки исторических реальностей в этих произведениях адекватны исторической правде, а подбор и подача материала по многим аспектам остаются пока дискуссионными.

Наша история — часть всемирной истории, причем не менее скачкообразная и драматичная. Не случайно ведь и Маркс, и Ленин предупреждали о «долгих муках родов» социализма. Видеть советскую историю крупномасштабно, такой, какой она была — с созидательным трудом народа, взлетами трудового и социального творчества масс и спадами, отчуждением, деформацией ленинских идей и подлинных ценностей социализма. Воссоздать ее с действительным расцветом миллионов личностей и появлением фактов нравственного перерождения, пре-

ступлений, с борьбой нового и старого, демократии и комчванства. Наконец, вскрывать противоречие между движущими силами прогресса и механизмом торможения, консерватизма и застоя, оценивать наше прошлое в диалектико-материалистическом отражении.

Задача воссоздания правдивой истории приобрела ныне насущную актуальность. Она всеобщая. И никто не имеет монополии на поиски правды и оценки уроков истории, никто не имеет каких-либо привилегий, все равны перед критикой, документами и аргументами! Громадная роль в решении этой задачи принадлежит историографии, научной и литературной критике, которые пока что, к сожалению, в большинстве случаев выполняют главным образом информационно-библиографические функции. Между тем именно сейчас, как никогда прежде, обострилась необходимость правильного понимания диалектики историко-познавательного процесса. Он несовместим с застоём, скороспелыми выводами и сенсационными «открытиями».

С этим тесно связан вопрос о так пазываемых белых пятнах в истории. По ряду объективных и субъективных причин они были и всегда будут в историческом сознании и науке. Наличие их во многом объясняется существующими запретными зонами, невысоким профессионализмом и низким уровнем методологического мастерства исследователей, общей социально-политической атмосферой в стране, неполнотой, малодоступностью многих источников, их «ущербным» и избирательным характером. «Белые пятна» будут возникать вновь. То, что сегодня кажется бесспорным, с течением времени может быть подвергнуто сомнению. Могут возникнуть новые гипотезы и «белые пятна» в, казалось бы, изученных периодах или проблемах. Процесс познания, процесс постижения исторической истины бесконечен.

Обществоведы сейчас постепенно включаются в работу по обновлению концепций, подходов, оценок многих явлений и процессов общественной жизни, прежде всего по восстановлению ленинского представления о социализме, по исследованию закономерностей, противоречий и «зигзагов» исторического процесса и заполнения «белых пятен» в истории. Историками партии, например, выделены для скорейшего исследования приоритетные направления и проблемы, изучение которых заметно обновит лениноведение, освещение истории СССР и КПСС, международного коммунистического движения. Сейчас завершается создание новых книг по истории партии, истории СССР, философии, научному коммунизму. В Институте военной истории ведется активная работа по подготовке новой, десятитомной «Истории Великой Отечественной войны советского народа». В издательства и редакции журналов поступает немало рукописей по малоисследованным проблемам отечественной и мировой истории, готовятся к печати серии статей и брошюр о виднейших деятелях партии и государства.

Атмосфера перестройки позволяет нам объективно оценить опыт, достижения, уроки и упущения трех лет, прошедших после апрельского (1985 г.) Пленума Центрального Комитета партии. Это обострило необходимость полного прояснения многих проблем отечественной истории, которые долгое время были либо дискуссионными, либо наполовину закрытыми. Это характер движущих сил и проблема «большинства» в Октябрьской революции; некоторые аспекты новой экономической политики и создания социалистического способа производства; это ленинские идеи о социалистическом характере кооперативного движения, методы и итоги коллективизации сельского хозяйства; достижения, издержки и противоречия индустриализации страны и научно-технического прогресса; «альтернативы» развития страны на рубеже 20—30-х годов; некоторые аспекты истории второй мировой войны и международных столкновений, особенно накануне ее; это диалектика классового и общечеловеческого в нашей истории и многие другие. На разработку

этих проблем мобилизованы сейчас силы и Института марксизма-ленинизма, и институтов Отделения истории АН СССР.

В новом прочтении нуждаются проблемы, которые в атмосфере догматизма и застоя освещались упрощенно и однозначно. Это — проблемы идейно-политического единства советского общества; принципы и основы союза рабочего класса и крестьянства; реальности советского образа жизни и социалистических ценностей; закономерности, особенности и противоречия развития духовной сферы, в том числе потери в развитии искусства, художественной литературы и науки. Плодотворных обсуждений по этим вопросам у историков не было долгие годы, и естественно, что сейчас в печати поднимаются патболее острые вопросы, ранее замалчиваемые или упоминавшиеся лишь в форме общих положений или ссылок на официальные документы. Пристального внимания требуют проблемы национальных отношений, этнических парадоксов современности, интернационального воспитания советских людей.

Пожалуй, центральными в дискуссиях остаются вопросы о культе личности Сталина, причинах его возникновения и тяжелейших последствиях. Проблемы культа личности как явления негативно-общественного, роли Сталина в извращении ленинских идей социализма, в далеко не полном использовании материального и духовного потенциала нового строя и человеческого фактора; в нанесении не заживающих до сих пор ран душе народа и человеческим судьбам; ущерба, причиненного многонациональной культуре и науке, — эти проблемы еще долгое время будут занимать умы и порождать творческие порывы и писателей, и историков ради полного и правдивого освещения этого сложного явления. Известное постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» при всем его положительном значении (а оно действительно сыграло большую положительную роль) уже не может удовлетворять сейчас ни общественного сознания, ни исследователей, ни писателей, ни литературоведов.

Объективно оценивая общественное мнение и неоднозначность процессов в сознании и поведении людей, совершенно очевиден факт: единодушия по многим вопросам перестройки и обновления в обществе, и у обществоведов, и у писателей сейчас нет. Нет его и среди историков. Нас призывают не ждать, как это было раньше, указаний и директив сверху, призывают действовать — действовать творчески, ответственно, со здравым смыслом, осознавать и предвидеть последствия этих действий.

Как «разминировать» историю? От какого «наследства» нам надо отказаться? Что и как пересмотреть в исторической науке? Правильно на эти вопросы можно отвечать и решать их только на основе диалектико-материалистического метода, постоянно возвращаясь к Ленину, к ленинской концепции социализма и, конечно же, на основе подлинной правды, с учетом творческого опыта борьбы с конъюнктурщиной, ложным новаторством и демагогией, которая иногда была и у нас, и у литераторов. Эта работа должна проводиться в тесном контакте историков с писателями и литературоведами.

Сколько трудных, острых исторических и нравственно-этических вопросов поставила перед нами перестройка! Общими усилиями преодолеваются сейчас одни из них. По другим продолжают и будут еще долгое время идти споры. И несмотря на то, что в докладе, посвященном 70-летию Великого Октября, М. С. Горбачевым были даны принципиальные оценки периодам, некоторым деятелям и содержался призыв к творческим поискам, к более глубокой разработке истории советского общества, комплексное, правдивое и полное изучение ее событий осуществляется пока еще медленно, и медленно готовятся историками крупные публикации, прежде всего по приоритетным темам.

Огромные трудности на путях обновления испытывают историки — ис-

следователи и преподаватели вузов на местах — в краях, областях, республиках. Получаемая от них информация свидетельствует о том, что в творческих коллективах и научно-исследовательских институтах на кафедрах истории СССР и истории КПСС высших учебных заведений до сих пор почти ничего не меняется. Преподавание истории советского общества и истории КПСС в большинстве случаев в школах и вузах ведется по устаревшим программам, по устаревшим учебникам.

Эта конференция, которую историки давно ждали, мы надеемся, положит начало плодотворным систематическим рабочим встречам с писателями и литературоведами во имя общего стремления к полной правде в истории советского общества и по-ленински обновленного исторического сознания народа. В интересах углубления этого сотрудничества историкам следовало бы совместно с литераторами публиковать документы, и не только архивные; в литературно-художественных журналах вести, может быть, специальные рубрики или странички истории СССР и КПСС, сделать систематическими встречи историков с литераторами для обсуждения насущных проблем и, если необходимо, рукописей до их публикации. И, наконец, в интересах оперативной информации о новейших исторических знаниях по наиболее актуальным вопросам отечественной истории можно совместно организовать выпуск серий брошюр по истории СССР и истории КПСС.

На февральском Пленуме ЦК М. С. Горбачев обратился к общественникам с призывом восстановить ленинские представления о социализме, преодолеть мифы, которые способствуют фальсификации нашей истории. «Главное сегодня, — говорил он, — создать условия для спокойной, объективной работы, обеспечить гласность этой работы, которая, помимо всего прочего, способствует активному участию самого народа в обсуждении вопросов нашей истории, а значит — его воспитанию, формированию у него правильного исторического сознания»⁹. Историки и литераторы с радостью воспринимают атмосферу гласности и свободы творчества, обновления исторического сознания на основе социалистического плюрализма мнений и взглядов посредством художественного отображения исторического процесса и аргументированной полемики. Нельзя сейчас упустить замечательные возможности, предоставленные нам перестройкой, для достижения нового качественного состояния исторической науки, усиления ее социальных функций, для превращения исторического опыта, уроков истории в мощный фактор общественного прогресса.

П. А. НИКОЛАЕВ. Отражение истории советского общества в художественной литературе и проблемы литературоведения

Проблемы, поставленные в докладах, представляют огромную трудность. Но не только потому, что нынешний художественный процесс чрезвычайно противоречив и сложен, что мы не располагаем должным знанием истории нашего общества, а и по причинам, так сказать, цеховым: у нас есть трудности, связанные с различиями научного и художественного мышления. Наши недоговоренности, наши конфликты, которые отражаются в периодике, обусловлены тем, что мы не всегда осознаем эту специфику.

Бывают такие исторические периоды, когда гипертрофия специфичности, чрезмерная приверженность своей интерпретации затрудняют комплексное, коллективное решение крупных проблем. Думаю, сейчас именно такой период. Трудность интерпретации того, что происходит, в этой гипертрофии специфичности. Сейчас как раз такой период, когда нужно чуть-чуть отодвинуть эту самую специфичность.

⁹ Правда, 19.II.1988.

В последнее время критики с удовольствием цитируют известные слова Тургенева, что Венера Милосская, без сомнения, 1789 года. Понимается при этом, что нас интересует прежде всего искусство как искусство, уровень художественности. Давно выяснено, однако, что несомненность Венеры Милосской обусловлена принципами 1789 г. или аналогичными явлениями. Сама высота искусства, совершенство его обусловлены историческими обстоятельствами. К сожалению, критики, которые теперь часто апеллируют к формуле Тургенева, забывают эту сторону дела.

Мы должны подумать о том, что нас может объединить. В XX столетии мы достаточно пострадали от специализации. Конечно, к классическому универсализму мы не вернемся. Тогда литература была политической, национальной моралью, философией. В XX в. это невозможно. И все-таки попытки найти точки соприкосновения, общее в художественной и научной интерпретации истории должны быть.

Есть вопросы, обсуждение которых могло бы объединить научные, творческие усилия историков, писателей, литературоведов, критиков и лингвистов. Категорией, которая представляет всеобщий интерес, является историзм. Она не может быть чуждой и для художников современной темы, ибо текущая жизнь — тоже историческая жизнь народа. Однако одного лишь признания этой аксиомы еще недостаточно.

Судя по литературоведческой мысли, не хватает понимания сложности этой категории. И европейская, и наша национальная наука о художественной культуре началась с исторической точки зрения. Уже Пушкиным был провозглашен принцип историзма как высшая, лучшая точка зрения на жизнь, на духовную культуру. Но сколько же модификаций претерпела названная точка зрения, пока не утвердился подлинно научный историзм, который мы называем конкретным! Но одно дело — признание научной истины, а другое — следование ей в художественной или литературно-критической практике, что связано с переосмыслением исторических и художественных фактов.

Радикальность переоценок иногда поразительна. На памяти у всех недавние интерпретации «Поднятой целины» М. Шолохова и отдельных мотивов в «Разгроме» А. Фадеева, решительно противопоставленные устоявшимся. Это вовсе не прокорректированный новыми историческими данными опыт художественного осмысления, например, коллективизации, который сложился в нашей литературе примерно четверть века назад (повесть С. Залыгина «На Иртыше», произведения Ф. Абрамова и Б. Можаяева), а именно произвольный, внеисторический подход к сюжетной ситуации в шолоховском романе, в котором объективно и драматически воссозданы отношения между рабочим классом и крестьянством, а также к персонажам фадеевского романа (подобный опыт перенесен и на Пушкина, когда в «Капитанской дочке» видят изображение Пугачева и пугачевцев как злодеев и разбойников).

Только предвзятостью и ложно понятым «осовремениванием» можно объяснить то, как некоторые художники и искусствоведы с солидарной активностью в последние месяцы трактовали отдельные строки Маяковского. Что вызывает беспокойство? Мы вынуждены констатировать несоответствие между былой популярностью многих книг и писателей и «спокойным» отношением к ним современных издателей и нынешнего читателя. Между тем именно в этих книгах дана наиболее точная и полная картина революции и формирования советского общества.

Кончается XX век, вступает время подведения итогов нашего социального и художественного развития. Но нельзя сделать это, не представив в полном объеме опыт тех писателей, чье творчество уходило корнями в русскую классику XIX в., выросло на плечах современного ему искусства эпохи трех революций и определяло магистральные

пути развития советской художественной прозы на десятилетия вперед, отразило основные тенденции и сложную диалектику культуры XX века.

Почему эта литература прочно вошла в духовную жизнь народа, помогая формировать его мышление, в том числе и его историческое мышление? Потому, во-первых, что она была искусством в прямом смысле этого слова, жила по своим законам, опровергала неправдивый замысел автора, если такой вдруг возникал (вспомним работу Фадеева над образом Мечика в «Разгроме»), не была, следовательно, «нормативной», а была реалистической, воспроизводящей «самодвижение», логику жизни. Потому, во-вторых, что ее художественная правда была одновременно исторической правдой.

Это и называется литературой социалистического реализма. В словосочетании «социалистический реализм» надо в одинаковой мере оценивать «удельный вес» обоих слагаемых. Мы давно перестали это делать, и отсюда многие ошибки в оценке современных произведений, в том числе и на исторические темы. Теряются границы между искусством и публицистикой, тематическая актуальность и острота проблематики иногда выдаются за художественность. Так распространяется дилетантизм в литературной науке и критике.

Художественный историзм — это не тождественность литературного отображения историческому событию, тем более всем его подробностям, а выражение современной точки зрения автора, попытка подтвердить ее правильность на историческом материале. Такова наша национальная традиция, идущая от Пушкина и Толстого, где историческая тема «подчинялась» проблематике. Поэтому в эпопее «Война и мир» масса фактических неточностей, но зато представлена высокая социально-правственная проблема, закрепившаяся в 60-е годы прошлого столетия («мысль народная»). Это и есть художественный историзм именно реалистического типа творчества.

Но, разумеется, осмыслить художественный историзм невозможно без общеметодологического понимания историзма. И, говоря об изображении прошлого в нашей художественной литературе, уместно вспомнить совет В. И. Ленина «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹⁰. Прежде чем характеризовать литературные явления, в указанном аспекте, необходимо вспомнить также, что художественный реализм имеет дело, пользуясь словами Ф. Энгельса, с «историческим потоком»¹¹, который несет изображаемые характеры.

Если идти, так сказать, хронологически, т. е. начать с первого послереволюционного десятилетия, то, отдавая должное остроте исторических и правописательных хроник Б. Можаяева и В. Белова, продолжающих художественное исследование крестьянской жизни конца 20-х годов, я бы все-таки предпочтение отдал роману С. Залыгина «После бури». Он — о нэпе, явлении, которое благодаря многим литературным и кинематографическим интерпретациям чаще всего выступало бездонной «кладовой» интригующих художественных сюжетов.

По смыслу ленинской концепции, нэп — стратегическая линия социализма, а не случайный тактический прием. Эта стратегия замечательна социальной широтой. Нэп, как он планировался и, главное, осуществлялся, — не одна лишь экономическая мера. В опыте нэпа открылась возможность социально-духовного преобразования человека в послереволюционную эпоху. В контексте всех общественных изменений той поры нэп стал серьезным доказательством жизнедеятельной силы революции.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 67.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. Т. 1. М. 1976, с. 23.

Люди, когда-то противостоявшие друг другу в смертельной схватке, смогли отыскать в себе некую общность на новом этапе жизни, сблизить духовные усилия. Их развела революция, но она же и соединяет их. В этом — социальная диалектика первого послереволюционного десятилетия, и нэп — мощный «механизм» такой диалектики.

В героике и драмах прошлого писатель увидел то, что надо помнить всегда: социалистическая революция свершалась для созидания новых отношений между людьми, для братства между ними, для преобразования человека в условиях его духовной свободы. Возможно, в романе Залыгина есть избыточный рационализм, но, с моей точки зрения, эта книга — одно из самых объективных повествований эпической формы в последние годы. Он заканчивается на тревожной ноте. Это тревога и за судьбу ленинской программы строительства социализма, и за состояние сегодняшнего мира.

Нота, как всем понятно, естественная для нынешних идейных и художественных исканий. Она уже несколько лет пронизывает художественные трактовки не только послереволюционных десятилетий, но и самых первых лет революции. Здесь, вообще говоря, сложился узел серьезных противоречий, привлекающих мысль наших писателей, ученых, публицистов и критиков. Немалым препятствием для объективной характеристики того исключительного времени служили недостаточность исторической информации и странное противопоставление идей «разрушительного» и «созидательного» патриотизма, обнаруживаемых в общественном движении прошлого века и в дореволюционный период нашего столетия, абстрактное толкование категорий государственности и нравственного, национального и социального.

Все это мешало выявить исключительное качественное своеобразие Октябрьской революции. А отсюда — и некомпетентные суждения о многих обстоятельствах революционного перелома, утопические идеи некоего общинного социализма и прогнозы насчет нашего будущего, где якобы будут господствовать не города, а села. Скоропалительно возникшие соображения подобного рода с упорством отстаиваются в некоторых литературно-художественных журналах в последние 20 лет. Такого рода разногласия и неосведомленность породили всяческие крайности в художественной интерпретации героики и драм в отечественной истории, и, естественно, эти увлечения вызвали разпоречивые, нередко с эмоциональными «издержками», критические оценки. Последние возникали тогда, когда речь шла об исторических лицах и эпизодах, отношение к которым выработывалось десятилетиями и казалось устойчивым.

Отсюда — судьба восприятия пьес М. Шатрова и их сценического выражения. В силу специфичности их материала, авторской точки зрения и необычности композиции здесь особенно необходимы согласованные критически-оценочные усилия историков и литературоведов, усилия, когда представители двух научных дисциплин с доверием относятся к методам каждой из наук. Литературоведение признает художественную условность в произведении и потому может настаивать на естественности, скажем, временных смещений в пьесах Шатрова или предельной концентрированности на тех или иных нравственных чертах исторического лица, но в его задачу не входит полная характеристика всех элементов содержания пьес, тем более что автор несколько не пренебрегает иллюстративной функцией высказываний Ленина и его соратников и противников, а активно использует их, видя в этом художественный прием.

Как тут обойтись без союза с историками? Освещен ли этот период во всех подробностях? Нет. Применительно к нашей области с уверенностью скажу, что и мы не все знаем, например, об отношениях Ленина к Горькому и другим писателям. Сужу об этом по некоторым архивным материалам, которые до сих пор не опубликованы.

В самое последнее время в центре художественного и публицистического внимания оказались 30-е годы. Их переосмысление возникло не вчера. Судьба романов А. Бека «Новое назначение», А. Рыбакова «Дети Арбата» свидетельствует, что оно началось давно и относится к числу духовных процессов, заявивших о себе после 1956 года.

Драматическая «обнаженность» такой прозы предчувствовалась задолго до названных публикаций. Вследствие особой популярности художественной литературы о деревне первые попытки изменить наши представления о 30-х годах предпринимались на «деревенском» материале. Здесь следует назвать прежде всего две книги: И. Стаднюка «Люди не ангелы» и М. Алексеева «Драчуны». Крестьянские беды начала 30-х годов в них изображены с открытым сочувствием. Правда, в таких книгах драматизм не пронизывал всю сюжетную цепь событий, не становился интонационным лейтмотивом повествования; но это являлось не изъяном, а своеобразием названных книг.

Но вот появилась поэма А. Твардовского «По праву памяти», и мы увидели, что в нашей литературе, переосмысливающей 30-е годы, утверждался иной пафос, новая степень художественного драматизма. Конечно, он предощущался еще в поэме «За далью даль» в отдельных характеристиках Сталина, но иронических фраз-формул («Уже не баловал Калинин кремлевским чаем ходоков») здесь уже нет. Народная драма, воссозданная Твардовским в посмертно опубликованной поэме, «запрещала» любой оттенок усмешки, хотя «строгая литература» была у нас и прежде — ведь уже давно в ней начали работать Ф. Абрамов и В. Быков.

«Новое назначение» А. Бека и «Дети Арбата» А. Рыбакова в ряду столь же симптоматичных произведений («Завтра была война» Б. Васильева, «Васька» С. Антонова и др.) отразили потребность более широко осветить предвоенное десятилетие с позиций художественной и исторической правды. Несомненно, названные произведения можно обсуждать с разных сторон, могут быть и разнообразные упреки их авторам. Одно совершенно ясно, что в их композиции и стиле нет следов поспешности, внешней сюжетной эффектности или нарочитого эмоционального нажима, хотя, казалось бы, материал располагал к этому.

Характеристика Сталина и главного персонажа в романе Бека сдержанна по стилистике, объективна по манере изложения. Да и не Сталин здесь предмет детального анализа. Онисимов, в образе которого представлен, как известно, один из руководителей промышленности, истолкован в духе реалистической традиции. Можно оспаривать детали, но очевидна объясняющая структура романа, когда воссозданный характер ясен в своих источниках и мотивах поведения, когда ему придана логика самодвижения, как это и полагается в художественном реализме. И источники эти и логика — социальные, обоснованно претендуют на обобщение. Реалист, по известному определению, — доктор социальных наук. То, что в самом возвышении Онисимова, потрафившего однажды вождю, заложена драма крупной личности, без труда просматривается в тексте романа.

Вот книга, опровергающая поспешные выводы той литературной критики, которая не любит ни общеидеологической категории социального, ни теоретико-эстетического понятия реализма. Неудивительно, что в анализе романа как бы объединились усилия представителей разных методов общественного мышления. Неожиданно был продемонстрирован тот добролюбивский принцип «реальной критики», которого многие из нас тщетно взыскуют, — конечно, в модифицированном виде. Я имею в виду статью экономиста Г. Попова о романе Бека, опубликованную в журнале «Наука и жизнь» (1987, № 4), где художественные персонажи рассмотрены с точки зрения их детерминированности административной системой, сложившейся в годы культа личности.

Роман А. Рыбакова не породил адекватной реакции со стороны наших соседей по гуманитарным наукам, хотя, конечно, и философы, и историки имеют о нем свое мнение, и вполне его выразил Г. Л. Смирнов, которому принадлежит наиболее трезвая, глубокая оценка этого романа со стороны наших соседей по науке¹². В этом романе эпоха культуры личности воспроизведена преимущественно, так сказать, с ее внутренней, нравственной стороны: показан процесс субъективного формирования одним человеком идеи власти над людьми, раскрыт психологический «механизм» управления массами, которые впоследствии будут названы «винтикамп».

В литературной и художественной среде роман вызвал противоположные характеристики: от безоговорочно-вожторженных до скептических и резко отрицательных. Дело критиков — систематизировать полемические высказывания. Но роман этот и его восприятие дают повод для обращения литературоведов к историкам с предложением совместно обсудить методы исследования исторического и художественного материала.

Именно в связи с подобными произведениями в критической и публицистической литературе в последнее время обсуждается вопрос об истоках культа личности. Вопрос возник давно, по меньшей мере еще в 1917 году. Но тогдашний ответ ныне мало кому известен. Я вспомнил о нем в связи с недавним замечанием историков об одной фактической неточности в пьесе М. Шатрова: она касается того, о чем просил Плеханова Савинков в 1917 г. (быть премьером или членом Временного правительства). Мы не знаем в самом деле, о чем просили Плеханова другие приходившие, был опубликован допрос Колчака, где Колчак перед расстрелом рассказывает, как он по просьбе Родзянко ходил к Плеханову.

Плеханов — выдающийся мыслитель, но как политик и революционер он оказался фигурой трагической. Он не согласился с ленинской революционной стратегией и усомнился в готовности России к социалистическому будущему. По существу, он утверждал национальную предопределенность не диктатуры пролетариата, а власти отдельной личности. Но целое послереволюционное десятилетие это мрачное пророчество не подтверждалось. Затем же, после нэпа, эта власть личности стала укрепляться. Однако это подтверждало отнюдь не плехановскую мысль, а ленинское предостережение относительно отрицательных личных качеств Сталина, опасных в общегосударственном смысле. Современные художественные подходы к характеристике Сталина все чаще опираются на это ленинское замечание.

Возможна, конечно, и иная точка зрения. Она и высказана недавно на страницах литературного журнала¹³. Суть ее в том, что Сталин и трагедии 30-х годов — явления всемирной истории, мирового революционного движения. Здесь — некий вариант напрогноченного Плехановым, но с выходом за национальные границы. Понятно, что ни одна современная интерпретация Сталина не выдержит критического суда с таких теоретических позиций. Сопоставления нашей социалистической революции с предшествующими буржуазными революциями представляются мне допустимыми, но продуктивнее анализ их социальных и национальных различий. А отсюда — и соответствующие методы анализа художественного опыта, затрагивающего эти проблемы.

Во всяком случае, исследовательский успех нас ждет здесь только при совокупных усилиях представителей всех форм общественного сознания. Большие надежды в этом отношении и на нашу философскую мысль, которая, несмотря на свои теперь хорошо известные слабости, и в предшествующие годы демонстрировала немалый теоретический потенциал, и ее никак нельзя огульно назвать «аморальной», как это сделано в литературном журнале совсем недавно¹⁴.

¹² Смирнов Г. Л. Революционная суть перестройки. М. 1987, с. 210.

¹³ Наш современник, 1988, № 4.

¹⁴ Москва, 1988, № 4.

Переходя к оценке новейшей литературы о 40-х и последующих годах, укажу на специфические трудности литературоведческой мысли, поскольку и здесь со всей остротой встает проблема «правдивости деталей» (Ф. Энгельс) в историческом плане. Это проблема проверки самой информации. Самые заметные сейчас художественные явления, где в центре изображения военные и послевоенные годы, повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая...», роман В. Дудинцева «Белые одежды» и повесть Д. Гранина «Зубр».

Если говорить о собственных нравственно-эстетических пристрастиях, то мне ближе всего повесть А. Приставкина. Эмоциональная заразительность многих страниц этого гимна состраданию необычайна. Обаятельные образы сирот-близнецов, в коих неистребимы, — несмотря на недетские испытания, жестокость взрослых недочеловеков, — потребность и способность к собственно человеческому действию, зарождение в подростках того, что есть истинное интернациональное чувство, — все дано в повести с огромной психологической достоверностью и соединено с горькой социальной истиной, открывшейся в братоубийственном столкновении людей разных национальностей. Перед нами реалистическая картина, заполнившая одно из «белых пятен» в нашем представлении о военном лихолетье.

Предел человеческих возможностей раскрывается совсем на другом материале В. Дудинцевым. Недоброй памяти сессия ВАСХНИЛ 1948 г. обнажила серьезный конфликт в общественной жизни, последствия которого были разнообразны как в социальном, так и в нравственном смысле. Последовательность писателя, начавшего еще 30 лет назад романом «Не хлебом единым» исследовать источник и природу общественных ошибок, принесших беды отечественной науке, заслуживает большого уважения. Критика справедливо отметила, что воссоздание трагедии, достигшей нашу генетику, еще один «штрих к портрету» культа личности, одна из драм времени, когда должна была, казалось, господствовать праздничная атмосфера Победы, объединяющая, а не разъединяющая людей, преданных Советскому государству. Но была ситуация, которая их разъединяла и без всякой исторической целесообразности рождала жестокие конфликты, ломая человеческие судьбы и унося безвременно жизни, сокращая запасы интеллектуальной энергии в обществе.

В повести Д. Гранина лысенковщина также дана с отчетливой беспощадностью. Однако публицистическая страстность не получила здесь опоры в обстоятельном анализе исторических и моральных причин развития разрушительных методов в науке. Осложняла эстетическую задачу автора и специфическая цель — восстановить историческую справедливость по отношению к одному из противников лысенковщины, человеку, чья биография кое в чем еще остается не вполне ясной для историков науки. Сведения о жизни крупного генетика Н. В. Тимофеева в популярной печати остаются противоречивыми, и если бы не было тесной сращенности реального лица и персонажа, можно было бы проще осмыслить реалистическую природу повести. Примеры такого рода говорят о необходимости интеграции методов гуманитарных наук, о трудностях «автоматного» литературоведческого подхода к произведениям.

Наука об искусстве может и должна демонстрировать свою способность анализировать творческий процесс и его отдельные явления с помощью своих фундаментальных категорий. В современных литературно-критических высказываниях нередко эта проблема решается по-новому — со знаком минус. Особенно сильно звучит скепсис по отношению к понятиям реализма и социалистического реализма, а затем и вообще к категориальному аппарату гуманитарных наук. Идет, скажем, речь о «деревенской прозе», предлагаются неопределенные термины «природность», «духовность» и, например, в повестях В. Распутина и В. Астафье-

ва критики не усматривают объективной обусловленности внутреннего мира героев социальными обстоятельствами, специфическими условиями жизни в Сибири, т. е. повести не рассматриваются с точки зрения законов реализма.

В новейшей литературно-критической публикации говорится о «зараженности лысенковщиной» нашей литературной жизни. Истоки этой «болезни» автор видит — в духе популярных ныне оценок эстетической мысли 20-х годов — в теоретических программах той поры: «Пролеткультовцы», «напостовцы РАПП» — это была первоначальная романтическая эпоха травли «нечистых» от имени якобы пролетарской, якобы классово чистой культуры. Дальше явилась догма «соцреализма» с непререкаемым требованием «жизнеутверждения» и «положительного» героя. Эта древняя претензия провинциального вкуса была выдана за требование марксизма-ленинизма». Далее автор, столь нелюбезно отнесшийся к понятийным определениям, сам же прибегает к помощи «категории». Выглядит это так: «В эпоху застоя разновидностью лысенковщины в искусстве можно считать направление, для которого подходит название «бюрократический романтизм»¹⁵.

Все это симптоматично, и не случайно такой материал появился после недавнего заявления на страницах «Вопросов литературы» о полной неясности самого понятия марксистской теории литературы¹⁶. Это заставляет не столько обидеться за нашу науку, о категориях которой судят с такой жестокой безоговорочностью, хотя тут же и берут их на вооружение, сколько еще раз подумать об утверждении ее права и способности судить наиболее объективно о художественном процессе, об ее суверенности, об исторической апробированности многих ее методов. Но науке нужны новые серьезные идеи, необходимы, в частности, и новые сдвиги в представлении о реализме, и прежде всего о социалистическом, о котором — теперь это особенно ясно — уже нельзя говорить как о некоем автономном, чуть ли не сектантском явлении в художественной культуре.

Д. Марков пишет, что дискуссии о социалистическом реализме с середины 70-х годов утратили действенность, стали абстрактными. Он прав. Имея в виду новые художественные произведения (в том числе и те, что назывались выше), этот исследователь, раскрывший проблему «открытости» (но не безбрежности) социалистического реализма как эстетической системы, правильно видит предпосылки для скептического и отрицательного отношения к главному методу советского искусства. Идеологические противники заинтересованы в замыкании социалистического реализма в окостеневшие рамки — это хороший повод для дискредитации метода. Иные критики, наоборот, настаивают на безбрежности социалистического реализма, они «говорят о необходимости плюрализма философско-эстетических методов, полагая, что марксизму чужд гуманизм и потому он не в состоянии объяснить всю широту спектра художественной культуры»¹⁷.

Вот в чем вся суть проблемы. Марксистское учение об искусстве еще не реализовало всех своих возможностей. Но оно, исторически самое молодое, подлинное учение о культуре, располагает теоретическими принципами, методами анализа, позволяющими оценить степень художественной правдивости в современной литературе. Ощущаемые трудности в развитии теоретико-литературной мысли — может быть, наибольшие во всей истории нашего литературоведения. Но именно она, эта мысль, способна наиболее результативно определить принципиальные сдвиги в

¹⁵ Литературное обозрение, 1988, № 3, с. 18.

¹⁶ Вопросы литературы, 1987, № 12.

¹⁷ Там же, 1988, № 3, с. 18.

трактовке человека современным искусством, удельный вес самоценной личности и ее социально-психологической детерминированности, объяснить причины и последствия происходящей на наших глазах эволюции в художественном сознании тех, кто творит искусство, и тех, кто его воспринимает, помочь осуществлению прогностической функции науки о культуре. Но эти возможности теории реализуются медленно — процесс ее развития пока не очень активен.

Для изменений в литературной науке есть стимулирующий фактор и методологические ориентиры — теоретический опыт нашей партии. Она призывает нас «освободиться от сложившихся представлений о социализме, на которых лежит печать определенных условий»¹⁸. Это призыв к новому, более полному, подлинно научному пониманию нашей общественно-исторической реальности. В этих условиях исключительна роль теоретического знания во всех областях духовной деятельности, следовательно, и в нашей.

И последнее. Исторический опыт показал, что многоголосие лучше мнения одной личности. Но пестрота мнений, которая ныне возводится чуть ли не в норму, если она сохранится, так сказать, в нетронутым виде, не подвергнется научной систематизации, не может гарантировать фундаментальных научных успехов. Конечно, теоретическая «амальгама» допустима, но только при условии, если она предполагает близость несхожих частных методов к единой методологии, к научной диалектике и конкретному историзму. Стремление к такой близости играет большую роль, объединяя ученых в их поисках объективных истин в современном художественном развитии, в духовном движении времени. Это всем нам сейчас очень необходимо.

Ф. Ф. КУЗНЕЦОВ (член-корреспондент АН СССР, директор Института мировой литературы АН СССР). *Наша литература требует нового осмысления*

Цифра, которую я сейчас назову, вероятно, общеизвестна. Знаете ли вы, что такие русские журналы, как «Современник» или «Русское слово», которые являлись властителями дум прошлого, выходили тиражом от 3 до 5 тыс. экземпляров? А такие журналы, как «Время», «Эпоха», «Русский вестник», в которых печатались произведения Достоевского, Тургенева, Толстого, имели тираж в основном в таких же параметрах? Сегодня тираж «Нового мира», флага литературной печати в период перестройки, перевалил за миллион экземпляров. А ряд других журналов приближается к этой фантазмагорической цифре.

Что за этим стоит? Видимо, прежде всего позиция народа, позиция читателя, его отношение к тому революционному процессу обновления жизни, который начался. Но за этим стоит еще и другое: наша литература вышла сегодня на такие рубежи и приобрела такое значение, такую роль в духовных и социальных процессах, каких она, может быть, не имела никогда за всю свою историю.

В чем тут тайна? В чем причина? В. И. Ленин в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции» впервые в истории отечественной мысли пришел к выводу: если перед нами действительно великий художник, то некоторые хотя бы из существенных сторон революции он должен отразить в своих произведениях. Как видите, один из первых критериев значения, достоинства художника — для многих в ту пору неожиданно — Ленин увидел в способности художника выразить существенные стороны революционного процесса жизни как самого главного, определяющего действительность.

¹⁸ Правда, 10.IV.1988.

Если мы имеем действительно значительную литературу, а факты неопровержимо свидетельствуют, что это так, то она должна быть правдивым зеркалом и нашей революции, выражать хотя бы некоторые существенные стороны того революционного обновления действительности, которое началось не сегодня и зрело в недрах нашего общества, в сознании людей в течение длительного времени. И, видимо, не только выражать процессы революционного обновления, но и влиять на жизнь в этом направлении.

Вот я и хотел бы поставить вопрос: отражает ли наша литература какие-то существенные стороны того процесса обновления, который взрел в жизни нашего общества задолго до XXVII съезда партии и неуклонно готовил его? Думается, что вопрос этот риторический. То влияние, та мощь, тот авторитет, который литература сегодня приобрела, являясь практически колонновожатым в обществе, явились следствием того именно, что она выражала и выражает самые глубинные исторические и насущные потребности обновления и развития общества.

Здесь к месту вспомнить марксов тезис о неодинаковости развития материального прогресса и художественного. «Относительно искусства известно,— писал Маркс,— что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего»¹⁹. Эта мысль имеет для нас принципиальное значение, и вот почему. Эпоха застоя, вне всякого сомнения, наложила свою печать и на литературу, и на искусство. Это проявилось прежде всего в просторе для «серой», посредственной, иллюстративно-описательной литературы, в засилье бюрократическо-догматической мысли, которая препятствовала литературе честной, совестливой и подлинно художественной.

Об этом мы сегодня очень много говорим, и говорим справедливо. Но было бы величайшим грехом и несправедливостью (и об этом мы подчас забываем) кинуть камень в ту большую, подлинную литературу, которая формировалась на волне XX съезда партии в 60—70-е годы, и представлять ее литературой застоя, представлять, что только с «Детей Арбата» А. Рыбакова или с повести «Ночевала тучка золотая...» А. Приставкина началась литература, ратующая за обновление нашего общества. К сожалению, такая точка зрения существует и утверждается. Эта точка зрения принципиально неправильная, потому что она сужает социальную и духовную базу перестройки. За этим стоит недопонимание той мысли, что перестройка не свалилась к нам сверху, а была подготовлена глубинными, мощными, глубоко объективными процессами как в социальной, так и в духовной сфере общества, потребностями прежде всего народной жизни, проявлением которых и была наша литература.

Подтверждением этой мысли является следующий удивительный феномен. Давайте задумаемся в полном масштабе в факт совпадения (в историческом времени), в тот факт, что одновременно прозвучали колокол перемен, каким был XXVII съезд партии, и тот набат тревоги, который раздался в канун и сразу же после XXVII съезда партии в таких произведениях, как «Пожар» Распутина, «Печальный детектив» Астафьева, «Плаха» Айтматова, «Игра» Бондарева, «Все впереди» Белова. Произведения эти вызвали споры, несогласие, критику, дискуссии. И тем не менее скажу, что они росли из глубин нашей жизни, которая нетерпеливо ждала перемен. Это были произведения, взыскующие революционных перемен в обществе.

Эти произведения, казалось бы, готовило время застоя, а в действительности их формировал копившийся в недрах общества протест против застоя. Этот протест был подготовкой общественного сознания, народной

¹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12, с. 736.

психологии, социальной нравственности к тем переменам, которые осуществляются сегодня глубоко, масштабно и всеобъемлюще по ряду направлений. Задача литературоведческой науки — осмыслить эти направления, по которым шла подготовка общественного сознания к необходимости перемен. Эти направления и сегодня продолжают оставаться главными в советской литературе, которая рассматривает себя как один из важнейших духовных инструментов перестройки и революционного обновления нашего общества.

Эта литература прорывалась к читателю через все трудности и сложности, которые существовали. Именно литература — вспомним «Жестокость» Нилина, «Белый пароход» Айтматова, повести Трифонова — одной из первых поставила в полный рост вопрос о значении общечеловеческих ценностей духовного, нравственного и человеческого фактора в жизни общества. Она поднималась на мировой уровень в постановке вопроса о вечных ценностях, о бытийности человеческого сознания.

Эта литература в целом цикле произведений Абрамова, Белова, Залыгина, Носова, Можаяева, Шукшина одной из первых поставила перед обществом вопрос о положении в деревне, о том, почему мы покупаем хлеб на Западе, о нравственном отношении к труду, о том, что крестьянин превращался из хозяина труда в наемника. Она говорила об уродливых формах осуществления коллективизации. Если мы вспомним такие произведения, как «На Иртыше» Залыгина, «Кануны» Белова, «Мужики и бабы» Можаяева, то они выросли из того времени, так же как из того времени выросли и «Дети Арбата» Рыбакова и «Белые одежды» Дудинцева. Если посмотреть даты их написания, то увидим, что начало работы над этими книгами уходит в пору, когда общество готовилось к переменам.

И еще одно, чрезвычайно важное направление, по которому литература готовила перемены и сегодня утверждает их: она последовательно ставила в ряде произведений, начиная с поэм Твардовского, стихотворений Ахматовой, вопрос об антигуманизме культа Сталина. Начиная с «Рычагов» Яшина или «Собственного мнения» Гранина литература со всей остротой поставила вопрос об опасности и вредности командно-догматической системы. Наконец, еще один, фундаментальный вопрос — о соотношении революции и гуманизма, социализма и гуманизма — оказался в центре творчества Булгакова, Платонова.

Своеобразием переживаемого нами периода является то, что в течение полутора-двух последних лет, в результате утверждения свободы слова и свободы творчества, все то, что копилось годами и десятилетиями или частично пробивалось к читателям, сегодня сразу пришло к ним, осуществляя двойную функцию. С одной стороны, эти книги, создававшиеся на протяжении истории советской литературы, выражая ленинские традиции в ней, формируют современную нравственность, душу народа и являются активным фактором в текущем литературном процессе. С другой — эти книги являются одновременно фактом истории литературы и настоятельно требуют от нас качественно нового взгляда на эту историю.

И вот здесь лежит драма, о которой я хотел сказать, она заключается в следующем. Литература сегодня, выйдя на передний план развития и обнажив перед читателем сложнейшие, противоречивые, труднейшие явления человеческого духа, требует на том же, эквивалентном себе уровне осмысления теоретической литературной мыслью. Беда заключается в том (и это — одно из тяжелых последствий застоя), что наша теоретическая мысль, в том числе мысль академическая, в сфере советской литературы находится на чрезвычайно низком уровне и, я бы сказал, пребывает в тяжелейшем, катастрофическом положении.

Мы знаем, что в течение долгого времени, времени застоя и культовых начал, имела место недооценка духовной сферы жизни общества и

особенно гуманитарной культуры. Гуманитарная культура во всем финансировалась, как говорится, по остаточному принципу, а самый последний остаточек приходился на долю литературоведческой, литературной теоретической мысли. Для того чтобы выйти из этого положения, из этих драматических ножниц, нужно прежде всего обратить самое пристальное внимание на само состояние нашей филологической науки, особенно применительно к советской литературе. Оно плачевно, оно требует немедленного вмешательства.

Мы разработали долгосрочную программу развития исследований в области советской литературы. Но реализация ее возможна только в том случае, если это интересное и важное дело привлечет новые, молодые силы и если нам будет оказана необходимая помощь, а главное, проявлено понимание того, что в ту пору, когда литература выходит на передний край идеологического, общественного, духовного мирознания, нельзя больше с таким пренебрежением относиться к состоянию теоретической литературной мысли в стране.

А. П. ЛАНЩИКОВ (литературный критик). *А был ли правый уклон?*

Я очень рад долгожданной встрече с историками, от которых мы были отлучены со времен последнего для каждого из нас школьного звонка. Еще полтора года назад я писал в «Литературной газете», что недопустимо вести филологическую подготовку, минуя историческое образование.

Хочу предложить самую для меня и, наверно, не только для меня, животрепещущую тему — тему той эпохи, что мы называем периодом культа личности, или «сталинской эпохой». Я не обнаружил ни в нашем литературоведении, ни у наших историков, ни у наших философов какой-то стройной и убедительной концепции этого периода. Поэтому мне сегодня хотелось изложить свою, пусть и кустарную, концепцию.

Академик А. М. Самсонов в прошлом году в статье «Главное в истории — правда» писал о неопубликованной работе К. Симонова, в которой в 1965 г. было сформулировано очень важное положение: «Не будь 1937 года, не было бы и лета 1941 года, и в этом корень вопроса». Мне особенно больно было узнать о массовых репрессиях в отношении крупных военачальников в 1937—1938 годах. Но тут невольно возникает логический вопрос: почему Франция, военно-командный состав которой не пострадал от репрессий, лишь только враг ворвался на ее территорию, как государство развалилась за какие-то две недели? Разумеется, никто не станет утверждать, что массовые репрессии конца 30-х годов не подорвали обороноспособности нашей страны; однако корень вопроса следует, по-моему, все-таки искать в событиях 1929 г., которые закономерно и неотвратно привели к 1937 году. Точнее будет сказать: если бы не было 1929 г., то есть коллективизации в тех формах и методах, в которых она была проведена, то не было бы и лета 1941 года.

Сейчас, я думаю, все с удовлетворением встретили сообщение о реабилитации Бухарина, Рыкова — тех, кто возглавлял «правый уклон». А был ли он в природе? На октябрьском (1927 г.) объединенном Пленуме ЦК партии Сталин говорил: «На XIV конференции партия предприняла ряд мероприятий в виде некоторых уступок в пользу середняка... На XIV съезде нашей партии оппозиция, во главе с Зиновьевым и Каменевым, попыталась подорвать эту политику партии, предлагая заменить ее, по сути дела, политикой раскулачивания, политикой восстановления комбедов. Это была, по сути дела, политика восстановления гражданской войны в деревне»²⁰. На XVI Московской губернской парт-

²⁰ Сталин И. В. Соч. Т. 10. М. 1952, с. 196—197.

конференции Сталин громит Преображенского как «главного экономиста оппозиции», предлагавшего рассматривать «крестьянство как «колонию» для нашей промышленности, как объект, подлежащий всемерной эксплуатации»²¹.

Как известно, троцкистская оппозиция была разгромлена в конце 1927 г., на XV съезде партии. В январе следующего года Сталин выезжает в Сибирь в связи с невыполнением по стране плана хлебазаготовок. Во время своей поездки он «выбил из кулака» дополнительно 270 млн. пудов. Но в действительности сделать это было невозможно, если учесть, что кулак давал всего лишь 13% валовой продукции при 20% товарности. Речь могла идти лишь о середняке, дававшем 4050 млн. пудов валовой продукции при 11% товарности. Именно в этот период и появляется термин «зажиточный», который никак не был обоснован ни политически, ни юридически. А как взять хлеб у «зажиточного», т. е. у середняка? 6 января 1928 г. появляется директива, в которой сказано: «Из конфискованных на основании закона у спекулянтов и спекулятивных элементов кулачества хлебных излишков 25 процентов передавать бедноте на условиях долгосрочного кредита на удовлетворение ею семенных и — в случае необходимости — потребительских нужд».

Это уже был тот «нажим», который Сталин совсем еще недавно характеризовал как начало гражданской войны в деревне²². На словах же он в феврале 1928 г. по-прежнему будет придерживаться прежней политики, которая была провозглашена на XV съезде партии: «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продразверстку, раскулачивание и т. д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа нашей экономической политики и остается таковой на длительный исторический период»²³.

Итак, Сталин борется против идеи «сверхиндустриализации», осуждает тех, кто смотрит на деревню как на «колонию», Сталин — за постепенное и добровольное кооперирование. Он даже утверждает, что на длительный исторический период нэп остается основой нашей экономической политики, а разговоры о продразверстке и раскулачивании считает контрреволюционной болтовней. И в то же время, 19 ноября 1928 г., на Пленуме ЦК партии Сталин говорит, что правая опасность является в данный момент главной опасностью в нашей партии. «Поэтому главный удар должен быть направлен против правого уклона». Он громит Фрумкина и защищает от него Бухарина как автора «Заметок экономиста», а через два месяца заявит: «Для нас, для большинства членов Политбюро, во всяком случае, не подлежало сомнению, что «Заметки экономиста» являются антипартийной эклектической статьей... в духе известного письма Фрумкина»²⁴.

По сути дела, «правый уклон» создал сам Сталиц, отступив резко влево от той позиции, которую занимал на XV съезде партии. Поход против «правого уклона» был походом против нэпа, против принципа добровольности кооперирования, против основной массы крестьянства. И Сталин прекрасно понимал, что подавляющее большинство народа скорее поддержит курс Бухарина и Рыкова, нежели его новый курс, лишь прикрываемый прежними лозунгами. И поэтому не случайно массовые и свирепые репрессии начались именно с того момента, когда Сталин повел борьбу с «правым уклоном».

Возникает и такой вопрос. Говорят, что если бы не провели поспешно коллективизацию, то провалилась бы и индустриализация: дескать, нуж-

²¹ Там же, с. 255—256.

²² См. там же, с. 259.

²³ Там же, т. 11, с. 15.

²⁴ Там же, с. 320.

ны были деньги. А была ли достигнута эта цель? Думается, что в результате сталинской коллективизации индустриализация в тот период мало что выиграла. Вероятно, наши историки и экономисты смогут подсчитать, какой же экономический эффект принесла коллективизация, как она отразилась на индустриализации и обороноспособности нашей страны.

На XVII съезде партии Сталин говорил: «Стало быть, 204 тысячи тракторов ... для колхозов и совхозов (это количество тракторов равнялось 3100 тыс. лошадиных сил.— *А. Л.*)... Сила, как видите, не малая, способная выкорчевать все и всякие корни капитализма в деревне. Сила, вдвое превышающая то количество тракторов, о котором говорил в свое время Ленин как о далекой перспективе». Но в том же докладе приведены и другие цифры. В 1929 г. лошадей было 34 млн., а в 1933 г. — только 16,6 миллиона. Ленин никак не мог предположить, что за 4 года можно умудриться более чем вдвое уменьшить парк лошадей. Для компенсации этих потерь понадобилось бы выпустить еще около 1 млн. тракторов²⁵.

Сталин на XVI съезде партии летом 1930 г. сказал, что «ежегодный прирост населения составляет у нас около 3 миллионов душ»²⁶. На XVII партийном съезде он сообщил, что в 1930 г. население страны равнялось 160 млн. человек. Стало быть, к началу второй мировой войны у нас должно было насчитываться 190 млн. человек. А их, согласно переписи населения 1939 г., было только 170 миллионов. Таким образом, в результате выселений, переселений, ссылок, страшного голода в период коллективизации, последующих репрессий и прочих «мероприятий» мы к началу Великой Отечественной войны недосчитались 20 млн. человек.

На Пленуме ЦК партии в июле 1928 г. Сталин заявил: «Выступавшие товарищи были совершенно правы, когда они говорили, что нынешний крестьянин не тот, каким он был лет шесть назад, когда он боялся потерять землю в пользу помещика. Помещика крестьянин уже забывает. Теперь он требует новых, более хороших условий жизни. Можем ли мы в случае нападения врагов вести войну и с внешним врагом на фронте, и с мучиком в тылу ради экстренного получения хлеба для армии? Нет, не можем и не должны. Чтобы оборонять страну, мы должны иметь известные запасы для снабжения армии, хотя бы на первые шесть месяцев. Для чего необходимы эти шесть месяцев передышки? Для того, чтобы дать крестьянину очухаться, освоиться с опасностью войны, разобраться в событиях и подтянуться ради общего дела обороны страны»²⁷.

Это Сталин сказал, делая здесь упор на то, что «помещика крестьянин уже забывает». Но, между прочим, примерно то же самое он говорил и в 1918 г., на VIII съезде партии, когда крестьянин еще никак не мог забыть помещика. «Я должен сказать, — уверял тогда Сталин, — что те элементы, нерабочие элементы, которые составляют большинство нашей армии — крестьяне, не будут добровольно драться за социализм... Отсюда наша задача — эти элементы перевоспитать в духе железной дисциплины, .. заставить воевать за наше общее социалистическое дело»²⁸. И, поскольку наша армия продолжала оставаться по преимуществу крестьянской, Сталина захлестнули подозрения и страх: сначала он беспощадно расправился с так называемым правым уклоном в партии, а затем с той же беспощадностью начал громить армию. 1929 год навсегда поселил в Сталине страх перед народом, и логикой этого страха отмечены все его дальнейшие деяния.

²⁵ Там же. Т. 13, с. 325.

²⁶ Там же. Т. 12, с. 299.

²⁷ Там же. Т. 11, с. 176—177.

²⁸ Там же. Т. 10, с. 43.

Здесь я вижу, что у нас существует история литературы. Когда я учился на Высших литературных курсах в Москве, то за два года я вообще об истории литературы не слышал. Эти слова не употреблялись в наших аудиториях. Хотелось бы выяснить, что это все же такое? Как история литературы выглядит и какой она была в определенные времена?

В нескольких выступлениях все время, как и в газетах сейчас, звучало одно и то же имя: Сталин, Сталин, Сталин... Разумеется, у меня есть свое отношение и к этому отрезку времени, и к этой личности. Мне пришлось жить одно время в Курейке, где Сталин находился в ссылке. И я думаю, что не так все просто и ordinarily, как это сейчас преподносится. Используется очередной громозвук в нашей истории, в том числе и в истории литературы, чтобы свалить на эту личность все наши беды и таким образом, может быть, проскочить какой-то стрезок пути, для нас очень сложный; а может быть, удастся действительно самим чище взглянуть? Во всяком случае, я не знаю, что страшнее и что вреднее для нашей истории, для нас с вами, брежневских времен? На их материале, на фоне личности Брежнева, я считаю, и общество наше, и мы выглядим просто неприлично! Это тоже имеет отношение к истории, ведь любой отрезок времени — это история; Хрущев — это уже история, и Брежнев, как бы ни хотели от воспоминаний о нем избавиться, — тоже история. Причем, я считаю, история весьма позорная. И особенно она позорна для нас, фронтовиков, которым удавалось в большинстве своем вести себя достойно на войне и не очень достойно — в период «брежневщины». Я как-то был у своего фронтового друга. Это совпало со временем, когда награждали Брежнева орденом «Победа». Друг мой, бывший десантник, потом артиллерист, человек очень большого мужества, честнейшей жизни, прошедший после войны путь от сцепщика вагонов до крупного руководителя металлургии, был секретарем райкома, спросил меня: «Когда нас кончат унижать?». Я ему ответил: «Нас будут унижать до тех пор, пока мы будем позволять это делать». Я думаю, то, что сейчас называется «историей литературы», — это как раз унижение нашей литературы, нашей мысли и нашего же очень равномерного развития, в том числе развития литературного.

Хочу остановиться на таком вопросе, как история Великой Отечественной войны. Сейчас все время говорят о коллективизации, о перегибах при ее проведении. Это тема очень сложная, трагическая. И почти не говорят о том, что мы как-то умудрились не без помощи исторической науки сочинить «другую войну». Во всяком случае, к тому, что написано о войне, за исключением нескольких книг, я как солдат никакого отношения не имею. Я был на совершенно другой войне. А ведь создавались эшелоны литературы о войне. Например 12 томов «Истории второй мировой войны». Более фальсифицированного, состряпанного, сочиненного издания наша история, в том числе и история литературы, не знала. Это делали, том за томом, очень ловкие, высокооплачиваемые, знающие, что они делают, люди. Недавно схватились два историка, Морозов и Самсонов, в споре о частностях в этой истории. Я написал письмо редактору газеты о том, что историки в большинстве своем, в частности те, которые сочиняли историю Великой Отечественной войны, не имеют права прикасаться к такому святому слову, как правда. Они потеряли на это право своими деяниями, своим криводушием. Им надо покаяться, очиститься.

Недавно в «Литературной газете» была помещена великолепная полса, посвященная 1000-летию крещения Руси. Дали возможность высказаться зарубежным общественным деятелям, зарубежным философам. И они черным по белому пишут: «Мы знаем, а вы не знаете!» И это действительно так. До сих пор мы не знаем, сколько людей потеряли в Великой Отечественной войне. Я слышал массу разных цифр. Но мне

хотелось бы знать как солдату, сколько народу мы все-таки потеряли? В последнем издании «Истории Великой Отечественной войны» написано: «более 20 миллионов». Я представляю себе, сколько стоило труда, чтобы слово «более» было вставлено! И какие препоны преодолели какие-то люди, какое-то здоровое ядро, работавшее над этой совершенно ужасной книгой, которые это слово сумели вставить. А люди думают: что за этим «более» скрывается? Когда же с нами, уже доживающими свой век, перестанут разговаривать какими-то полунамеками, полуправдами? Полу-правда нас измучила, довела нас до первого истощения.

То, что русская литература на каком-то этапе сумела как-то выправиться, создать целое направление, т. е. «деревенскую прозу», ряд великолепных книг, я думаю, это произошло не благодаря науке истории, а вопреки ей. Когда касаешься целых отрезков, очень сложных и очень трагичных отрезков времени, и узнаешь затем откуда-то со стороны о том, что в 1941 г. из пяти больше трех миллионов наших воинов попали в плен, то ужасаешься. Как относиться к этим цифрам? Я до сих пор отношусь к ним с недоверием. Цифры эти меня просто ошеломили. Но когда вспомнишь о том, что в той же книге об Отечественной войне не перерисованы карты, и если вы внимательно посмотрите эти карты и текст, который сопровождает их, то увидите полное расхождение между ними. Мы просто не умели воевать. мы просто залили своей кровью, завалили своими трупами фашистов. Вы посмотрите на любую карту 1941-го и даже 1944 г.: там обязательно девять красных стрелок против двух синих, вражеских. И на протяжении всей войны было так. Одна 11-я армия Манштейна разгромила на глазах у Черноморского флота все наши армии, которые находились в Крыму, прошла через Сиваш, оставив потом часть своих войск под осажденным Севастополем, с двумя танковыми корпусами Манштейн сбегал под Керчь и опрокинул в море три наши армии! Я понимаю, что об этом писать очень тяжело. Лучше, конечно, когда под барабанный бой провозглашается, что мы победили! Но как победили?

Может быть, стоит прислушаться к словам Честертона, что все победители в конце концов становились побежденными? Если сейчас глянуть на центр «деревенской» России, которая была в основном поставщиком солдат, то, у меня во всяком случае, создается впечатление, что мы — побежденные. Мы с трудом сейчас начинаем подниматься, не исправлять еще, до исправлений далеко! Посмотрите на то, что делается, допустим, в провинции, на то, как встречается там слово «перестройка»... Общество перестраивается не сразу. Оно переделывается медленно, оно закостенело. Руководство, которое было на местах, осталось, оно спокойно переживает: может быть, все это кончится и все будет, как было.

И все-таки история Великой Отечественной войны, история коллективизации и сама литература не должны ограничиваться каким-то кругом тем или сочинений. Вот «Литературная газета» объявит список произведений, и начинает их прорабатывать. А многие великолепные книги, писатели остаются в тени, и совершенно необоснованно. Так остался в тени Константин Воробьев. Сейчас нигде не упоминаются романы Ивана Акулова «Крещение» и «Касьян Остудный» — лучшая книга о периоде коллективизации. Долго не упоминалась поэма Твардовского «По праву памяти». Теперь это произведение издано, и следом прошли, к сожалению, сокращенно, воспоминания брата поэта, Ивана Трифоновича, очень горькие и очень честные воспоминания. Так история начинает создаваться помимо Академии наук. А большинство наших писателей даже не знают, что в ней, оказывается, занимаются историей литературы.

Очень часто все наши выступления сейчас на периферии воспринимаются как духовное начало. И каждый из нас должен взять на себя смелость и ответственность нести в народ это духовное. Народ считает, что мы должны сказать ему правду, закрыть ту яму, в которую попала наша культура. На периферии нас захлестнула мутной волной

массовая культура. Да и на периферии ли только? Растет молодежь, которая не знает ни настоящей литературы, ни искусства. Она смотрит в большинстве своем такие телепередачи, как «Взгляд», «До и после полуночи». Ничего не могу сказать, передачи хорошие, хотя и очень засоренные псевдокультурой, в особенности музыкальной и вокальной.

Опять очень много говорится слов, красивых, дежурных, всяческих, и очень мало дел, настоящих. Как бы снова не утонули мы в словах о перестройке и демократии, как было уже не единожды. На местах, на периферии, почти ничего не сдвинулось с места. Есть какие-то внешние признаки перестройки. Всем нам, всему пароду надо очнуться, набраться сил, мужества, спокойствия, чтобы не дергаться и выправить положение. Кто-то способствовал всему тому, что произошло: способствовал Сталин, способствовал Брежнев, по все-таки и мы с вами способствовали. Были же люди, которые и во времена Сталина, и во времена Брежнева вели себя прилично; имели мужество не блудословить, хотя бы, а молчать. Нужно как-то искупать свой позор, свою вину, соответствовать тому назначению, которое определил нам народ, судьба, история.

Д. М. УРНОВ (главный редактор журнала «Вопросы литературы»).
Больше историзма

Переоценка — естественный спутник перестройки, аналог перестройки в сфере идеологии и культуры. Но как мы собираемся производить эту переоценку и как она происходит? Легче всего провести ее конъюнктурно — наскоро переписать прошлое так, как, нам кажется, диктуют сегодняшние неотложные нужды. И получится модернизация прошлого. Потом, можно быть уверенным, в неотдаленном будущем придется ту же самую «историю» переписывать еще раз, снова сокрушаясь относительно различных «уступок моменту».

Мы имеем разработанную основоположниками нашего мировоззрения методологию подхода к истории, приложимую и к общественным наукам и к художественному творчеству. Шиллеризация и шекспиризация — эти принципы изображения прошлого, отмеченные Марксом и Энгельсом, предполагают либо перенесение явлений прошлого в сегодняшний день, изображение их так, как они нам видятся сегодня, либо конкретно-историческое, подробное и детальное проникновение в суть того, что и как было.

Наша литература опередила историческую науку, подсказала ей кое-что, повела ее за собой, обратившись к «белым пятнам», к забытым или, точнее, неудобнопроизносимым именам. Отдав должное нашим писателям, мы должны проанализировать то, что имеется в нашей литературе, когда она обращается к истории.

На одной из лекций по современной литературе, лекций, которые прекрасно посещаются, потому что люди хотят услышать оценку современных литературных явлений, я получил записку: «Почему не запретят?!». Это касалось пьес М. Шатрова, прежде всего пьесы «Дальше... дальше... дальше!» Кончились те времена, когда запрещением и умолчанием можно было «оценивать» явления. Однако лишь начинаются времена настоящей, трезвой, посылно объективной оценки литературных явлений.

Да, Шатров, безусловно, сыграл роль литературного и общественного лидера, обратившись к изображению фигур и событий, как бы не существовавших в нашей памяти, в памяти моего поколения, во всяком случае. Но я должен сказать, что в той же пьесе «Дальше... дальше... дальше!» есть модернизирующий оттенок: речи персонажа с ленинским именем напоминают иногда разглагольствования тех самых утопистов от революции, с которыми В. И. Ленин всегда спорил. Именно такое фразерство, мне кажется, подчас отличает реплики и целые монологи, вложенные в уста персонажа с ленинским именем.

Не только в стилистике, но и в позиции по существу мы видим иногда расхождения между тем, что этот персонаж говорит и что мы читаем у Ленина.

Например, в пьесе «Дальше... дальше... дальше!» персонаж с ленинским именем ссылается на Р. Люксембург и с одобрением пересказывает ее суждения — те самые, с которыми Ленин всегда спорил. Другой пример. «Тупость мелкобуржуазных демократов, Черновых, Церетели и Мартовых, с их болтовней о единстве демократии, диктатуре демократии... и тому подобной чепухе», — это слова Ленина, а в пьесе персонаж с его именем, обращаясь не к кому-нибудь, а именно к Мартову, прочувствованно произносит: «Нам очень тебя не хватало».

Не существовало для Ленина тех интеллигентских колебаний, которые ему в пьесе приписываются, тех страхов, которыми нас сегодня от его имени пугают.

Эти мои замечания ни в коей мере не направлены на то, чтобы преуменьшить отмеченное мною с самого начала новаторское значение пьес Шатрова, его смелости, необходимости того творческого дела, которое он делает.

Иногда говорят, стоит ли беспокоиться об оттенках? Сейчас, говорят, главное упразднить старые догмы, стереотипы. Но мы знаем, что если просто так, не разбираясь, упразднить одни догмы и стереотипы, то на смену им придут новые догмы и стереотипы. Нет, конкретное историческое понимание должно быть для нас ключом, пониманием, которым вооружили нас основоположники нашего мировоззрения.

М. Ф. ШАТРОВ (драматург). *Необходимо сотрудничество литераторов и историков*

Я ни в коем случае не хочу отвечать на выступление предыдущего оратора, потому что, сказав, что для Ленина слова «счастье людей» и «демократия» это в общем-то чепуха, он сам определил метод своего прочтения ленинских работ: выдергивание отдельных фраз, относящихся к конкретному моменту, и объявление их программными. Меня волнует другое. Я думаю — как пошла бы наша конференция, если бы она собралась 20 марта, допустим, через семь дней после знаменитой статьи в газете «Советская Россия»? И размышление об этом, мне кажется, всех нас должно лишить нравственного покоя. Не так бы пошла конференция, уверяю вас!

В середине марта в стране произошла драма, по-другому назвать это не могу, когда в органе ЦК КПСС без каких-либо комментариев появилось не просто письмо читательницы, а серьезный программный документ, взрывающий перестройку. И каждый из нас, в здравой памяти и в здравом уме, вчитываясь в это «произведение», на основании своего понимания идей Ленина, идей XXVII съезда партии, должен был выработать свою линию поведения: молча согласиться или громко кричать, резко протестуя. Десятки и сотни писем простых людей, которые не хотели с этим соглашаться! Десятки, сотни, а может, и больше возмущенных голосов — и полное молчание прессы! Какая-то жесткая и властная рука дала указание молчать. Ни в одной газете нельзя было прочесть иную точку зрения — не печатали! Гласность оказалась обуженной.

Мне в те дни несколько раз пришлось выступать, и мое выступление в Таллине 2 апреля о том, что эта статья воюет с идеями XXVII съезда КПСС, опубликовано («Советская Эстония» 8 апреля 1988). Но я не ставлю себе этого в заслугу. Я знаю только один творческий союз — кинематографистов, который немедленно опротестовал то, что мы прочитали в «Советской России», остальные молчали. Почему? Где же были наши историки, обществоведы, которые сегодня так дружно солидаризируются со статьей в «Правде»? Неужели вы, историки советского об-

щества, целая Академия общественных наук, неужели вы не могли собрать совещание или партийное собрание, чтобы дать должную оценку этой статье? Чего не хватило — знаний или четкости идейной позиции? Неужели надо было ждать 5 апреля?

Давайте подумаем о том, насколько лед хрупок, насколько мы ориентированы на то, чтобы узнавать, кто что говорит в разных кабинетах, и в зависимости от этого строить свою линию поведения... Вот настоящая драма весны 1988 года! Почему мы не думаем о том, что наше обсуждение, наша активная позиция помогли бы и кабинетам? Почему нужно обязательно ждать импульса с верхних этажей здания на Старой площади? Почему мы так боимся думать сами? Это гигантский упрек всем нам и свидетельство того, что старое и привычное прочно держит нас. Речь идет о судьбе каждого, а мы опять ждем руководящих разрешений!

Люди вчерашнего дня, стоявшие перед начальством по стойке «смирно», вшившие начальство глазами, чье кредо — «чего изволите?», остаются на своих местах и тянутся к древку перестройки, как всегда они в первых рядах. И драма состоит в том, что мы с этим миримся. Когда М. С. Горбачев в 1985 г. в Ленинграде в своем выступлении сказал, что надо дать каждому шанс понять суть перестройки, понять суть революционных перемен и определить свое место, — это было справедливо. Прошло 3 года — срок, вполне достаточный для того, чтобы определиться, но эти 20 дней показали, что готовность, с которой многие работники идеологического фронта чуть было не бросились в объятия автора «Советской России», должна нас всех обеспокоить: за клятвами в верности перестройке слышится тоска по иным временам, когда все было так ясно и понятно...

П. А. Николаев произносил здесь замечательные слова — «художественное мышление», «историзм» и т. д. Я с удовольствием порассуждал бы и об этих категориях, но кое-что мешает. Я являюсь одним из немногих живых героев статьи в «Советской России», статьи, которая стала апогеем организованной в печати кампании против пьесы «Дальше... дальше... дальше!». Вместо анализа — передергивания, вместо критики — ярлыки и приговоры.

В чем только некоторые критики, включая академика В. Г. Афанасьева, меня не обвиняли! И в антисоциализме, и в эмигрантщине, и в меньшевизме, и, конечно же, в выступлении против линии XXVII съезда партии. И все это без права на ответ. Я открыт для критики и думаю о том времени, когда мы сможем с ними поспорить на равных об «азбучных истинах марксизма»: зависит ли ход исторического процесса от личности или все предопределено заранее, не подвластно человеку, как не подвластно ему движение звезд. Откуда снова появляются все эти ярлыки? А все оттуда же, из того времени, когда не было места подлинной истории партии, подлинному обществоведению, подлинной исторической литературе. Здесь уместно напомнить о той роли, которую сыграл М. А. Суслев в том, что после подъема, вызванного XX съездом партии, наши общественные науки вернулись на круги своя. В начале 70-х годов я был настолько наивен, что направил ему письмо о том, что на Западе создается «антиленинизм»: фильмы, пьесы и телеспектакли, что необходимо соединить усилия наших историков и писателей и подумать сообща над ответом. Но даже об ответе мне не подумали.

За 30 лет я написал всего шесть политических драм о революции, хотя мог бы написать значительно больше. Каждая пьеса — каждая! — запрещалась, пробивалась с огромным трудом. История выхода каждой пьесы могла бы стать сюжетом для новой драмы. Но дело не в этом, а в том, что в 1988 г. снова звучат все те же мотивы, что преследуют меня всю мою творческую жизнь. Вот красноречивый пример. 27 января

1982 г. бывший директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС академик А. Г. Егоров направил председателю Комитета государственной безопасности Ю. В. Андропову письмо по поводу моей пьесы «Так победим!», премьеры которой состоялась во МХАТе.

Перечисляя серьезные идеологические изъяны пьесы и отступления ее автора от исторической правды, Егоров обращает внимание на политическое одиночество Ленина, его копфронтацию с ЦК, отмечает переключку взглядов Ленина и Троцкого на якобы «роковую опасность» военно-бюрократического перерождения партии и государства. Он пишет, что в пьесе не показано созидательное творчество масс под руководством партии. «На сцене безликие крестьяне, солдаты, рабочие жалуются на свою тяжелую судьбу, провозглашают несогласие с политикой партии». Несмотря на название «Так победим!», пьеса не дает ответа на вопрос, как победим. «Реальная проблема о возможности построения социализма в нашей стране в пьесе... подменяется другой, надуманной проблемой: какой социализм надо строить». Весьма своеобразно решается в пьесе, по мнению Егорова, проблема соотношения стихийности и сознательности: именно всеобщее недовольство крестьян заставило-де Ленина ввести нэп. Сам нэп в пьесе идеализируется.

Какие же предложения выдвинул академик Егоров? Пьесу «следовало бы спокойно, без шума и треска из репертуара МХАТ исключить». «Соответствующим министерствам и ведомствам... следует создать прочную преграду против подобных произведений, перекрыть все каналы их возможного появления». «Надо обратить внимание редакций газет и журналов на то, что имеют место факты публикации успешных, поверхностных, рекламных... рецензий... Надо в соответствии с указаниями Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС своевременно и умело поправлять тех, кого заносит в ту или иную сторону, проявлять непримиримость к тем, кто порочит нашу социалистическую действительность. Решение ЦК КПСС об ответственности редакторов газет и журналов... должно выполняться неукоснительно».

Вот от чего пострадала наша литература и история — от деятельности таких вот специалистов по эстетике, каким является академик Егоров, который до недавнего времени возглавлял историко-партийную науку и насаждал там свою этику и свою методологию, в результате чего и процветала та самая сфальсифицированная история, о чем справедливо здесь говорил Виктор Астафьев и многие другие.

Мне бы очень хотелось в этой огромной аудитории оспорить некоторые упреки «Правды». Я не историк — меня обвинили в том, что в пьесе есть такая неточность: Савинков предлагал Плеханову пост министра, а не премьер-министра, как утверждаю я. Но в моих руках только один документ — письмо жены Плеханова, опубликованное в «Известиях» в 1924 г., где она пишет, что Савинков действительно был у ее мужа и предлагал «составить министерство». Все те специалисты, с которыми разговаривал я, сказали, что эта фраза в начале века означала стать премьером. Очевидно, это позволило М. Иовчуку и И. Курбатовой в книге «Плеханов», вышедшей в серии ЖЗЛ, говорить о том, что Савинков предлагал Плеханову пост премьера. Может быть, это тоже ошибка? Кому верить? Но пусть тогда три доктора исторических наук начинают не с меня, а с вдовы Плеханова, или признают, что фраза «составить министерство» они поняли как «возглавить одно из министерств». А если вспомнить ситуацию, то Савинкову тогда для того, чтобы противопоставить что-то Совету Народных Комиссаров во главе с Лениным, конечно же, нужен был Плеханов как глава правительства. Так что я по-прежнему склонен доверять Р. Плехановой, а не нашим современным докторам наук из Академии общественных наук.

Я отвечаю на все конкретные замечания по поводу пьесы в печати чуть позже. Мне кажется, у нас есть более важная вещь: мы должны

почувствовать, что если не получится перестройка — не андреевы и другие иже с ними будут виноваты в этом, а все мы, которые сегодня присягаем на верность перестройке, а вчера молчали. Только мы, и никто другой! И я уверен, что если думать о развитии нашей литературы, то, конечно, каждому из нас нужна дружеская рука историка, но историка, а не охранителя канонов застоя. И я считаю, что здесь сегодня и мы, писатели, протягиваем руку, и, наверное, историки протягивают нам руку. Самое главное, чтобы руки эти не повисли в воздухе.

А. Я. МАРКОВ (поэт). *Печатать всю правду*

Мы — поэты, нам легче стихами говорить, поэтому нам трудно соревноваться с прозаиками, выступая с такой трибуны. Думаю, впрочем, что буду говорить на сегодняшнюю тему, потому что какие-то выступления отошли от нее. Мне бы очень хотелось поддержать Астафьева: действительно блистательное писательское выступление. Если вы помните, недавно в «Литературной газете» были помещены мои стихи — «Портрет». Ни одна газета не хотела их публиковать, потому что там написано, что мы сами сделали Сталина. А «Литературка» обрела мужество и опубликовала их, это по разряду «стихов из стола». Ведь они написаны были еще при Сталине. Я напому вам восемь строчек: «Каждый праздник домоуправление, не спросив на это позволения, вешает огромный портрет на мое окно уже вот 30 лет. На портрете — человек с усами. Мы его нарисовали сами. Издали посмотришь — благодать, только мне и света не видать». «Нарисовали сами» — вот что смущало всех.

Не кажется ли вам, что это антимарксистский подход, когда мы столько придаем значения одной личности и снимаем с себя решительно всю ответственность. Мне думается, во многом виновата наша интеллигенция. Да, она была раздергана; да, ее осталось чуть-чуть; и все-таки виновата она; если народ — детский сад на корабле, то интеллигенция — это все-таки воспитатели, капитаны; она должна думать. Мы где-то провалили малодушие, криводушие, бездушие. Ну, хорошо, вот Брежнев пришел; ну Черненко пришел, а что-нибудь изменилось? Значит, надо искать не в них корни.

Я сам из крестьян и помню, как в 1932—1933 гг. у нас на Ставропольщине был ужасающий голод. У меня лично в семье 11 человек кончили жизнь самоубийством. Отец натопил печь, закрыл трубу и угаром всех задушил. А меня как самого маленького послал к крестной (у нас крестная — это была вторая мать). И вот я остался живым и не мог потом даже об этом написать. У меня есть поэма, Твардовский (он меня открывал, вводил в литературу) напечатал мою первую поэму, показывал эту поэму (она называется «Заколоченный дом», автобиографическая) Хрущеву. Никита Сергеевич сказал: «Не надо печатать, слишком страшно». Да, мы умирали с голоду, дети валялись, приткнувшись к завалинкам, а в это время закрытая кухня, будь она проклята, работала в центре села, и там питались члены правления колхоза и члены правления сельсовета. Веял ветерок, насыщенный запахами масла и мяса. Вот это и было тогда страшнее всего. Голод ведь и в блокадном Ленинграде был, но это социальное бедствие... А здесь — социальное неравенство и преступление, гибнут дети... Я бы закрытые кухни и магазины все закрыл. Как видите, к ним у меня особое отношение. А поэму мою до сих пор не печатают. Нет, я не обижен: у меня вышел в свет двухтомник избранных сочинений. Но три тома по-прежнему лежат в столе, а в них — правда до конца; нам же можно говорить только полуправду.

Нас ждет страшная опасность: слово деформировалось, перестроилось. Оно, а не мы, перестроилось. Многие из тех, кто, как сыр в масле, катался и до перестройки, до XXVII съезда партии, теперь тоже повисли

знамя, но впопыхах — древком вверх, а полотнищем по грязи. Другие же футляр от знамени несут, а не само знамя. Пока мы сами не понесем знамя, ничего не получится. А получится тогда, когда будут печатать всю правду. Кстати, еще и сейчас заранее намечается, кого печатать. Так что многие очень завидуют мертвым: Набокову и другим, ибо не могут попасть на страницы журналов. Ведь вместо того чтобы увеличить количество журналов, увеличивают их тиражи. Вот в Благовещенске до революции было два десятка журналов. Воронеж был такой же журнальной столицей, как и Питер. А теперь в столице всего с десяток журналов. «Новый мир», например, увеличивают в тираже. Его сотрудники не знают, что им делать, потому что для живых на его страницах нет места, только оскорбленных мертвых успевают печатать. Значит, надо увеличить количество журналов, если мы фактические хозяева, если мы действительно порядочные люди. А что касается перестройки, то без трех-четырех сатирических журналов ничего в литературе не выйдет. Нужно тут хотя бы дognать дореволюционную Россию, когда издавались и «Северные цветы», и «Пчела», и другие.

Однажды, когда я был мальчишкой, попал я в Чечню. Там нас заставили вырывать пырей — сорняк. Мы, дети, работали за кукурузную лепешку; срубили сверху пырей, а корни остались. Когда приехал хозяин, он нас кнутом отстегал и не только не заплатил, а выгнал с поля и сказал: раньше можно было хоть за хохолок тянуть пырей, а сейчас совсем не вытнешь. Присутствующие знают, что пырей — прескверный сорняк, его корни уходят в землю на метр-полтора. В перестройке сейчас получается то же самое: мы рубим верхушки, а корни на полтора метра остаются. Они же еще более бурно будут расти в отместку за то, что срубили хохолки. Нам надо подумать о корнях!

Был я в Калининской области на сельском кладбище. Стоит гипсовый памятник, на нем написаны имена погибших офицеров, сержантов и солдат: 12 человек. А дальше — слова «и другие». (Как у нас в печати, если острое выступление, то попадаешь в разряд «и др.»). Хотя бы это «и др.» ты один; думаю, что и на этот раз будет со мной тоже «и др.», чтобы неповадно было правду говорить.) И вот говорю я председателю: «Прости, голубчик, как же это можно — «другие»? Он отвечает: «Что, не понимаешь? Места не хватило на обелиске, поэтому мы и написали «и другие». Оказывается, этих «других» было столько же — 12 человек. Так вот, погибшие на войне «более 20 миллионов» напоминают мне это сельское кладбище. Разве можно такие вещи делать? Надо же подсчитать точно, отказаться от этого «более», чтобы над нами весь мир не издевался, и дать точные сведения, хотя бы это и было очень боязно. Военачальники считают так, если в 5 раз больше воинов пало в какой-то армии, то эта армия проиграла сражение. Мы же были обороняющейся стороной. Я тоже солдат, прошел до Берлина. Раз мы были обороняющимися, значит, должны были в 5 раз меньше потерять. А мы потеряли в 5 «с лишком» раз больше врага. Как же мы воевали? И сколько потеряли?

Хотелось бы сказать и о том, как трудно бывает нам сладить с учеными. Я лично считаю, что АН СССР была бы очень довольна, если бы не появилось вообще ни одного исторического художественного произведения. У меня в 1953 г. вышла поэма «Ломоносов», которая 18-й раз переиздается в СССР и переведена на другие языки. Когда на рецензию посылали ее ученым, то один академик написал, что не четыре пуговицы на камзоле было у Ломоносова, а пять; мол, автор не знает истории, туда же лезет. Другой историк учит меня, что не треску ел Ломоносов, а еще что-то. И на основе всего этого «зарубил» поэму. Редколлегия задумалась: как же быть? Про пуговицы исправь, говорят, остальное оставь. Вот идет поэма «Ермак». Столько ученых навалилось на рукопись, вместо того чтобы помочь. Но ведь историки — не вода, а мы, писатели, —

не огонь. Мы должны найти точки соприкосновения. В поэме «Пугачев» выкинули у меня эпиграф, хотя это были ленинские слова: раб, осознавший, что он раб, уже не раб, а революционер (цитирую по памяти). Кстати, я недавно узнал, что мы меньше всех издали трудов Ленина: во всех буржуазных странах сочинения его полностью изданы. И Маркс у нас издан «щипками». Надо Институту марксизма-ленинизма подумать, чтобы, наконец, издать Ленина и Маркса в таком виде, в каком они этого заслуживают.

Еще два слова — о поэме «Платов». Вы знаете, кто такой Платов — это о нем писал Кутузов, что, если бы не платовская конница, Россия проиграла бы войну. А Лев Толстой сказал: русскую историю решительно сделало казачество (цитирую тоже по памяти). И представляете, у меня вычеркивают Толстого. Ну, нельзя же так делать! В поэме «Ломосов» есть строчка об умирающем: «печально капала капель». Читайте в опубликованном варианте: «Стучала весело капель». Я спрашиваю: «Что же вы сделали?». А мне отвечает Б. И. Соловьев, издательский редактор: «Ты что, с ума сошел: это же у тебя оттепель, намек на оттепель». Бессовестным образом правят, вычеркивают и даже не поставят тебя в известность.

Я думаю, что, если мы хотим вернуться действительно к ленинизму, к чистоте Ленина, мы должны помнить: остается 12 лет до конца столетия, и мы сдадим наш век, как строители дом сдают. Будет ли этот «дом» таким, как XX век? И каким будет этот «дом» в окончательном виде? Потому что иногда построят, а туалет забыли сделать, так торопятся. А мне кажется, что самая большая опасность — если в этом доме будет туалет, но останется беспамятство. Нам нужно поставить памятники всем несправедливо репрессированным, поставить памятники умершим с голоду, если мы хотим быть хорошими отцами и хорошими сыновьями. И поставить памятник (до сих пор все еще собираемся) атаману Платову. Нигде нет даже закоулка, тупика его имени. Был памятник в Новочеркасске, так его снесли: подумали, мол, тоже царский генерал... Вот тогда мы сможем гордиться, что тоже что-то сделали, не зря жили.

В. Д. ОСКОЦКИЙ (литературный критик). *Стереотипы старого мышления*

Как хотелось бы прослыть джентльменом и вообще не называть Н. Андрееву. Но не до рыцарства, когда читаешь в газете «Ленинградский рабочий» от 22 апреля письмо ученых под названием «А те ли принципы?» — первый в Ленинграде критический отклик на публикацию «Советской России». Письмо о том, как не нравится Н. Андреевой процесс демократизации, как настойчиво выступает она против него и устно, и печатно. Вот, помимо всего прочего, наглядное подтверждение тому, как история, историческое знание, осмысление прошлого, извлечение уроков из прошлого становятся важнейшим и ведущим плацдармом столкновения нового и старого мышления. Как подчеркнуто и в редакционной статье «Правды» от 5 апреля с. г., и во многих выступлениях М. С. Горбачева, перестройка сознания оказалась делом куда более трудным и сложным, чем предполагалось поначалу. Отсюда, повторяя определение М. С. Горбачева, первойшая наша задача — идеологическое обеспечение перестройки. А на что оно опирается, если не на уроки истории, которые служат ему фундаментальным основанием?

В этом процессе у исторической науки и литературы, искусства, мысли научной и художественной — общие цели и задачи. Граница, разделяющая старое и новое мышление, пролегает не между исторической наукой и литературой, а внутри той и другой. Историческая наука и литература в равной мере ответственны за сознание современных читателей.

Например, за читателя «Советской культуры», утверждающего, что Сталин якобы сделал из него личность. Таков, по точному определению Ю. Буртина («Октябрь», 1987, № 12), сталинизм снизу. Но сталинизм снизу, как показывает опыт публикации статьи Н. Андреевой в «Советской России», смыкается со сталинизмом сверху, последний ищет опору в первом.

Старое мышление противодействует новому наступательно, иной раз агрессивно. Полосы многих газет и журналов тому свидетельство. В самом деле, не старое ли мышление заявило о себе статьей «Литературной газеты» о Н. Бухарине, ошибочность которой признана самой редакцией? Не старое ли мышление дало о себе знать на ленинградской конференции к 70-летию Октября в заявлении А. Иванова — главного редактора журнала «Молодая гвардия»: никто в мире не клеветает так на свою собственную историю, как мы? На той же конференции ему отвечал старейший мастер русской советской прозы В. Каверин. Опубликовав их выступления, рядом на одной полосе, «Огонек» показал конфронтацию старого и нового мышления более чем наглядно. Та же резкая, контрастная грань обозначилась в откликах на статью Ю. Афанасьева «С позиций правды и реализма», другие его статьи. Именно в силу противодействия старого мышления новому мы все еще, подчеркивает он в одной из последних статей, не добились коренного перелома в формировании реального исторического сознания. Наоборот, разнообразнее и изощреннее стали приемы удержания в общественной практике и сознании людей скомпрометированных, но не канувших в Лету реалий прошлого. Сложилась некие типовые модели его защиты. Назову некоторые из таких моделей.

Стереотип первый: в дискуссию об историческом прошлом нашего общества нас втягивают наши идеологические противники, которые хотели бы отвлечь наше внимание от решения современных, текущих задач. Но не идеологические противники провокационно вынуждают нас к этому — такова наша органичная духовная потребность знать собственное прошлое полнее и глубже. Стереотип второй, запретительный. На волне его родилось чудовищное, по определению Д. С. Лихачева, слово «некрофильство». К тому же запретительству восходит и недавнее раздумье П. Проскурина о том, что фигура Сталина настолько сложна и противоречива, что постичь ее дано только таланту типа Шекспира или Достоевского. А пока таковых нет, то и спешить с этим не надо. Если, вняв призыву писателя, мы действительно снова отложим на потом постижение драм народной истории, то не поставим ли тем самым новые заградительные барьеры исторической памяти народа, которая требует воплощения в писательском слове?

И наконец, еще один распространенный стереотип. Я бы назвал его концепцией исторического фатализма, концепцией, настаивающей на том, что иного пути, иного варианта, нежели те, которые состоялись, издревле не существовало, что все, что произошло в нашей истории, было исторически неизбежно. Такая мысль пронизывает многие публицистические выступления А. Проханова, в частности его статью «Так понимаю!» в «Литературной России», статью В. Рослякова «Реванш?» (там же), или интересную, острую, но в заключение также сбивающуюся на фатализм статью И. Клямкина в журнале «Новый мир» (1987, № 11). Таковы, в частности, его размышления о том, что иного проекта застройки нашей улицы, чем проект коллективизации, проведенной под лозунгом уничтожения кулака как класса, у нас не существовало.

Думается, что проблема исторического выбора, которой, кстати, посвящена значительная книга П. Волобуева «Выбор путей общественного развития: теория, история, современность» (М. 1987), проблема вариантности путей исторического развития — это одна из тех острейших проблем, которые равно возникают сейчас и перед научной мыслью, и перед худо-

жественным сознанием. Сошлюсь в этой связи на мнение историка В. Данилова, высказанное на «круглом столе» журнала «Вопросы истории» (1988, № 3) «Историческая наука в условиях перестройки».

Как отзываются перечисленные стереотипы на конкретных оценках тех или иных явлений современной поэзии, прозы, драматургии?

Не буду включаться в дискуссию, которую предложил здесь Ф. Кузнецов: с какого момента следует вести отсчет нынешнему обновлению литературы и какое место в этом процессе занимают роман А. Рыбакова «Дети Арбата» или повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая...». Но соглашусь с Д. Граниным, размышлявшим в одной из статей о том, что публикация «Реквиема» А. Ахматовой, прозы А. Платонова, М. Булгакова, ряда других произведений внушительно засвидетельствовала, как можно было не убоиться и в самые страшные времена. Но тем не менее, справедливо добавляет он, это все единичные примеры. А когда дошло до дела, то у многих и в столах ничего не оказалось.

Тем нужнее внимательное, бережное отношение к тому, что есть. Но вот печатается «Реквием» А. Ахматовой — и мы слышим кощунственное заявление о том, что это — выражение поэтического эгоцентризма, памятник себе. Или появляется роман В. Дудинцева «Белые одежды» — и вскоре раздается брюзжание журнала «Молодая гвардия»: разоблачение лысенковщины, конечно, дело нужное и полезное, но национальную культуру этим не обогатишь. Но так ли безразличны нашей национальной культуре судьбы отечественной науки, постигаемые писателем, защита ее чести и достоинства? Выходит повесть Д. Гранина «Зубр» — до сих пор не стихает раздраженное «невозвращенец» в отношении к герою повести и упреки писателю в том, что он поэтизирует «невозвращенца». Совсем недавно «уродское», по определению писателя, слово повторил историк А. Кузьмин («Наш современник», 1988, № 3), снова и снова клеймя повесть «Зубр» — уже после того, как «Литературная газета» письмом авторитетных ученых подтвердила, что обвинения, предъявляемые Н. В. Тимофееву-Ресовскому, к реальной судьбе ученого отношения не имеют.

Наконец, пьеса М. Шатрова «Дальше... дальше... дальше!». Читаем о ней в статье Н. Андреевой: писатель нарушает «принятые принципы» социалистического реализма. Что же это за искусство такое, которое выше всего ставит неизменность принципов, известное предпочитает неизведанному? «Неподсудна только правда» — называлась статья историков, также заклеймивших эту пьесу («Правда», 15.II.1988). Но где, спрашивается, были эти борцы за правду, когда на их глазах история фальсифицировалась по-сталински? Об одном из примеров такой фальсификации напомнила недавно «Правда» большой полосой, посвященной Пражской конференции. Вот и возникает вопрос: не потому ли терпели они это, что сами же и фальсифицировали историю? Вынуждают авторы названной статьи и к повторам азбучного: произведения искусства, обращенные к истории, — не иллюстративное приложение к учебному пособию. Драматург, повинувшись образным законам искусства, имеет право свести на сцене Ленина и Сталина после их смерти или оставить Сталина на сцене, как бы нам ни хотелось, чтобы он ушел...

В заключение — о выступлении В. Кожина в № 4 журнала «Наш современник», компрометирующем роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Автор исходит из изначальной ложной установки: невелика, дескать, доблесть, невелико мужество писать правду, о которой сейчас все говорят. Неужто, ловя критика за руку, надо напоминать, что роман А. Рыбакова создавался еще в 60-е годы и был закончен в середине 70-х годов, когда правда, которую писатель постигает и воплощает, была недозволенной, запретной и любые прикосновения к ней были заведомо обречены на долгое погребение в ящиках письменного стола.

Остановлюсь только на одном моменте из этого выступления, чрезвы-

чайно показательного, как мне думается, для «Нашего современника» и его частого автора,— на привлечении ленинской статьи «Пророческие слова» к тезису о том, что счет жертвам насилия надо вести с октябрьских дней 1917 года. В. И. Ленин, рассуждает критик, «с беспощадной прямоотой» предвещал «долгие годы родовых мук». Отталкиваясь от этой цитаты, произвольно вырванной и из исторического контекста времени и смыслового контекста самой ленинской статьи, критик с поразительным равнодушием ведет далее подсчет жертвам гражданской войны, вызванного коллективизацией голода начала 30-х годов, 1937 года вместо того, чтобы склонить голову перед каждой из этих народных трагедий. Впрочем, 1937 году вообще отказано в трагедии. Так действует еще один стереотип, который сводится к тому, что если, скажем, «Мужики и бабы» Б. Можяева — это роман о трагедии народной, то в «Детях Арбата» А. Рыбакова, а тем более в «Исчезновении» Ю. Трифонова живописуются не более чем интеллигентские страсти-мордасти, замкнутые «домины на набережных».

Но обратимся непосредственно к статье Ленина, датированной июлем 1918 года. Владимир Ильич, рассуждая в ней о долгих муках родов, неизбежно связанных с переходом от капитализма к социализму, отмечает, что эти муки также неизбежно связаны и с тем бесспорным и очевидным фактом, что «революция, следующая за войной, связанная с войной (а еще больше... вспыхнувшая во время войны, вынужденная расти и держаться во время окружающей ее всемирной войны), что такая революция есть особенно тяжелый случай родов»²⁹. Речь идет о войне империалистической, первой мировой войне, а целостный смысл и пафос статьи состоит не в апологии жестокости и насилия, как внушает Кожин, а в призыве не списывать на Октябрьскую революцию то, что порождено свергнутым ею социальным строем. Иначе говоря, жестокость и насилие, возведенные в историческую закономерность, есть не продолжение революции, а отступление от нее, в конечном счете, можно сказать,— контрреволюция. Привожу этот пример своевольной интерпретации ленинского текста для того, чтобы нагляднее показать методику подтасовок, при посредстве которых старое мышление вовлекает перекроенную на свой лад историю в борьбу с перестройкой современного общественного, а стало быть, и научного, и художественного сознания.

Н. Е. ШУНДИК (писатель). *Падо иди вперед*

Ныне мы полны решимости трезво оценить урон, нанесенный Сталиным делу социализма. Многие мы уже поняли в сталинизме, но я бы хотел обратить внимание еще на одну его сторону, которая пока недостаточно глубоко нами осмыслена.

Вышло так, что беззаветно преданные делу социализма люди, истинные коммунисты, взвалившие на свои плечи пошу за десятерых, люди с собственным мышлением, с обостренным чувством ответственности при Сталине были, в сущности, обезглавлены именно потому, что не желали прятать голову в плечи. А на смену этим людям стали приходиться те, кто умел это делать, кто не только не взваливал десять нош на себя, но и собственную, единственную, ловко перекладывал на других. Это из рядов годами отбирался так пазываемые управляемые, дисциплинированные, политически благонадежные. А в сущности очень и очень ненадежные, больше того, абсолютно безнадежные, поскольку проваливали все, за что должны были отвечать головой. Но умели они собственные провалы приписать другим — и карали невиновных за эти провалы. Что может быть страшнее?

Впрочем, рано говорить о них в прошедшем времени. Это именно они

²⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36, с. 476

довели страну до предкризисного состояния. И глубоко заблуждаются те, кто полагает, что подобного рода люди появились значительно позже сталинской эпохи. Дескать, не могли в то строгое время возникнуть казнокрады, очковтиратели. Нет, именно тогда зарождался пагубный процесс естественного отбора этих бездарных, но очень опасных людей. Это детище именно сталинизма. И тот факт, что в тяжкие годы Великой Отечественной войны Сталин вытаскивал из тюрем тех, кто умел нести ношу за десятых, людей, одаренных государственным умом, ничего не меняет. Вытащил в силу великой необходимости единицы, а загубил миллионы. И все это надо осознать до конца, если мы хотим добиться изменений в нашем обществе, что называется, на молекулярном уровне, сохраняя в целостности духовной генетический код ленинизма.

Сейчас мы часто говорим: надо идти назад, к Ленину. А по диалектике вещей следовало бы говорить — надо идти вперед, к Ленину, потому что ленинизм — это огромная высота, а устремление к высоте — это всегда движение именно вперед. Диалектика, которую нам завещал Ленин, необходима, как воздух, всегда, а в деле радикальной, революционной перестройки и переоценки многих ценностей особенно, ибо нет ничего темнее, чем ясность метафизической одномерности.

Ныне часто можно слышать, что весь сталинский период — это период примитивных людей, механических исполнителей, «инфузорий», абсолютной бездуховности. Да, в то время начался естественный отбор тех, кого я назвал людьми с утопленной в собственные плечи головой. Но не они были сутью нашего общества, не они наша совесть и честь. Не они были творцами побед, одной из которых была победа над фашизмом, не их история возвела в ранг спасителей человечества. Подвиги эти были совершены не благодаря, а вопреки всему, что породил сталинизм. Если бы смогли встать миллионы тех, кто пал на полях сражений, они бы нашли что сказать тем, кто их сейчас обзывает «инфузориями». Не вина павших, да и живых, кто был участником тех событий, что они не знали горькой истины, что Сталин — это далеко не Ленин, что он в сущности его органический противник. Но ленинизм существовал как очевидная реальная сила. Именно эта духовная сила двигала миллионами советских людей и в ту пору. Неистребимость ленинизма — это фундаментальная истина современной истории.

Если не признавать эту истину, если согласиться с теорией об «инфузориях», то как быть с той признанной прогрессивным человечеством исторической правдой, что мы победили фашизм не только оружием, но и нашей идеей, силой нашего духа? Как мы должны тогда оценивать нашу литературу, живопись, музыку, всю советскую классику, которая стала классикой именно потому, что ее создателями двигала эта фундаментальная истина? Перечеркнуть? Дескать, ничего не было. Именно об этом вопят все «голоса» наших идеологических противников. Но правы ли они, хотя имеют возможность жонглировать огромным количеством фактов из нашей трагедии? Нет и еще раз нет. Наши противники, несмотря на всю их вооруженность фактами, лгут, когда говорят, что у нас не было и нет фундамента, а «инфузории» копошились в песке и гнили, задыхаясь. Это самая крупная и самая пагубная ложь, причем с далеко идущими стратегическими целями.

В последнее время настойчиво, то с трибуны, то печатно, звучат требования, чтобы все, кто подписал в свое время письмо по поводу своего несогласия с некоторыми тенденциями в журнале «Новый мир», покаялись. Но в чем я лично должен каяться? В том, что я выразил в свое время несогласие с теми, кто объявил исторический крейсер «Аврора» фикцией, каяться в том, что я выразил несогласие с тем, что подвиг панфиловцев тоже объявлялся фикцией? Или я должен покаяться в том, что был не согласен с позицией в журнале А. Синаевского и таких, как он? С позицией, ничем не отличающейся от той, которую они сейчас зани-

мают там, на Западе? Или я должен забыть о том, что синявские в этом журнале глумливо, на уничтожение, топтали, например, такого замечательного писателя, как В. Закруткин? И не его одного. Я бы мог еще многое перечислять такого, что вызвало во мне возмущение, несмотря на глубокое уважение к Твардовскому. Причем я понимал, что во многом дело было не в Твардовском, а в синявских, с которыми я спорил и буду спорить. Вот почему я долгие молчать не намерен, ибо это уже нанесит урон моей чести, моему достоинству.

Итак, признание и непризнание той истины, что фундамент неистребимого ленинизма есть историческая реальность — это, в сущности, водораздел, который определяет все. На таком и только на таком признании возможно упрочение платформы нашего единомыслия, нашей консолидации. Ведь именно этим положением пронизаны все решения пленумов ЦК нашей партии и ее XXVII съезда. Но с достаточным ли упорством, умением, талантом, убежденностью мы выполняем важнейшие призывы и решения партии? Не ставить их во главу угла — это значит позволять в большей или меньшей мере утверждаться сомнительным теориям об «инфузориях», о песке, рисковать потерей немалой части молодежи, заразив ее безверием, глубоко оскорблять тех людей, которые имеют свою героическую судьбу.

Зайдите в любой дом и вы найдете человека, который, наслушавшись сентенций об «инфузориях», скажет вам с горьким недоумением: «Случалось, что меня шельмовали в прошлом, теперь, выходит, снова шельмуют?» И очень вовремя прозвучали в редакционной статье газеты «Правда» от 5 апреля слова: «Нет, не зря прожили ветераны партии, ветераны войны и труда! В неоплатном долгу у них все последующие поколения... И только безнравственный человек может бросить тень на труд и подвиг народа». Но вот, случается, бросаем, подавая себя такими едипственно последовательными и решительными борцами со сталинизмом. Но так ли это, если посмотреть на суть вещей диалектически?

Один мой добрый знакомый, фронтовик, рязанец Д. Н. Бочков, сказал мне недавно: «Пусть знают иные авангардисты, кто хотел бы нас представить духовным ничтожеством, что со Сталиным, выходит, были в непримиримом противоречии именно мы, даже те, кто шел с его именем на устах на смерть. Парадокс? Возможно. Но в этом парадоксе диалектика правды. Все дело в том, что мы в сущности несли в себе дух Ленина, а Сталин, как теперь стало ясно, его разрушал. И вот, кто этого не понимает и оскорбляет все мое поколение, тот, кто наши идеалы называет фикцией, не оставившей в истории советского общества никакого следа, не борец со сталинизмом, а едва ли не его невольный союзник на сегодняшнем этапе. Парадокс? Возможно. Но его надо осмыслить, и как можно глубже и скорее».

Да, вот таков, возможно для кого-то неожиданный, поворот мысли. Но не сама ли логика жизни подсказывает его нам? И тут я хотел бы обратиться к словам Михаила Сергеевича Горбачева: «Я думаю, что мы никогда не можем и не должны прощать или оправдывать то, что было в 1937—1938 годах. Никогда. За это отвечают те, кто был тогда у власти. Но это, товарищи, не принижает всего того, что мы сегодня имеем, что сделали партия, народ, пройдя через эти испытания». И далее: «Мы обязаны видеть, какая же огромная сила заключена в социализме, в нашем строе, который и это выдержал, вступил в схватку с нацизмом и победил. И поэтому о нашем 70-летию надо говорить с гордостью за наш великий народ, его историю, его подвиг»⁵⁰. Здесь ответ на все. Вот на этом мы и сойдемся в нашем истинном единомыслии.

⁵⁰ Правда, 15.VII.1987.

Судьба перестройки зависит от того, какие процессы возобладают в нашей общественной жизни. Будут побеждать процессы консолидационные, связанные с национальным единением, с культурной консолидацией, с учетом интересов различных социальных групп,— перестройка пойдет быстрее, ощутимее. Возобладают процессы, которые можно назвать процессами разбрасывания камней,— перестройка пойдет медленнее, она будет тормозиться.

Стоят перед нами, собственно, два проклятых вопроса, которые всегда стояли перед русской интеллигенцией (они хотя бы в теоретическом плане получили ответ): вопрос, кто виноват, и вопрос, что делать. Партия сформулировала свои предложения. И вряд ли в целом в больших социальных массах и группах существует серьезное противодействие этим предложениям. Большинство народа понимает, что нет альтернативы демократизации и изменению хозяйственного механизма. Шахматисты хорошо знают, что стратегически можно поставить партию правильно, можно вести стратегически игру точно, но можно проиграть тактически. Мало правильно сформулировать положения, обозначить направления — проиграв тактику, можно проиграть очень и очень много.

Я недавно был у своего отца в деревне. Он ветеран войны. Я спросил, как он себя чувствует, как он относится к тому, что происходит сейчас в стране. Отец посмотрел на меня и, справедливо полагая, что видит перед собой человека, который поддерживает все происходящие перемены, сказал: «Вам будет трудно, потому что иногда вы нас за людей не считаете». Я вздрогнул и почувствовал внутреннюю горечь. Но потом подумал, что, борясь с бюрократами в партийном аппарате, борясь с чиновниками, мы должны понимать, что некоторые, возможно и консервативные, идеи владеют большими массами, они к ним очень серьезно относятся. Мы должны это понимать, учитывать и всем ходом нашей жизни переубеждать этих людей.

Есть старое правило революции: не создавать лишних врагов, искать компромиссы там, где их можно найти, стараться привлечь на свою сторону как можно больше сторонников. Тем более что врага-то и нет на самом деле. Есть люди, которых мы с вами как писатели, как ученые и как политические деятели должны убедить в том, что именно так должно быть. И теперь мы с ними должны вести работу. Мне кажется, что это и есть задача и литераторов, и исторической науки.

В обществе сейчас существует пристальный интерес к истории культуры, к истории литературы, в целом к истории. Если мы его правильно используем, мы как раз дадим пример, консолидирующий народ вокруг истории, потому что она действительно совершалась людьми различных направлений, различных взглядов. И это все происходило в борьбе и в столкновении, но если мы историю дадим в лицах, то мы убедимся в том, что история нашей культуры, литературы работает на нас. Меня огорчает, например, то, что разными изданиями создаются как бы два ряда советской классики. Разделение ее, как бы ни спорили по этому поводу люди, составляющие гордость нашей литературы, совершенно неправильно. Советская классика едина в смысле культурного своего подхода, и надо искать общее — и это тоже задача и историков, и литераторов. Это задача, которая нас может объединить на добром направлении. Я согласен с теми, кто говорит, что проиграть перестройку — это значит проиграть все. Это просто невозможно, душа этого не принимает.

Я не думаю, что из прошлого нам надо либо брать все, либо стоять на своих позициях, даже в том случае, если мы что-то проиграли, и здесь я готов поспорить с П. А. Николаевым по поводу вопроса о методе социалистического реализма. Меня этот вопрос давно интересует, и я беседовал со многими писателями. Речь вообще-то всякая теория (или опре-

деление) настолько справедлива, насколько она работает. Бесплодна математическая модель, не отражающая физической реальности. Я беседовал с писателями, и практически никто из них не сказал, что ему помогает в работе метод социалистического реализма. Ну, хорошо, думаю я, это писатели, а может быть, читатели помогут мне полностью раскрыть значение метода социалистического реализма и это поможет мне понять, что же происходит в нашей литературе. Уверю вас, говорил я и с читателями — они этого не понимают. Тогда я подумал, что, вероятно, это пужно для ученых. Но нет — ведь этот термин не узко специальный, он был очень широко распространен.

У меня сложилось твердое убеждение, что термин «социалистический реализм» тогда «заработал», когда нужно было осудить или, более того, унижить ряд наших крупных писателей. Таково мое мнение. Не понимают нас и наши друзья за рубежом. Мне все время кажется, что при помощи этого термина мы стесняем свободу творчества. Разве плохо, например, назвать нашу литературу литературой социалистического гуманизма? Зачем же нам термин, на котором лежит отпечаток культа личности? Если только из-за того, что академическая наука в свое время утверждала его, так ведь она утверждала, например, и Лысенко или других, подобных ему. Я не призываю сразу ликвидировать этот термин, но вопрос этот очень серьезный и стоит того, чтобы над ним подумать всем нам вместе.

Мне кажется, что союз историков и литераторов может дать прекрасные плоды — прежде всего он может способствовать привлечению различных социальных, национальных и других групп населения через историю культуры, через историю литературы к тому замечательному серьезному, но очень трудно (и это тоже надо сказать) идущему процессу, который мы называем перестройкой.

А. О. ЧУБАРЬЯН (директор Института всеобщей истории АН СССР).
Искать единство в многообразии

Я вижу смысл взаимодействия историков и писателей не только в поисках конкретных форм сотрудничества, но и в обмене идейными установками, в подходах и к историческому, и к литературному процессу. Есть, конечно, специфика и существенная разница в профессиональном восприятии мира и в его отображении у литераторов и у историков. Для историков этот процесс может быть более длительным, поскольку он связан с созданием более фундаментальных трудов. Он отличен и тем, что у нас, к сожалению, очень мало привит вкус к публицистике, которая сейчас так широко распространена среди литераторов. Но есть и такой момент, что догматизм, ликвидация которого составляет сегодня едва ли не самую главную задачу обществоведения, более глубоко вошел, скажем, в сознание историков, чем литераторов, и поэтому вытравление этого догматического мышления связано с большим временем и большими усилиями.

В последнее время наше внимание, естественно, обращено прежде всего к истории нашей страны, к ликвидации «белых пятен», к острым спорам вокруг того, как трактовать нашу собственную историю. Однако это не должно закрывать, как мне кажется, того, как видят окружающий нас мир историки и какое он получает отражение в литературе. Я далек от того, чтобы говорить какие-то критические слова в адрес наших коллег-литераторов, но в последнее время естественный интерес к жизни нашей страны отодвинул на второй план и в публицистике и особенно в художественной литературе интерес к тому, как жил и живет окружающий нас мир.

Между тем историки в большом долгу в освещении этого мира, того, что сегодня справедливо называется его целостностью. Историки оказа-

лись не готовыми к тому, чтобы ответить на призыв руководства партии — подойти к миру как целостной системе. Мы слишком долго находились в плену одной стороны справедливой марксистской формулы о мире как единстве и борьбе противоположностей. Мы слишком долго занимались только борьбой, не замечая те компоненты и элементы единства мира, которые формировались на протяжении многовековой истории человечества. Мы слишком мало занимались теорией исторического процесса, проблемами альтернатив и многовариантности.

Мы мало занимались и проблемой прогресса и его цены. Это то, о чем сегодня так много стали говорить, особенно публицисты, литераторы да и историки. Я думаю, что у нас есть большой долг перед обществом в целом в подходе к оценке гуманизма. Мы слишком мало занимались гуманистическими элементами в истории, а часто апеллировали к понятиям абстрактного гуманизма. Как сильно мы бичевали, например, пацифизм, объявляя его несовместимым с воззрениями, которые мы развивали!

Правильная теоретическая разработка этих вопросов была бы полезной не только для историков и обществоведов, но и для формирования исторических представлений нашего народа. Картина мира целостного, противоречивого и взаимосвязанного гораздо более сложна, чем мы изображаем ее в своих книгах. Посмотрите работы о положении многих стран и народов: если речь идет о положении трудящихся масс — оно всегда и постоянно ухудшалось, если речь идет о капитализме XX в. — постоянный поиск кризисных явлений. Мы нуждаемся в новом подходе к периодизации и оценке общего кризиса капитализма, его этапов. Экономисты уже подошли к этому, а вклад историков тут остается явно недостаточным.

До недавнего времени такое понятие, как «европеизм», рассматривалось нами со знаком минус. В журнале «Звезда» несколько лет назад появилась статья, в которой говорилось, что это вообще буржуазное понятие. Между тем мы сейчас не просто говорим о концепции «общевропейского дома», но и имеем исторические корни и предпосылки этой концепции.

Надо менять наши представления и наше отношение к мировой исторической науке. Вчера я был на совещании историков по всеобщей истории в Киеве. Во время дискуссии встал вопрос, является ли марксистская историческая наука в современных условиях частью мировой исторической науки и не ведет ли это к «размыванию» марксизма и принижению его роли? Это серьезный вопрос, и необходимо иметь ясное представление о нашей исторической науке именно как о части мировой исторической науки.

В последнее время у нас явно утрачен вкус к историческому роману, посвященному жизни других стран и народов. Школьник не имеет хороших книг для чтения по истории Франции, Англии, об античности или средневековье. Здесь может возникнуть еще одна форма сотрудничества между литераторами и историками.

И последнее. Сегодня писатели говорили здесь, что историки подходят так-то, что историки дают такие-то оценки и т. п.

Между тем в обществе существует широкая гамма взглядов и представлений. И среди историков есть люди разных взглядов и позиций. Тот плюрализм, который не должен принципиально разделять нас и писателей, существует и среди историков. Поэтому нужно искать единство в многообразии. В этом смысле мы часто обедняли исторический процесс в прошлом тем, что понятие типологии сводили к однотипности, понятие закономерности — к унификации. Именно сопоставление взглядов, разных точек зрения историков и писателей приведет к успеху в их профессиональном творчестве и их единстве.

Вот уже более трех лет наше общество живет в условиях перестройки, гласности и демократии. Конечно, это небольшой срок, даже если исходить из учета ощутимых результатов, достигнутых на пути осуществления действительно революционного курса на социальное обновление и нравственное очищение. Но этот срок вполне достаточный, чтобы определить позицию, выработать свое отношение к происходящим событиям, честно и недвусмысленно заявить об этом. К сожалению, из всех многочисленных отрядов творческой интеллигенции представители исторической науки едва ли не последними присоединились к перестроечному процессу, слишком долго занимая выжидательную позицию. Да и сейчас еще нельзя утверждать, что перестройка в исторической науке идет полным ходом.

В чем причины того, что историки оказались на редкость консервативными в своих взглядах и действиях? В самом деле, сегодня мы столкнулись с таким противоречием, как огромный рост общественного интереса к истории и падение престижа, авторитета исторических исследований и, может быть, исторической науки в целом. Как это ни горестно признать, историки, хотя они искренне и хотели этого, не смогли представить на суд общественности такие же конкретные произведения, идеи, вокруг которых можно было бы формировать общественное мнение, какие представили писатели, оказавшиеся в момент революционного перелома впереди и ставшие своего рода маяками в формировании общественного сознания.

У нас сейчас, судя по письмам, которые получает редакция журнала «Вопросы истории», произошла серьезная деформация исторического мышления в стране. И то, что историческое сознание в обществе находится на невысоком уровне, говорит о серьезной ответственности историков перед обществом. Они должны взять на себя значительную долю ответственности и за то, что на протяжении длительного времени наш народ, по существу, был лишен возможности знать объективную и полную правду о своей истории. Сейчас отношение резко меняется, хотя немало трудностей и завалов предстоит еще преодолеть и расчистить. Писатель В. Астафьев с горечью говорил здесь о том, что историки навязали народу искаженную историю минувшей войны.

У нас, к сожалению, накопилось очень много невыясненных и даже твердо трактуемых вопросов, касающихся различных периодов нашей истории, но, конечно, наибольшую остроту приобрели проблемы, связанные с периодом, который мы называем периодом культа личности. С середины 60-х годов годов пишется и издается академический труд по истории СССР. Однако до сего дня так и не появился заключительный, двенадцатый том этого издания и неизвестно, появится ли. Надо ли после этого удивляться взрыву читательского интереса к трудам Карамзина, Ключевского и Соловьева, в чем я лично усматриваю, помимо всего прочего, явное недоверие к работам советских историков.

Говоря о застойном, или, как выразился один из докладчиков, кризисном состоянии исторической науки, необходимо, мне кажется, провести честный и объективный анализ действительных причин и мотивов, вызвавших ее отставание и породивших так называемые белые пятна в нашей истории. Такой анализ важен не сам по себе. Он должен помочь правильно выбрать пути, формы, методы и само направление развития исторической науки. К сожалению, нередко дело сводится к попыткам найти объективные причины, объяснить все той обстановкой, которая царяла в обществе в годы застоя и отрицательно воздействовала на науку, сдерживая ее творческое развитие. Разумеется, было бы неверно сбрасывать со счетов реальные условия, в которых жили и творили историки.

Но условия были одинаковыми для всех. Почему же в те трудные годы, которые мы называем сейчас застойными, историки не создали или создали до обидного мало таких работ, какими располагает наша художественная литература и которые могли бы работать на перестройку?

Думаю, что надо искать причины создавшегося положения и в самой исторической науке, в системе ее организации, стиле и методах руководства ею, в том числе в нравственных основах ее деятельности. Это тем более важно, что история, как и литература, в наши дни революционного обновления социалистического общества приобрела особое социальное значение. Общественное назначение истории и гражданский долг историка резко возрастают в связи с тем, что история и политика перестройки тесно взаимосвязаны, а отношение к прошлому, правдивое и полное отображение недавней и давней истории стали составной частью идейно-политической жизни нашего общества.

Вот почему формирование правильного исторического сознания является одним из центральных вопросов политики перестройки, а следовательно, историзм как принцип подхода к действительности и метод ее познания становится важным инструментом изучения не только конкретного опыта прошлого и настоящего, но и предвидения будущего. Отношение к нашей истории, особенно к истории 20-х и 30-х годов, правильная ее трактовка — это не только научная проблема, но и вопрос политики перестройки, ее нынешних и грядущих успехов. От правильной оценки нашего прошлого во многом зависит наше настоящее и наше будущее.

Ни для кого не секрет, что и сегодня еще можно встретить тех, кто говорит, что не надо обращаться к истории, не стоит теребить ошибки прошлого, вспоминать о репрессиях, трагических страницах истории и даже преступлениях, что это не на пользу делу перестройки. Фактически это означает уход не только от исторической правды, но и от реальной действительности, создание новых мифов и легенд, которые, какими красивыми бы они ни выглядели, не могут служить основой нового политического мышления. Честное и правдивое отношение к прошлому отражает объективную потребность и необходимость успешного выполнения задач перестройки. Без самокритики нет движения вперед. Это особенно справедливо для исторической науки, которой как воздух нужна глубокая, всесторонняя, честная и откровенная самокритика. Без этого вряд ли можно рассчитывать на успех.

Мы переживаем чрезвычайно интересный, но в то же время сложный и ответственный период нашей истории. Сейчас от каждого из нас требуется не только ясное понимание значения переломного момента в жизни нашей страны, но и приложение реальных усилий, направленных на осуществление курса перестройки. Историческая наука и историки призваны своими трудами, правдиво и полно отражающими историю, активно участвовать в процессе революционного преобразования общества, в формировании у советского народа правильного исторического сознания.

Д. М. БАЛАШОВ (писатель). *Любить свою землю и любить свой народ*

Я начинал как ученый — я фольклорист по специальности, потом стал писателем, пишу романы о XIV столетии. Вообще это благородные занятия — то и другое. Это две формы познания действительности, они разные с самого начала. Грубо говоря, наука идет от систематики, от накопления и классификации фактов, а художник берет какой-то факт и вдумывается в него. А где гарантия того, что художник взял факт верный и вытянул из него истину? Гарантия одна — талант. Когда художник ставит перед собой заранее заданную задачу, пусть гениальный (Шолохов

поставил задачу написать «Поднятую целину»), то при всем несомненном таланте срыв обязателен. А про других и говорить нечего.

Здесь прозвучало, что литература иллюстрирует. Но она не плююстрирует даже жизнь. Это тягчайшее заблуждение. Здесь также прозвучало, что реализм — это наиболее адекватное выражение правды, действительности. Мы это все учили в школе, институте. Очень хорошо в 60-х годах в дискуссии говорилось: реализм — это та форма искусства, в которой характер человека анализируется как результат воздействия на него общественных условий. Но не может быть реалистической архитектуры, фрески, прикладного искусства, орнамента и не может быть образов огромного масштаба, какие дает эпос. И это не надо игнорировать. Искусство Возрождения создавало другие образы. Гамлет, Лир — это люди, которые выше этих общих закономерностей. Они разбивались, это их убивало, но они шли против.

Почему об этом надо говорить сейчас? С нашим реализмом немножко связывается тот самый исторический фатализм, о котором уже говорили. Я сторонник тезиса о свободе воли человека. Историки исследуют исторические закономерности на основе того, что уже получилось. Иначе и нельзя. А вот то, что получилось, это делаем мы с вами. Правда, коллективно. И вот эта линия нашей сознательной жизни, правда, короткая — это то, когда мы можем переделать все, изменить действительность, а потом напишут о закономерности этого, когда мы ляжем в землю.

Насчет науки. Немножко скажу как историк. Когда мы учили в школе о споре народников с марксистами, на чем народники ломались? Они защищали общину, а в общине с переделами земли не удобряли пашню. Мне помогла книга С. Б. Веселовского «Село и деревня». Вы знаете, как он пишет: два слова от себя, а потом факты, от которых никуда не денешься. И вдруг оказывается, что земледелие Московской Руси — это отдельные хутора, землю которых практически нельзя было переделывать. Я задумался, а когда же началась бодяга с земледелием? Меня мучила эта мысль. И писатель В. Маслов подсказал мне: при Петре с введением подушной подати. Оказалось, с того времени наше земледелие пошло вниз. Ввели отвальный плуг. За 80 лет половину России в овраги спустили. И вот счет к историкам. Сейчас напи ведущие писатели с коллективизацией разобрались. Но писать об этом надо, чтобы весь народ разобрался. Вынесено писательское суждение об уничтожении миллионов людей, о тех страшных издевательствах, которым подвергался русский крестьянин. Теперь об этом должны написать историки.

И экономическая сторона. Мне показывали статистические отчеты о развитии нашей деревни, которое началось после столыпинской реформы. Почему эти материалы не используются? Что получается? Пока русский крестьянин сидел на своем клочке земли, он удобрял ее: это была его земля. В России существовала форма собственности — не безусловная, а по принципу держания. И дворяне владели землей на этом же принципе: получил землю — служи. Интересно, на каком уровне оказалось наше земледелие в результате столыпинской реформы? В 1918 г. все крестьяне получили землю без выкупа. В 1921 г. Ленин ввел нэп. Надо посмотреть, на каком уровне было наше земледелие к 1929 г., когда землю дали всем? Историки, дайте нам статистику, дайте цифры, разгоните туман, который существует, потому что за эмоциональной оценкой должна стоять историческая. Надо думать, смотреть и думать, любить свою землю и свой народ. По выборочным данным, которые я имею, в стране за это время был сделан огромный скачок. Количество скота увеличилось в 1,5 раза. Вводились многопольная система, удобрения, еще какие-то усовершенствования. На Алтае к 1929 г. имелись фермы, где по 200 молочных коров было, — то, чего сейчас Америка достигла. То есть был гигантский прогресс земледелия. Все это надо объяснить. Историкам надо садиться за статистику, показывать эти факты.

Национальные вопросы — это вопросы культуры. Люди давно все перемешались, а наций сейчас гораздо больше, чем было, и появляются все новые, потому что усложняется структура, усложняется культура и усложняется разнообразие типов того, как человек приспосабливается к окружающей среде. Мы не лучше и не хуже, мы разные, и на этом-то основании и может быть между нами дружба, именно потому что разные. Земледельцу нечего делать там, где надо пасти скот, а скотоводу нечего делать там, где пужно заниматься земледелием. В Карелии, например, если возникал пожар, то оказывалось, что он все-таки вызван русскими, потому что природный местный житель никогда не разведет костер на торфянике. Он веками приспособлялся и веками знал, как на этой земле жить.

Кроме того, есть очень тонкие духовные вещи, тонкие ощущения, которые тоже надо понимать. Да, мы все неверующие, но живем в обществе, где длительное время господствовала определенная религия. Дело тут в морали, которая складывалась много веков. И у всех нас определенный поведенческий стереотип выработался.

Когда в России сами стали приобщаться к французской культуре, то забыли, что живут в другой стране, что у нас другая экологическая среда. Я считаю, что национальный вопрос упирается в экологию. Тут один принцип: человечество, живя на земле, имеет право брать у природы столько в год, сколько природа за этот год воссоздает — и не больше. Об этом надо подумать потому, что мы уже залезаем в карман предков.

О. А. РЖЕШЕВСКИЙ (Институт всеобщей истории АН СССР).
Необходим новый подход при подготовке коллективных трудов

Многие историки, конечно же, ощутили недоверие писателей и литераторов к своим работам. И на то есть серьезные основания. Возникает вопрос, как избежать такого положения в будущем, восстановить доверие к трудам историков не только у писателей, но и всего нашего народа, перед которым мы в большом долгу.

Сложность решения задачи состоит в том, что к новым работам, появляющимся сейчас, все — от рабочего до интеллигента — относятся крайне взыскательно, образно говоря, взвешивают на самых тончайших весах: а все ли здесь правильно, объективно, вся ли правда сказана до конца? Пристальное внимание общественности к тому, что пише публикуется и будет публиковаться, скажем, на академическом уровне, требует от историков особой ответственности. Но без ряда условий, как бы мы ни старались, какой бы совершенной методологией ни владели, как бы глубоко ни стремились проникнуть в ход событий, мы эту задачу решить не сможем. И первое, самое главное условие — доступ к документам.

К сожалению, остаются закрытые документы, которые должны быть открыты, или хотя бы приоткрыты. Возьмем историю советской внешней политики. Недавно Институт всеобщей истории АН СССР и Институт военной истории Министерства обороны СССР завершили подготовку макета совместного труда историков семи социалистических стран «Причины второй мировой войны. Документы и комментарии». Мы оказались единственной страной-соисполнителем, которая не смогла включить в эту работу ни одного нового документа по истории советской внешней политики 1938—1939 годов. Вопрос ставился в различных инстанциях, представлялись главы с некоторыми неопубликованными в СССР документами, но безрезультатно, их просто не давали те, у кого эти документы хранятся.

Есть еще одна непростая проблема, которая уже связана с событиями последних трех лет, и с тем, как мы, историки, перестраиваемся или как должны перестроиться. Вот здесь не раз затрагивалась тема Вели-

кой Отечественной войны. Горящие страницы ее истории всегда будут волновать умы и сердца поколений. И, конечно, мы восприняли решение Политбюро ЦК КПСС о создании десятитомной «Истории Великой Отечественной войны советского народа» не только как ответственную задачу, но и как огромную творческую возможность раскрыть более объективно картину трагедии и триумфа советского народа, спасшего свою страну и все человечество от угрозы фашистского порабощения.

Определены институты-соисполнители: Институт военной истории, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Институт истории СССР и Институт всеобщей истории АН СССР. Но работа начата по старым канонам, по жестко централизованной схеме. Если эта схема останется в том виде, в котором сейчас действует, ничего хорошего это не принесет. Что имеется в виду конкретно? Важнейшие составные части организации и подготовки фундаментального труда: разработка концепции, структурного плана, определение состава Главной редакционной комиссии, главных редакторов томов, их коллегий и авторского коллектива взято под директивный контроль военного ведомства.

Отделение истории АН СССР провело обстоятельное рассмотрение этой проблемы и высказало мнение, что концепцию еще предстоит разработать, что структурный план труда по существу повторяет то, что имелось в 6-томной «Истории Великой Отечественной войны» и в 12-томной «Истории второй мировой войны», что Главная редакционная комиссия сформирована по командно-административному принципу. Причем из 36 человек, включенных в ее состав, большинство не имеет прямого отношения к изучению истории Великой Отечественной войны. Главные редакторы назначаются только из числа сотрудников Института военной истории, многие из них не готовы к выполнению функций крупного ученого, определяющего облик тома. Ни для кого это не секрет.

Отделение истории выдвинуло ряд весьма ценных соображений, которые надо было хотя бы обсудить на Главной редакционной комиссии. Институт всеобщей истории, в частности, предложил альтернативный структурный план, построенный на основе проблемно-хронологического принципа, высказал мнение о целесообразности публикации конкурирующих структурных планов, скажем, в газете «Известия», для того, чтобы привлечь внимание к этим проблемам, по дискутировать, узнать мнение общественности. Но предложения Отделения истории серьезно даже не обсуждались. Проблема заключается еще вот в чем. Обстановка сложилась так, что Институт военной истории располагает сейчас крайне ограниченными кадрами крупных ученых-историков. В этом смысле большая удача и правильное решение, что руководить Институтом назначен Д. А. Волкогонов, авторитет которого широко известен. Но когда он приступил к работе, основные установочные документы по новому труду уже были утверждены.

Необходимо реальное и равноправное объединение научных сил Института военной истории, Института марксизма-ленинизма и академических институтов для решения этой сложнейшей задачи. Мы, в частности, вносили предложение создать совет директоров, но и оно не вызвало энтузиазма. Думается, что новые крупные коллективные работы, которые выполняют историки, требуют ныне и новых методов их подготовки, максимальной демократизации и привлечения наиболее квалифицированных научных кадров Москвы, Ленинграда и союзных республик.

И. Ф. СТАДНЮК (писатель). Делать правильные выводы из прежних ошибок

Западные радиоголоса, вещающие на Советский Союз, без всяких на то оснований объявили меня официальным биографом Сталина. Но господа на радиостанции «Голос Америки» позабыли, что в начале 1963 г.

они несколько недель, глава за главой, читали по радио мой роман «Люди не ангелы», сделав, разумеется, выгодные им усеконовения. Роман был опубликован в № 12 журнала «Нева» за 1962 год. П. А. Николаев упомянул в своем докладе эту мою давнюю боль. В 1963 г. «Люди не ангелы» увидели свет в Лондоне сразу в двух издательствах. Издательство «Баркер» сопроводило название книги такой надписью на суперобложке: «Это первый роман в России, где рассказана правда о жестокостях Сталина по отношению к украинскому крестьянству». В 1964 г. роман был опубликован в Мюнхене и Цюрихе издательством «Дромер Кнаур» и сопровождается предисловием, в котором, в частности, говорится: «Иван Стадник — автор романа «Люди не ангелы» — коммунист. В этом нет сомнения. Тем удивительнее, с какой очевидностью описана бесчеловечность происходящего, описана с ослепительным светом: принудительная, грубая коллективизация крестьянства, страшный голод, варварство допросов, ссылок в ночь и туман, система доносов и «разоблачений»... и т. д.».

Роман издавался много раз у нас и за рубежом, выдвигался на всевозможные премии. Их не присудили. Зато литературная критика, обратив вначале внимание на роман, потом, в годы застоя, позабыла о нем и своим молчанием исключила его из числа произведений, повествующих о тех трудных годах нашей истории. Теперь уже от других книг ведется исчисление, когда в нашей литературе впервые были изображены голод, репрессии и тяжкие несправедливости, допущенные при раскулачиваниях и коллективизации. И пришла мне в голову такая мысль: кому-то невыгодно напоминать читателям, что роман «Люди не ангелы» и последующие мои романы написал один и тот же автор. Случилось даже так, что изданный в прошлом году в приложении к журналу «Дружба народов» мой однотомник, куда включены роман «Люди не ангелы» и повесть «Человек не сдается», без моего ведома и согласия назван «Человек не сдается». Что же стоит за этим?

А дело вот в чем. Сейчас ведется атака против моих романов о войне, и я в меру своих слабых сил стараюсь отражать атаки, ибо считаю, что не погрешил против исторической правды и документальной подлинности событий. Вот, например, в «Неделе» № 15 за этот год И. В. Бестужев-Лада, вполне разумно размышляя о многих проблемах нашей истории, в то же время повторяет не соответствующую действительности версию о самоизоляции Сталина «на даче в Кунцево в первые десять дней войны, когда рушился фронт». Против Сталина сейчас выдвинуто столько справедливых обвинений (вспомните хотя бы публикацию А. Ваксберга «Тайна октября 41-го» в «Литгазете» от 20 апреля 1988 г., от которой волосы на голове встают дыбом), что непонятно, зачем еще нужна и неправда?

Могу в двух словах рассказать, как Москва узнала о начале войны. Это не одна из версий, а правда. Между двумя и тремя часами ночи 22 июня 1941 г. на даче Наркома иностранных дел В. М. Молотова раздался телефонный звонок. Звонил германский посол Шуленбург и просил срочно принять у него меморандум об объявлении Германией войны Советскому Союзу. Молотов ответил, что будет ждать посла в наркомате и тут же позвонил на дачу Сталину, разбудил его и сообщил о разговоре с Шуленбургом. Сталин ответил: «Езжай. Но прими немецкого посла только после того, как военные нам доложат, что агрессия началась. Еду собирать Политбюро. Ждем там тебя». С этого часа Сталин бесменно находился в Кремле, принимая решения, о правильности или неправильности которых могут лучше судить историки.

После скандальных объяснений 29 июня между государственно-политическим и военным руководством страны в Наркомате обороны Берия насторожил Сталина о якобы зреющем заговоре военных. С этим связанны, на мой взгляд, последовавшие за тем новые решения, вступившие в

силу 30 июня: создание Государственного Комитета Обороны, назначение С. К. Тимошенко командующим Западным фронтом и посылка на Северо-Западный фронт Н. Ф. Ватутина. Г. К. Жуков остался в Москве «под колпаком» Берии. А 2 июля для надзора над Тимошенко был послан на Западный фронт Мехлис.

Хочу также ответить на выступление О. Темушкина в «Советской культуре» (19 марта 1988 г.). В нем содержится обвинение в мой адрес, будто я в романе «Война» неправильно изобразил судьбу и вину генерала армии Д. Павлова и его соратников. Темушкин ссылается на то, что он был в составе комиссии, которая после XX съезда КПСС пересматривала в Военной коллегии Верховного Суда СССР дело Павлова и реабилитировала его вместе со всеми генералами и офицерами, расстрелянными в 1941 году. Я вполне солидарен с Темушкиным, что не надо было применять к руководству Западного фронта крайнюю меру наказания. Павлов, Климовских, Клыч, Григорьев, Коротков и другие могли бы принести много пользы, командуя корпусами, дивизиями и даже полками. Но ведь я писал не о ходе реабилитации командования Западным фронтом, а о том, давнем ходе дознания, перед преданием их суду и при этом пользовался той папкой коллегии военного суда, которая осталась там после расследований комиссии. Я даже читал тот протокол дознания, в котором Павлов «сознается» о якобы имевшем место своем разговоре с фашистами. И там имеется примечание следователя, которое звучит так: «Протокол подписал в невменяемом состоянии». Я знаю и о трагедии семей расстрелянных: их репрессировали, хотя статья, по которой выносился приговор, не давала повода для этого. Мехлис тут явно перестарался.

Читал я и о том, как комиссия по реабилитации, в которую входил Темушкин, пыталась доказать, что осужденный во время войны сын Хрущева, летчик, совершивший героический подвиг, ни в чем не виноват. Но военная коллегия Верховного Суда не нашла возможности снять с него судимость.

Но виноват ли в самом деле Павлов? Темушкин доказывает, что нет, не виноват... К сожалению, виноват, доложив Сталину за две недели до начала войны, что сведения о сосредоточении немецких войск вдоль наших границ являются провокационными. Свидетелем этого доклада был А. Е. Голованов, ставший потом Главным маршалом авиации и опубликовавший свои мемуары в журнале «Октябрь». Я потом разговаривал со многими полководцами. Все они были единодушны: командующий, который заранее даже не позаботился о своем командном пункте и потерял управление армиями в первый же день войны, не может быть невиноватым. Не может быть невиноватым командующий, который 21 июня вечером, ощущая всю накаленность атмосферы, позволил себе вместе с членом Военного совета дивизионным комиссаром Фоминых и семьями пойти в окружной дом офицеров смотреть «Анну Каренину» в постановке приехавшего на гастроли в Минск МХАТ. Правда, Павлов поставил в коридоре аппарат ВЧ и во время спектакля дважды отзывался на телефонные звонки из Москвы, разумеется, никому не объясняя, что находится в театре, а не в штабе округа, на связи с командующими армиями. Все это записано в переданных мне бывшим членом Военного совета Западного фронта генерал-лейтенантом Фоминых мемуарах. Это же подтверждает бывший офицер отдела культуры Политуправления Западного особого военного округа А. Н. Колосов, живущий ныне в Москве. Он в тот вечер нес дежурство у ВЧ Павлова и подзывал его из ложи к телефону.

А что говорит сам Павлов о своей виновности или невиновности? Читаю свидетельство бывшего капитана госбезопасности, ныне полковника в отставке И. Г. Бойко, сейчас живущего в Одессе. Он был в опергруппе, которая 4 июля 1941 г. арестовала Павлова. Что было после

ареста? «Примерно в 16.00 мы были в Смоленске в кабинете начальника НКГБ. Через некоторое время в кабинет вошел Мехлис и сразу с присущей ему резкостью и несдержанностью обрушился на Павлова с гневом и ругательствами, допуская такие выражения, как «подлец, негодяй, предатель, изменник, немцам фронт на Москву открыл», и др. Павлов, сидя в кресле, пытался возражать Мехлису, но у него ничего не получалось под градом слов крайне раздраженного Мехлиса. Минут через 10—15 Мехлис и остальные вышли из кабинета, а мне было приказано провести личный обыск Павлова, оформить как это положено протоколом, что я и сделал. После ухода Мехлиса и других Павлов, оставшись со мной, стал выражать свое возмущение тем, что Мехлис назвал его предателем и изменником, признавая однако при этом свою вину за неподготовленность войск округа к отражению нападения немецко-фашистских войск, несмотря на предупреждение Наркома обороны накануне, за потерю почти всей авиации на приграничных аэродромах в момент начала войны, за необеспечение и потерю связи штаба округа с армиями и соединениями в первые дни войны, что привело к потере управления войсками и незнанию обстановки на границе.

В разговоре со мной он часто повторял: «Я виноват и должен нести ответственность за свою вину, но я не изменник и не предатель». Успокоившись через некоторое время, Павлов попросил у меня разрешения покушать и выпить немного коньяку (у него в чемодане с собой были курица, хлеб и бутылка коньяку). Покушать я ему разрешил, а в отношении коньяка сказал, что этого делать нельзя. На что Павлов сказал: «Ну вот, арестовали и выпить не дают». После настойчивых просьб я уступил ему и разрешил немного выпить. Отвлекаясь записью и оформлением протокола обыска, я не заметил, как Павлов в считанные минуты выпил почти всю бутылку коньяка. Когда я это заметил, то забрал у него остаток коньяка, на что Павлов сказал: «Ну вот, выпил в последний раз в жизни». На мой вопрос: почему в последний раз, он ответил: «Меня расстреляют, я хорошо знаю Сталина, он мне не простит того, что произошло».

А теперь судите сами, как быть историкам, юристам и литераторам, прикоснувшимся к истокам истины о любой конкретной ситуации? Давайте не загонять друг друга в угол. Перестройка в литературе — это не сведение счетов за несовершенства наших былых суждений или за прежние обиды и несправедливости. Именно так понимают суть перестройки сегодня многие писатели. Давайте же делать нужные и верные выводы из прежних наших ошибок, при этом глубоко задумываясь над тем, где были истинные ошибки, а где были плодотворные поиски. Ведь все, что было, — это мы с вами!

В. А. КУМАНЕВ (член-корреспондент АН СССР). За правдивое осуждение прошлого

Глубокий историзм мышления входит органической составной частью в диалектику. Это одна из истин марксизма-ленинизма. Только правдиво анализируя нашу историю, можно и нужно отбросить то, что грубо искажалось, неоправданно замалчивалось или, наоборот, превозносилось часто без оснований на то.

Писатель С. Шуртаков в статье «Чувство историзма» метко заметил, что гражданина ни химией, ни кибернетикой не воспитать; его воспитывают история, литература, родной язык. И не пора ли, как постоянно слышится в стенах АН СССР, отечественную историю вместе с литературой посадить в первые ряды школьных дисциплин?! Начав историческое образование с первых шагов ребенка, недопустимо ограничиваться школьными знаниями. Между тем даже в «Детской энциклопедии» по

иерархии истории стоит не то на восьмом, не то на девятом месте. Случайно ли это?

Сегодня мы сталкиваемся с неудержимым желанием некоторых лиц, называющих себя историками, потолковать по широкому кругу исторических вопросов, оценивая при этом все в мрачном свете, словно советской исторической науки не существует. Даже наши недруги на всемирных конгрессах признают приоритет советских историков по многим направлениям научных исследований. Действительно, проблем, трудностей, резервов у профессиональных историков немало. Ответственность их неизмеримо возросла, но для выправления дела требуется терпение, и наш гражданский и партийный долг — приложить все усилия к исправлению ситуации на фронте истории. В условиях гласности, которую народ действительно выстрадал, нет ни у кого из обществоведов и писателей ни монополии на истину, ни права поучать, а есть поиски ее — кропотливые, с учетом, разумеется, обстановки тех лет, есть жгучая потребность знать все как было.

Выступать по истории вправе в наши дни все, но все же, чтобы дело прояснить, а не замутить, требуется известная доля компетентности. А между тем сторонники однобокости и сенсаций, выражаясь словами русского историка С. Б. Веселовского, с удовольствием совершают «опустошительные набеги» на отечественную историографию, сбиваясь порою на передергивание, на «валовое» охаивание прошлого, на призывы, понятные и без их императивных суждений, к тому же размашистые, по всему периоду истории страны — от Древней Руси до современности.

Нельзя судить о работах историков вне условий, в которых им приходилось трудиться. Это неизбежно порождает иллюзию, что историк где-то могли бы написать и в 30—40-х, в 70-х — начале 80-х годов правдивые, глубокие исследования, но леньше мысли, их «профессиональная непригодность» помешали. Позволительно спросить: а кто бы стал публиковать неких смельчаков в те нелегкие годы? И какие санкции могли последовать за создание правдивой истории, скажем, сталинского периода или застойного? И кто бы их допустил к фондам в архивах — фундаменту серьезных исследований? Так что не будем ни упрощать существовавшую ситуацию, ни обелять историков: их робость, внедрение в их среду догматизма, благодушия, бодрячества, помпезности и т. п.

Ныне историки — тоже активные сподвижники оздоровления общества, участники создания новой духовной атмосферы, деятельные пропагандисты перестройки. Никогда за последние десятилетия они столько не выступали перед массовой аудиторией, за «круглым столом», на диспутах, по телевидению, в печати, по другим каналам информации. Почти одновременно с «Детьми Арбата» А. Рыбакова, «Белыми одеждами» В. Дудинцева, «Зубром» Д. Гранина, очерками Ф. Бурлацкого, А. Ваксберга, И. Руденко, В. Соколова, Ал. Афанасьева и многих других литераторов в «Огоньке», «Новом мире», центральных газетах и исторических журналах появились публикации и историков о славной когорте большевиков-ленинцев, полководцев, ученых, деятелей культуры, ставших жертвами беззакония и террора, насаждавшихся Сталиным, а также редкие документы и мемуары.

Поистине всенародный интерес к истории, истории отечественной и мировой культуры переживает все общество. Уже говорилось здесь о реакции общественности на глубоко содержательную статью в «Правде» от 5 апреля «Принципы перестройки: революционность мышления и действий», давшую отпор антиперестроечным силам. Некоторые из них, рядясь в тогу гласности, критикуя, стремятся подогреть интерес к своей личности, не предлагая ничего конструктивного, созидательного. Их мучает синдром реванша. Среди откликов в печати по истории попадаются и заведомо сомнительные мнения (видимо, в пылу борьбы за торжество правды). Например, М. Гончаров заявил, что Сталин «увел нашу стра-

ну от социализма, уничтожил цвет нации». Пытался увести, но не увел. И в этом суть. Ленинизм, идеи и вера народа в социализм оказались сильнее. Торопливо переписывать историю — заведомо создавать поделки. Каждое новое поколение ее обогащает, переосмысливает с позиций сегодняшнего дня. Нужна диалектика, а не шараханье то в черное, то в белое, не подмена одной полуправды другой. «Жаренные факты», полуправда о 20—30—40-х годах, уход от анализа 70-х, корнями связанных с временем сталинского культа, могут запутать даже стойкого, но недостаточно компетентного человека. Разумеется, все прошлое топтать, чернить недостойно, лихо отбрасывая достигнутое народом, в том числе в области науки, включая историческую.

Историки и писатели трудятся совместно в краеведении, в музеях, в обществах по охране памятников (правда, эти организации весьма бесправны), в Советском фонде культуры. Надо общими усилиями активнее продолжать работу по восстановлению исторических названий улиц, городов. Почему Мариуполь до сих пор носит имя Жданов? При всем уважении к М. И. Калинину целесообразно ли иметь два Калининграда и еще Калинин (бывшая Тверь)? Создается памятник Теркину. Но не начать ли с сооружения памятника великому поэту-гражданину А. Т. Твардовскому? В Москве нет памятников Разину, Болотникову, Пугачеву, Радищеву, декабристам, ряду видных большевиков-москвичей. Мы тратим в год 2 млн. руб. на наглядную агитацию, а несколько сотен рублей на мемориальную доску (например, на доме, где жил маршал Г. К. Жуков, где он работал) у нас нет.

Быстро дать ответы на многие проблемы истории, особенно советского периода, практически невозможно. Через издательство книга в среднем идет три года. А архивы полностью только-только открываются; документальный материал надо выявить и переосмыслить. Но и политика «не спеша» общество не устроит. Это тоже ясно.

Очень плохо, когда люди занимаются не своим делом. Известно, что Сталин «занимался» почти всеми науками и часто норовил по-своему толковать ленинизм. Мы знаем, чем кончались поддержки им таких лжеученых, как Лысенко. Вспоминается факт, рассказанный известным языковедом академиком И. И. Мещаниновым. Когда Сталин задумал провести дискуссию по вопросам языкознания, он вначале решил в ходе ее поддержать учение академика Н. Я. Марра. С Мещаниновым посоветовались. А когда его вызвали второй раз к Сталину, там сидел Берия и малоизвестный филологам Чикобава. Все переиграли. А потом «корифей науки» заявил: «Если бы я лично не знал Мещанинова, посчитал бы его действия вредительскими».

Большое внимание общественности привлек последний Пленум писателей СССР. На нем было много сказано поучительного, смелого и гражданственного. Тем досаднее промахи. Так, писатель Р. Ованесян назвал жестокие годы Великой Отечественной войны «наиболее счастливым периодом дружбы наших народов». Да, семья советских народов дружно боролась с фашистской чумой. Но давайте не забывать, какое это было «счастливое» время для ингушей, балкарцев, немцев Поволжья, калмыков, чеченцев и других народов, которые «отец народов» насильно переселял в далекие снежные края? На Пленуме также говорилось: «Мы, к сожалению, разрушали храмы и потом в 30-х годах строили тюрьмы»³¹. Тюрьмы строил Сталин и его опричники. Ягоды, ежовы, вышинские, ульрихи, берии, абакумовы, меркуловы — это не мы, не партия и не советский народ. К тому же, как известно, воздвигнутый на народные жертвования в честь победы над Наполеоном храм Христа Спасителя был снесен благодаря спеси «хозяина», как, впрочем, и Сухарева башня и многое другое.

³¹ Скорее всего, тут допущена «Литгазетой» редакционная неточность.

У нас большая общая история, которую нельзя похоронить вместе с беззакониями и репрессиями. Как заметил Е. Евтушенко, если нет правды, ее заполняют домыслы и опасная идеализация. Всякое замалчивание минувшей трагедии, как и извращений поры оцепенения и самодовольства, приводит к неправильной ориентировке подрастающего поколения. Подобными отклонениями очень грешат работники художественного кино. Сценаристы (а за ними режиссеры и актеры) волюнтаристски часто стараются идеализировать все, что связано с личностью «полководца всех времен и народов». Как после таких кинокартин переубедить молодежь, насмотревшуюся на величественного и скромного «радетеля народных благ», мудрого гуманиста? Ведь в действительности был тот, кто погубил страшное число борцов за ленинское дело — от наркомов, маршалов до рядовых, попавших в беду людей, которых он неуважительно именовал «винтиками».

Историки и писатели сообща должны разобраться во всех перипетиях, корнях культа личности, не сводя все изыскания только к личности Сталина и не концентрируя внимание только на 1937—1938 годах. Зная горькую и болезненную правду, молодые историки сами все оценят не хуже нас. Но помочь им надо...

В памяти живы застойные «порядки», которые махровым цветом распустились в нашей жизни. Созидателем их был во многом Брежнев, прервавший хотя и непоследовательный курс Хрущева на демократизацию. Почему об основном носителе этих «порядков», утратившем в итоге скромность и порядочность, пишут так мало, рождая недоумения и всевозможные догадки? Расхождение между словом и делом у него особенно бросалось в глаза. «Говорили о скромности коммуниста, — как заметила поэтесса С. Капутикян, — а сами украшали себя иконостасами орденских колодок и высшими титулами. Говорили о высокой морали, жертвенности во имя общества, о борьбе против стяжательства и коррупции, а сами собирали коллекции автомашин и прилюдно, на глазах всей страны, принимали драгоценные перстни». В пору брежневского самолюбования и демагогии настойчиво шел процесс разрыхления социалистической демократии при одновременном тревожном для миллионов граждан росте вседозволенности, лихоимства, породивших медуновых и адыловых, щелоковых и рашидовых, сушковых и чурбановых. За срывы в застойное время несут полную ответственность конкретные люди, их чрезмерная самоуверенность, отход от ленинских норм, личная нескромность и некомпетентность, комчанство и высокомерие. А изучаем мы этот период, увы, вяло.

Литературный критик А. Турков, оценивая роман А. Рыбакова «Дети Арбата», недавно сказал, что, конечно, появление его не «закрывает тему»: необходимо и дальнейшее исследование всех сложностей минувшего времени, в частности силами историков. Это мы приветствуем. Наш высокий моральный долг — донести до будущих поколений все ценное, что досталось нам от прошлого. Ленинская партия всегда высоко ценила воспитательную роль отечественной истории, видя в этом обеспечение преемственности, духовной связи поколений. Плохо знать свою историю, прошлое других народов, уроки развития всего человечества, значит, не чувствовать и не понимать современную жизнь. «Наша сила в заявлении правды!»³² — подчеркивал В. И. Ленин.

Возрастает значение исторического сознания в жизни нашего общества диктует выход на новый уровень преподавания и изучения истории. Сейчас всем ясно одно: без четких мировоззренческих позиций, без достоверной правды — единой и неделимой — не может быть серьезного исторического исследования. И чем чаще обращаемся мы — творческие

³² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11, с. 328.

отряды работников интеллектуального труда — к этой богатейшей науке, тем яснее понимаем, как нам действовать сегодня, в условиях перестройки.

С. П. ЗАЛЫГИН (главный редактор журнала «Новый мир»). *История и литература — из одной колыбели*

Может быть, нет более близких областей деятельности, чем история и литература. Собственно говоря, если литературное произведение сегодня серьезно, то оно уже исторично, оно несет тот заряд, который действительно через какое-то время станет историей. Но это не значит, что история диктует свои правила литературе и художнику. Мы уже впадали в подобные крайности, когда историческая концепция полностью подчиняла себе художественное произведение и в конце концов не получалось ни того, ни другого — ни литературы, ни истории. Мы должны признать относительную свободу литературного произведения от истории так же, как право истории поверять художественное произведение с точки зрения фактологии.

Я хотел бы в этом плане остановиться на произведении, которое все знают и которое мы только что напечатали в журнале «Новый мир», — это роман «Доктор Живаго». Это произведение интересное, но не историческое; мы из него не узнаем, чем была гражданская война, как она происходила; в этом романе нет какого-то заряда фактической информации. Что это такое? Это разговор лирика, во-первых, о прозе, когда лирик, когда поэт пускается в прозу; а во-вторых, это разговор лирика об историческом факте, о том, как он его видит. И мне кажется, когда мы читаем это произведение, то, как сказал в предисловии академик Д. С. Лихачев (наиболее, может быть, точно), оно оттепляет «толстовство» Б. Пастернака, и, наверное, надс с этой позиции его и рассматривать; и никак нельзя по одному и тому же закону судить о совершенно разных произведениях на тему гражданской войны, скажем, о таких, как «Тихий Дон» М. Шолохова и «Доктор Живаго» Пастернака.

Совершенно различная методика должна быть при рассмотрении этих вещей, если мы хотим и в том, и в другом произведении понять нечто самое главное и существенное для них. Пастернак в своем произведении вовсе не стремился к какой-то фактуре, к какой-то информации, он позволяет себе в ряде случаев попросту пренебрегать реалиями. Я приведу такой пример, может быть, небольшой, но вполне типичный для него. Вы помните, что доктор Живаго каждый день за 40 км ездит верхом в город с хутора в страшную распутицу на лошади. Но лошадь не пройдет 40 км каждый день туда и обратно без дороги, на это потребуются часов 10—12; а потом, где он оставляет лошадь в городе? И чем она там питается? Все это автора совершенно не интересует, он не знает лошадей, его вообще не интересуют какие-то детали бытия, и я, читатель, и не ищу их у него, но мне очень интересно следить за тем, как лирик, как поэт видит действительность, видит такое огромное событие, как гражданская война.

Там, где историк видит один факт — факт войны, для художника есть два факта: факт, о котором писатель пишет, и факт его отношения к этому факту. Вот это отношение писателя мне и любопытно, и интересно. Мне очень интересен также язык Пастернака-прозаика, язык русской интеллигенции того времени, который, кстати говоря, мы можем окончательно потерять, если уже не потеряли. А ведь язык — это еще и способ мышления, и характер (не только личный, но и общественный) героев романа, и в этом я снова вижу достоинства романа: он «застолбил» для нас тот неповторимый язык, а с ним вместе и способ мышления, которых нынче уже нет, но потерять которые мы попросту не вправе.

Высказывается и такая точка зрения: «Доктор Живаго» повторяет, и не в первый раз, бытовавший в свое время и в жизни и в литературе тип «разлагающегося», в лучшем случае «сомневающегося» русского интеллигента времен революции и гражданской войны. При этом приводится в пример «Клим Самгин». Юрий Живаго, дескать, повторение Клима Самгина. И опять я не могу согласиться с этим. Тут дело в деталях, я бы сказал, в деталях деликатных и даже интимных. Самгин — человек, безусловно, интеллигентный, он тонкий наблюдатель-скептик, и скептицизм его бездуховен, наблюдательность бездуховна, более того — она противопоставлена классической духовности России, русской революции, а если на то пошло, так и всего мира.

В этом есть железная логика истории, гениально схваченная Горьким: такого типа, как Клим Самгин, и не могло не быть в тот исторический период; хорош он или плох, но он неизбежен в той ситуации хотя бы уже потому, что духовность не развивается и не реализуется без ее же самой порожденной антидуховности, возникшей не извне, а изнутри, из самого существа духовных поисков. Не может быть духовного оптимизма без духовного скептицизма, именно того самого, который воплощает Клим Самгин. А Юрий Живаго ему противостоит, может быть, и наивно, и нескладно, и не будучи реалистом, но противостоит: в этом снова проявляется его истинная роль и значение. Вот так. Мы привыкли делить людей во время гражданской войны на белых и красных; к сожалению, мы слишком долго и радикально только таковыми и видели людей — белыми и красными, неправыми и правыми, чужими и своими; а Пастернак ужаснулся этой радикальности, вот в чем дело.

А ведь этой же радикальности ужаснулся и Шолохов: в этом легко убедиться, если вспомнить судьбу Григория Мелехова. Григорий Мелехов — Левинсон и Мечик — Клим Самгин — Юрий Живаго: это те «от» и «до», которых произвела на свет гражданская война своим трагизмом, своей исторической реальностью. Она проложила бездны между людьми, расколола их, а Пастернак пытался найти между ними общность; он показал нам также, что в отличие от бездн и пропастей в природе, которые нам тем труднее преодолеть, чем они шире, бездны между людьми тем непреодолимее, чем они глубже: раскол между ними, даже между членами одной семьи, может быть по незначительному расхождению в характерах и взглядах, настолько глубок, что преодолеть его то и дело невозможно.

И тут, снова каждый в своей роли, выступают историк и художник: историк определяет ширину, то расстояние, на которое то или иное историческое событие разделяет людей; художник — глубину этих расхождений; но и тот, и другой ищут затем способы схождения, наведения мостов между теми, кто разошелся в стороны. Чтобы закончить эту мысль, надо еще раз подтвердить: да, есть в советской литературе такие произведения о гражданской войне, как «Тихий Дон». Это высочайшая художественность, и это же — история и даже учебник истории; это пафос реалей. Уж кто-кто, а Шолохов-то не ошибается, он знает, сколько километров в день может пройти лошадь по бездорожью; но это вовсе не исключает, скорее это призывает к созданию и таких произведений, как «Доктор Живаго».

Конечно, история и художественная литература нерасторжимы, они и выросли-то из одной колыбели: ведь в Древней Греции каждый историк был писателем, а каждый писатель — историком, даже писатель-мифолог был им. Письмо уже есть культура, а культура начинается там, где начинается ее опыт, т. е. опять-таки ее история.

Почему мы так близки к историкам? Есть ряд других дисциплин, скажем, философия или психология; но почему же мы все-таки ближе всего к истории? Я думаю, это происходит в силу того, что литература и художник всегда ищут о человеке, а история пишет о человечестве.

И мы пьем смыкания того и другого. Миллионы, миллиарды людей так же реальны, как отдельно взятый человек; но мы в литературном произведении создаем литературные образы, а о человечестве в целом говорить все еще не научились, не можем понять, что это такое. В этом нам должна помочь история. Мы же должны помочь истории видеть за событием человека, становиться все более и более человековедческой наукой. Я фантазирую, но вдруг мы когда-нибудь еще и вернемся к методу древних греков, которые умели объединить и то, и другое в одно целое, вернее — они не умели разъединять целое на части.

Д. А. ВОЛКОГОНОВ (начальник Института военной истории Министерства обороны СССР). *Сталинизм — это концепция извращенной теории и практики социализма*

Минувшее былое, будь то Французская революция, Великий Октябрь или Отечественная война, уйдя в прошлое, остается неизменным. Не могут меняться наши взгляды на эти события по мере высвечивания истины. Она для истории и литературы — ценность высшего, непреходящего значения. Но поскольку эта истина, особенно недавнего прошлого, прямо затрагивает интересы многих людей, к ней, бывает, относятся неподобающим образом. В Древнем Риме существовал, например, закон «Осуждение памяти», согласно которому деяния неугодных императоров предписывалось предавать забвению. Попытки пигмеев оказались тщетными. Память живет (или умирает) по своим законам. Поскольку действие закона «Осуждение памяти» неожиданно проявилось и у нас, то целые периоды нашей истории оказались за чертой знания миллионов людей. Отсюда колоссальный интерес к многим, малоизвестным страницам отечественной истории.

Сейчас в эпицентре общественного внимания личность Сталина. Но это нам так кажется. Сталин просто символизирует все то, что оценено историей, временем. В центре исторического интереса — наши судьбы, наша боль, горестное недоумение: как была допущена к жизни та модель реальности, которую мы называем сталинизмом? Некоторые, правда, считают, что это дефиниция надуманная. Едва ли. Сталинизм — это концепция извращенной теории и практики социализма, когда произошло отчуждение народа от власти и утвердились бюрократия и догматизм.

Думаю, для литературы и истории важно не сбиться при выяснении природы, генезиса сталинизма на концентрацию внимания лишь на характер и личные качества «вождя». Причины глубже, их целый комплекс. Политическая причина единственная: неразвитость и деформация подлинного народовластия, разрушение демократических основ, заложенных Лениным. Причина историческая коренится в «русской традиции» единоначалия монарха, низкой политической культуре народа сразу после революции, отсутствии богатых демократических традиций. Были и причины международного плана: постоянная угроза нападения, которая способствовала централизации власти и усилению роли аппарата. Даже причины гносеологического порядка существовали: неизведанность пути. Отойдя от ленинских концепций, шли на ощупь, часто через кровавые «эксперименты». Среди других, нет времени называть их все, были причины и личные. У шекспировского Гамлета есть выражение: «Под бременем своих несовершенств». У Сталина было скопище таких нравственных «несовершенств», которые в условиях культа представляли, наоборот, как Монблан достоинств. «Вождь» любил только власть и больше ничего и верил только в один «универсальный метод» достижения своих целей — насилие. Без него, насилия, Сталин не был бы Сталиным.

Влияние сталинизма сказалось и в военной области. Сейчас Институт военной истории приступает к подготовке 10-томной «Истории Великой

Отечественной войны советского народа». Готовя материалы первого тома («Накануне»), мы видим, что наряду с напряженной работой партии, всех советских людей в то время по вине Сталина было допущено немало крупных ошибок, повлиявших на начало и ход войны. Сталин передоверился советско-германским договоренностям, не смог верно оценить реальную военно-политическую ситуацию того времени, пренебрег многочисленными сигналами о конкретных приготовлениях и сроках нападения Гитлера. План обороны страны рассматривался Сталиным накануне войны трижды, пока его предположение о возможности нанесения фашистами главного удара на южном участке границы не было принято как наиболее вероятное. Ставка на доктрину наступательную невольно ослабила внимание и готовность к долгосрочной стратегической обороне. Накануне войны Сталин сменил одного за другим трех начальников Генерального штаба. Ну и, конечно, дефицит опытных военных кадров был чрезвычайно большим. Кровавая чистка, унесшая в 1937—1938 гг. более 40 тыс. командиров и политработников высшего и среднего звена, не могла не сказаться трагически. Это командира взвода можно было в то время подготовить на шестимесячных курсах. А командира дивизии, корпуса, командующего армией, округом? Для этого нужны годы.

Работая над десятитомником, мы намерены глубже и полнее использовать архивы, в том числе и трофейные, полнее изучить статистику потерь, выявить многие малоизвестные и незаслуженно забытые имена.

История не просто смена времен и эпох. Это и бесконечная галерея лиц, прошедших по земле. Думаю, со временем наряду с фундаментальным 10-томным трудом об Отечественной войне было бы хорошо создать массовую, популярную библиотечку «Страницы военной истории». В ней можно было бы в научно-художественной форме воссоздать портреты русских и советских полководцев, народных героев, описать важнейшие битвы и сражения, принесшие славу отечественному оружию, гуманизм советского солдата. Думаю, что такая библиотечка могла бы стать хорошим полем сотрудничества историков и писателей. Не в смысле коллективного написания, а взаимообогащения. Кстати, увлечение созданием коллективных трудов делает работы скучными, а историков — лишенными собственного лица. Стоит подумать о более активном переиздании наиболее интересных мемуаров — бесценных источников и свидетельств былого.

Работая в архиве, читая документы, иногда ловишь себя на мысли: до тебя доносятся голоса из прошлого. Порой едва слышные, другой раз — более громкие, иногда яростные, переходящие в крик. И историк, и литератору нужно честно и смело смотреть в глаза минувшему. Ни настоящее, ни будущее не вечны, и то и другое проходит. Вечно лишь прошлое. Что ему оставим мы?

Г. А. БЕЛАЯ (литературовед). *Две модели искусства*

Меня порадовало выступление С. П. Залыгина, в котором прозвучала протестующая мысль против слишком жесткой связи, которая устанавливается сегодня между историей и историей литературы. Разговоры, которыми мы сегодня оправдываем тот факт, что история русской литературы XX в. еще не написана, я считаю проявлением нашей слабости и попыткой свалить на историков то, что должно быть сделано нами самими. В сущности, литературой история уже написана. Написан «Котлован» А. Платоновым, написан роман «Мы» Е. Замятиным, написан «Доктор Живаго» Б. Пастернаком, написан «Разгром» А. Фадеевым, написан «Тихий Дон» М. Шолоховым. Эта история литературы не имеет статистики, не имеет цифр, но, думаю, что именно в ней мы сегодня находим изображение драматического пути нашего общества, драматиче-

ского пути нашего народа. И историки многое найдут здесь, когда будут писать реальную историю страны.

Вопрос к историкам литературы, который встает у нас, лежит в другой плоскости. Этот вопрос касается фундаментальных проблем. Ленин говорил после Октябрьской революции, что мы не знаем, каким будет готовый социализм, каковы будут его готовые формы. Вопрос к историкам, который у нас возникает, к историкам, которые оперируют понятием «социалистическое общество», состоит вот в чем: мы хотим знать конкретное содержание, которое вкладывается в понятие «социализм». Мы хотим иметь конкретное, исторически точное определение той социальной структуры, которой оперируют сегодня и те, кто защищает «Доктора Живаго», и те, кто ругает этот роман, и те, кто считает, что это клевета на революцию. Я понимаю, это дело и философов, и социологов, но больше всего это дело историков. Без их исследований мы не можем двигаться вперед, создавая историю советской литературы, историю советской критики.

Но я думаю, что историк литературы имеет и свои трудности, трудности трагические, трудности непреодоленные. Их надо постараться попятить. Это не только замороженные архивы, это не только не напечатанные еще книги и это не только фальсифицированные документы или ложные, конъюнктурные оценки, которые нами еще не пересмотрены. Есть более серьезные препятствия, которые мешают работать. Это прежде всего утрата объективных научных критериев. Анализ литературы «новой» и «старой» ведется без определения того, что же мы имеем в виду. Говоря о настоящих произведениях искусства, мы не уточняем, какой смысл вкладываем в это понятие. Мы до сих пор не договорились о том, что же есть история литературы, — то, что поднималось на щит, что вошло в учебники, в «обойму», подчас обладая сомнительной художественной ценностью, или то, что содержит в себе, как выявило время, глубину художественного обобщения, художественного прозрения, хотя и вызывало в свое время непонимание, неприязнь, споры? Историю литературы мы часто подменяем историей литературной жизни, литературно-го быта. Но это не одно и то же.

Часто историю литературы 20-х годов рисуют как золотой век нашего искусства, исходя главным образом из факта многообразия литературных группировок того времени. Литературных группировок действительно было много, они имели свои программы, декларации, но рискну заметить, что в сущности эти декларации и программы можно рассматривать только как эстетические гипотезы относительно путей развития искусства в обществе, рожденном революцией. Если же идти вглубь, то нельзя не увидеть, что уже в 20-е годы в нашем обществе существовали и боролись между собой за первенство две модели, две глобальные идеи о типе искусства будущего: как придатка к идеологии и как особого, специфического способа познания реальности. Названные модели искусства соответствовали и соответствуют двум боровшимся и борющимся моделям социализма: «уравнительного социализма» («казарменного социализма») и настоящего социализма, который в представлениях многих людей 20-х годов выступал как строй, ориентирующийся на гармоническое развитие общества и человека.

Оглядываясь на наш горький исторический опыт, я хочу поставить вопрос: равные ли возможности имели эти модели искусства перед лицом деформирующейся социальной реальности? Думаю, что неравные. Это обнаружилось рано. Так, Н. Осинский, старый партийный работник, писал в «Правде» в 1922 г.: «Ахматова — первоклассный лирический поэт», Ахматова способна дать «сжатую, выпуклую и звучную формулировку значительного или характерного для той или иной группы современников душевного движения». Поэтому, отмечал он, «нам ценно гражданское сознание Ахматовой». Осинский видел, что мировоззренчески, политически Ахматова не близка строителям нового общества, но счи-

тал: если она сумела услышать «шум времени», то только потому, что у нее «честная душа и гражданское сознание». Она «не покидала и не хотела покинуть Россию... из чувства национального, не вследствие революционного чутья».

Такой подход к искусству был основан на убеждении, что искусство отражает жизнь своим, специфическим образом; что художник способен, сохраняя верность действительности, создать объективную картину жизни; что художественный образ должен быть выношен и выстрадан в свободной душе художника, и хотя токи текут от жизни,— важно, что они пересоздаются в горниле его внутреннего мира. Впоследствии сторонники такой методологии опирались на статьи В. И. Ленина о Льве Толстом, где Ленин писал о том, что «эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества»³³. Значительность реального, жизненного материала была для Ленина так же важна, как и «гениальное освещение» Толстого.

Но победило другое представление об искусстве, другая модель искусства. Победили те, кто считал, что Ахматова принадлежит, как писал Г. Лелевич в 1923 г., к «внутри-российским мистикам и индивидуалистам»; что их деятельность «в Советской России, с точки зрения пролетарской революции, ничем оправдана быть не может». На взгляд таких критиков, в новом обществе искусство будет играть вторичную роль. Еще в 20-е годы они писали: искусство в новом обществе «не является, не может являться основным источником познания жизни вообще. Этим определяется его громадная дополняющая по отношению к научно-историческим обобщениям роль». Так был поставлен под сомнение объективный характер искусства.

Хочу подчеркнуть, что такой подход к искусству выходит за пределы рапповской критики, как это принято думать. Когда теоретики «левого» искусства писали о том, что роль писателя в обществе равна нулю, т. е. она перешла к «большим коллективам», когда они говорили, что не будь Пушкина, «Евгений Онегин» все равно был бы написан,— они тоже трактовали искусство как нечто подсобное, обслуживающее. Тезис, заданную идею — «социальный заказ» понимали как «социальный приказ». Такой подход к искусству породил ориентацию на внешне понятую тему, на злободневность материала. Возобладало, как говорил впоследствии В. Астафьев, «календарное», поверхностное понимание современности. Именно такой подход к реальности привел к пышному расцвету литературы конъюнктурной. Но она не могла удовлетворить общество. И те же критики, которые провозглашали эту программу, заговорили в 1927 г. о крахе литературы, в 1929 г. — о кризисе литературы.

Мне вспоминается спор М. Горького с Ф. Гладковым, «спор глухих», потому что Горький хвалил Гладкова, но говорил, что областной говор, корявый язык, неряшливая стилистика — все это нуждается в доработке. А Гладков обижался, потому что считал, что актуальная революционная тема — это все! Тема делала писателей неприкасаемыми. Это надолго осталось у нас. Наши оценки стали вневосточными. В качестве примера могу привести творчество А. Фадеева. Когда читаешь его книги в контексте литературы 20-х годов, становится ясно, что Фадеев сделал много для литературы. Созданный им образ большевика был гораздо ближе к реальности, чем «кожаные куртки» Пильняка, которые начали гулять по нашей литературе. Но Фадеев стал знаковой фигурой. Его даже сделали великим стилистом, хотя в этом смысле он был явно учеником Толстого, и в 20-е годы ни он, ни критики не скрывали его ученичества.

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20, с. 19.

Искусство, сведенное к идеологии, искусство, отождествленное с идеологией,— под этим знаком проходило развитие нашего общества. Это было раньше, это есть сейчас. Объективные критерии в оценке искусства, счет, который, когда речь заходит о классике, идет от глубины художественных открытий, как бы не для нас. Почему Д. М. Урнов анализировал роман «Доктор Живаго» (статья в «Правде» от 27 апреля с. г.) — вне художественного контекста творчества Пастернака, вне исторического контекста отраженной в романе реальности и, наконец, вне поэтики Пастернака? Статья не имеет никакой критической аргументации, никакой научной аргументации. Перед нами — идеологема, причем идеологический смысл романа выводится из рассуждений героя, а не из позиции автора. Критик решал здесь только одну задачу — низвержение романа.

Лучшее, что было создано в советской литературе, было создано вопреки обстоятельствам, а не благодаря им. Именно это должно определить наше отношение к новым пластам художественного наследия. Писатели, которых мы сегодня воскрешаем, — это предмет нашей гордости. Становится все ясней, что история России — это история нравственного и духовного стоицизма ее художников. В знании этой истории нуждаются люди, она укрепляет их дух, их веру в возможности человека.

Ю. С. КУКУШКИН (академик). *Устранить препоны изучению и преподаванию истории*

Без преувеличения можно сегодня сказать, что никогда советская историческая наука не играла такой активной роли в жизни общества, как сейчас, в период перестройки. Никогда не имела она такой великой общественной значимости. Но никогда не было и такой огромной ответственности, какая возложена на плечи историков сегодня.

После 1985 г. вместе со всем пародом историки включились в перестройку. Нельзя сказать, что мы добились больших успехов, но кое-что в этом направлении все-таки уже сделано. Вместе с тем за этот короткий срок историки успели допустить и очень серьезные просчеты, и это настораживает. Некоторые испугались тех задач, которые поставлены перед исторической наукой, стали шарахаться, не понимая того, что пути назад нет, что это ведет к гибели. Нашлись и такие (и их немало), которые поняли необходимость закрыть «белые пятна» в истории как призыв к замазыванию их черной краской. И эти «помощники в развитии исторической науки» делают работу такую же вредную, какую в свое время делали те, кто лакировал историю.

Недопустимо изображать последние 70 лет в истории жизни нашего народа как сплошную цепь ошибок и преступлений. А такие заявления рассыпаны по нашим историческим и литературным журналам, мелькают чуть ли не каждый день на страницах нашей прессы. И хорошо еще, если авторы их пытаются подкрепить свои заявления ссылками на факты. Мы имеем множество примеров, когда ложные декларации ничем не аргументируются. Для примера процитирую выступление Ю. Нагибина на страницах «Книжного обозрения»: «...близкая нам история нашего советского общества еще не написана. А то, что выдается за историю, — сочетание фальсификации с замалчиванием, сплошные «белые пятна» («Книжное обозрение», 1987, № 48). Следуя этой логике, можно прийти и к отрицанию целых периодов в истории развития нашей литературы (некоторые и пришли к таким заключениям), но это недопустимо. Нам нужно не огульное охаивание, а скрупулезная историографическая и литературоведческая работа по анализу того, что сделали историками и литераторами.

Какие же причины привели к созданию не удовлетворяющих нас сегодня книг по истории? Прежде всего это ограниченность базовых ис-

точников. Одному из выступавших передо мной ораторов из зала был задан вопрос: кто же вам мешал работать в архивах? Мешали многие. Сошлюсь на собственный опыт. Это произошло вскоре после XX съезда партии. Работая в одном из центральных архивов над темой: «Ленин — председатель Совета обороны», я пытался, но никак не мог получить интересующие меня материалы. И вот однажды служащая архива принесла и положила мне на стол стопку дел. Просматривая ее, я наткнулся на папку, где были собраны мои личные документы, и в их числе просьба разрешить работать в архиве. Резолюция на этом запросе, я до сих пор помню ее, гласила: «выдать тов. Кукушкину ограниченное количество второстепенных материалов». Такой порядок существовал многие годы. В результате многое безвозвратно упущено. Работа в архивах — это кропотливый труд, и если мы будем вести ее по-старому, то не решим своих задач.

Другой пример того, как мы относимся к документам. После XX съезда партии, в канун 40-летия Октябрьской революции было издано великое множество документальных сборников, посвященных революции и гражданской войне. Недавно мы отмечали 70-летие Великого Октября, и я буду очень благодарен тем из коллег, кто поможет мне назвать хотя бы несколько документальных сборников, посвященных этой дате. Хотелось бы, чтобы эти недоработки ликвидировались самым энергичным образом. Ведущие исторические журналы регулярно должны публиковать подборки документов.

Следующий фактор, который очень мешал и мешает нашей работе, — это серьезное отставание в области развития марксистско-ленинской теории. Здесь нам не на кого кивать, виноваты в этом прежде всего мы сами, историки.

Пагубную роль играет и медлительность многих наших издательств. Один из моих коллег очень просил затронуть в выступлении тему школьных учебников. Как работают издательства, которые выпускают школьные учебники? Производственный цикл занимает там не менее двух лет. Что из этого получается? Учебник для 9-го класса, который ныне не удовлетворяет самих его авторов и который подвергается справедливой и несправедливой критике в печати, был сдан в производство в 1984 году. После этого он был отрецензирован и одобрен советами Академии педагогических наук и АН СССР, методическими объединениями учителей и т. д. Но учебник, написанный еще в период застоя, увидел свет только в 1986 г., в разгар перестройки, а в переводе на языки народов СССР он продолжает выходить и в нынешнем году. Это, конечно, безобразие. Но внести в текст какие-либо исправления и уточнения невозможно. Машина крутится, учебники печатаются миллионными тиражами, авторы бессильны что-либо сделать для переработки их содержания.

Но только констатировать неблагополучие со школьными учебниками было бы неправильно. Мы должны активно включиться в работу по их радикальному улучшению, по написанию новых учебников. И это уже делается: вышел сигнальный экземпляр учебника для 10-го класса. Авторский коллектив стремился сделать для этого все, что было возможно. Но (мы это сознаем) и в этом учебнике много недостатков. Одна из причин заключается в том, что те материалы, которые мы в учебники считали нужным поместить, по каким-то причинам из него выпадали на разных этапах производственного процесса. Когда мы пытались восстановить эти материалы, нам говорили: «Вы срываете сроки подготовки учебников, вы срываете перестройку школы». Какие материалы выпадали? Например, в последний вариант учебника для 10-го класса были включены данные о потерях в Советских Вооруженных Силах накануне Великой Отечественной войны. Эти материалы из учебника были исключены, остались лишь упоминания о том, что были незаслуженно репрес-

сированы некоторые Маршалы Советского Союза. Все наши попытки восстановить материалы в учебнике остались безрезультатными.

Улучшить учебники невозможно, если не будет соревнования различных авторов, если ими не будут созданы конкурирующие между собой учебники, если учителям не будет дано право выбирать, по какому учебнику вести преподавание. Нужно также сократить производственный цикл издания учебников с двух лет хотя бы до одного года, позаботиться о том, чтобы в наше стремительно развивающееся время учебники переиздавались не раз в 4 года, а значительно чаще.

Значительную помощь в преподавании истории в школе могут оказать и литераторы. Прекрасные публикации появляются на страницах литературных периодических изданий. Я с интересом прочитал в «Литературной газете» статью Е. Носова («Литературная газета», 1988, № 16). Думаю, что он и многие другие литераторы могли бы принять участие в создании книги для чтения учащихся. Это было бы большой помощью школе. Можно наметить немало таких изданий, где успешно могут сотрудничать историки и литераторы. Заслуживает всяческой поддержки и продолжения многолетняя «История отечества в романах, новостях, документах», которая выходит с начала 80-х годов в издательстве «Молодая гвардия» и в каждой книжке которой наряду с известными литературными произведениями печатаются мемуары, документы, свидетельства современников и дан современный научный комментарий к ним. Тесное сотрудничество историков и писателей может дать большой и скорый положительный эффект.

А. И. КАЗИНЦЕВ (литературный критик). *Память — скорбная и милосердная*

Здесь часто звучало слово «история». Я бы хотел произнести другое слово — «память». Более человеческое, личностное. Как-то не по-писательски абстрактно (за исключением Виктора Астафьева и Дмитрия Балашова) говорили писатели об истории. Вспоминаая горькие страницы недавнего прошлого, кто-то обронил характерную фразу: «Эпоха наложила отпечаток». Как будто эпоха — субъект, наделенный волей и разумом. Нет, не эпоха накладывала отпечаток на людей, они сами делали выбор, они сами решали, кому служить — добру или злу.

Аберрация, растянувшаяся на долгие десятилетия, привела к тому, что человек уже как бы не считается деятельной, самостоятельной единицей, сплошь и рядом его просто не принимают в расчет. Досадно, когда сталкиваешься с этим в быту. Но разве страднее положение в литературе? Вспомните, когда последний раз критика, говоря о современных произведениях, называла имя героя, простое человеческое имя. Как называла когда-то имена Наташи и Андрея, Григория и Аксины. Оставим в стороне претенциозный псевдоним «Сталин», в котором звучит заявка на сверхчеловечность. Но кого, скажите, окликать по именам нашей критике, когда в литературе последних лет господствуют произведения, выражающие тенденцию через головы героев, игнорирующие человека. Сталин и отчасти Саша Панкратов в «Детях Арбата» А. Рыбакова или Тимофеев-Ресовский в «Зубре» Д. Гранина еще могут претендовать на жизненность, на художественную суверенность. Но ведь остальные персонажи этих популярных произведений — безликие винтики, с которыми авторы обращаются так же, как нелюбимый ими диктатор со своими подданными.

Установки той эпохи крепко вколочены в души. В этом убедило меня вчерашнее выступление М. Шатрова. Сразу же подчеркну — статья Н. Андреевой, о которой говорил Шатров, своим догматизмом, теоретической беспомощностью и отвратительной несвободной деятельностью вызывает

раздражение. Мне понятна резкая реакция прессы на ее появление. Понятна тем более, что самые широкие перспективы перестройка открыла именно перед молодым поколением. Я имел возможность испытать это на собственном опыте. Наверное, я самый молодой заместитель главного редактора литературного журнала. Ни я, ни мои сверстники еще несколько лет назад не могли и мечтать о подобном, если бы не произошла перестройка. Впрочем, не столько житейские, сколько духовные перспективы, надежды на обновление, на возрождение страны побуждают молодежь искренне поддерживать перестройку.

Я понимаю Шатрова, написавшего ответ «Советской России», и возмущен тем, что некто какое-то время мешал его публикации. Но я не могу понять драматурга, когда он уже после публикации редакционной статьи в «Правде» обращается с требованием к своим коллегам сначала по одному, а потом и ко всем творческим союзам в обязательном порядке присоединиться к его мнению. Теперь он упрекает ученых-обществоведов за то, что они не проявили расторопности в выражении коллективного осуждения и коллективной поддержки. Но почему он думает, что все должны выражать мысли его словами? И вообще, одними и теми же словами? Мы собрались здесь для того, чтобы размышлять о недавней истории. Неужели история, неужели сотни и тысячи коллективных писем ничему нас не научили? Шатров скажет, что у его письма иное содержание. Согласен. Но стоит ли напоминать ему о том, какое значение имеет форма! Не надо молодое, пьянящее ощущение свободы, вино перестройки вливать в старые мехи.

Напомню и об эстетическом критерии. Без него разговор о литературе будет бесплоден. В последнее время много спорили об исторических драмах Шатрова. Историки находили в них неточности. Что же, специалистам виднее. Однако для меня, одного из миллионов читателей, важно другое — «Брестский мир» и «Дальше... дальше... дальше!» это не исторические драмы того шекспировского накала страстей, которого достойна революция, это стенограмма. И если в них что-то сфальсифицировано, тем хуже. Но это не сфера интересов литературной критики.

Много спорят и о последнем романе А. Рыбакова. И в этом случае историки предъявляют претензии к произведению. А. Кирилина, старший научный сотрудник Института истории партии Ленинградского обкома КПСС, в статье, опубликованной в газете «Ленинградский рабочий» (26 февраля 1988 г.), констатирует, что «за исключением года рождения, фамилии, имени, отчества, вся остальная биография убийцы Кирова вымышлена писателем А. Рыбаковым в романе «Дети Арбата». Не буду вмешиваться в споры историков. Меня занимает другое — художественная сторона, как принято сейчас говорить. Хотя «художественная сторона» художественного произведения — очевидная бессмыслица. Однако даже неистовые ревнители «Детей Арбата» предпочитают не говорить о художественности романа. А почему бы не задаться вопросом — уместны ли приключенческие приемы, опробованные в «Кортике» и в «Бронзовой птице», при раскрытии, быть может, самой кровавой драмы в истории человечества? Если не пригодны, то и разговор о романе надо перенести в иную плоскость. Ведь, споря, собственно, о журналистских сочинениях — той же статье «Кобры над золотом», мы говорим не о художественной структуре, но о фактах.

Однако широчайший интерес к истории, в том числе и недавней, общества, народа увенчался и бесспорными художественными достижениями. Это «Белые одежды» М. Дудинцева, продолжение «Канунов» В. Белова, вторая часть «Мужиков и баб» Б. Можяева. Наконец, это роман молодого мурманского прозаика Николая Скромного «Перелом», опубликованный в конце 1986 г. в журнале «Север». О романе Скромного скажу особо. И потому что он пока обойден вниманием критики, и по-

тому, что есть детали, существенно отличающие его от произведений именитых прозаиков. Скромный не был свидетелем того, о чем пишет, — коллективизации и связанных с ней драм. И прочесть об этих драмах ему было по сути негде. Пожалуй, в его романе наиболее впечатляюще проявляется животворная сила памяти. Ничего, оказывается, не было забыто. Ни одно достижение. Но и ни одна несправедливость. Ни один тяжкий стон, ни одна крестьянская слеза. Вот этим участливым вниманием к личной правде простого человека и привлекает прежде всего роман молодого писателя. Ведь это внимание, традиционное для русской классической литературы, со временем сильно притупилось. Более того, сами понятия «частная правда», «личная слеза» как бы получили негативную окраску слов «частный» и «личный». Особенно, если это была правда «темного», «невежественного», еще не освободившегося вполне от «идиотизма деревенской жизни» крестьянина.

Недавно я прочитал потрясающий человеческий документ: предсмертный дневник довольно крупного журналиста из Ленинграда, сосланного в 30-е годы в глухую сибирскую деревню. Поначалу все возмущает его — идиотизм, тупость, за которую следует судить, чуть ли не расстреливать (такими записями пестрят первые страницы дневника). Он сам уже избит жизнью, повержен, почти сровнен с этим «темным» мужиком, а все рвется учить его и судить. И лишь до конца пройдя путь унижений и скорби, он научился по-другому смотреть на окружающих его людей. И тогда на страницах дневника появились слова «сострадание», «милосердие». За несколько месяцев до гибели человек заново родился как гражданин, как литератор.

Со времени этого прозрения прошло более полувека. Но когда читаешь, например, сибирские сцены в «Детях Арбата», невольно задаешься вопросом: а всем ли удалось преодолеть надменное, спесивое отношение к простым труженикам? Тем ценнее произведения таких писателей, как Николай Скромный, глядящих на историю глазами народа. Оценивающих события, исходя из того, что они принесли народу. Читая их, слышишь, как бьется огромное народное сердце, полное памяти — скорбной и милосердной.

Ю. Н. АФАНАСЬЕВ (ректор Московского государственного историко-архивного института). *Избавить историческую науку от мертвящих пут сталинщины*

Мне кажется, что все три доклада носили настолько спокойный характер, что если попытаться сравнить их содержание с тем бурным накалом нашего времени, то следует признать, что они прозвучали убаюкивающе. И традиционалистская их сущность в общем-то не меняется от того, что в докладах содержалась ошеломляющая сенсация о вещах, в реальность которых мы уже совсем перестали верить. Оказывается, в Отделении истории АН СССР у нас все уже в порядке. Правда, жаль, что докладчик, пытаясь аргументировать это, привел всего один факт: что там разработаны опять хорошие планы на будущее. В который раз?

Мне кажется, на совещаниях, подобных сегодняшнему, мы все еще не добираемся не то что до сути (на это, видимо, потребуются огромное время и огромные коллективные усилия), но до убедительной постановки самой задачи о необходимости ответить наконец на вопрос: что же представляет собой на сегодня наше историческое знание? И, может быть, еще шире: что представляет собой современное совокупное историческое сознание нашего общества, представленное во всех его поколениях?

Этим вопросом задаются многие нормальные люди. Этот вопрос волнует и руководителей нашей партии. И это, наверно, хорошо. И, слава

богу, что мы теперь уже это имеем возможность видеть. Этот вопрос прозвучал в докладе ЦК перед обществоведами, в речи Генерального секретаря на февральском Пленуме ЦК. Вчера в выступлении В. Астафьева он прозвучал буквально, как мороз по коже: человек, прошедший войну, не узнает ее в научных трудах по истории. А что же знают о ней те, кому сейчас 25? Что бы знали о ней эти люди и все мы вместе, если не было бы Симонова, Бондарева, Быкова, Адамовича?

Ну, а как же выглядит официальная историческая наука на сегодня? Вот несколько примеров. Я предложил бы присутствующим еще раз перечитать письмо, опубликованное в «Правде» 24 апреля, которое подписано почти всеми членами Отделения истории АН СССР во главе с С. Л. Тихвинским. Многие, наверное, и я в том числе, думали, о чем и зачем это письмо? Почему оно такое беспомощное, страдательно-вымученное? В нем как бы прочитывается этакая надрынность: но вы же понимаете — обращаться надо, хотя и не с чем. Кстати, и обращение писателей в этом смысле, по-моему, не намного лучше.

Есть и другие, не менее красноречивые — что-то вроде охранительства — свидетельства стремления официальной исторической науки уйти от вопроса о нашем современном историческом знании. Я имею в виду, в частности, выступление в «Московской правде» двух академиков — Б. А. Рыбакова и Ю. С. Кукушкина, где они, отвечая на тревогу и вполне обоснованную гражданскую озабоченность председателя Госкомитета по народному образованию Г. А. Ягодина, стали доказывать, вводя тем самым в заблуждение читателей, что со школьными учебниками у нас все в порядке. В публикации, в частности, идет речь о двух учебниках — по древнему миру и по средним векам. Учебник по средним векам выпущен в 60-х годах. В этом учебнике совершенно не отражены достижения ни отечественной, ни тем более мировой медиевистики, благодаря которым перед нами предстало средневековье, о котором мы даже не догадывались лет 30 назад, — «другое средневековье», совершенно отличное и от возрожденческого его очернительства XV—XVI вв. — и романтической лакировки XIX века.

Достопочтенные академики не могли, хотелось бы надеяться, этого не знать. Так почему же они защищают столь устаревшие, схематизированные, лживые и в этом смысле действительно опасные, как сказал один учитель, школьные учебники. Мне ничего не остается, кроме как предположить, что защищая эти учебники, они опасаются, как бы не обратили внимания и на другие, а ведь следующие-то школьные учебники — это их собственные, например, учебник, по истории СССР для 9-го класса, в котором вы с трудом отыщете хотя бы одну правдивую страницу.

Но было бы, мне кажется, неверно объяснять нежелание посмотреть правде в глаза только личными соображениями того или иного историка. Мне кажется, если бы мы попытались совместными усилиями ответить на вопрос, что же представляет собой наше историческое знание сегодня, то мы с неизбежностью пришли бы к выводу (я говорю это после многих лет исследования истории исторической науки) о том, что нет, пожалуй, и не было в мире народа и страны со столь фальсифицированной историей, как наша. Это касается прежде всего советской истории. Но не только. Фальсифицируя советскую историю, историки вынуждены были то же самое сделать и с нашим дооктябрьским прошлым.

Справедливости ради надо, однако, сказать, что винить тут историков и поддерживать миф, что, мол, наши историки дурные люди, было бы совершенно неправильно — не в них дело, или по крайней мере не только в них. Режиму, который установился в нашей стране со Сталиным, и не нужна была история в качестве науки. Она нужна была ему в качестве служанки пропаганды и для оправдания преступлений, которые этот режим совершил. Это был режим и это было время, когда слова и вещи,

словно сойдя с ума, пустились в чудовищный, фантасмагорический танец. Мы стали называть все вещи не присутствующими, не принадлежащими им именами. Тоталитаризм нарекли демократией, не начавшееся еще — уже завершённым, а роющих котлован называли штурмующими небо.

И вот этот режим создал свою собственную, себе подобную живую историю. Пора наконец осознать: перед всеми нами стоит величайшей важности и ответственности задача — преодолеть мертвящую сталинщину в нашей исторической науке, как и в общественедении в целом. Только так можно было бы сформулировать на этой встрече историков и литераторов нашу общую главную задачу. Решение ее — дело не простое. Проблема не только в свойствах историков и каких-то их личных, деловых качествах. Ведь удары, которые наносил этот режим по литературе, уничтожая и изничтожая ее, наносились и по истории. И надо иметь мужество я, обозревая свою боль, понять и боль другого. Когда мы говорим о тех жертвах, которые понесла советская литература, мы должны помнить и о погромах, которые учинялись и среди историков, начиная с дела Тарле и Платонова и кончая мрачным периодом трапезниковщины.

Но, мне кажется, и не только в этом дело. Плохое состояние, низкое качество нашей исторической науки объясняется еще и многими десятилетиями селекции серости. Наконец, нельзя не сказать о самой среде обитания историков. Ведь такие, как Лосев, Аверинцев, или Лотман — это своего рода «ошибки природы», это задержавшиеся на нашей земле ихтиозавры, которых по нормам нашего обитания не должно было быть. Это жемчужины, таланты, которые чудом остались и произросли в нашей действительности почти при полном отсутствии питательного гумуса для исторического знания.

Сталинщина в исторической науке — это не только невежество и доходящая до самодурства авторитарность. Такие ее свойства могут исчезнуть, например, с уходом со своего поста С. П. Трапезникова. Главное из того, что в сталинщине еще предстоит преодолеть — монополия. Монополия на истину, на новое слово, на первоочтение исторического источника. Это тяжкий недуг, и избавиться от него можно лишь с осознанием, что наука, в том числе и историческая, делается в лабораториях и в секторах, а не на съездах и не в парткомах.

Сейчас, когда мы говорим о том, что нам предстоит сделать по формированию исторического сознания нашего общества, по устранению имеющихся здесь огромных деформаций, нам следовало бы иметь перед собой максимально широкую панораму предстоящих свершений. И тогда в поле нашего обозрения оказались бы не только учебники, не только не решенные еще теоретические задачи, не только «белые пятна». Но, например, еще и наше школьное и вузовское образование как таковое.

Недавно я выступал перед одной аудиторией, времени как и сейчас было мало, и я, краткости ради, объявил название своего выступления — «Попы марксистского прихода» и сказал, что посвящаю его преподаванию в вузе общественных дисциплин. Нужен, конечно, специальный разговор о том безобразнейшем положении, которое у нас сложилось в преподавании общественедения. Ведь то, что мы преподаем студентам под названием «марксизм—ленинизм», зачастую никакого отношения, в сущности, ни к Марксу, ни к науке не имеет. Сегодня мы не просто разбазариваем огромное количество, почти 30% учебного времени, на преподавание догматизма и схоластики, мы еще этим преподаванием и формируем определенный тип мышления, формируем социально-пассивного и творчески бесплодного человека.

Я думаю, что наша сегодняшняя встреча должна по крайней мере поспособствовать четкой постановке вопроса об избавлении нашей исторической науки и общественедения от мертвящих пут сталинщины.

Литераторы и историки на совместной конференции участвуют впервые. Из предыдущих встреч особое значение имеет для нас состоявшаяся по инициативе М. Горького в 30-х годах. Получив одобрение ЦК КПСС на издание истории гражданской войны, Алексей Максимович создал, помимо ее Главной редакции, особую художественную редакцию для издания совместных произведений писателей и историков. В результате ее деятельности вышел ряд работ, представляющих сейчас библиографическую редкость. Напомню такой труд, как «Война в песках» — история революции и гражданской войны в Средней Азии, или книгу о борьбе за Советскую власть на советском Дальнем Востоке. Подчеркиваю, что это были именно совместные работы писателей и историков.

Необходимо подумать о создании новых совместных трудов историков и писателей, благо темы, важные и интересные, не только стучатся в двери, но и врываются в окна. Одна из таких общечеловеческих проблем, которую поддерживает весь мир и в реализации которой мы принимаем активное участие, это проблема «Социализм и всеобщее разоружение». Марксизм с самого своего зарождения призывал к всеобщему разоружению, к миру. Советская власть сделала этот призыв принципом своей внешней политики. Разумеется, в первые годы существования рабоче-крестьянской республики, когда на нее всеми своими силами навалился мировой империализм, главной ее задачей было выстоять, удержаться и победить. Но и в тот тяжелейший период единоборства с мировым империализмом Советская власть десятки раз предлагала заключить мир.

Как только завершился победой героический период спасения республики, Страна Советов выдвинула идею международного мира в качестве общечеловеческого принципа. Уже в начале 1922 г. на первой международной конференции в Женеве представитель советской делегации Г. В. Чичерин, по поручению В. И. Ленина, выступил с предложением о всеобщем разоружении. Капиталистическая пресса подняла невообразимый шум. Большевиков обвиняли в утопии, в пренебрежении к действительности, в забвении общего закона человечества, которым, по мнению буржуазных авторов, была, есть и будет война.

Но Советская страна на совещаниях, в печати, в науке настойчиво, систематически выдвигала все новые аргументы в пользу мира, несмотря на все возражения оппонентов. Начатая Страной Советов борьба за мир, поддержанная всеми передовыми людьми планеты, ныне превратилась в самое массовое международное движение. Книга (именно книга, а не многотомное произведение, требующее многих лет работы), в которой наряду с историей внешней политики наша бы место и история многих международных конгрессов мира, стала бы серьезным и нужным вкладом в решение общечеловеческой проблемы спасения человечества от ядерной гибели.

Известно решение ЦК КПСС о создании новой книги по истории партии. В связи с этим некоторые историки прекратили начатые исследования до ее появления. Мне кажется, нельзя ограничиться ожиданиями. Почему не попробовать сделать кое-что самостоятельно? Скажем, подумать о периодизации истории КПСС. Современная периодизация имеет немало важных и правильных сторон (она ведь создана в противовес сталинскому «Краткому курсу»), но кое в чем устарела. Новый подход дан в докладе М. С. Горбачева, посвященном 70-летию Октябрьской революции. Маркс учил, что в историческом исследовании следует прежде всего раскрывать объективное содержание изучаемого периода и деятельность ведущего, передового класса данной эпохи или периода. А в чем объективное содержание нашей эпохи? В переходе от капитализма к социализму. Это и должно найти место в периодизации истории партии.

Можно не только участвовать в дискуссии о периодизации, но и пред-

принимать попытки создать свои работы. Это принесет пользу и создаваемому учебнику по истории КПСС. Вспомним, что до выхода «Краткого курса» истории ВКП(б) существовали книги по истории партии под редакцией А. С. Бубнова, В. Г. Кнорина и Е. М. Ярославского, труды по истории революционного движения Н. Н. Батурина, М. Н. Лядова и др. Названные книги и пособия различались источниковой базой, между их авторами существовало известное соревнование, но они были едины в стремлении раскрыть опыт партии, показать величие руководства Ленина и его соратников. Ныне дискуссия вокруг создаваемых книг могла бы послужить на пользу новому учебнику.

Еще одно замечание. Историки единодушно поддержали редакционную статью газеты «Правда» от 5 апреля с. г. и опубликовали свое заявление. «Правда» призывает к самому широкому, всеохватывающему развитию критики и самокритики во всех областях советского общества. Разумеется, при этом возможны переხлесты, неточные и неправильные высказывания, ошибочные положения, мы это замечали и видели. Ошибки необходимо исправлять, и мы будем это делать, убеждать людей в необходимости отказаться от неправильных положений. Но если оставить непроветренными углы, то это приведет к срыву перестройки. В непроветренных углах заводится пыль и плесень, и нам придется их вычищать, но уже с большими усилиями. Перестройку нужно продолжать без ослабления. А ученым надо активизировать свою работу. Бальзак говорил, что вся деятельность ученого проходит между двумя глаголами — хотеть и мочь. Желание сделать что-либо безгранично, но оно сдерживается границами возможного. Разрешение этого противоречия лежит в третьем глаголе — знать. Наука требует неустанного поиска, проверки достигнутого и дальнейшего развития. Этому и должны следовать ученые.

Р. Г. ЯНОВСКИЙ (член-корреспондент АН СССР, ректор Академии общественных наук при ЦК КПСС). *Сознание масс отражает потребность перемен*

С апреля 1985-го прошло три года. За это время мы непрерывно и активно переделываем обстоятельства жизни и самих себя в условиях социализма. Всякая перестройка общественных отношений, хозяйственного механизма начинается с перестройки сознания, образа мышления, отказа от сложившихся и изживших себя стереотипов деятельности. Это задача школы, всей системы образования и воспитания, общества в целом. Важно подчеркнуть, что инициатором революционного по своему характеру процесса перестройки выступает партия коммунистов, а участвует в нем весь народ: рабочие, крестьяне, интеллигенция. Именно народ был и остается главным действующим лицом перестройки.

У всех людей на земле есть два важнейших учебных предмета: родная литература и язык, и история. Отношение к истории есть историческое сознание. В современных условиях особую значимость приобретает вопрос о взаимоотношении практического, обыденного и теоретического сознания, их диалектическом единстве. Ускоренное развитие обыденного, практического сознания сегодня — это один из способов выражения нового мышления, мышления на уровне здравого смысла, не претендующего на полное знание и провозглашение абсолютной истины, но мышления творческого, помогающего жить и бороться в условиях целостного и противоречивого мира.

В ходе революционной перестройки обыденное сознание проявило способность опережать теоретическое. Это один из духовных парадоксов революционного обновления общества. Мы являемся свидетелями того, что развитие теоретического сознания — главным образом по субъективным причинам — сдерживалось, оно оказалось невоворотливым, окосте-

нелым и не всегда отражало происходящие в обществе коренные изменения. В то же время практическое сознание масс в известной мере стихийно отражало и отражает потребность перемен, выражает умонастроения народа, его ожидания и нацеленность на осуществление глубоких и качественных экономических, социальных, культурных и духовных преобразований.

Вследствие этого процессы и явления, которые не были своевременно и глубоко осознаны на идейно-теоретическом уровне, фактически формируются стихийно, на базе новой общественной психологии и морали. Социологические исследования, проведенные Академией общественных наук при ЦК КПСС, свидетельствуют о том, что 80% опрошенных членов трудовых коллективов считают возможным повысить эффективность своей деятельности, активно поддерживают идеи перестройки. Следовательно, необходимо в полной мере использовать высокий уровень активности трудящихся, новые ценностные ориентации людей, обобщая их на уровне нового теоретического мышления. Важно поддерживать живое творчество масс, непримиримо бороться с консерватизмом и догматизмом.

Практика показывает, что представления, не затронувшие конкретных материальных и духовных потребностей и интересов личности, в весьма ограниченной степени влияют на ее общественное поведение. В таких случаях психология человека как бы ускользает из сферы идеологического, теоретического, педагогического воздействия и складывается под непосредственным влиянием условий практической жизни. В связи с этим важен постоянный поиск новых конкретных и действенных форм практического воплощения социалистических устремлений людей, их идеалов.

Без этого невозможно эффективное воспитание политически зрелой, духовно и нравственно развитой личности. Придавая особое значение воплощению идеалов человеческой деятельности, их связи с интересами людей, Ленин подчеркивал, что вне этого они «останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление»³⁴.

Перестройка всех сфер жизни советского общества ставит перед историей и литературой все более ответственные и сложные задачи. На передний план выдвигается требование исторической правды, ответственности, честности и объективного анализа опыта работы и борьбы прошлых лет. М. С. Горбачев отмечал, что «история тогда хороша, когда из нее извлекают уроки»³⁵. Вот почему оценка прошлого, отношение к нему — острый политический, нравственный, практический вопрос. Здесь недопустимы облегченные анализ различных периодов истории и оценки исторических деятелей, рассмотрение событий и фактов в узком, описательном, фрагментарном плане.

Формирование общественного сознания советских людей тесно связано с уровнем гражданской ответственности интеллигенции, ее диалектического мышления, нравственных устоев, умением самокритично оценивать собственные взгляды, вырабатывать самостоятельную научную позицию и вести полемику на всех фронтах против консерватизма, догматизма, авангардизма, вносить социалистическое сознание и новое мышление в массы.

В этой связи не могу не вспомнить один пример. Недавно я выступал перед студентами Новосибирского университета. Один из них задал вопрос: «Нельзя ли удалить всех старых преподавателей, которые являются выходцами из застойного периода и пережили культ, и набрать новых?» На это я ответил следующим образом: я только что побывал на кладбище и возложил цветы на могилы своих учителей, с которыми жил и работал долгое время. Это академики М. А. Лаврентьев, А. В. Николаев,

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1, с. 436.

³⁵ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М. 1985, с. 223.

Г. И. Будкер. На чьих же плечах вы стоите сегодня? Откуда у нас передовая физика, новейшие ускорители, которые работают во многих отраслях народного хозяйства? Откуда у нас высокоразвитая химическая наука? Вы редко вспоминаете, что именно эти выдающиеся ученые являются основоположниками многих современных направлений научно-технического прогресса. А диалектика исторической связи заключается в том, чтобы, опираясь на передовые достижения прошлого, постоянно развивать отечественную науку, культуру, литературу, образование!

Все отряды советской интеллигенции — могучий фактор формирования общественного сознания в духе перестройки, ее идеологического обеспечения. Главная сфера нашей деятельности — развитие творческой активности народа, индивидуальности каждого, повышение авторитета партии, мощи и влияния многонационального Советского государства, утверждение нового политического мышления. Творческая деятельность должна стать потребностью существования каждого человека. В решении этой важнейшей задачи чрезвычайно велики роль и значение нашей литературы, истории и культуры. В условиях революционной перестройки всех сфер общественной жизни их просветительская, глубоко партийная миссия возрастает и наполняется новым гуманистическим содержанием.

Ю. Г. БУРТИН (литературный критик). *Условие консолидации*

Мы переживаем крайне трудный и в каких-то отношениях опасный для перестройки, для нашего будущего момент. Ну, сейчас как будто бы, в последние дни, эта опасность несколько разрядилась, тем не менее было бы самообольщением считать, что путь перестройки будет легким. Против нее слишком многое. И вот я думаю, что одной из самых больших опасностей сегодня (конечно, как и всегда, но, может быть, в наши дни в особенности) являются пустые слова, политиканство, неискренность.

Почему именно сейчас в большей, может быть, степени, чем раньше? Потому, что слишком долгие годы мы развращали наш народ, нашего читателя пустыми либо фальшивыми словами и отучили верить печатному слову, слову, которое произносится публично. И если мы хотим, чтобы дело перестройки двигалось вперед, то нам надо отказываться от этого наследия, от этой скверной привычки.

Трудно мы от него отказываемся. Я хотел бы в этой связи обратить внимание на один — литературный и исторический одновременно — документ совершенно недавнего времени. Ю. Н. Афанасьев вскользь о нем упомянул. Я имею в виду письмо секретарей Союза писателей в «Правду» от 19 апреля и в «Литературную газету» от 20 апреля в связи с трехлетием перестройки. Этот документ мне кажется выразительным и характерным проявлением неизжитого вредного пустословия. Я считаю необходимым высказать к нему свое отношение еще и потому, что я член Союза писателей, а подписавшие письмо выступают от имени Союза, т. е. как бы и от меня. Не буду читать вам его целиком, но вот некоторые выдержки.

«За эти годы коллективно выработана концепция, стратегия и тактика перестройки». Не раз мы слышали эти слова, но давайте положим руку на сердце скажем: ведь это же неправда. Поставлена задача. Поставлена правильно — задача демократизации, задача экономической реформы. Но где же цельная концепция перестройки? Мы находимся только в начале ее выработки. Говорить о том, что уже выработана стратегия и тактика перестройки тем более преждевременно. Это самообман. Дальше читаю: «Перестройка... стала социальной практикой, стала сутью нашей повседневности». Опять преувеличение. В какой-то, еще в незначительной степени стала. В том-то и беда. Дальше — больше. «Она вошла в

нас как образ мысли и действия. За столь короткий срок мы все, кажется, стали другими».

Ну вот я смотрю на подписи под письмом. Кто стал другим? Замыкает список Шатров. Я не думаю, что Шатров пережил в последние годы какую-то глубокую нравственную перестройку. Он был честным писателем на протяжении всех последних десятилетий, всего своего творчества. Он делал в общем одно и то же дело, а нарастающей энергией, трудно делал, поскольку ему мешали, но где же тут поворот? Я не вижу здесь нравственного поворота. Или Ю. Черниченко (продолжаю с конца). И к нему это выражение, по-моему, не подходит. Или, скажем, И. Дедков, мой коллега по критике. Или В. Быков, В. Розов... Эти люди, я думаю, однажды в жизни действительно пережили перестройку, внутреннюю, глубокую. То было накануне и после XX съезда партии. В дальнейшем же шло углубление, развитие сформировавшихся убеждений, но не было поворотов кардинальных, потому что это вообще не в природе человека. Разве может нормальный человек в течение жизни несколько раз совершать повороты в противоположные стороны?

Но вот я смотрю на другие фамилии того же самого списка: допустим, Марков, Алексеев, Михалков, Чаковский. Я пожил на свете все-таки достаточно и знаю, сколько они на моей памяти совершили поворотов. Допускаю, что первый поворот они вполне искренне совершили в том же самом 1956 г. вместе со всей страной. Но потом, когда с середины 60-х годов началась новая полоса нашей истории и возобладала новая идеологическая линия, они совершили еще один, уже не объявленный поворот. Поворот от демократизации к неосталинизму и застою. Они очень много сделали, чтобы установить в нашей литературе и в стране вообще вот эту самую обстановку застоя. (А. Б. Чаковский (с места): И в газетах застой?). И в газетах, конечно.

Перечитайте «Литературную газету» за 60—70-е годы. Вспомните, кого она обличала в нашей советской литературе. Вспомните, сколько честных, настоящих писателей досыта наслушались из уст руководства Союза и со страниц его печатных органов оскорбительных обвинений в «очернительстве». Вспомните, как прорабатывали «Вокруг да около» Абрамова, «Мертвым не больно» Быкова, «Вологодскую свадьбу» Яшина, «Из жизни Федора Кузькина» Можаяева, «Дом на набережной» Трифонова, «Собственное мнение» и «Наш комбат» Гранина, «Созвездие Козлотура» Искандера, «На испытаниях» Грековой, первую книгу «Капунов» Белова, «Прощание с Матёрой» Распутина и т. д. и т. п. А по чьей вине мы десятилетиями не могли прочесть ни «Нового назначения» Бека, ни «Детей Арбата» Рыбакова, ни «По праву памяти» Твардовского, ни «Реквиема» Ахматовой? Или вы тут ни при чем, товарищи Марков, Михалков, Чаковский? А сейчас, оказывается, новый поворот, и «за столь короткий срок» вы уже вновь «стали другими»! Простите, в это трудно поверить, это вопреки всем законам психологии.

Читаю дальше тот же документ. «Именно они...» Кто «они»? Оказывается, не люди, а «методы» «препятствуют развитию демократии, постоянно стремятся ввести «в рамки» гласность, свободу слова». Но, дорогие товарищи, вы же и занимались этим на протяжении многих лет, и с огромным успехом. Именно это и было вашей главной и постоянной заботой по отношению к литературе: вводить в рамки или, наоборот, выводить за рамки литературы эти самые свободу слова и гласность.

Читаю дальше: «К какому прошлому хотят вернуть страну силы торможения? К застою, синоним которого распад?» и т. д. Очень хорошо сказано. Но кто эти «силы торможения»? Мы уже привыкли за последнее время рассматривать силы торможения в телескоп, видеть их где-то на других планетах. А между тем они рядом с нами. Ведь под цитируемым документом наряду с именами правдивых, честных писателей как раз и стоят подписи литературных представителей этих самых «сил тор-

можения», затемняя суть дела, уводя нас от анализа, от понимания нашей реальности.

«Советские писатели немало сделали для того, чтобы социалистическое общество осознало себя, пришло к выводу о необходимости революционных перемен», — говорится в письме. Советские писатели — да. Хотя и с убывающей, пожалуй, энергией в 70-е годы и в начале 80-х. А какой была позиция руководства Союза писателей по отношению к этим писателям? Я не помню ни одного случая, чтобы из Союза исключали или хотя бы критиковали за лакировку, за раболепие перед очередным вождем. Не было этого. Всегда был единственный мотив — «очернительство», т. е., по сути дела, та самая правда, именем которой сейчас кланутся наши уважаемые руководители.

Я решительно разделиваю в списке секретарей Союза писателей по крайней мере два ряда имен. Они для меня — в разных списках. Но я не хочу, чтобы мое выступление рассматривалось как выступление против консолидации, хотя это любимый тезис наших литературных руководителей на протяжении многих десятилетий. Я тоже за консолидацию. Только на какой основе? Дело в том, что документ, о котором я говорю, предложил консолидацию на основе, выгодной тем, кто руководил Союзом писателей в «брежневское» 20-летие, в духе и в интересах застоя, а теперь озабочен тем, как бы выйти сухим из воды и половчее пристроиться к новому курсу. А такие писатели, как Шатров или Дедков, не заметили этой уловки. Я думаю, они совершили ошибку. Ошибку понятную, я их вичуть не обвиняю. Как же им, искренним сторонникам демократизации, было не подписать письма в поддержку перестройки, с осуждением тормозящих сил и т. д.?

Хочу подчеркнуть: мое выступление отнюдь не продиктовано каким-либо мстительным чувством. Не в том дело, чтобы «требовать крови» организаторов и исполнителей политики застоя, и даже не в том, чтобы, как булгаковской грешнице, еженощно подавать им платок в напоминание о задушенных (или не родившихся по их вине) литературных младенцах. Но если мы действительно хотим перемен в нашей жизни, то первой переменной пусть будет наш собственный отказ от пустых слов, от политиканства и вранья. Без этого нам просто не о чем да и незачем говорить между собою. Призывом к такой консолидации мне бы и хотелось закончить.

С. А. НЕБОЛЬСИН (Институт мировой литературы АН СССР). *История — это не предмет, а жизнь*

По сути, наша вспомогательная по отношению к писательскому творчеству специальность в том и состоит, чтобы грамотно передавать чужие мысли. И уж во всяком случае, изложить умную чужую мысль — это возможно, лучше, чем высказать «свое мнение». У людей, еще задолго до нас размышлявших о прошлом и будущем, полезных нам мыслей немало. Свобода этих размышлений, не вполне привычная, поначалу может обескураживать. Они могут даже казаться озорством, какую-то насмешкой над историей, над общими для передовых граждан тревогами, над непреложными для жизни законами. Поначалу может еще и казаться, что мысль давнего времени и принадлежит только этому времени. Тогда поддержка, которую получаешь сегодня издавека, бывает неожиданной. Но поучительность долгосрочной мысли от этого еще красноречивей.

Да, может быть, загвоздка в том, что вдохновенный художник иной раз будто не признает никаких учено созданных историй, что над самим собой, над всем самобытно живым не хочет поставить никаких высших воль и повелений. Что лица, что стихии — не указ художнику. Он и сам стихия, и отчета не даст никому. Этого ли склада художник может сказать что-то падежное о суровых законах мира, особенно нам с нашей

строгостью в таких вопросах? Разве что наоборот. В начале 1836 г. Пушкин писал: «И мало горя мне, свободно ли печать морочит олухов, иль чуткая цензура в журнальных замыслах стесняет балагура». Вот что такое все «громкие права, от коих не одна кружится голова»; и хотя тут никак не скажешь, что до наших забот это не имеет никакого касательства, многих из нас это, возможно, покоробит. Однако отступим еще ближе к пушкинскому финалу, когда поэтом было сказано последнее и подлинно завещательное слово. «О Муза, будь послушна...» все ставит окончательно на свои места. Что, кстати, Пушкин изложил уже и тогда, когда только вступал в разумную зрелость, причем как раз в виде закона для писания истории. Ведь Пимен в «Годунове» говорит буквально то же.

Наличие единого закона для всех, его преобладание над суетой прихотей, долговременность его действия, да и сама дальномерность видения, при которой и закон, и одно событие, и крупная их цепь постигаются одинаково четко,— это и умные, и вполне современные мысли Пушкина как о творчестве, так и о работе историка. Это мысли об их схожем, в конечном счете, предмете. Если вспомнить замечание Николая I, это мысли самого умного человека в нашем государстве. Разве не высокий и, что называется, не методологический ум в пушкинской оценке труда Карамзина: «Несколько оценок в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным общим ходом рассказа». Прямое руководство для наших сегодняшних усилий. Общая верность дальномерного рассказа о прошлом сегодня в цене как никогда. Она связана с тем выбором долгосрочного пути, который иначе как выбором на роковом рубеже не назовешь.

Умный человек XX в., писатель-интернационалист С. Гудзенко почувствовал после войны то, что полезно сравнить с нашим сегодняшним состоянием. «Мы не от старости умрем — от старых ран умрем». Это сказано про известное отдельное поколение бойцов, но распространимо на все советское и русское. Здоровое общественное образование, здоровое общественное устройство может оказаться на грани смертного приговора или диагноза не оттого, что оно уже изжило свой смысл и замысел, а из-за обилия ран, нанесенных ему еще на взлете, в пору вполне возможного роста. К тому же самому исходу может подвести и доминирующее кого-то стремление: раны, которым самое время заживать,— непременно все больше и больше расковыривать.

Ответственное дело историка (ответственность перед тем, что было, и за то, что будет) в залечивании ран прошлого. Это дело, для которого была предназначена сказочно известная мертвая вода: нужно точное воссоздание состава того, что многожды рассекалось, нужно предельно плотное, без изъятий и подстановок, сращенце. Нужна ясность: как то, что мы застаем в обезображенном виде, существовало в действительности, иначе и дальнейшая жизнь невозможна. А каково дело писателя? Считают, что у него ответственность иная: спрыскивать хотя бы и целое, но без художественного касания все-таки мертвое тело уже живой водой — видеть прошлое в его собственно человеческих измерениях и достоверно одухотворенных, какими они и сами были, личных судьбах. Об особой необходимости этого, чтобы жизнь продолжалась и впредь, спору, разумеется, нет. Но едва ли и историк не способен вносить такое ошеломляющее и оживляющее начало в свой труд.

Пусть мала соизмеримость величия Пушкина и Гудзенко. Но оба они по-своему напоминают, что история — это, собственно, не предмет, а жизнь. Как не задуматься и о многозначности живого, и притом человеческого, начала в историческом событии, в историческом писании, в историческом выборе. Социализм (по крайней мере тот социализм, частью которого мы сегодня являемся) по вовлеченности в стратегического разряда мировую драму имеет право на тактику. Он имеет право

на обходный маневр, на точно пресчитанное отступление. Но он лишен права, если не хочет уйти со сцены в молодом возрасте, на оцепенение в растерянности. И тут недостаточно всего лишь нацупать ногами надежную дорогу; людям надо уметь, люди должны знать, как именно следует сообща двигаться по ней. Человеческая жизнь, вовлеченная в историю, или же жизнь одного поколения настолько кратка в сравнении с крупными историческими мерами, что можно не только стоять, но даже и всю жизнь двигаться по твердому вроде бы пути — и не заметить ни разу, что ты идешь, например, не вдоль него, а поперек; что ты приближаешься разве что к обочине и даже при полной очевидности мерного переступания ногами не прибавляешь ни шага к общему должному продвижению.

У общества есть разные возможности выхода из прошлого, где ему было нанесено много ран. Выбор делается людьми, и у них он определяется как степенью их причастности к тому целому, о котором мы сейчас рассуждаем, так нередко и особенностями самого целого. При изобилии опасностей и при некоторой оправданности многих чисто личных тактик общий выход для нас только один: развиваться дальше все-таки на своей, не зря столь долго складывавшейся основе и с охраной этой основы от растерзания. И чтобы не было смазывающих эту истину обманчивых передвижений по верной дороге, но только поперек или назад, историческая мысль должна многое еще почерпнуть у мыслителей-художников.

Здесь уже говорилось, и совсем не без оснований (В. Оскоцкий), о значении исторического мышления нашего крупнейшего прозаика В. А. Каверина. Лев Толстой напоминает как раз о том, что и лежит в основании общего хода истории. Когда в дневнике 1874 г. он сетовал на работу Соловьева, что «все, по истории этой, было безобразие в допетровской России: жестокость, грабеж, правёж, грубость, неумение ничего сделать», то недоумение классика понятно. Ибо «как же так ряд безобразий произвели великое, единое государство?» Тем более понятен и вывод, у нас принятый повсеместно: «Не правительство производило историю». Понятно и другое настояние Толстого: что без слова о тех, кто производил — хотя бы и грабившееся, кто складывал воедино — хотя бы и растаскивавшееся, кто «блуд святыню религиозную, поэзию народную» — хотя бы и многократно поруганные, без слова об этом история великой страны немыслима.

Разве не заметно, сколько исторические труды задолжали тому жизнедеятельному человеческому веществу, которое и до сих пор, а поставляет-таки то, что можно разбазаривать? Я не могу поверить даже и сочувственным словам, звучавшим сегодня, что особая беда этого человеческого вещества в лишь недавнем, только что, выходе из состояния идиотизма. Я не могу поверить, что оно в таком состоянии пребывало и когда-то раньше. Историк неправ, когда снисходительствует к дикости основного двигательного вещества истории, когда уверяет, что люди недавнего прошлого были глупее и нелепее нас. Но историк прав, справедлив и человечен, когда настойчиво напоминает: многие из них могли бы быть сегодня не в могилах, а рядом с нами. Самодовольное отстранение от такой памяти означало бы, что мы столь же многого рискуем заново недосчитаться и в будущем.

Не самодовольное, не самоуспокоенное, не самодостаточное от иллюзий своей однодневной «современности» историческое сознание классического ранга требует нашей смиренной учебы. Сегодня очевидно: на создание высшего уровня ушло тысячелетие, и не может быть однодневным его воссоздание. Однако оно необходимо: суд о предмете не может быть ниже предмета, а именно высший уровень умов мы ухитрились утратить. Потому так и тяжело усваивать уроки прошлого, следить за умами прошлого. Утрачено высшее и в чисто кадровом составе науки, о чем совершенно обоснованную тревогу высказал сегодня Ф. Кузнецов. Во всех

этих отношениях наше собственное человеческое вещество надо еще долго возрождать и облагораживать.

А. Б. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор «Литературной газеты»).
Не будет больше 1937 года

Позволю себе ограничиться короткой репликой тов. Буртину. Он оскорбил «Литературную газету». Я, который работаю с этим коллективом 26-й год, обязан ответить. Вы помните хотя бы одну газету, начиная с XX съезда партии, да и до него, которая бы с большей активностью боролась против бюрократизма, против хамства, против хапужничества? Кто вел кампанию за чистоту Байкала? Кто, к примеру, вел кампанию за соблюдение экологии вообще, когда это слово еще почти не употреблялось в нашей повседневной практике? Ее вели Залыгин, Черниченко и другие. А где? В «Литературной газете». Кто занимался критикой и самокритикой? И в то же время кого «Литературная газета» когда-либо оскорбила?

Тов. Буртин скороговоркой привел тут какие-то фамилии. Почти о каждом из этих авторов мы выступали с положительными, поддерживающими их статьями. Чего же хочет тов. Буртин? Начать искать тех, кто поддерживал культ личности? А он не поддерживал? Он, что же, хочет устроить нечто вроде второй бериевщины? Я про себя подумал, что, когда употреблю это слово, наверняка встречу неодобрение товарищей. Но я говорю, может быть, и грубовато, однако честно.

Вы все знаете «Литературную газету». Когда на нее несколько месяцев тому назад обрушился с нападками (не буду называть сейчас фамилии) один из секретарей Союза писателей, мы взяли и целиком это напечатали, эту его филиппику на страницах «Литгазеты», хотя там все, что угодно содержалось, в том числе и требование ликвидировать «вторую тетрадку» «Литгазеты». Мы получили больше тысячи писем в поддержку «Литгазеты» именно по этим вопросам, и я выдержки из этих писем зачитывал на заседании секретариата Союза писателей. Так вот, критикуйте нас, говорите, что у нас много недостатков, что угодно говорите. Но когда вопрос касается таких вещей, как нравственные, этические категории, то я считаю, что ни один честный человек, присутствующий здесь, не встанет и не скажет, что «Литературная газета» поступала нечестно и безнравственно.

Е. А. АМБАРЦУМОВ (Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР). *Почему правдивая история еще не написана*

У меня такое впечатление, что наши историки академического ранга очень неохотно, причем под напором вопросов с мест, выдавливают из себя полупризнание в собственной несостоятельности. Так сделал только что акад. Ю. С. Кукушкин, не преминув, однако, назвать мнение критически мыслящих писателей «вредной работой». А что, собственно, вредного в том, что говорил Ю. Нагибин? Что правдивая история советского общества еще не написана? Так ведь это очевидно. Наша официальная историография оказалась в наиболее постыдном положении даже по сравнению с другими общественными науками.

Верно, и в застойные годы печатались (правда, со скрипом, а иногда и блокировались в последний момент перед изданием) отдельные честные работы по советской истории, например, исследование В. П. Данилова о коллективизации. В. А. Анфилова — о начале войны, но они оказывались скорее исключением на общем довольно безрадостном фоне. Разве описано научно, например, сопротивление крестьянства сталинской коллективизации? Или голод начала 30-х годов?

Что исторические институты АН СССР давали читателям? Многотомные труды, подготовленные большим количеством авторов и не имевшие авторского лица, серые, унылые, даже неряшливые по форме, старательно обходившие острые вопросы. Живая мысль подавлялась горами фактов, но при этом были и прямые искажения истории. Я с уважением отношусь к профессионализму Ю. А. Полякова и И. Б. Берхина: первый обстоятельно знает историю эпохи, второму я благодарен за то, что он привил мне еще в студенческие годы вкус к истории. Но кто заставлял их в двухтомнике по истории переходного периода «От капитализма к социализму» (М. 1981) писать о вредительстве «Трудовой крестьянской партии» и «Промпартии»? Допускаю, что в начале 80-х напечатать правду было нелегко, но тогда уж лучше было промолчать. А ведь этот двухтомник еще не худшая работа: он по крайней мере содержит определенную информацию, хотя трактуется она извращенно. Стоит ли удивляться, что при таком «направлении» официальной историографии правдивая история стала развиваться вне этой окостеневшей, склерозированной системы, в частности нашими писателями — Ф. Абрамовым и Ю. Трифоновым, С. Залыгиным и Б. Можяевым, В. Астафьевым и Ф. Искандером, А. Рыбаковым и М. Шатровым, которые стали писать историю за тех, кто не смог или не захотел этого сделать.

Здесь представитель журнала «Наш современник» пытался противопоставить выдающихся наших писателей-«деревенщиков» А. Рыбакова и М. Шатрову. Преувеличивая возможные слабости в их произведениях (как будто нет слабостей и в некоторых «деревенских» романах!), А. Казинцев по мотивам, о которых можно догадываться, пытался отсеять А. Рыбакова и М. Шатрова. А разве не общее, демократическое дело делают все правдивые и талантливые писатели-антисталинисты?

Выдвижение «аутсайдеров» в историографии естественно, коль скоро в сложившейся «официально-исторической» структуре невозможно было сказать живое слово. А подавляющее большинство историков-профессионалов, способных и изначально честных (но, к сожалению, только изначально), капитулировало перед ситуацией. После весны 1985 г. одним из немногих отрядных исключений оказалась непричесанная, даже несколько хаотичная, но искренняя статья акад. А. М. Самсонова о начале войны в журнале «История СССР», которая выглядела редким явлением среди публикаций профессиональных историков, увенчанных академическими званиями.

А какой сор, какую полуправду или прямую ложь вбивали в головы детей историки — авторы школьных учебников?! Здесь акад. Ю. С. Кукушкин жаловался, что ему в учебник редакторы что-то вписали или что-то из него вычеркнули. Но если даже так, кто же вам мешал снять свою фамилию с этого учебника? Впрочем, зная работы Ю. С. Кукушкина о коллективизации, не думаю, чтобы концепция учебника существенно отходила от авторской.

В. А. Куманев здесь говорил, что если бы историки писали иначе (т. е. правду?), то их не стали бы печатать. Но можно вспомнить негодующее восклицание О. Мандельштама: «А Сократа печатали?!» Сейчас, когда публикуются правдивые произведения писателей, извлеченные из архивной пыли или из их письменных столов, позволительно спросить наших ведущих историков: а что есть у них в письменных столах? Конечно, здесь виновата не одна историческая наука, а зависимость, в которую она поставлена. Отсюда напрашивается вывод о необходимости для общества независимой науки, которая всегда говорила бы правду, как бы неприятна она ни была. В конечном счете общество, да и власть от этого только выиграют.

Упорно выдвигают, в соответствии со сталинской схемой, 1937 год в качестве рубежа построения социализма. Позволительно спросить: а какой

социализм был тогда построен? Кроме того, «проскакивается» действительно переломный 1929 год, но зато выделяется этап перестройки. Вот это противоестественное переплетение сталинизма с ритуальными поклонами повым веяниям, к сожалению, характерно для нашей официальной историографии. Думаю, лучше было бы, если бы И. И. Минц, который известен как основоположник изучения истории гражданской войны, рассказал на страницах печати, под какими давлениями ему приходилось многократно менять свою позицию, какие отступления от объективной истории приходилось совершать. Это было бы куда как поучительно для молодых историков.

Хочется поставить грибоедовский вопрос: «А судьи кто?». Доклад о проблемах истории советского общества в связи с перестройкой взялся делать В. И. Касьяненко, говоривший здесь о нашей общей устремленности к правде. Но как же истолковать такой факт: в 1987 г., т. е. после начала перестройки, он выпустил книгу «Правда и ложь о Стране Советов (Из истории борьбы против антисоветизма)», добрая половина которой посвящена 30-м годам. В ней не найдешь даже упоминания о тогдашних беззакониях и репрессиях, напротив, она представляет собой апологетику сталинизма (который объявляется мифом) и его «теоретических» пособников — П. Ф. Юдина, М. Б. Митина и других, которые причастны к репрессиям против наших обществоведов.

А что печатает сейчас журнал «Вопросы истории КПСС», где главным редактором В. И. Касьяненко? Вот № 4 за этот год. Начиная здесь дискуссию «КПСС между XX и XXVII съездами» открывает выступление В. И. Глотова, который, между прочим, делает реверанс в сторону печально памятной статьи В. Голикова, С. Мурашова, И. Чхиквишвили, Н. Шатагина, С. Шаумяна, фактически дезавуировавшей антисталинистскую линию XX съезда и обрушившейся на прогрессивно, творчески мыслящих наших обществоведов. По мнению же В. Глотова, авторы этой статьи «справедливо» выступили «против раздувания ошибок, допускаясь в ходе социалистического строительства» (с. 62). В том же номере опубликовано письмо Л. Н. Безвестного, сочиненное с явной целью реабилитации Сталина. Здесь и попытка возродить миф о «вредительстве», и оправдание пресловутого закона о «колосках», а главное — после дежурного «осуждения» репрессий против невинных — автор задает себе «и другой вопрос: можно ли было проявлять либерализм в таких условиях?» (с. 109).

Не знаю, когда был подготовлен этот номер — до или после публикации статьи Н. Андреевой, но что цитируемые материалы идут в том же русле и лишь спецификой журнала объясняется их неизвестность широкой общественности, для меня очевидно. Я задаю себе вопрос: а что было бы, если бы позиция Н. Андреевой, тех, кто «не хочет поступаться принципами», была одобрена официально и окончательно? Представляю, с каким злорадством обрушились бы на критическую мысль некоторые из выступавших здесь историков.

Два конкретных предложения. Первое. Коль скоро нельзя быстро выпустить новые школьные учебники (тем более если их будут делать старые авторы, от которых просто грешно вымучивать перестройку), надо быстро издать двух-, трехтомную книгу для чтения по отечественной истории — антологию правдивых прозведений наших литераторов. И второе: снять табу с объективных работ по советской истории прогрессивных западных авторов, таких, как англичанин Карр, итальянец Боффа, американец Коэн. Можно столь же быстро издать эти книги для нашего широкого читателя.

Прекрасно, когда мы не молчим, и гнев праведный относительно несовершенств жизни изливается нами беспрепятственно. Но странно, что, как правило, он устремлен в адрес коллег из мира соседнего, как если бы мы сами олицетворяли лишь профессиональное совершенство и гражданское мужество. Конечно, с исторической наукой дело обстоит не лучшим образом, о чем здесь и говорили историки. Но, когда гнев по этому поводу изливает экономист, тут есть о чем задуматься. Вряд ли экономическая наука последние десятилетия была безгрешна, созидательна и совершенна. Есть в чем покаяться также литературе и искусству. Но дело не в покаянии, хотя оно очищает души. Дело — в реальной жизни.

Я не исторический писатель, тем более не историк; скорее, наоборот — принадлежу к тому поколению писателей, которое справедливо назвать исторически малообразованным (хотя сводит понятие необразованности к черте одного или двух поколений и неверно, и несправедливо). Наше общество в своем подавляющем большинстве является исторически необразованным. Это слишком серьезный изъян биографии, чтобы считать его частным. Историческая образованность или необразованность определяют характер мышления общества. И, обращаясь к сегодняшнему дню, понимаешь, что мы переживаем время даже не осознания истории социализма, а, я бы сказал, прикосновения к ней, прикосновения отрывочного, когда народ получил возможность самостоятельно прочесть текст собственной биографии, испытав при этом немалые потрясения, потому что читает ее впервые и пока что не полностью.

Объективно говоря, писаной истории социализма как таковой у нас не было. В своей массе она была, так сказать, предметом нелегальным, и мое поколение постигало ее через опыт собственной жизни. От того-то она была чрезвычайно бытовой, личностной и субъективной. Изучение истории подменялось внушением, что мы ее создаем, и этого вроде бы достаточно. Принято считать, что интерес к истории, усилившийся последние 8—10 лет, есть следствие пробуждения общественного сознания. Думаю, это не совсем так. Факт пробуждения, конечно, был, но было и другое — непомерная усталость от лжи. Образно говоря, народ потянулся к документу, к первоисточникам.

Правомерен вопрос: почему же с историей социализма происходило то, что происходило? Я думаю, это вопрос даже не научный. Это вопрос массового общественного сознания. Практика максимальной политизации жизни, чему мы свидетели на протяжении десятков лет, вырабатывает не только стереотипы экономических, социальных, духовных структур и стереотипы изложения, но и стереотипы восприятия. Политизация экономики, культуры, науки, искусства из данности того или иного периода превратилась в концепцию развития общества. Со временем этот процесс обрел свою крайность; и, если вдуматься, мы стали свидетелями не столько политизации, сколько бюрократизации всех направлений общественной мысли: когда экономика развивается не по экономическим законам, а подчиняясь нажиму бюрократизма, согласуясь с его капризами и ссылками на политические обстоятельства; когда культура и искусство развиваются не по законам творчества, а опять же ориентируясь на политику, исповедуемую бюрократизмом, и подлаживаясь под нее.

То же было с историей: здесь более, чем где-либо, произошло полное наложение изображений. В общественном сознании сформировалось однозначное толкование: текущая политика — это и есть история социализма. Иначе говоря, все то, что говорил Сталин, это и есть история социализма; а затем — то, что говорили Хрущев, Брежнев. В сознании общества история КПСС как бы заменила собою историю социалисти-

ческого государства, поставив знак равенства, что это-де — одно и то же. Так ли это? Вот вопрос к историкам, и вопрос насущный.

У нас существует система политпросвещения и политобразования, и мы глубоко убеждены в том, что это и есть система исторического образования общества. Полагаю, что и здесь мы несколько заблуждаемся. Политизация опасна тем, что происходит подмена, когда основные направления общественной мысли развиваются не по законам базисного, профессионального начала (экономика — по законам экономики, история — по законам истории), а на основе надстроечного, временного состояния, когда профессионализм как навык становится вторичным, а первичным оказывается организаторский и политический порыв. Происходит «выщелачивание» творческих возможностей общества.

Сегодняшние выступления историков лишь подтверждают точность тезиса «История — наука дисциплинированная». Тем более представляется странным, когда историческая наука, постигающая социализм, вдруг одергивает литератора, заговорившего о кризисных явлениях в истории социалистического общества, обвиняя его в неточности, в отступлении от исторической правды, той самой, о которой историческая наука молчала почти 60 лет! И образ Ленина, воплощенный в прежней литературе, порой хрестоматийно-благополучный, как ни странно, не вызывал суровых нареканий историков.

Историческую науку устраивал образ того, привычного Ленина не потому, что он был точен или неточен, а потому, что он был лоялен к тому политическому периоду, во время которого он демонстрировался, издавался и тиражировался. Как только образ Ленина вступил в противоречие с действительностью, обострил ее критическое восприятие, обнаружил резкое отклонение от концепции социализма и извращение такового, историки «поднялись в ружье» на защиту догм. Мы никак не можем отойти от образа Ленина, однажды разрешенного нам Сталиным. Думаю, в этом коренной вопрос современной Лениняны.

Революция всегда — не только созидание, но и отсечение, отказ от прошлого, которое мешает революции. Такова диалектика. Но вот что странно: процесс отсечения оказался столь живучим, что обрел характер постоянного. После XX съезда партии вся история, связанная с именем Сталина, как бы перестала существовать и ограничилась информацией, которую по этому поводу сообщали политики. Затем то же самое произошло с периодом волюнтаризма, затем — с периодом застоя. Так образуются «белые пятна».

В связи с этим я часто задаю себе отрезвляющий вопрос: куда подевались те миллионы тонн бумаги, употребленные на тиражирование политических докладов и речей, издававшихся и переиздававшихся, которые теперь вдруг оказались ненужными обществу? История — не товар, который можно предлагать или не предлагать, не собственность бюрократического аппарата, как многолетно получалось на самом деле. История есть духовная собственность народа. Она не отдана ему в аренду, она просто принадлежит ему. Нужно признать безотрадную истину: массовый интерес общества к истории застиг историческую науку врасплох, она испугалась этого интереса и по сей день сопротивляется ему. И не потому, что наука плоха: бюрократизм сделал историю социализма наукой неоснащенной, а значит, неплодоносящей.

Человек, познавший прошлое, владеет будущим. Но вот что не дает мне покоя: истеричность современности применительно к литературе, это, видимо, умение ощутить и понять преемственность зла и добра, создаваемого обществом, социальной системой. Наш критический запал обращен в прошлое, что правомерно и оправдано. Но мне кажется, что бюрократизм, противостоящий этому процессу, сейчас не то чтобы угас, а вроде бы успокоился, даже содействует ему: пусть выложатся, пусть усердствуют, их на нас не хватит.

Литература еще не подошла к осмыслению застойных процессов, но это наступит, наступит неминуемо, и она должна иметь гарантии, что политический аппарат, историческая наука, наше литературоведение поймут и поддержат ее. Это будет непросто, ибо это несчастье, этот социальный позор рядом с нами: существующий управленческий аппарат вылезл внутри прошлого организма и потому небезгрешен. Это потребует не только зрелости воплощения, но и зрелости восприятия. Но эти трудности еще впереди.

Е. П. ЧЕЛЫШЕВ (академик). *Международные аспекты обсуждаемой проблемы*

В начале 1982 г. Секцией общественных наук Президиума АН СССР была утверждена программа «Сравнительный анализ эффективности воздействия социалистической и буржуазной системы на культуру развивающихся стран». Мне было поручено руководить этой работой. Свою деятельность мы начали еще в период застоя. Исследования привели нас к выводу, что, несмотря на все наши усилия, эффективность воздействия стран социализма на культуру развивающихся стран не столь велика, как империалистических, прежде всего США, которые более изоциренно, оснащено, квалифицированно ведут работу в развивающихся странах. Мы тогда же составили ряд аналитических записок, в которых содержалась оценка этого факта и выдвигались предложения, нацарленные на повышение эффективности культурного обмена. Однако далеко не всегда наши соображения, выводы и оценки правильно воспринимались. Защищая «честь мундира», иногда называли нашу работу «очернительством», «неквалифицированным вмешательством» и т. п.

Думается, что в устойчивости стереотипного мышления, в отсутствии контактов, должного взаимопонимания между различными нашими организациями и учреждениями, занимающимися идеологической работой, кроется одна из причин отставания как наших общественных наук, так и недостаточной результативности направленной на зарубеж деятельности наших средств массовой информации, наших организаций, занимающихся культурным обменом.

В рамках наших исследований я в течение многих лет посещаю университеты развивающихся стран, где знакомлюсь с учебниками, по которым ведется там преподавание истории, экономики, культуры Советского Союза. Учебники эти в основном американских и английских авторов, в извращенном, тенденциозном виде изображающих нашу страну. Я неоднократно задавал вопрос своим коллегам из развивающихся стран: почему же не используются учебники о нашей стране, подготовленные советскими авторами и изданные издательством «Прогресс» на иностранных языках? Мне отвечали: потому что изданные в вашей стране учебники мы считаем пропагандистской литературой. В результате студенты в развивающихся странах с университетской скамьи получают искаженную информацию о нашей стране.

Как исправить положение? Как подготовить учебник по истории нашей страны, чтобы он был принят университетами развивающихся стран? С этим вопросом я в свое время обратился к директору издательства «Прогресс». Он мне сказал, что обратился ко многим советским ученым, предлагая им написать учебник, объективно и правдиво излагающий историю нашей страны, но никто не хотел рисковать. Да и даже если бы такой учебник был написан, издан у нас и принят тем или иным зарубежным университетом, ведь его легко можно было бы сравнить с теми учебниками, по которым ведется преподавание отечественной истории у нас, и нелегко было бы ответить на вопрос, почему иностранцы изучают правдивую историю нашей страны, а учащиеся Советского Союза не должны знать правду о прошлом своей собст-

венной страны. По естественным наукам, по медицине, технике наши учебники широко используются за рубежом. Надо в срочном порядке делать все возможное, чтобы создать доброкачественные, правдивые учебники о нашей стране для зарубежных университетов.

Наши средства массовой информации, ученые, писатели, журналисты, деятели искусства в течение многих лет предпринимают усилия, чтобы создать привлекательный для всего мира идеализированный образ нашей страны, и всячески разоблачают всех тех, кто посягает на этот образ. Наше же отношение к тем или иным представителям зарубежной общности зачастую определяется тем, как они относятся к этому образу. Критические выступления в наш адрес у нас, как правило, расцениваются в качестве показателя недоброжелательного или враждебного к нам отношения. И наоборот, мы приближали к себе людей, которые не скупилась на различного рода положительные высказывания в наш адрес. Больше того, такого рода высказывания, как правило, цитировались в нашей печати, а иногда становились критерием отношения к тем или иным нашим акциям, по ним судили об общественном мнении той или иной страны. Но ведь зачастую именно критикующие нас являются подлинными друзьями, а постоянно расхваливающие, поддерживающие во всем на деле оказываются лицемерами.

Многие зарубежные культурологи, литературоведы, критики, переводчики участвуют в создании образа Советского Союза в своих странах, рассматривая нас через призму своего мировосприятия. Всех зарубежных авторов, кто критически воспринимает советскую культуру, а вместе с ней не приемлет социалистические идеи, наш образ мыслей и жизни, мы, как правило, относим к буржуазным советологам и, естественно, подвергаем их работы соответствующему анализу. Мне представляется, что в свете нового мышления наши исследования, ведущиеся в этой области, критика зарубежных авторов нуждаются в серьезной корректировке. Мы далеко не всегда учитываем их неоднородность, подходим к ним недостаточно дифференцированно. Среди них немало есть и таких, кто ищет, сомневается, заблуждается.

Наши же исследователи подходят к их работам, к их деятельности как бы забывая, что они живут в капиталистическом обществе и поэтому подвержены различным его влияниям. Так делает, например, И. Е. Голик в своей книге «Зарубежная критика о советской литературе» (М. 1976). Вместо анализа работ он подвергает их авторов проработке с навешиванием ярлыков. Однолинейные оценки, проработочный, а не аналитический метод исследования свойственны работам и других критиков зарубежных авторов. Между тем даже из приводимых нашими критиками цитат из работ этих авторов сейчас становится ясно, что не так уж неправы они были в оценке тех или иных недостатков нашей литературы, негативных явлений в жизни нашего общества, которые сегодня мы сами критикуем более остро. Наряду со справедливой критикой ряда антисоветски настроенных авторов достается от Голика и Ж. П. Сартру за то, что он в советской литературе обращает внимание не на романы с «положительным героем», а на произведения, изображающие «людей ищущих, заблуждающихся, которые приходят из эпохи Сталина». Но как раз об этих персонажах мы говорим сегодня прежде всего. Своими однолинейными откликами, проработками и рецензиями на труды зарубежных авторов мы зачастую отталкивали их, превращая из ищущих и сомневающихся в недругов. В свое время мы обрушивались на Д. Лукача, ругали его за отход от марксистских позиций, в то время как прогрессивные деятели культуры многих стран с большим уважением относились к нему, издавали и изучали его труды. Как известно, в свое время он поддержал А. Платонова.

Трудно предъявлять сегодня слишком суровые обвинения в адрес наших обществоведов за методы их работы. Такова была обстановка, духов-

ный и идеологический климат в нашей стране. Я помню, как в 50—60-е годы, когда в издательстве «Художественная литература» в Москве издавались восьми- и затем двенадцатитомное собрание сочинений Р. Тагора, нам не удалось убедить руководство издательства в необходимости полной публикации его «Писем о России», которые он создал после визита в нашу страну в 1930 году. Дело в том, что за короткий срок пребывания в Москве он увидел не только ростки новой жизни в нашей стране, но и заметил зачатки «тоталитарного режима», о чем и написал в одном из писем. Поэтому оно и было выброшено из замечательного публицистического произведения Тагора, а объяснять индийцам, почему это сделали, приходилось потом не тому, кто дал указание «урезать» Тагора, а ученым-индологам.

Теперь об идеологической борьбе, которая ведется в настоящее время в различных областях художественной культуры. Лишь тогда наши работы по данной проблеме станут действенными и эффективными, когда они будут опираться на строгий научный анализ зарубежных идеологических, эстетических, философских концепций. Наши работы или устные выступления теряют свою эффективность, если в них недостаточно корректно, предвзято, недостаточно квалифицированно излагаются точки зрения зарубежных авторов, когда полемика в них ведется не на строго научном, профессиональном уровне, не по существу, а наши ученые выхватывают из работ зарубежных авторов лишь те идеи, те мысли, те цитаты, которые дают возможность хлестко их проработать. Идеологическая борьба в области художественной культуры, если мы хотим, чтобы она была действительной, эффективной, приносила пользу, а не наносила ущерб, требует большей гибкости, она должна вестись без применения запрещенных приемов, иначе даст обратный результат.

В наших работах идеологического характера недопустимы догматизм, схематизация, упрощенчество. Недостаточно корректно или обоснованно ведущаяся полемика по острым идеологическим проблемам может лишь оттолкнуть от нас зарубежных ученых, в том числе и сочувствующим нам.

Для того, чтобы наши работы идеологического характера достигали своих целей, нам следует не от случая к случаю, не наскоками, а постоянно, систематически заниматься изучением зарубежной литературоведческой мысли. Идеологическую борьбу надо вести своевременно, бороться следует с противником, находящимся на поле боя. А мы порой ведем борьбу с силами, представляющими собой вчерашний день, с теми идеями, которые отжили свой век, заменены новыми, в которых следует хорошенько разобраться, прежде чем вступать с ними в борьбу. Проблема эта заслуживает того, чтобы ею заняться всерьез и по-настоящему, имея в виду, что идеологическая борьба в современном мире не прекращается. Чтобы добиться цели, мы должны вести ее современными научными методами на основе нового мышления.

П. Г. ГОРЕЛОВ (Институт мировой литературы АН СССР). *Потребность идеала*

Для начала я хотел бы напомнить о том, что год 1988-й — особый. Под 988 г. в нашей летописи («Откуда пошла русская земля») записано: «Владимир ...посылал... собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное». Так что к 1988 г. за нами тысяча лет исторического, национального и культурного бытия, запечатленного — помимо всего прочего — и в «словах книжных».

Сейчас публицисты активно размышляют о 70-летнем пути социализма, о перестройке и гласности, о коренной октябрьской идее. С. Кондрашов в статье «Возвращение идеала» пишет, что «самое главное состоит в сохранении духовной общности большинства из нас через причаст-

ность к октябрьской идее». Но разве взыскуемая духовная общность будет ослаблена или уменьшена, если предшествующая тысяча лет Русской земли тоже окажется причастна к современным социальным преобразованиям? Кто и когда убедил нас, что исторический путь наших народов и их традиционные вековые идеалы не могут быть причастны к коренной октябрьской идее? Зададимся же, наконец, и вопросом: как глубоко на самом деле уходят ее исторические корни и что же такое конкретно октябрьская идея в ее определенном соотношении с нашими тысячелетними народными идеалами? Чем на будущее способны будем мы — как отдельный человек, так и весь народ — вдохновляться? Какой идеально прозреваемой вековой целью?

Здесь историки и литературоведы признавались друг другу в том, что не сумели создать ни настоящей истории советского общества, ни подлинной истории советской литературы. В связи с этим цитировали слова Л. Н. Толстого, записанные им при чтении «Истории России» С. М. Соловьева. Толстой возмущался тогда, что главное действующее лицо истории — простой народ — не показан у Соловьева, а значит, не понята и не постигнута и сама тайна истории, внутренний смысл ее движения, основная пружина. Я должен подчеркнуть, что это все же только начало толстовской цитаты, ее мыслительный разбег. Далее писатель отмечает, и это уже не цитировали, что существует не только «история-наука» (и она принципиально не способна описать жизнь народа), но еще и «история-искусство» (и ей такая задача вполне по силам). Правда, уточняет Толстой, «история-искусство, как и всякое искусство, идет не в ширь, а в глубину, и предмет ее может быть описание жизни всей Европы и описание месяца жизни одного мужика в XVI веке». Только так, по мысли Толстого, посредством «высшего искусства», через художественный образ, может история «объять необъятное» — описать жизнь миллионов людей.

Так вот, зададимся вопросом: есть ли у нас — в этом толстовском значении — история последних 70 лет? К счастью, да. Есть. Я скажу только об одном писателе, право которого на художественное слово о нашей истории, право, оплаченное судьбой, едва ли сейчас кем-то оспаривается. Этот писатель — А. Платонов. Самое, пожалуй, мрачное и страшное его произведение — «Котлован». Нас уже пугали «котлованностью». Дескать, вот художественное предупреждение Платонова, его сугубо мрачное пророчество о судьбе дела, предприятия в XX в. «огромным молчаливым большинством человечества» для всего человечества. Речь идет все о той же октябрьской идее. Только на этот раз не забудем, разумеется, и о том, что хотело бы — до неразличимости — ею прикрыться, да и прикрывалось, как мы знаем, не без успеха.

Платонов чужд безысходности, и для него самого «котлован» не исчерпывается «котлованностью». И не надо смешивать Платонова с отдельными его персонажами, к чему особенно склонны те, кто узнает в них собственные идейные портреты. Просто за правдой жизни необходимо различать у него еще и высшую правду идеала, совести. Мы сами, без всякой посторонней помощи, объявив все духовное «буржуазным обманом», надежно и прочно выпестовали в своей национальной истории жуткий тип человека с «твердой душой». Но винить нам в этом, кроме самих себя, некого.

Сейчас уже нет оптимистов, способных утверждать, что «счастье все равно наступит исторически»; перевелись и те, кто «считал истину классовым врагом»; канули в небытие активисты, собиравшиеся «эшелонами население в социализм отправлять», а вместо этого, разумеется, развернувшие лишь «производство исторического идиотизма в полужавском масштабе»; во многом покончили мы и с желанием первыми будущее «бумажкой достать»; и, наконец, нет уже необходимости видеть в человеке лишь «живую шпалу под рельсами в социализм»...

«Куда поместить сердце?» — действительно самый главный вопрос. Потому что с «неуместным сердцем» — и кому же, как не Платонову-очевидцу, знать это — и человек, и народ «таких дров наломает!». Чтобы не напрасно билась в нас «какая-то главная сияющая сила», завещал нам Платонов вместе со старым мастером, думающим «о том кронциркуле, которым можно было бы проверить большевиков», «надо глядеть и глядеть». Более всего писатель боялся — и справедливо — пустого сердца, особенно если оно окажется у тех, кто «отлучился властвовать». Не забудем, что в «Котловане» вслед за кулаками народ отправляет в утиль истории и Активиста-переугожденца.

Мы не пойдем силу выжитого Платоновым исторического оптимизма, если забудем героев его «Котлована». И разве не те же Чиклины, Вещевы, Чагатаевы, Юшки и «песчаные учительницы» осознают в войну, что надо «защитить добрую правду русского народа нерушимой силой солдата», что за ними — «вся наша большая вечная Родина»? Разве не они, чтобы погубить врага наверняка, взрывают самих себя? «Да что нам немец, — говорит старый крестьянин, переживший войну, — он против нас судьбой слаб, мы судьбы больше испытали!» Разве эти слова не заставляют нас сейчас, еще не располагающих всей правдой о предвоенной действительности, разве они не заставляют нас содрогнуться?

Видимо, самое опасное сейчас — угроза не приметной, нечувствительной подмены подлинной правды спешно плодящимися на ее месте подобиями, которые, как правило, предпочитают выступать под знаменем «усложнившейся жизненной реальности». Происходит подчас подмена правды чем-то, что мобилизовано всего-навсего временно «исполнять обязанности» ее и что, по слову Достоевского, только «рядом, вместе, почти совпадает, а между тем — совсем другое». Это коварное совпадение сейчас самое опасное.

Настала пора со всей серьезностью понять, что «старые преданья» — это и есть то самое, что позволило нам «перейти бездну». Мало того, настоящая бездна — это как раз и есть окончательное забвение «старых преданий». Теперь как воздух необходимо нам не парение, а трезвение, не дерзость, а дерзновение, не прислуживание, а служение, не бесчисленные групповые знамена идейной гражданской войны, а единое общенародное знамение, не пустопорожнее красноречие и бесстыдное заголение, а вся полнота исторической правды. Справедливо замечено, что не только обман может быть возвышающим, но что куда серьезнее теперь потребность в возвышающей правде. Противиться же ей могут сейчас лишь те, кто, по старинному выражению, «в суете ума их обращены смыслом». Помрачение смыслом — частным, оторванным от общенародных целей и потому разъединяющим, мелким смыслом — распространенная болезнь современных лжеинтеллектуалов, безоглядно верящих в «свою» или «групповую» правоту.

Самое обнадеживающее — это все же крепнущее постепенно понимание, что напрасны надежды пересоздать что-то одним административным волнением, силою одной власти, без опоры на народное и общественное сознание, без доверия к органическим силам жизни. «Демократия» и «демократизм» должны подразумевать (и подразумевают) «народ» и «народность», чтобы не способствовать возбуждению демагогических инстинктов, чтобы избежать нежелательных крайностей необузданной демократии, с одной стороны, и мундирного демократизма — с другой. Народность для народа то же, что личность в отдельном человеке. Вне народности и личности не может быть ничего реального и жизненного. Обезнародившийся народ, как и обезличившийся человек, — вещи, надо признать, невеселые. В народности заключается все наше историческое призвание, весь смысл и причина нашего исторического бытия, а потому стоит особенно озаботиться тем, чтобы расхожие идеи безнародного

демагогического сектанства, незаметно просочившись, не оказались для нас на месте насущных народных интересов.

А потому будем помнить величие простого сердечного завета тех, кто перенес войну: «Живите, исполняйте свою службу, пускай на свете все сбудется, что должно быть по правде» (А. Платонов. «Среди народа»).

А. А. ФУРСЕНКО (член-корреспондент АН СССР). Укреплять союз историков и писателей.

Перестройка и те процессы, которые происходят в нашей стране, пересмотр наших прежних представлений о прошлом, который сейчас у нас идет, касаются и нас, американистов. Хочу начать с одного конкретного примера. 21 января 1949 г. на торжественном траурном собрании, посвященном 25-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина, по инициативе Сталина Поспеловым был сделан доклад «США — организатор и вдохновитель антисоветской вооруженной интервенции», который в основе своей противоречил высказываниям Ленина и Чичерина и искажал реальное положение вещей. Эта оценка не может быть признана объективной. Она неправильно показывала роль Соединенных Штатов в интервенции против Советской России. Всем хорошо известно, что США принимали участие в этой интервенции, что они финансировали тех, кто участвовал в интервенции, что они ставили определенные политические задачи, но роль их не была такой, какой она была изображена в докладе Поспелова.

И в нем было сказано много такого, что потом оказало сильное негативное влияние на развитие советской американистики. Это выступление послужило сигналом для гонения на историков-американистов. Вскоре после этого в журнале «Большевик» была опубликована резко критическая рецензия на книгу историка В. Лана «США от первой до второй мировой войны». Мы сейчас призываем писать интересные, занимательные, хорошие книги, которые читали бы не только специалисты, но и народ. Я могу со всей ответственностью сказать, что это была именно такая книга. Это замечательно, интересно, хорошо написанная книга, вполне соответствующая любым научным стандартам и требованиям. Но эта книга была разгромлена. А Лан — это один из первых наших советских американистов-историков. Ему принадлежит одна из первых советских работ по истории США «Классы и партии США», которая не утратила своего значения до сих пор.

Начатая тогда переоценка американской истории и советско-американских отношений служила цели создания того, что мы сейчас называем «образом врага». Нельзя согласиться с тем направлением, которое было придано тогда советской американистике. Я считаю, что мы преодолели его в значительной степени и сейчас стоим на других позициях. Но тем не менее какие-то последствия этого подхода и сегодня сказываются. Мне думается, что настало время сказать об этом в полный голос: это был один из тех неправильных поворотов, о которых мы говорим сегодня.

Какой бы областью истории мы ни занимались, каждый из нас сейчас должен четко определить свое отношение к участию в перестройке. Мы говорим о «белых пятнах» в 20—30-е годы. Но есть «белые пятна» в истории внешней политики, которые касаются совсем недавнего прошлого. Я понимаю, что внешняя политика — это довольно деликатная сфера. И все же надо говорить и о ней.

Вот в Вашингтоне есть (был по крайней мере) отель «Ориент», на котором висела мемориальная доска. На ней было написано: «В этом здании в октябре 1962 г. встретились русский дипломат и американский телеобозреватель. В результате этой встречи была предотвращена встреча

мировая война». Имя американского телеобозревателя Джона Скали хорошо известно. Но скажите, кто знает у нас имя Фомина? В американской литературе называется и другое имя — Большаков. Это были люди, которые в дни карибского кризиса по поручению нашего руководства предприняли героические усилия для того, чтобы спасти мир от войны. В американской литературе об этом написано немало и достаточно подробно.

Должен сказать, что я пытался написать у нас об этом, но натолкнулся на абсолютную невозможность что-либо опубликовать. Говорят, о них писать нельзя. Почему же американцы могут о них знать, а мы не можем? Мне кажется, что мы должны об этих людях знать. Это герои, которые должны быть известны в своей стране. Думаю, что у нас таких «белых пятен» в той области, о которой я говорю, можно найти немало.

Один из наших основных очень трудных участков, больших недугов — это недостаток информации. Тут уже говорили о трудностях доступа к архивам. Недавно один мой американский коллега спросил меня: почему вы, работая в Соединенных Штатах, имеете доступ к архивам госдепартамента, министерства юстиции, частным архивам, а мы не можем получить у вас бумаги царских министров, тех министров, которых вы свергли в 1917 году? Я ему на это сказал: вы знаете, мы и сами не всегда можем получить доступ к бумагам этих министров. Нормально это или нет? Я думаю, что не нормально. Думаю, что когда мы говорим о недостатках в нашей работе, то мы должны говорить об этих тормозах. Это тормоз, самый настоящий тормоз! Я не знаю, как, кто может преодолеть это сопротивление, нежелание давать эти материалы не только иностранцам, но и нам.

У нас совершенно неудовлетворительно обстоит дело с иностранной литературой. Особенно плохо с этим делом в Ленинграде. Сейчас обе крупные библиотеки города — библиотека АН и Публичная библиотека — прекратили выписку двух крупнейших американских журналов «American Historical Review» и «Journal of Modern History». Чтобы читать эти журналы, нужно ездить в Москву. Такое положение у нас в Ленинграде. Я, например, могу работать и заниматься историей Соединенных Штатов и современными проблемами главным образом благодаря тому, что из своих командировок я привожу большое число книг. И в основном живу за счет этой библиотеки, давая пользоваться ею и своим ученикам.

Здесь уже говорили относительно идеи, высказанной М. С. Горбачевым во время визита в Вашингтон, а также в книге о перестройке — о роли интеллигенции, о том, что интеллигенция — это дрожжи и что соединение творческого союза деятелей науки и художественной интеллигенции — необходимое условие перестройки.

Это — важное и вдохновляющее положение. Но я должен сказать, что на этом фоне есть и некоторые обескураживающие факты. Недавно у нас в ленинградском журнале «Диалог» (этот номер был подписан к печати через три дня после того, как в газете «Правда» была напечатана известная редакционная статья) появилась статья доцента Высшей партийной школы Попова, написанная в духе статьи Андреевой, с предложением расширительного толкования диктатуры пролетариата в наше время. П. Н. Федосеев в своем докладе убедительно показал наше отношение к диктатуре пролетариата на современном этапе развития в соответствии с программными положениями партии. А там делается ход назад, там говорится, что необходимо укреплять функции диктатуры пролетариата, расширять их, интеллигенция же в представлении этого автора выглядит в лучшем случае попутчиком.

Я хочу обратить внимание на то, что мы в этом зале обсуждаем очень острые темы, идут горячие споры, высказываются радикальные точки зрения. Но далеко не так обстоит дело на местах. Нет этого даже

в таком городе, как Ленинград. Очень важно, что сейчас выслушивают интеллигенцию, с нею считаются. Но нам также следует думать о том, чтобы учиться корректно спорить друг с другом. В противном случае дискуссии не прибавят нам уважения друг к другу. Терминология, выражения и приемы, которые используются в спорах, не должны выходить за рамки приличия. Надо друг друга уважать, уважать себя.

Здесь говорили о разном отношении к разным писателям. Я думаю, что нам нужно поддерживать первопроходцев. Есть писатели, которые являются таковыми, и нужно признать за ними это право. Сколько бы ни говорили о романе Рыбакова, он сделал это первым. Были и другие драматурги и писатели, которые первыми выступили, им в этом отказать не только нельзя, нужно это признать. Это гражданская позиция и гражданский подвиг, и мы не имеем права этого не замечать. Надо признавать право писателя на самостоятельность, в том числе и на версию, не исключаящую домысла.

У историков, конечно, другое положение, мы можем выдвигать какие-то гипотезы. Но каждая наша гипотеза должна подтверждаться документально. Я уже говорил об архивах — это не всегда просто сделать. Мы не всегда можем получить в архивах то, что ищем. Хочу подчеркнуть, что в принципе союз историков и писателей — это плодотворный союз, который нужно развивать.

Здесь Ю. Н. Афанасьев говорил о том, что не было никогда в мире такой страны с такой фальсифицированной историей, как история нашей страны после 1917 и до 1917 года. Я с большим уважением отношусь к гражданскому пафосу выступлений Афанасьева, но не могу согласиться с этим его тезисом, потому что все-таки существует советская историческая наука. Я американист, но занимался и русской историей. У нас есть серьезные фундаментальные исследования по истории России. Когда к нам приезжают иностранные ученые, они ищут наших специалистов, хотят с ними поговорить, проконсультироваться. И это уже о чем-то говорит.

Среди сторонников перестройки могут быть разные подходы к оценке тех или иных явлений, но нам необходимо сплочение, нужен единый фронт для победы дела перестройки.

В. Д. ПОЛИКАРПОВ (Институт истории СССР АН СССР). *Для самоуспокоенности оснований нет*

Признавая, что в авангарде перестройки идут сейчас литераторы, мы должны самокритично признать также, что историки в отличие от писателей, литературоведов и публицистов пока еще идут в арьергарде перестройки, а те чрезвычайно оптимистические оценки нынешнего положения в исторической науке, которые здесь прозвучали, по своей самоуспокоенности напоминают некоторые прошлые времена.

Стоит ли говорить о том, что у нас уже и перестройка идет хорошо, и мы какими-то ее рубежами овладели? Именно с таких «самоуспокоенных» начинали в исторической науке похороны «оттепели» после XX и XXII съездов партии. Тогда осенью 1965 г. последовали статьи в «Правде» сначала за официальной подписью заведующего Отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС С. П. Трапезникова³⁶, затем через некоторое время, в январе 1966 г., за тремя подписями крупных историков, которые в соответствии с указующим перстом Трапезникова объявили, что никакого периода культа личности не было, что это понятие немарксистское, отдает субъективизмом, а стало быть, научно несостоятельно³⁷. Тем

³⁶ Правда, 8.X.1965.

³⁷ Там же, 30.I.1966.

самым налагался запрет на изучение природы культа личности, его влияния на историческую науку и на общественную жизнь в целом.

И вот теперь Центральный Комитет партии призывает нас изучить исторический опыт, извлечь из него уроки не только в строительстве социализма в целом, но и в развитии самой исторической науки. Ведь историки оказались совершенно не готовыми хоть в какой-то мере удовлетворить интерес общества к нашей советской истории, вспыхнувший в ходе перестройки. И мы должны выяснить, что тормозило и тормозит развитие нашей науки, какие факторы, влияния, чье давление определили ее нынешнее драматическое состояние. Для исторической науки очень важен рубеж 30-х годов. Его чувствительно обозначили письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» и одновременно, в том же месяце, произнесенная им речь на совещании хозяйственников. Письмом был наложен запрет на дальнейшую разработку проблем, по которым Сталин имел свои мнения, предписанные в качестве аксиом. Все, что его не устраивало, стало клеймиться с высокой трибуны: здесь было и «шарлатанство», и «жюльническое крючкотворство» и для большего практического эффекта — «троцкистская контрабанда».

Была предписана «новая» методика научного исследования. Тот, кто изучал историю по «бумажным документам», зачислялся в «безнадежные бюрократы» или «архивные крысы». Впредь изучать ее надлежало «по делам, по действиям» тех или иных лиц³⁸. А каких лиц, уже в конце 1929 г. указал К. Е. Ворошилов в статье, посвященной 50-летию Сталина. Одновременно в речи на совещании хозяйственников Сталин обвинил наиболее «квалифицированную часть старой технической интеллигенции» во вредительстве и в «интервенционистских упованиях», провозгласил по отношению к ней «политику разгрома». Уже здесь он объявил, что «вредительское движение... культивировалось... обострением классовой борьбы внутри СССР»³⁹. Этот тезис стал потом рефреном всех погромных речей Сталина. Той же самой клевете и «политике разгрома» подверглись и историки.

Науке была преподнесена и соответствующая методология. Достаточно было объявить ту или иную теорию «немарксистской», как ГПУ тут же делало «очевидной» ее связь с «вредительством», как это признала в 1931 г. статистик М. Н. Смит в своей книге⁴⁰. Позже, после смерти М. Н. Покровского, условия для разоблачения его «вредных антиленинских концепций» были также подготовлены разгромами «вражеских контрреволюционных гнезд на фронте истории» «нашими славными наркомвнудельцами»⁴¹, как с восторгом отмечала тогда А. М. Панкратова, а 20 лет спустя та же тень коснулась и ее самой. Не эту ли методологию исповедовал и недавний руководитель Института марксизма-ленинизма, как это продемонстрировал здесь М. Шатров?

Труды историков-марксистов, ставших жертвами репрессий, сжигались. Сохранились лишь единичные их экземпляры в спецхранах крупнейших библиотек страны. Та же участь постигла работы не подвергавшихся репрессиям авторов, если у них были положительно упомянуты политические деятели, попавшие в разряд «врагов народа», или даны ссылки на них. Гигантское аутодафе, охватившее всю страну, с дьявольской беспощадностью уничтожало интеллектуальный потенциал общества, поглотило бесчисленное количество творений человеческого разума. Эта безумная политика была закреплена в 1938 г. «Кратким курсом» истории ВКП(б) — этим, по существу, репрессивным кодексом сталиниз-

³⁸ См. Сталин И. В. Соч. Т. 13, с. 89—101.

³⁹ Там же, с. 69—72.

⁴⁰ См. Смит М. Н. Теория и практика советской статистики. Сб. ст. Изд. 2-е. М.—Л. 1931, с. 5.

⁴¹ Против исторической концепции М. Н. Покровского. Сб. ст. Ч. 1. М.—Л. 1939, с. 9.

ма, где были собраны криминально политические оценки лиц, событий, теорий.

14 ноября 1938 г. специальным постановлением ЦК Сталин объявил «Краткий курс» «единым», «официальным» руководством, не допускающим «никаких произвольных толкований» основных вопросов марксизма-ленинизма и истории партии. Этим постановлением тогда была провозглашена «перестройка», но только в понятном направлении от ленинизма. С издевкой над творческим духом великого учения объявлялся «конец произволу и перазберихе», «обилию различных точек зрения», имевшихся в прежних учебниках⁴². Были утверждены таким образом незыблемые стереотипы, сковавшие историческую науку и всякую теоретическую мысль на много лет.

Оздоровление духовной атмосферы наступило после XX и XXII съездов КПСС. Однако полученного тогда импульса не хватило для коренного перелома, для преодоления негативных тенденций, повсюду властвовавших в исторической науке. И после «оттепели» середины 50-х — начала 60-х годов снова наступил период застоя. Пагубную роль в развитии советской исторической науки в начале 70-х — первой половине 80-х годов сыграла кампания, возглавленная С. П. Трапезниковым. Угодничавшие перед ним историки, занимая ключевые позиции в академических учреждениях и вузах, практически пресекли «новое направление» в исторической науке, представители которого осмелились взяться во всеоружии передовых методов марксистской науки за исследование актуальных нерешенных проблем дореволюционного развития страны, соотношения в революционно-освободительном движении демократических и социалистических тенденций и других важнейших вопросов ее истории.

Усилия исследователей, работа издательского аппарата все больше ориентировались на обеспечение юбилейных кампаний, подготовку бездискуссионных, компилятивных в основе «обобщающих» трудов с «пышными» редколлегиями, которые должны были прикрыть такие труды от какой бы то ни было критики, а в некоторых случаях обеспечивали составителям, авторам и, конечно, «свадебным генералам» ордена, Государственные, Ленинские премии, как это было, например, с 12-томной «Историей второй мировой войны», о которой говорили здесь писатель В. Астафьев и историк О. Ржешевский. Они только не упомянули, что все эти награды были присуждены тайно, без публикации постановления для всеобщего сведения.

В те времена многие деятели исторической науки избегали изучения марксистских концепций в их сколько-нибудь целостном виде, довольствуясь ограниченным набором цитат для обозначения собственной приверженности к марксистской методологии. Попытки же творческого прочтения классических произведений марксизма-ленинизма в интересах теоретического осмысления исторических процессов были взяты под подозрение, как тающие в себе опасность пересмотра догм. В результате административного вмешательства некомпетентных в науке лиц был положен предел плодотворным поискам исследователей в изучении важнейших проблем, задержано развитие научной теории. Такая практика находила поддержку в разного рода инстанциях, оказывавших свое покровительство ругинерам и демагогам.

Новое направление в исторической науке и новое прочтение теоретического наследства основоположников марксизма-ленинизма были опорочены как якобы «осужденные научной общественностью» и надолго исключены из нашей научной практики. Несправедливые же разносы, всевозможные акты осуждения этих направлений проводились под видом

⁴² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 7-е изд. М. 1954, ч. III, с. 316.

дискуссий, причем подвергавшимся проработке исследователям было отказано в праве защищаться на страницах печати. В результате разгрома творческих направлений монополий в изучении истории СССР, особенно советского периода, завладела трапезниковская группа.

Мы дожили до такого положения, когда в период пробудившегося всеобщего интереса к историческим знаниям именно специальные исторические журналы, находящиеся в ведении Отделения истории, дошли, кажется, до последней черты в смысле тиража и способности распространять действительно научные знания в нашем обществе. В то время, как литературные и общественно-политические журналы, которые сейчас идут впереди перестройки, имеют тиражи, уже перешагнувшие миллион экземпляров, исторические имеют тираж в пределах 15—20 тысяч экземпляров. Это на всю-то огромную страну, да при этом надо учесть, что известная часть тиража их идет за рубеж.

Еще один момент. Здесь речь шла об архивах. Сейчас появились сообщения в печати о том, что-де открылись архивы, и беда только в том, что историки не хотят «востребовать» дела, хранящиеся в них. На самом же деле вместо открытия фондов фактически и ныне затрудняется доступ ко многим из них, расширены каналы для произвола со стороны архивных администраторов, т. е. проводится та линия, согласно которой использование «бумажных документов» — дело «архивных крыс».

Г. А. МИТИН (литературный критик). *Не создавать самим «белых пятен»*

Всех волнует, как идет перестройка вообще, но, мне кажется, что все-таки писателей, критиков, литературоведов прежде всего волнует, как она происходит сегодня в сознании людей. Замечаешь, что картина здесь действительно пестрая: различные аудитории, даже в Москве, находятся на совершенно разных уровнях перестройки.

Недавно я был в Томской области — там, на родине В. Липатова, проходили первые Липатовские чтения. Поначалу перед нами предстала отрадная картина: действует общество книголюбов, кипят, бурлят окололитературные страсти. Но это только поначалу. Когда же мы приехали в одну из тех сплавных контор, о которых писал Липатов, там разгорелся жаркий спор между нами и рабочими, причем мы выступили в качестве защитников перестройки, а рабочие говорили, что никакой перестройки нет. Наши выступления заинтересовали бюро горкома партии, нас пригласили выступить на совместном заседании бюро горкома КПСС и горкома ВЛКСМ. Состоялась откровенная, содержательная беседа, которая вызвала интерес обеих сторон. На следующий день была назначена встреча с активом. Актив представлял печальное зрелище и вел себя как пассив, а те несколько записок, которые мы получили, были анонимными. Поэтому, мне кажется, сейчас еще рано говорить, что мы уже стали совсем другими, этого сказать просто нельзя.

Что касается «белых пятен», то они возникают в самых неожиданных областях. Например, из статьи, напечатанной «Новым миром», я узнал, что существует такое «пятно» в школьном учебнике истории: XVII век, а в соответствующем разделе нет даже упоминания царя Алексея Михайловича, Никона, Аввакума. Каким образом можно охарактеризовать тот век в истории России, обходя эти три имени, остается для меня загадкой.

В период застоя был, можно сказать, реанимирован старый способ создания «белых пятен» в современном литературном процессе — способ замалчивания критикой особо выдающихся произведений. Так, замолчали романы «Солнечная ночь» и «Белые флаги» Н. Думбадзе, повести «Драчуны» М. Алексеева и «Уже написан Вертер» В. Катаева. Но ведь соответственно возникли и «белые пятна» в критике — и никто не спешит их

заполнить до сих пор. Более того, мне кажется, что мы и сейчас, в годы перестройки, создаем такие же «белые пятна». В такое «белое пятно» мы превратили «Печальный детектив» В. Астафьева. Наша критика не проявила интереса к настоящему глубокому философскому и социально-историческому осмыслению этого произведения, а ведь оно относится к вершинным достижениям современной русской литературы, и замалчивание его со стороны нашей критики не делает нам чести.

Надо сказать, что мы испытали на себе все зигзаги нашей истории последних лет, и эти зигзаги придется вспомнить, и вот почему. В 1963 г. редакция «Красной звезды» попросила меня срочно написать статью о повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» — и через день она уже была опубликована в этой газете. А что было после октября 1964 года? Из верстки журнала «Театр» была изъята моя статья о повести В. Войновича «Хочу быть честным» (нельзя было тогда даже «хотеть быть честным!»), из верстки еженедельника «Литературная Россия» изъяли мою статью о спектакле театра «Современник» по пьесе В. Аксенова «Всегда в продаже». Были ли виноваты в этом главные редакторы этих изданий? Я сам работал в те годы в печати, в частности и в «Литературной газете», поэтому знаю, что вовсе не главные редакторы были хозяевами изданий, говоря образно, хозяином было время.

В период культа личности критика не от хорошей жизни обильно цитировали Сталина, а в период застоя — Брежнева. Этого требовали от нас, критиков, редакторы, а от них — партийные органы, «курировавшие» прессу. Цитаты — это показушное «изъявление верности» на словах. «А что за словом?» — требовательно спрашивал И. Зверев, один из «будильников» времени застоя, по-писательски зорко подметивший характерное, типичное явление того периода: разрыв между словом и делом. Эта большая проблема стала внутренним стержнем образа мастера участка Гасилова из романа В. Липатова «И это все о нем». Не зря же слово «гасиловщина» замелькало в откликах критики на роман, однако заискрилось и погасло — ведь нашей жизнью правили тогда (а в значительной мере и поныне!) именно мастера «гасиловщины».

Двуличность, «двойное дно», умение лицемерить — это социальное зло и сегодня помогает гасиловым маскироваться под сторонников перестройки. Я считаю, что разоблачение этой маскировки — задача трудная, но необходимая. Сорвать маску, показав, что перестроечной фразеологии явно противоречат антиперестроечные дела, — этой работы ждет от писателей народ, это сегодня одна из важнейших забот нашей публицистики. Инерция «застоя» — едва ли не самая реальная и грозная опасность для перестройки, не зря иные люди со вздохом сожаления называют предшествующий период истории нашего общества не периодом застоя, а периодом покоя. Отсюда — пассивность.

Однако, увы, гасиловы продолжают активно действовать. Сегодня они конечно, за гласность, но против «вседозволенности». Очень часто мы слышим слова: демократия — это не вседозволенность! Разве «Литературная газета» не отклоняет статей под этим предлогом, разве не знает «лучше всех», что можно, а чего нельзя печатать? Мы сами прекрасно понимаем разницу между демократией и вседозволенностью, однако оказывается почему-то, что «Литературная газета» в лице своих руководителей по-прежнему лучше нас разбирается в этом, и писатели до сих пор не считают себя хозяевами своей писательской газеты.

Хотел бы я вернуться и к такому вопросу: как быть с эмигрантами из застоя? Давайте вспомним, как Ленин в статьях о Толстом резко отделял Толстого-философа от Толстого-художника. Мы не рискуем делать это по отношению к современным писателям, мы как бы об этом «забыли», а мне кажется, надо вспомнить этот ленинский принцип и в соответствии с ним вернуть эмигрантов из застоя (это позорнейшее явление в нашей жизни последних десятилетий), и если не людей, то их творче-

ство. Невозможно было смотреть, например, как изымали из библиотек «В окопах Сталинграда» В. Некрасова или «Большую руду» Г. Владимира. Но разве можно представить себе нашу военную прозу без первой из названных книг и нашу литературу о рабочем классе — без второй?

И в заключение немного полемики с Г. А. Белой, которая предложила на обсуждение две модели искусства: искусство независимое и искусство обслуживающее. Я согласен, такие вещи всегда были и есть до сих пор. Вполне вероятно, что такие модели будут всегда, но вовсе не эти модели определяют развитие русской литературы. Мне кажется, что есть главная ее модель, которая родилась вместе с первым гениальным русским писателем Аввакумом и прошла через века, — это искусство, которое независимо служит своему народу. Независимость — не помеха служению. Наоборот, как показывают примеры творчества не только Платонова и Булгакова, но и творчество живущих среди нас талантливых писателей, в том числе тех, которые выступали вчера и сегодня. Убежден, что независимость духа только помогает настоящему писателю служить своему народу.

Ю. А. ЛУКИН (АОН при ЦК КПСС). *Перестройка, демократизация, художественная культура*

Огромные перемены, происходящие в нашем обществе, в том числе и в духовной сфере, всколыхнули литературу и искусство, заставили пересмотреть редакционные ящики с неопубликованными рукописями, запасники художественных музеев, нашу кинематографическую «полку». Духовная жизнь и эстетическое сознание выиграли от того, что широкой аудитории, хотя и со значительным опозданием, стали доступны многие не известные ранее произведения Б. Пильняка, Евг. Замятина, А. Платонова, М. Булгакова, В. Ходасевича, О. Мандельштама, А. Лентулова, М. Шагала, созданные за последние два десятилетия фильмы А. Тарковского, А. Аскольдова, А. Германа, К. Муратовой, А. Сокурова.

Положительно оценивая самый факт введения произведений указанных авторов в нашу духовную жизнь, мы не можем считать, что все они равноценны в художественном отношении. Большая часть, однако, незаслуженно отгороженных от зрителей и читателей произведений в прошлом отвергалась прежде всего потому, что по действующим в годы застоя эстетическим критериям и по своеобразному пониманию правды в искусстве расценивалась как слишком «острая», а если быть более точным, — как очернительная, критиканская. Это сегодня мы понимаем, что в критической направленности против негативных явлений произведений Замятина, Платонова, Булгакова, Бека, Дудинцева больше любви к социализму, народу, чем в сусальных сказаниях о жизни казаков Кубани или картонных сражениях за хлеб «Кавалера Золотой Звезды», что в эпопее о сталинградской битве В. Гроссмана «Жизнь и судьба» такая высокая правда о времени, о Сталине, что не случайно один партийный руководитель прошлого убежденно полагал, что «это можно будет напечатать только через 200 лет».

Вновь открытые для читателя и зрителя произведения заставляют по-иному взглянуть на историю нашей художественной культуры, уточнить многие теоретические постулаты. Между тем дружно повернутые в сторону неизученного материала критические и исследовательские перья формируют такие концепции и положения, которые, войди они в учебные пособия и справочные издания, в научный оборот, могут дать искаженную, одностороннюю картину нашей художественной жизни. Раздаются голоса о необходимости критического пересмотра творчества Маяковского, а заодно и Горького, Шолохова, Фадеева (газета «Московский художник»). Обращаясь к произведениям А. Платонова «Котлован», «Чевенгур», некоторые критики противопоставляют их «Поднятой цели-

не» М. Шолохова, «Людам из захолюстья» А. Малышкина. Подобным же образом творчество А. Лентулова, Н. Татлина, М. Шагала противопоставляется наследию А. Дейнеки, Ю. Пименова, П. Корина.

Истории искусства чуждо любое искажение — замалчивание одних художников, направлений или одностороннее выпячивание других. Вся многокрасочная, многоцветная палитра творческих индивидуальностей, стилей и направлений с их взлетами и падениями составляет реальную картину истории нашего искусства.

Другая проблема, на которой хотелось бы остановиться, касается культуры наших дискуссий. К сожалению, перестройка с трудом дается критике; мы не научились проводить дискуссии в духе нового мышления. 6 апреля 1988 г. ленинградское телевидение показало передачу «Правда истории и позиция художника». Авторы ее записали встречу с М. Шатровым в одном из концертных залов Ленинграда, а в одной из телестудий был снят «круглый стол», в котором участвовали шесть экономистов и историков, которые обсуждали, а точнее — осуждали пьесу Шатрова «Дальше... дальше... дальше!» и комментировали, глядя видеозапись встречи Шатрова с ленинградской аудиторией. Телевизионные режиссеры все это смонтировали и подали так, что «правду истории» представляли обществоведы, а «позицию художника» — Шатров. Не воплотила ли эта передача наглядно нелепую ситуацию, когда литературные произведения заочно, без авторов, обсуждают ученые, среди которых, заметим к слову, нет ни одного литературоведа, театроведа, искусствоведа?

В ленинградской телепередаче обществоведы справедливо подчеркивали, что нам всем надо вновь и вновь перечитывать В. И. Ленина. Полностью присоединяясь к ним, хотел бы только добавить, что это относится и к тем местам в ленинском наследию, которые непосредственно касаются природы художественного творчества. Ленин, прекрасно понимая специфику художественного творчества, говорил, ссылаясь на Л. Фейербаха, что «искусство не требует признания его произведений за действительность», что в художественном произведении «весь гвоздь в индивидуальной обстановке, в анализе характеров и психики данныих типов»⁴³. Ленин не отрицал, что «художник часто действует под влиянием настроения, которое у него достигает такой силы, что подавляет всякие другие соображения»⁴⁴. Думается, что немалое число критических замечаний в адрес писателей и драматургов проистекает из того, что не всегда отличают специфику исторического исследования от художественного произведения.

Общество, устремленное вперед, в будущее, должно хорошо знать наследию, доставшееся ему от прошлого, чтобы не повторять ошибок этого прошлого и знать правду. Обращение к прошлому вызвано насущными нуждами социальной правды, нравственными потребностями, требованиями социальной справедливости. Уход от оценки прошлого, отказ от правды, пусть горькой, не оправданы ни с социальной, ни с моральной точек зрения. Если наше поколение не сделает этого, это сделают наши внуки. Только они, вскрыв правду, будут изучать еще и то, почему мы промолчали.

Следующая проблема связана с разрывом в прошлом между истинной ценностью тех или иных сочинений и их официальной оценкой. Мы за 70 лет были воспитаны в традициях одномерного подхода. Если балет Большого театра или спектакль Малого, то это — шедевры. Если роман А. Чаковского «Блокада» удостоен Ленинской премии, то это — новое художественное слово мирового уровня (ведь так говорится в статусе этой премии). Самое тяжелое наследию застойного периода — наличие двойной морали, двойного счета. В культуре это обернулось небывалым

⁴³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29, с. 53; т. 49, с. 57.

⁴⁴ Там же. Т. 26, с. 96.

разрывом между административно-официальной, художественно-критической, а также читательской и зрительской оценками художественных произведений. Премиями удостаивали одних, критика хвалила других, а народ читал, смотрел, слушал третьих. Достаточно назвать имена Ф. Искандера, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджавы, Ю. Кима, Б. Можаяева, И. Глазунова, А. Шилова, чтобы понять, о чем идет речь.

Большой, не изжитый до сих пор недостаток в руководстве культурой — бюрократизация, прежде всего — запретительство. Командные методы неизбежно превращались в административную систему управления и становились, таким образом, тормозом развития. В идеологии, культуре, творчестве невозможно приказать кому-то иметь такое-то суждение. Идеологической работе противопоказана уверенность в собственной непогрешимости, в том, что только «наверху» владеют истиной, знают, что парод «поймет», а что «не поймет».

Коренная перестройка руководства культурными процессами возможна лишь на пути демократизации. Демократизм, доверие к художнику, терпимость к непривычному, к поискам, компетентность, доброжелательность, поощрение инициативы и новаторства, поддержка талантов — вот ключевые принципы партийной работы в сфере культуры, во всей духовной области перестройки. Отказ от бюрократически-административного решения вопросов, творческая атмосфера, терпеливая работа, сопоставление различных точек зрения, когда никто не претендует на единоличное владение истиной, социалистический плюрализм мнений, восстановление в полном объеме ленинских принципов культурной политики — только на этих путях возможно обеспечить возрастание роли культуры в перестройке общественного сознания, приумножении ценностей социалистической многонациональной культуры.

И последний вопрос, на котором хотелось бы остановиться, касается современной издательской практики. В последние годы опубликовано большое число критических статей, посвященных произведениям на историческую тему или отражающих годы застоя. Имена критиков (Ю. Буртина, А. Нуйкина, В. Бондаренко и ряда других) у всех на слуху. Но беспокоит тот факт, что все эти статьи — «полевые заметки». Этот жанр преобладает в нашей периодике, боюсь, будет преобладать и в издательской практике. А где же статьи, теоретически, в хорошей, добротной академической, аналитической манере осмысливающие современные проблемы культуры и искусства, их задачи в свете перестройки и нового мышления? Редакторы толстых журналов, не говоря уже о газетной периодике, чуждаются теоретических работ.

Кто может назвать статью из опубликованных в этом году в газете или журнале, которая рассматривала бы в свете нынешнего времени и на современном художественном материале проблемы партийности, народности, творческого метода, традиций и новаторства, закономерности развития художественной культуры социализма? Разве в свете февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС и предстоящей партийной конференции не возникает потребность по-новому осмыслить эти и другие теоретические и методологические проблемы?

Боюсь, что если к современному издателю придет малоизвестный автор с научной рукописью книги, издатель сочтет такую работу нерентабельной в условиях хозрасчета. Я где-то читал, что ретивые борцы с алкоголизмом вырубали по стране тысячи гектаров виноградников. Не постигнет ли нашу теоретическую мысль, наше обществоведение, литературоведение, языковедение, искусствоведение в условиях хозрасчетной издательской политики, курса только на прибыль, участь виноградников?

Сегодня и вчера было сказано довольно много нелестных слов в адрес исторической науки, и многое из сказанного справедливо. Если говорить о ленинградских историках, то мы все понимаем, что нужно работать лучше, чтобы историческая наука заняла подобающее ей место в духовной жизни нашего общества. По многим проблемам советской истории пеобходима серьезная изначальная работа с источниками, с архивами, нужен пересмотр ряда концепций.

Однако иногда происходит как бы отождествление истории как науки, которую порицают, с самим обществом и с социализмом в той стадии, в которой она развивалась, и тогда получается неправильная оценка, потому что с надстройкой историческая наука связана больше, вероятно, чем что-либо другое. И я на собственном опыте испытал, выпуская книгу за книгой по истории советского общества: ни одна из них не прошла просто так, с первого раза, всегда были трудности. В этом особенность нашей работы, и нынешнее изменение условий, конечно, создает для нас гораздо более благоприятные возможности, чтобы работать хорошо.

Большинство ленинградских историков, если говорить об академических и вузовских специалистах по истории СССР, отвергают старое мышление — те концепции застойного периода, которые пытаются подновить теперь; это весьма ясно чувствуется в атмосфере нашего института и города. Но в Ленинграде обстановка между тем достаточно сложная: есть, вероятно, и противники этого процесса, и он будет развиваться, видимо, очень непросто.

Меня лично всегда настораживает такой факт. Вы знаете, когда в истории на крутых поворотах какое-то прогрессивное движение берет верх и выходит на правильную дорогу, к нему тут же примазываются люди, которые не имеют к этому прямого отношения. Одни больше бегают, кричат, других мы не видим, они тихо сидят за столом, работают, может быть, по-старому, но это по-старому выглядит как по-новому. Поэтому надо тут судить не в зависимости от темперамента того или иного человека — за перестройку он или он ей скрыто противится, — а по существу. Человек не может измениться. Вчера, до перестройки, он был хороший или худой, а сегодня он стал другим. Если я вчера думал иначе, держал себя соответственно, а в период перестройки я стал вдруг хорошим, то такое вряд ли возможно. Так что не нужно слова принимать за дела, за искреннее настроение. Здесь можно ошибиться и не заметить влияния каких-то личных, корыстных интересов.

Мне кажется, что все-таки нельзя сказать, что история пришла нагой, голый к этому дню и ничего с собой не принесла. Историки тоже имели подготовительный период, который им позволяет смело входить в сегодняшний день. Я сужу по своему коллективу — Ленинградскому отделению Института истории СССР. Больше половины нас вступили в пору научной зрелости после XX съезда партии. Мы молодыми пошли в архивы, приобрели вкус к тому, чтобы не из концепции делать историю, а из фактов строить концепцию. И поэтому считать, что мы сейчас должны все начинать сначала и дать молодому, ничем не проявившему себя человеку право создавать новые концепции и строить какую-то новую историческую науку — совершенно неверно.

И если говорить о 60—70-х годах в нашем институте, можно сослаться на пример двухтомника «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде» конца 60-х годов. Это по своему времени был новаторский труд, и мы не можем стыдиться этого труда. У нас в 1984 г. вышел труд «Кризис самодержавия в России. 1895—1917 гг.» — первоклассная работа, основанная на архивах. Мы не можем стыдиться этой работы. Она новаторская и по своему материалу, и по выводам и по концепции. По-

этому, мне кажется, надо осторожнее обращаться со словами, когда мы говорим «нет у нас исторической науки». Так можно договориться до того, что у нас нет ничего. Историческая наука — плоть от плоти нашего общества. И какое оно — плохое или хорошее, — такова и наука.

Мы увлекаемся часто публицистикой. Это действительно нужно, это форма быстрого реагирования. Не все историки это умеют делать. Не все одарены талантом, а кроме того, и пастырностью. Есть скромные люди, которые не всегда умеют это делать. А вот такая вещь для историка, как издание документов, — это хлеб для будущего и писателя, и историка. Это мы делаем, и делаем планомерно. По феодализму, по советскому периоду, партизанскому движению. У нас за прошлую пятилетку свыше десятка крупных публикаций документов вышло. Вот этот вопрос мне кажется важным.

У писателей есть, говорят, «запасники», и вот они сейчас что-то выдают. У нас тоже есть «запасники» из трудов, которые не пошли в свое время. У нас есть несколько томов протоколов и документов Петроградского Совета, почти подготовленных к печати. Сейчас мы первую часть включили в план. Это первокласснейшие документы по истории Октября. Это протоколы заседаний Петроградского Совета в период двоевластия. Пусть это был эсеро-меньшевистский поначалу Совет. Пусть там фигурировали лица, которых раньше нельзя было упоминать. Но тем не менее это живая история. Это то, что нам нужно. Мы включили этот труд в план сами, явочным порядком, и я бы просил и Отделение истории, и соответствующие партийные инстанции поддержать нас. Подготовлена работа о жертвах ленинградцев в блокаду. Цифру, указанную государственной комиссией (640 тысяч), наши историки сочли заниженной, на самом деле более миллиона погибло в блокаду. Эти данные не пускали в печать. Сейчас они как будто пробиваются на страницы периодики, а затем войдут и в литературу.

Расскажу о своем опыте. У меня была начата книга «Цена признания» об опыте политико-экономических отношений стран Запада с Советским Союзом (1924—1929 гг.). Написал я листов десять — бросил. Сделал другую книгу. У меня Г. Зиновьева там нет, но есть ссылка на XIII съезд партии, где он выступал с Политическим отчетом ЦК. Я ссылался также на доклады А. Рыкова как Председателя СНК, называя это отчетом Совнаркома, ссылался на газету или документ. Теперь я имею возможность просто указать имена лиц, которых немало в нашей истории. Х. Г. Раковский фигурирует в тот период очень активно в истории нашей внешней политики. Его имя тоже надо восстанавливать. Так что теперь дело за тем, чтобы работать, возможности у нас есть.

Несколько слов о соотношении истории и литературы. Я согласен, что с меркой историка подходить к литературным жанрам нельзя. Тут свои законы. Но между тем есть принцип историзма, который должен быть все-таки присущ любому литературному труду. Я не берусь оценивать такие крупные произведения, как «Доктор Живаго». Это действительно особая вещь. Но мы встречаемся с массой поделок литературных, которые заполняют «белые пятна» сомнительным путем. В свое время я рецензировал роман Я. Ильичева «Турецкий караван». В основу романа положен путевой дневник М. В. Фрунзе, который он вел во время поездки в конце 1921 г. — начале 1922 г. в Ангору (Анкару), к Мустафе Кемалю. Надо заметить, что Фрунзе сам обладал прекрасными литературными данными. У Фрунзе написано, что конь под ним испугался верблюда, который плюнул на узкой тропе. У Фрунзе он встает, естественно, на дыбы, а у романиста из этого получается что-то вроде заговора против советской делегации, который организован, инспирирован. И в таком духе описана вся эта поездка — как сплошная цепь попыток покушений и авантурных историй. С точки зрения и историка, и литератора, это, по-моему, никуда не годится.

Сейчас остро стоит национальный вопрос, а мы недоисследовали национальную проблему, всю сложность ее решения. У нас схема: право на самоопределение — военно-политический союз — политико-экономический союз — образование Союза ССР. А что было на самом деле? Мы проходим мимо VIII съезда партии, где развернулась полемика между Пятаковым и Лениным. Пятаков говорил, что право наций на самоопределение не стоит выеденного яйца. Другой подход, который также повлиял, — это великодержавный шовинизм бывшей царской России. Ведь наше государство взялось не откуда-нибудь, оно взялось из бывшей царской России. И это влияло. Отсюда, может быть, и эти замашки, «грузинское дело», рукоприкладство Орджоникидзе и снисходительность Дзержинского, по поводу чего Ленин говорил, что больше проявляется великодержавности со стороны перусских представителей. Критика Сталина Чичериним по национально-колониальному вопросу накануне одного из съездов партии содержалась в материалах газеты «Известия». У нас ряд начальных этапов решения национального вопроса глубоко не проанализирован и рассматривается как схема. Вот надо и посмотреть, все ли делалось правильно и не влияли ли, с одной стороны, левокоммунистические замашки, а с другой — великодержавная линия на принятие конкретных решений.

А. И. ОВЧАРЕНКО (Институт мировой литературы АН СССР).
Крайности начинают не только настораживать...

Один из ораторов говорил здесь о том, что у нас, литераторов, свое дело, у историков — своя область исследований, свой предмет суждений. Он, конечно, прав. Историки могут работать, не опираясь на художественную литературу. А вот писатели, литературоведы и критики не могут работать свободно в своей области, не зная прошлого и не зная сегодняшнего и завтрашнего дня. Поэтому мы, литераторы, кровно заинтересованы в том, чтобы наш обмен мнениями был в высшей степени плодотворным. Это необходимо и для нас, и для того нового поколения людей, которое формируется сегодня. Прежде всего практически нельзя идти вперед, если ощущаешь, что у тебя за спиной черная дыра.

Кто-то из выступающих здесь рассказывал, как он читает лекции и как трудно это делать. Я тоже читаю лекции, и в моей аудитории, видимо, не случайно, присутствуют люди, которые отнюдь не молчат, которые каждую лекцию превращают в острейший диспут. Для них литературное произведение — только повод для того, чтобы разобраться в нашем прошлом и настоящем. Они ставят вопросы не только о Дмитрие Донском, они ставят вопросы и о 1905-м, и о 1917-м, и о 1920-м, и 1925-м, и 1931-м, и 1937-м годах.

Сейчас студент не читает наших исследований, он сам несет и кладет мне на стол документы (отчеты X, XI, XII, XIV съездов партии или отчеты сессий Центрального исполнительного комитета) и говорит: «Как вы, профессор, соедините то, что пишут сегодня в нашей прессе, с тем, что говорится в этих документах? Например, кто обосновал в нашей партии необходимость Шахтинского дела, процесса Промпартии?» Или задает вопрос: «Как вы соединяете то, что вы сегодня пишете, с тем, что в 1933 г. разразился страшнейший голод в нашей стране, миллионы человек умерли от голода, а в это время Киров сказал: «Черт его знает, что за жизнь, хочется жить и жить». Он это сказал на XVII съезде партии, а голод-то только что был, еще трупы мы не закопали». И студенты ставят вопрос о том, что мы делали последние 35 лет, как мы жили, что мы строили, какое общество мы создавали, — то ли общество, о котором мечтало человечество?

Я думаю, что на этот вопрос необходимо ответить четко и ясно. И если мы еще год-два-три не сможем дать на него ответ, то мы выпустим

в жизнь поколение, которое не будет знать, что, в свою очередь, ему ответить следующему поколению... А мы более трех лет живем в условиях перестройки и не можем ответить на самые наболевшие вопросы, т. е. сегодня мы отвечаем одно, а завтра в пяти — десяти журналах, газетах появляется другое: все, что мы делали, — сплошная деформация; у нас истории нет, и мы ее не знаем; а если она есть, то она самая фальсифицированная история в мире.

Все эти мнения сегодня имеют право на обсуждение, но должны выработаться какие-то объективные критерии нашей жизни. И тут, мне кажется, мы не должны проявлять того, что Маркс в свое время назвал тамерлановской расточительностью. 60 лет тому назад крупнейший наш писатель Л. Леонов написал роман «Вор», до сих пор не понятый настоящему. Это был роман-предостережение. Он говорил о том, что если вы хотя бы одну добринку прошлого забудете, это обернется страшной бедой в наше время в душе людей, поколения, всего народа, а может быть, и всего человечества. Он говорил о том, что мы собираемся строить такой мир, который в духовном отношении превысит все, но мы ничего не забудем из духовного наследия. И сегодня мы должны быть очень осторожными, чтобы никаких добринок не растерять, не забыть.

Мне не хотелось бы сегодня касаться полемики, споров. Вчера был спор о «Литературной газете», все в ней плохо. Но давайте прямо скажем, ведь тираж «Литературной газеты» рос как раз в годы застоя. И рос он не потому, что она поддерживала этот застой, а, видимо, потому, что она много говорила такого, чего не было в других газетах и журналах. Есть ошибки, просчеты, но давайте объективно разбираться во всем. Или вчера кто-то иронически сказал, что ищут зачинателя перестройки еще до самой перестройки. А я считаю, что у нас за последние 20 лет были запущены величайшие художественные спутники — произведения Распутина, Астафьева, Трифонова Зелова, которые обратили на себя всеобщее внимание во всем мире. Ведь это произошло не потому, что они относились к застою, а потому, что они готовили перестройку, которую мы сегодня наблюдаем и которую пытаемся осуществлять.

Я думаю, что мы не создадим никакой литературы, адекватной нашей истории, если мы не найдем надежную опору у историков, которые дадут нам реальную точку отсчета для того, чтобы разобраться: кривил ли душой Шолохов, когда изображал коллективизацию в «Поднятой целине», или не кривил. Я считаю, что можно спорить с этим произведением, но я в то же время не считаю, что «Поднятая целина» исключает «Чевенгур» А. Платонова. Недаром Горький, прочитав эти произведения, сказал немало положительных слов их авторам. Жизнь слишком многообразна, и Шолохов взял одни явления, а Платонов — другие. И обязанность политиков была учесть и те, и другие тенденции, политически решая вопрос о коллективизации. Только историки могут дать нам твердую опору для того, чтобы мы разобрались в этих вопросах.

Говорят, что в нашем обществе два представления о социализме. И опять мы в данном случае пленники историков. Я тоже пытался изучать эти вопросы и насчитал пять моделей социализма, которые предлагались в нашем обществе. Это не только модель Бухарина, которую сегодня пропагандируют. Была еще модель Троцкого, отличавшаяся от модели Бухарина. Была модель Зиновьева. Была модель Сталина. И была, надо полагать, наиболее верная и не соответствующая этим моделям ленинская модель. Разобравшись в этой проблеме, мы перестанем разделять нашу литературу и говорить о том, что в ней две тенденции. Одна — угодническая, обслуживающая политику, другая — связанная с объективным, но порой расходящимся с политикой изображением реальной действительности. Литература благодаря этой второй тенденции поисла чудовищные потери. Ведь в литературе были и «Тихий Дон»,

и «Жизнь Климса Самгина», и многое другое, вплоть до «Людей из захолустья» А. Малышкина.

У нас есть ученые, к советам и помощи которых мы обращаемся. Хочется просить их проявить безупречность в истолковании и подаче документов. Только объективный рассказ, исследование исторической действительности может обеспечить успех и историкам, и литераторам. Крайности же, наблюдаемые сегодня, начинают не только настаивать, но и подавлять. Если мы не сможем дать нашему народу правду истории, подменив ее подновленным фальсификатом, это может обернуться катастрофой.

Студенты, ставя свои вопросы, уверены сейчас, что мы дадим им абсолютно точную историю, настоящую правду о нашей жизни. И я думаю, что мы должны удовлетворить это их требование. Причем удовлетворить с абсолютной научной безупречностью. Если обнаружится, что все было совсем не так или даже не совсем так, то нам после этого никто верить не будет. Только строжайшее соблюдение принципа историзма может привести нас к тому желанному успеху, ради которого мы сегодня здесь с вами собрались.

Ю. Л. ПРОКУШЕВ (писатель). *Только правду!*

Хорошо, что собрались вместе историки и писатели. Пусть в будущем у нас будет больше таких встреч. Помимо всего прочего, они помогли бы всем нам обрести культуру научных споров и дискуссий, ибо главное — это поиск истины, объективной правды. Иногда споры приобретали сегодня формы, которые, хочется надеяться, все больше будут уходить в прошлое. Я имею в виду излишне нервный тон полемики между Ю. Г. Буртиным и А. Б. Чаковским. Первый амбициозно говорил о том, что письмо писателей в поддержку редакционной статьи «Правды» одни писатели имели моральное право подписать, а другие не имели, т. к. «ответственны» за застойный период в литературе и просто не могли так быстро перестроиться, а «Литературная газета» в прошлом сама способствовала застойным явлениям и в литературе, и в жизни. Второй, справедливо возражая по существу односторонней оценки «Литературной газеты», в свою очередь, допустил явный «перебор» в полемике.

Буртин, мягко говоря, не совсем точен в главном: письмо в «Правду» от имени Союза писателей СССР подписали только члены его Секретариата. И если мы начнем обсуждать, кто из них имел право делать это, а кто — нет, то вряд ли это продвинет нас дальше в поисках истины. Думается, что сейчас, оборачиваясь на наше прошлое и объективно оценивая его в духе гласности и перестройки, мы иногда, то в пылу полемики, то в погоне за «сенсацией», в желании прослыть «отчаянно-смелыми» готовы вместе с водой выплеснуть и ребенка, подменяя в ряде случаев одну полуправду другой. Надо ли напоминать, к каким печальным последствиям это приводило в прошлом и сколь опасно это для нашего настоящего и будущего?

Мы все должны в ходе перестройки стремиться к объективной истине, исключив любую полуправду и из исторической науки, и из литературоведения. Наша история состоялась, и важно показать ее правдиво, со всеми болями, со всеми трагедиями и репрессиями, с культом личности и бесспорным трудовым и ратным подвигом народа. Сказать честно, диалектично обо всем, что определяло сложность пути первопроходцев. Множество трагедий довелось пережить нашей социалистической державе, нашему народу на этом пути. Замалчивать промахи, проходить мимо них, особенно сейчас, в условиях перестройки, — безнравственно и для историков, и для писателей. Думаю, что очень плохо поступают наша пропаганда, да и мы — писатели, историки, экономисты, когда не говорим «во весь голос» о неизбежных трудностях и неоправданных потерях.

Мы много и справедливо пишем о борьбе за мир, о том, что более 40 лет над нашей Родиной — мирное небо. Но куда меньше говорим и показываем наглядно, какие колоссальные материальные и людские ресурсы, какое количество самой совершенной техники и дефицитного сырья, какой научный потенциал «служат» этому чистому небу, каких объективных, реальных трудностей оно нам стоит, во что обходится нашему народу только одна ракета, один современный военный самолет, одна подводная лодка, какие силы уходят в армию и как все это отзывается на развитии нашей экономики. Поэтому убежден: видеть наш путь, 70 Октябрьских лет лишь как цепь сплошных ошибок и заблуждений, не замечая главного — созидательной силы народа и социализма, исторически несправедливо и по-своему безнравственно.

Если же говорить об истории литературы, то думается, что в отдельных выступлениях здесь прозвучала, мягко говоря, спорная мысль о том, что вот, дескать, у нас были сугубо «обслуживающая» литература и литература «независимая». В этих суждениях опять обнаруживаются крайности, затуманивающие истину. Ведь настоящий художник всегда на службе у народа, а вернее — это голос народа, его совесть.

Здесь касались некоторых современных произведений: «Детей Арбата» Рыбакова, пьес Шатрова. Одни в нашей прессе их расхваливают и защищают, другие чуть ли вовсе не перечеркивают. Полагаю, что в этой полемике истина лежит где-то посередине. Автор «Детей Арбата» в ходе перестройки одним из первых напечатал роман о культе личности, о том, как он возникал. Чувствуется, что он торопился рассказать о пережитом, о судьбе своего юного героя Саши Панкратова в годы, когда зарождался культ Сталина, не всегда выдерживая при этом высокий художественный уровень повествования, не всегда проникая в глубь исторических событий тех лет. Однако исследовать всесторонне, художественно-философски, в большой исторической перспективе тему культа личности невозможно без эпического охвата событий эпохи, без диалектического показа глубинной жизни народа в те героическо-трагические годы.

О пьесах Шатрова кто-то сказал, что этот драматург «просто» делает свои пьесы: берет документы, включая стенограммы партийных съездов и конференций, стрижет их ножницами и клеит. Опять крайность! Пьесы Шатрова по жанру — это документальная драматургия, у нее свои законы. В таких пьесах в центре событий почти всегда оказывается сам документ, именно он становится главным «героем», особенно если заключает в себе важную информацию, ранее не известную читателю и зрителю, и это вызывает законный интерес. Слабое же место почти всякой документальной драматургии — отсутствие ярких индивидуальных характеров героев с их неповторимой «диалектикой души», со своей различной речью. Поэтому считать, что пьесы Шатрова о Ленине есть высокохудожественная драматургия и чуть ли не вершина многонациональной Ленинианы — тоже далекая от истины крайность.

Вокруг одних книг и авторов шумит критика, они на поверхности, их разыскивает читатель; другие книги и их авторы не избалованы вниманием печати и телевидения, читатель не всегда вовремя узнает о них. Кроме того, не только сегодня, но и во времена застоя выходили книги, в которых было «все — правда», как бы порою она и ни была горька и драматична. Мне довелось в 1970 г. создавать и затем более восьми лет возглавлять издательство российских писателей «Современник». Здесь упоминали о романе В. Белова «Капуны». Он увидел свет впервые в «Современнике». Легко ли он проходил? Нет. Помню, как обрадовался Б. Можаяев, когда «Современник» выпустил отдельной книгой его повесть «Живой» («Федор Кузькин»). После этого то же издательство выпустило первую книгу романа Можаяева «Мужики и бабы». Напомню и о «Берегах» Е. Носова, «Живи и помни» В. Распутина,

«Касьяне Остудном» И. Акулова, сборнике стихов «Вьетнамский дневник» К. Симонова, романе «Кончина» В. Тендрякова, повести «Вражда» А. Иванова, книге поэм В. Сорокина «Огонь», романах «Пряслины» и «Дом» Ф. Абрамова, поэме В. Федорова «Женитьба Дон Жуана», книге поэм Б. Пастернака, книге рассказов В. Шукшина «Характеры» — все эти произведения были опубликованы «Современником» в 70-е годы.

Я мог бы продолжить эти примеры. Иногда мы в издательстве чувствовали, что «где-то» «кое-кого» это не устраивает. Но литература жила. Правдивые книги выходили, и не только в «Современнике», но и в других издательствах, публиковались в журналах. Важно все это учитывать, когда мы сегодня ведем разговор об истории советской литературы, чтобы не впасть в ту или иную крайность. Сейчас пытаются и на Горького, и на Маяковского, и на Есенина, и на Шолохова замахать. Кому это нужно и зачем? Более всего достается, пожалуй, Маяковскому. Воспаленному воображению псевдоперестройщиков даже начинает казаться, что своим стихами поэт чуть ли не подготовил почву для появления культа личности и репрессий! Не забывают подобные «перестройщики» и о Есенине: в ходу старые легенды о «неприятности» им до конца новой, революционной действительности, о его скандалах, «национализме».

Рождению этих легенд во многом способствовали в свое время безправственные по отношению к памяти Есенина выступления Л. Сосновского, А. Крученых и некоторых других литераторов. Но более чем кому-либо другому в этом отношении мы «обязаны» Н. И. Бухарину. Вспомним его печальную память «Злые заметки», напечатанные поначалу в «Правде», а затем в том же 1927 г. — отдельной брошюрой. Трудно представить, что речь в них идет о подлинно народном поэте России. Вот лишь несколько строчек оттуда: «Идейно Есенин представляет самые отрицательные черты русской деревни и так называемого «национального характера»: мордобой, внутреннюю величайшую недисциплинированность, обожествление самых отсталых форм общественной жизни вообще»⁴⁵. «Злые заметки» сделали свое дело. С легкой руки их автора под флагом борьбы с «есенинской» стихии поэта почти что пасильно были надолго отторгнуты от народа. Напомню, что автор «Злых заметок» в те годы еще был членом Политбюро ЦК ВКП(б), главным редактором «Правды» и к слову его тогда прислушивались в партии и стране. Разумеется, что в этом случае, так же, как и позднее, при односторонней, по существу, негативной, оценке Маяковского в докладе о поэзии на Первом съезде советских писателей, Бухарину не хватило подлинно научного марксистского видения сложных, противоречивых явлений как самой революционной действительности, так и отражения ее в литературе. Именно догматическое мышление, недialeктичность оценки конкретной обстановки, «непонимание вполне диалектики»⁴⁶, о чем писал В. И. Ленин, характеризуя Бухарина, не позволили последнему разглядеть и оценить творческое наследие Есенина. Бухарин «проглядел» главное: творчество поэта, пусть по-своему, «с крестьянским уклоном», отразило художественно эпоху Октябрьской революции со всеми объективно неизбежными тогда конфликтами и противоречиями.

Кто-нибудь спросит, стоит ли ворошить прошлое — ведь Бухарин позднее сам пострадал и ныне реабилитирован посмертно. Однако как же быть с исторической правдой, ее полнотой и объективностью? Или опять — полуправда, и то, что в литературном наследии Бухарина оказалось ошибочным, следует забыть за давностью лет, сделав вид, что «Злых заметок» на самом деле не было, или, на худой конец, «списать» все это на «увлеченность» и горячность натуры их автора? Слишком

⁴⁵ Бухарин Н. И. Злые заметки. М. 1927, с. 9.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 345.

дорого, с невосполнимыми нравственными потерями и утратами обошлась нам полуправда, которая порой хуже лжи, чтобы, восстанавливая ныне сполна историческую справедливость, в том числе и в отношении тех, кто незаслуженно в свое время пострадал, опять, пусть даже при самых «благих» намерениях, сводить все лишь к новой полуправде.

Тут говорили о докладах, что они могли быть более проблемными и аналитичными. А я думаю, что они отразили состояние наших дел, уровень наших исторических и литературоведческих наук на сегодняшний день. Пользуясь тем, что здесь находятся руководители АН СССР, я хочу повторить то, что говорил на последнем пленуме Союза писателей о «старшем брате». Прекрасно, что с его помощью все союзные республики имеют ныне свои академии наук, и очень жалко, что до сих пор нет такой академии Российской Федерации. И еще несколько конкретных предложений. Прекрасно, что у нас выпущены многотомные энциклопедии почти всех республик. Но почему мы не думаем о том, что настало время иметь и энциклопедию Советской России? Настала пора выпустить, и побыстрее, энциклопедические словари с оценкой всех, кого вернули нашей памяти, и без перекоса в ту или иную сторону. Историки, литераторы могли бы выпускать журнал «Юный историк». Надо организовать на телевидении встречи и беседы с крупнейшими писателями и историками, с тем чтобы действительно заняться, как говорится, по большому счету, историческим образованием и воспитанием нашего народа, и прежде всего — молодежи.

К. И. ВАРЛАМОВ (АОН при ЦК КПСС). *Крепить революционный дух народа*

Мы собрались здесь, чтобы найти пути, как воздействовать на перестройку, на настроение людей, на настроение народа.

В октябре мне пришлось быть в Куйбышеве, я выступал перед комсомольским активом, присутствовали первые секретари райкомов Куйбышевской области. Мы сделали такую вещь: взяли самые известные произведения, которые делают перевороты в общественном сознании. Это не только «Дети Арбата», или «Белые одежды», или астафьевские произведения, это самые интересные произведения, о которых сегодня было сказано столько интересных слов. Во время лекции спрашиваю: вы же секретари райкомов, вожаки, лидеры, за вами должна идти молодежь, кто читал эти произведения? Поднимается одна-две руки. И так по каждому произведению.

Нам кажется, что мы уже вулканизировали общество, все перевернули, об этом говорил здесь Ф. Ф. Кузнецов. Мне кажется, нам не следует обольщаться. «Новый мир», читаемый интеллигенцией, достиг миллионных тиражей, но те идеи, о которых здесь говорится, еще пока не доходят до миллионов людей. Нам говорят, что перестройка уже стала делом народа. Но я беру постановление бюро Московского горкома партии (они слушали какой-то из районов столицы), и там написано, что перестройка не пришла в трудовые коллективы, не пришла в цехи и т. д. Это пока задача, а мы утверждаем, что вопрос решен.

Сегодня здесь кто-то говорил: что изменилось за три года? Мол, ничего не произошло. Это неправильно. Изменился стиль мышления, тон наших разговоров, наше отношение к жизни, пробуждается интеллигенция, уходит в прошлое заговор ее молчания. Если это отрицать, значит вообще быть слепым и ничего не видеть.

Я сегодня проводил семинар с секретарями и зав. отделами обкомов партии. Тема — «Ленинское идейное наследие и перестройка». Обсуждение шло очень бурно. В группе был секретарь ВЦСПС Л. Д. Казаков, бывший два года тому назад бригадиром бетонщиков. Без родителей парень вырос, получил звание Героя Социалистического Труда на БАМе.

Мы спорили о перестройке, когда профсоюз станет подлинной организацией масс. Товарищи на семинаре говорили: у вас, Леонид Давидович, существует прямая опасность превратиться из рабочего в профсоюзного бюрократа.

Людей волнует не только и не столько история. Это тоже было бы заблуждением. Людей волнует другое — чтобы ничто негативное не повторилось, чтобы жизнь стала лучше.

Давайте чаще ходить в рабочие аудитории. Я знаю многих профессоров, которые этого боятся, разучились разговаривать с рабочим классом. Когда я выступал в Тольятти на автомобильном заводе, один рабочий задал мне вопрос: скажите, а если что-то случится с М. С. Горбачевым, что, нам опять какого-нибудь охламона поставят? В этом вопросе двойной смысл. Первый — это то, что в Горбачева верят и с ним связывают надежды. Второй — вызванный большой тревогой. Мы говорим о социалистическом самоуправлении народа и т. д., а в ответ получаем тревожный вопрос — «нам поставят».

Как нам влиять на ход перестройки? Одни влияют — угля больше, нефти больше дают. А как влиять историкам, литераторам? Есть инструмент, с помощью которого мы можем это делать. Главная задача, поставленная перед нами партией, заключается в том, чтобы крепить дух народа. Это наша главная задача.

Коллеги из Академии общественных наук знают, что слово «дух» у нас потерялось, мы порой не знаем, что это такое. У нас нет ни одного труда на эту тему, кроме гегелевской «Феноменологии духа». Я больше скажу: если вы обратитесь к этой работе Гегеля, то увидите, что вся она построена на истории, на том, как его абсолютная идея, абсолютный дух будут воплощаться в реальной действительности. В наших словарях указано: дух — это общественное сознание. Но ведь Ленин не писал, что общественным сознанием «Манифеста Коммунистической партии» борется пролетариат, а писал: духом «Манифеста Коммунистической партии» живет и борется пролетариат всего цивилизованного мира. Что же такое дух? Я не знаю, согласитесь вы или нет, но все-таки, наверное, та сфера общественного сознания, которая связана с человеческими надеждами, планами, верой.

Когда Ленин начинал свою революционную деятельность, Л. Н. Толстой, к которому мы часто обращаемся сегодня, написал очень сильно и правильно о вере. Он писал, что если в России рухнет вера, то Россия на долгие годы превратится в царство денег, водки и разврата. Мне часто говорят: Толстой писал о религии. Но ведь он относился к ней несколько по-иному, чем мы представляем. Церковь предала его анафеме. Он церковь не принял, он глубоко верил в силу народа, и у него была своя система понятий о вере и о нашей истории.

Чего не хватает сегодня нам, историкам, поэтам, писателям, ученым? Умения полемизировать, вести научный диалог. Я сомневаюсь, что сейчас уже утвердился равноправный диалог. Вот говорят о плюрализме, но какой плюрализм, какое множество идей? Ведь идей действительно может быть множество, но истина всегда одна. Плюрализма истин нет и быть не может. Если он есть, значит нет истины, ее тогда не существует. Задача заключается не в том, чтобы ругать друг друга, а искать то, что действительно называется истиной.

В полемике должно присутствовать многотрудное терпение. Но вот смотрите, и сегодня его нет, хотя здесь интеллигентные люди собрались. Не сдержался даже главный редактор «Литературной газеты»! Ну когда мы научимся вежливо разговаривать друг с другом? Разве это полемика? Е. А. Амбарцумов (интереснейший человек, я с удовольствием читаю его статьи) выступает: все виноваты. Вспомнили Голика из Академии общественных наук, уже не помню, когда он работал у нас, да и в те упешдые времена в силу обстоятельств мы все писали несколько иначе.

Возьмите даже С. П. Трапезникова, я от него столько натерпелся и все-таки считаю, что это для нас сегодня не главный предмет спора, не принципиальный.

И, конечно, без сомнения не может быть поиска истины. Сейчас мы должны научить людей сомневаться, иначе истина будет побеждена эмоциями.

П. Н. ФЕДОСЕЕВ. *Заключительное слово*

Все выступавшие говорили по-своему, по-разному, но в общем об одном: как понимать содержание перестройки, задачи ученых и литераторов, что мы должны делать в процессе революционного обновления общества. Мы условились, что существуют разные оценки, акценты и мнения относительно отдельных вопросов, и собрались не для того, чтобы их унифицировать, а для обмена мнениями в открытой и откровенной дискуссии.

Два дня назад мы в партийном комитете АН СССР принимали представителей неформального объединения «Памятник». Это довольно большая группа сотрудников разных научных учреждений, которая выступает за возведение памятника жертвам репрессий. Они говорили о том, что решили назвать свое объединение «Памятник» для того, чтобы сооружением монумента как бы поставить барьер между допускаявшимися в прошлом беззакониями и новой эпохой, когда этого быть не должно и не может. Все они подчеркивали, что судьба страны связана с перестройкой и отказ от нее, срыв ее был бы губительным. Монумент стал как бы символом необратимости процесса перестройки. Так думают эти молодые люди.

Перестройка действительно открыла новый исторический этап, и естественно, что на данной конференции мы очень серьезно и по существу подвергли критике состояние наших наук об обществе и условились углубить анализ наших проблем и перестройки в целом. И это было главным. Но я все-таки хочу напомнить, что мы имеем прочный фундамент для обновления и строительства общественной жизни — это прежде всего ленинизм, это построенный социализм. Были деформации, были извращения социалистических принципов, были наслоения и догматические установки в теории, но был ленинизм, партия оставалась руководящей силой, социализм построен. И когда мы говорим: больше социализма, это значит, что тот общественно-политический строй, который мы создали, надо улучшать, обновлять, обогащать гуманистическим содержанием на путях перестройки.

Несколько слов в этой связи относительно исторической науки. Ее состояние подвергалось здесь суровой и справедливой критике. Эту критику можно отнести и к другим областям обществоведения: философии, экономической и правовой наукам и т. д. Но мы все-таки, критикуя себя и литературу нашу, должны помнить, что шел процесс становления, процесс накопления знаний и осмысления этих процессов. Особенно это касается советской литературы. Даже в годы застоя в ней жили боль и тревога за настоящее и будущее. Верно, что выходили книги с большими недостатками и примитивными представлениями, с немалыми изъянами, что многие содержательные произведения не были опубликованы. И все же в целом создана за годы Советской власти богатая, многообразная социалистическая литература.

Относительно истории. Я согласен целиком, что фактическая сторона истории, реальная жизнь XX в., особенно советского периода, была подвергнута большим извращениям, страдала зияющими пробелами. Но если говорить о марксистской концепции исторического процесса в целом — всеобщей и отечественной истории, то она создавалась, строилась многими поколениями. Много изъянов и искажений в нашей исто-

рической науке, и наши писатели справедливо критикуют историков за то, что конкретного фундамента знаний, особенно по советскому периоду, ими не создано, многое запутано, многое извращено. Но тем не менее материалистическое понимание истории все же советской наукой обосновано. В том числе и теми историками, имена и труды которых были под запретом либо преданы забвению. Надо переиздать многие их труды, а также труды тех, кто продолжал работать в правильном направлении, но не мог опубликовать свои исследования. Так что фундамент для дальнейшей работы у нас есть. Но работать действительно надо много. Не ограничиваться словами, заклинаниями и призывами, а насыщать нашу материалистическую концепцию истории реальными фактами, реальными документами, реальным содержанием.

О некоторых принципиальных вопросах. Во-первых, что такое литература, что такое искусство? Это познание или идеология? Так здесь ставился вопрос. Должен сказать, тут особого противоречия нет. Наука, искусство, литература — это формы отражения действительности. Так или иначе в разных художественных произведениях действительность отражается по-своему, иногда объективно, иногда всесторонне, иногда частично, а иногда и неверно. Значит, отождествлять литературу и искусство полностью с научным знанием не приходится. Хотя сущность науки и литературы в общем-то едина — познание мира, познание человека. Но идеологический момент в науке, особенно в общественной, и в искусстве, конечно, присутствует и должен быть. И мы не можем противопоставлять идеологию искусству. Мы оцениваем его произведения как с точки зрения художественных критериев, так и с идеологических, классовых позиций.

Отсюда вопрос о социалистическом реализме в литературе и искусстве. Здесь прозвучали слова, будто социалистический реализм использовался, подобно методам Лысенко, во вред искусству. Я слышал от литературоведов, что есть такое мнение, будто социалистический реализм — это своего рода лысенковщина. Говорят, что под его знаменем громили хорошие, добротные произведения. Я думаю, что так рассуждать тоже нельзя. Ведь Лысенко свое лжеучение выдавал за творческое развитие дарвинизма. А дарвинизм тут при чем? Извращения и вред Лысенко в биологии известны. Но в том, что он ссылаясь на дарвинизм, от его имени действовал, ни Дарвин, ни дарвинизм ни в какой мере не повинны. То же самое и с социалистическим реализмом. Если кто-то дубиной размахивал от имени социалистического реализма и гробил литературные произведения, то сам социалистический реализм тут ни при чем. Мы считаем основателем литературы социалистического реализма М. Горького, признаем его нашим великим классиком, нашей национальной гордостью и отступать от его традиций вроде бы у нас никаких оснований нет.

Почему в прошлом веке революционные демократы называли литературу реалистической? Термин «реальная критика» принадлежит Н. А. Добролюбову. Под реализмом и реальной критикой подразумевалось соответствие и сопоставление художественного произведения с реальной действительностью. Это никого не обижало и не компрометировало. И социалистический реализм — это такое творческое направление, которое надо серьезно разрабатывать и воплощать в литературе и искусстве. Другой вопрос, является ли это методом? По нему идет спор, надо этот вопрос обсудить, провести по нему дискуссию. Для науки метод — это обязательное требование. Наука без метода не может быть плодотворной. Метод — это совокупность исходных принципов, и ученый строго руководствуется методом, не всегда даже сознавая это. Отступление от метода приводит его к неудаче.

Художники несколько опасаются самого термина «метод», как будто с этим связано какое-то предписание рецептов, как надо сочинять про-

Еще один вопрос. В статье Андреевой в «Советской России» содержится упрек академику-философу в отходе от классовых позиций, поскольку он сказал, что нельзя трактовать мирное сосуществование как форму классовой борьбы. Я действительно на совещании работников средств массовой информации, которое проводилось в ЦК КПСС 8 января с.г., говорил о том, что неадекватной является трактовка мирного сосуществования как формы классовой борьбы, что она не включена в новую редакцию Программы КПСС, что это развязало руки и дало новый импульс нашей внешней политике, политике мира и безопасности народов. Автор статьи в «Советской России» упрекает меня в том, что несколько десятилетий назад я писал другое. Но я в своем докладе уже говорил, почему мы раньше эту формулу поддерживали и пропагандировали и почему мы сейчас признали ее неадекватной.

Конечно, мирное сосуществование государств и приоритет общечеловеческих интересов в мировых делах не отменяют классовой и национально-освободительной борьбы в несоциалистическом мире. Остаются глубокие социально-экономические различия между двумя мировыми системами. Не прекращается, а временами обостряется идеологическое противоборство. Азбукой марксизма является классовый подход к вопросам международных отношений. Но надо различать, что такое мирное сосуществование, что такое «холодная война», что такое военно-политическая конфронтация на основе гонки вооружений, что такое интервенция и что такое война. Это все формы межгосударственных отношений. И разве можно их смешивать!

По мнению большинства участников, данная конференция в целом была полезна. Конечно, высказывалось недовольство докладами, теми или иными выступлениями, выражено немало эмоций, были и полемические выпады, а также ответы на них. Все это бывало на каждой конференции.

В целом организаторы конференции испытывают удовлетворение от того, что мы начали важное и полезное совместное дело писателей, историков, литературоведов, литературных критиков. И хотелось бы, чтобы это хорошее дело продолжалось в том конструктивном духе, в котором мы его начали.

СТАТЬИ

О ПЕРИОДИЗАЦИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА *

М. П. Ким

Думаю, нет нужды доказывать, что научная периодизация истории советского общества имеет важное теоретическое и практическое значение. Только подчеркну: для В. И. Ленина принцип историзма включал неперемutable соблюдение требования всегда рассматривать, «как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило»; он учил при обращении к историческому опыту «строго различать этапы, различные по своей природе, трезво исследовать условия их прохождения»¹.

Научная периодизация истории становления и развития социализма необходима для изучения и глубокого понимания единства исторического процесса: прошлого опыта, современной практики и исторической перспективы. Советскому народу и Коммунистической партии, теперь осуществляющим революционную перестройку жизни своего общества, очень важно иметь четкое научное представление об этапах пройденного страной пути, трезво оценивать успехи и неудачи на каждом из них. Особенно велика потребность в правильном понимании характера и исторического места того периода истории социализма, который непосредственно предшествовал перестройке, в полном знании того, с какой стартовой площадки начинается революционный скачок советского общества в новое качественное состояние.

В прошлом в жизни страны нередко происходило смещение исторических реальностей: то, что свойственно одному периоду, относилось к другому; деформированно представлялись отдельные стадии поступательного движения — их историческое место, содержание и назначение. Это находило отражение в историографии советского общества.

Действовавшие ранее варианты периодизации истории социалистического строительства в СССР страдают существенными недостатками и нуждаются в пересмотре. Такое состояние — проявление общей слабости теоретической мысли советских обществоведов, в том числе историков. Один из главных признаков этой слабости то, что «из теории и обществоведения ушли живая дискуссия и творческая мысль, а авторитарные оценки и суждения стали непререкаемыми истинами, подлежащими лишь комментированию»². Состояние разработки проблемы периоди-

КИМ Максим Павлович — академик.

* Статья публикуется в порядке постановки проблемы.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39, с. 67; т. 9, с. 131.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. М. 1987, с. 8.

зации, ее научный уровень служит, может быть, наиболее точной и печальной иллюстрацией к приведенным словам. Поэтому выработка научной периодизации относится сегодня к числу неотложных задач историографии советского общества.

Задача периодизации процесса общественного развития, если формулировать ее в общей форме, заключается в том, чтобы обоснованно выделить в нем отдельные этапы, объективно охарактеризовать их содержание, правильно определить место каждого из них в историческом развитии и функционировании общества и утвердить за ними адекватные названия. При решении этой задачи нужно исходить из методологических посылок историзма, конкретизируя его применительно к этапному членению временной протяженности.

Научная периодизация исторического процесса не имеет ничего общего с произвольным конструированием «этапов» в нем и «сменой» их по желанию людей. Членение исторического времени вообще, времени социалистического прогресса общества в том числе,— это детерминированное объективными историческими условиями размежевание этапов, отличающихся друг от друга (в разпой степени глубины) относительно самостоятельным качественным состоянием.

Детализируя эту общую посылку, отметим некоторые ее конкретные аспекты.

1. Процесс утверждения и развития социализма, так же как и история в целом, основывается на взаимодействии объективных и субъективных факторов, в котором, в конечном счете, определяющими являются первые. И в условиях социалистического общественного строя, когда чрезвычайно возрастает роль созпательного начала, остается в силе принципиальное соотношение объективного и субъективного в историческом процессе. Односторонняя ориентация на то или другое чревата отрицательными последствиями, грозит опасностью оказаться в плену либо стихийности, либо субъективистского прожектерства и утопизма. Если обратиться все это к нашей теме, то обе отмеченные крайности одинаково препятствуют тому, чтобы реалистически определить сущностный характер и задачи отдельных стадий развития, темпы и сроки их прохождения.

2. При обычном (мирном) течении времени смена периодов в истории социалистического общества определяется прежде всего переломного характера изменениями в способе производства. Для социалистического прогресса и смены этапов в нем решающее значение имеет уровень производительности труда и экономического потенциала общества, а также обусловленный им уровень материальной жизни трудящихся при условии полного соблюдения принципа: «От каждого — по способностям, каждому — по труду».

3. Ленин указывал, что нельзя знать, как конкретно будут развиваться отдельные, частичные движения в пределах той или иной исторической эпохи. В то же время он сформулировал имеющий непреходящее значение методологический тезис: «Но мы можем знать и мы знаем, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки данной эпохи»³. Конкретизируя этот тезис применительно к перспективе социалистического преобразования общества, он разъяснял, что марксисты не претендуют на знание пути к социализму во всех его конкретностях: «Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело»⁴. Пока советское общество остается классовым, при поэтапной его характеристике

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 142.

⁴ Там же. Т. 34, с. 116.

важно учитывать эволюцию его классовой структуры, изменение взаимоотношений классов, роли в обществе рабочего класса.

4. «Все грани в природе и обществе условны и подвижны», — отмечал Ленин⁵. Это объяснение относится к мирным временам истории. Но в истории любой эпохи и любого народа наряду с условными гранями между отдельными этапами имеются и безусловные, точные грани — такие события, как революции, войны. В истории советского общества также были безусловные грани, разделявшие разные рубежи с календарной точностью. В большинстве же своем грани между отдельными этапными рубежами носили условный и подвижный характер. Это надо учитывать при решении проблемы периодизации. В то же время, определяя этапы истории становления и развития социализма, нельзя допускать перепрыгивания через ступени. Это требование выражает закономерность общественного прогресса — каждый этап в нем поднимается лишь в полной мере окрепших плечах предыдущего и уступает место новому этапу, лишь исчерпав свои задачи. Научная периодизация не допускает нарушения последовательности в историческом процессе, произвольных скачков в нем.

5. Социализм — последовательно-прогрессивный общественный строй. Но его поступательное движение не представляет собой сплошного «триумфального шествия». В нем встречаются отдельные стадии, в пределах которых происходит не только движение вперед, но и топтание на месте, даже отступления. В каждой большой исторической эпохе, говоря словами Ленина, «бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений»⁶. Такие зигзаги бывали и на отдельных этапах истории советского общества. Они должны стать предметом внимательного изучения и объективной оценки. Отступление от этого требования, как правило, ведет к искусственному «укорачиванию» исторического процесса и волевому сокращению сроков его протекания.

6. Процесс социалистического развития в СССР шел в условиях определенной международной обстановки, постоянно сказывалось влияние на его ход внешних факторов. При периодизации этого процесса, естественно, нужно учитывать международное положение Страны Советов и его историческую эволюцию. Требуют внимания прежде всего два направления: взаимодействие и сотрудничество СССР с силами мирового социализма и прогресса и сосуществование двух систем — характер их взаимоотношений на разных этапах истории советского общества.

Международный аспект периодизации истории советского общества имеет еще одну важную плоскость: при разработке проблемы периодизации, при совершенствовании ее концепции необходимо всесторонне учитывать опыт, накопленный в этой области теоретической и исторической мыслью других социалистических стран. Этот опыт особенно полезен для глубокого понимания диалектики общего, особенного и единичного в сложном процессе перехода общества от капитализма к социализму. Всесторонний сравнительный анализ международного опыта очень важен для выяснения как общезначимых, так и национально-специфических черт в историческом опыте СССР.

7. Наконец (это наше твердое убеждение), в периодизации истории советского общества должны получить отражение органическая взаимосвязь и полное единство его истории и истории Коммунистической партии Советского Союза — истории народа и истории его авангарда. То обстоятельство, что партии свойственны свои особые внутрипартийные проблемы, а история КПСС имеет статус самостоятельной научной дис-

⁵ Там же. Т. 27, с. 387.

⁶ Там же. Т. 26, с. 142.

циплины, не меняет сути дела: рубежные грани в этих «двух историях» — это грани этапов в истории социалистического строительства. Внутрипартийные проблемы всегда возникают на почве жизненных обстоятельств в истории страны и решаются партией в органическом взаимодействии с проблемами общественного развития в целом. Напомню в этой связи принципиальную оценку, данную Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым внутрипартийным дискуссиям 20-х годов: «Политические дискуссии того времени отразили сложный процесс в развитии партии, характеризующийся острой борьбой по важнейшим проблемам социалистического строительства»⁷. Во всяком случае, несовпадение этапов гражданской и партийной истории является исключением из правила и носит частный характер. По всем принципиальным и глобальным проблемам исторического процесса их полное совпадение несомненно.

Мы выделили некоторые методологические положения, которые имеют непосредственное отношение к рассмотрению проблемы периодизации истории советского общества. Предшествующий опыт свидетельствует о том, что при решении этой задачи откровенно игнорировались некоторые из этих методологических посылок. В результате в историографии утверждались разные варианты периодизации, в целом не отвечающие строгим научным требованиям.

В таком состоянии дела повинны, разумеется, историки, их низкий теоретический уровень, творческая слабость. Но справедливости ради обратим внимание и на другое обстоятельство, которое хотя и не оправдывает историков, но объясняет одну из причин отсутствия у них самостоятельного, творческого подхода к решению принципиальных вопросов периодизации. Дело в том, что определение важнейших стадий истории социалистического строительства в СССР и их принципиальная оценка, как правило, исходили от партии, ее руководителей, практически являлись их прерогативой. Общие установки по этим вопросам содержатся в партийных документах. Наряду с правильными положениями в них нашли отражение и ошибочные выводы и оценки. Историки же в силу сложившейся традиции занимались главным образом тем, что излагали и комментировали содержание этих документов как истину в последней инстанции, забывая о своем предназначении.

У коммунистов, у советских людей существует традиция — в лице руководства партии они признают не только ведущую политическую, но и направляющую теоретическую силу; в лице своих лидеров видят не только политический, но и теоретический авторитет. В утверждении такой традиции «повинны» были К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, которые, будучи вождями коммунистов, являлись творцами объясняющей теории и организаторами преобразующей практики. К сожалению, после Ленина традиция продолжалась, а уровень научной мысли руководства партии значительно снизился, теоретический авторитет ее лидеров сменился их авторитарными установками. Представители старшего поколения советских людей помнят, что в прошлом, особенно в условиях культа личности И. В. Сталина, а также при руководстве Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева, считалось долгом чести для всех безусловное признание, принятие таких установок. В сознании большинства нарушение этого долга преломлялось как «идеологическая крамола». Здесь скрывается одна из причин, по которой историки выполняли преимущественно

⁷ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. М. 1987, с. 17.

роль комментаторов и популяризаторов авторитарных суждений и оценок, в частности создавали на этой основе модели периодизации, мало соответствующие или противоречащие историческим реальностям.

Выработка оптимальных вариантов периодизации, отвечающих требованиям нового политического мышления, сопряжена с необходимостью критического подхода к отдельным положениям, зафиксированным в партийных документах. Все мы, конечно, сознаем, что сменить роль комментаторов на роль критиков последних — дело непростое и в творческом, и в психологическом плане. Необходимо, чтобы исследователь глубоко знал документы, компетентно объяснял теоретические и исторические причины, породившие в них ошибочные положения, аргументированно доказывал их необъективный характер. Вместе с тем, требуется новаторское мужество «посягнуть» на авторитет руководящих документов и смело противопоставить содержащимся в них устаревшим, не оправдавшим себя доводам и выводам научные решения.

Такие решения предполагают, с одной стороны, полную, всестороннюю реконструкцию объективно-исторического процесса во всех его сложностях и противоречиях, а также в реальном соотношении его этапов; с другой стороны — полный простор для социалистического плюрализма мнений, развертывания энергичных дискуссий, нравственным и творческим кредо которых должна служить формула: в науке не авторитет создает истину, а истина создает авторитет.

В ходе дискуссии по теме данной статьи высказано немало свежих мыслей⁸, но пока в разработке научной периодизации истории советского общества мы делаем только первые шаги. Необходимо коллективными усилиями продолжить поиск.

Коренной недостаток прежних вариантов периодизации советского общества проистекал от нарушения научного понимания соотношения двух фаз коммунизма. места и роли социализма в становлении и развитии коммунистической формации, а также условий, темпов и сроков перехода от первой фазы ко второй. В этом принципиальном вопросе ленинской концепции социалистического строительства у нас в свое время возобладала субъективистский взгляд и волевой подход, которые привели к тому, что из общей схемы периодизации по существу выпал социализм как относительно самостоятельный и длительный период.

Социализм не является самостоятельной формацией. Но как первая фаза коммунизма он отличается существенными особенностями. Ленин еще перед Октябрьской революцией писал: «Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма... будет, вероятно, громадно»⁹. Громадное качественное различие сочетается с громадным временным разрывом — социализм и коммунизм разделяет целая историческая полоса с ее внутренними этапами восхождения к высшей фазе.

Протяжение фазы социализма — не заданная величина, оно зависит от многих и разных обстоятельств. И у каждой страны — своя длительность этой фазы. Но общезначимая закономерность состоит в том, что историческое время существования и функционирования социализма начинается с построения в основном социалистического общества и продолжается до завершающего этапа его развития, когда оно, достигнув полной зрелости, непосредственно перерастает в коммунизм.

Двуединный процесс завершения строительства социализма и постепенного перехода его к коммунизму даже для нашего времени является делом будущего. Между тем, уже XVIII съезд ВКП(б) (1939 г.) провозгласил, что СССР вступил в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода

⁸ См.: Коммунист, 1987, № 17; Вопросы истории КПСС, 1987, №№ 6, 7, 9, 12; 1988, № 3.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33, с. 98.

от социализма к коммунизму. XIX съезд партии (1952 г.), продолжая установку предыдущего съезда, пошел дальше. В директивах по очередной пятилетке было записано: «Выполнение пятого пятилетнего плана явится крупным шагом вперед по пути развития от социализма к коммунизму». И в Уставе партии, принятом съездом, мы читаем: «Ныне главные задачи Коммунистической партии Советского Союза состоят в том, чтобы построить коммунистическое общество путем постепенного перехода от социализма к коммунизму»¹⁰.

Эта установка на переход от построенного в основном социализма к коммунизму, означавшая перескакивание через необходимый длительный период строительства развитого социалистического общества и его функционирования, выражала авторитарную, нереалистическую идею Сталина. На последующем этапе нашей истории Хрущев, много сделавший для развенчания культа личности Сталина, в рассматриваемом вопросе решительно продолжал сталинские установки. На XXI съезде КПСС (1959 г.) он возвестил о вступлении СССР в период развернутого строительства коммунистического общества, а в третьей Программе партии, принятой XXII съездом, по его инициативе была даже названа дата построения в основном коммунизма¹¹.

Не будем рассматривать причины тенденции забегания вперед в движении к коммунизму. Этих причин немало — объективных и субъективных, международных и внутренних. История заставила нас действовать по правилу: ускорять темпы движения к цели и сокращать сроки ее достижения. Но на практике эта великолепная формула действовала в деформированном виде: темпы отставали, а сроки укорачивались. В жизни случилось то, что Ленин в свое время отмечал применительно к периоду «военного коммунизма»: переход к «коммунизму» по ошибке, по ряду ошибок «был сделан без промежуточных ступеней социализма»¹².

В нашей исторической практике имели место два взаимосвязанных явления: «укорачивание» отдельных периодов поступательного движения и волевое ускорение их смены с нарушением поэтапной последовательности в ней. Это было связано главным образом с преувеличением степени приближения советского общества к высшей цели развития, с легковесными представлениями о коммунизме, что снижало историческое значение социализма. Социализм как относительно самостоятельный и длительный период в истории становления и развития коммунистической формации выпадал, по существу, из поля зрения.

Время внесло существенные коррективы в понимание вопросов, относящихся к этому переходному процессу. Однако, к сожалению, у обществоведов нет полной ясности и единомыслия в этих вопросах, а напротив, существует прямая путаница. В представлении некоторых из них, продолжающих занимать охранительно-консервативную позицию, в истории становления и развития коммунистической формации социализму как самостоятельной фазе вообще нет места: «Победа социализма означает завершение переходного периода и вступление общества в стадию постепенного перехода к высшей фазе — коммунизму»¹³. Социализм здесь изображается как мимоходное звено в процессе перехода от ликвидированного капитализма к высшей фазе коммунизма.

Непоследователен Н. А. Барсуков (который в данном вопросе занимает более правильную позицию, чем многие другие), когда по поводу приведенной выше установки XVIII съезда партии заключает: «История внесла серьезные коррективы в эту установку съезда, но общая ее на-

¹⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 6, с. 364, 367.

¹¹ См.: Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М. 1959, с. 11; Материалы XXII съезда КПСС. М. 1961, с. 368.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 473.

¹³ Политэкономический словарь. М. 1972, с. 241.

правленность сохраняет свою силу». Исходя именно из этой посылки, он считает, что объявленная съездом новая полоса развития советского общества продолжалась с середины (конца) 30-х годов до 1985 г., но нуждается в новом наименовании: «С позиций современности мы бы предложили обозначить ее как историческую полосу развивающегося социализма»¹⁴.

Не следует, однако, социологически перспективным подходом, подменить конкретно-историческую постановку вопроса. В документах съезда речь идет о том, что в третьей пятилетке (1938—1942 гг.) страна вступила в полосу завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Несоотнесенность начала этих процессов с очерченным для них историческим временем очевидна. Но беда в том, что эти декларированные процессы и в дальнейшем (вплоть до наших дней) не соответствовали историческим реальностям. В действительности задача заключалась в укреплении и развитии социализма как отдельной фазы, в продолжении его результативного строительства, а вовсе не в завершении его и переходе его к коммунизму. Поэтому неправомерно полагать, что общая установка XVIII съезда партии сохраняет свою силу. Полоса развивающегося социализма и полоса завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму — это далеко не совпадающие периоды и далеко не идентичные понятия. Применительно к 1939—1985 гг. первая формула в принципе не вызывает возражений, а вторая — непримлема, не соответствует объективно-историческим процессам.

Можно привести и более разительный пример. Как ни странно, некоторые историки не усматривают ничего ошибочного даже в выдвинутой XXI и XXII съездами КПСС формуле «развернутое строительство коммунизма» применительно к 60—70-м годам. Аргументируется это тем, что «и строительство социализма может называться коммунистическим строительством, поскольку социализм — первая фаза коммунизма»¹⁵. Здесь налицо явное недоразумение. Выдвигая задачу развернутого строительства коммунизма, названные выше съезды партии имели в виду коммунизм не на формационном, а на внутриформационно-стадиальном уровне, т. е. коммунизм как высшую фазу новой формации. Что дело обстояло именно так, можно заключить из предельно ясного высказывания Хрущева на XXII съезде КПСС: «Рабочий класс и его Коммунистическая партия проходят в своей борьбе три всемирно-исторических этапа: свержение господства эксплуататоров и установление диктатуры пролетариата; построение социализма; создание коммунистического общества. Первые два этапа нашей партией и народом пройдены... XX век — век триумфальных побед коммунизма. В первой половине столетия на нашей планете прочно утвердился социализм, во второй половине века на ней утвердится коммунизм. Путь к этому указывает новая Программа партии»¹⁶.

В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии отмечалось, что перевод задач развернутого строительства коммунизма в плоскость непосредственных практических действий оказался преждевременным¹⁷. К этой справедливой, но слишком мягкой оценке следует добавить, в частности, что волевое решение построить коммунизм на базе незрелого социализма породило у людей историческую дезориентацию в понимании соотношения двух фаз коммунистической формации и сильно дискредитировало идеалы коммунизма.

¹⁴ См. Вопросы истории КПСС, 1987, № 6, с. 99, 100, 101.

¹⁵ Вопросы истории КПСС, 1987, № 9, с. 97.

¹⁶ Материалы XXII съезда КПСС, с. 121—122.

¹⁷ См. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М. 1986, с. 93.

Идея создания коммунистического общества в условиях СССР 60—70-х годов означала перепрыгивание через фазу социализма, который понимался лишь как некое кратковременное переходное состояние. Сознавая теоретическую и практическую несостоятельность этой установки, партия пришла к выводу о необходимости замены ее новой. Она извлекла из арсенала ленинского наследия идею развитого социализма и сделала ее доминантным знаком всех социальных перемен времени. В середине 60-х годов (после смещения Хрущева) выдвинули новое положение — о построении в СССР развитого социалистического общества. Впервые оно было высказано Брежневым в 1967 г., в связи с 50-летием Октябрьской революции¹⁸. С тех пор, в течение почти двух десятилетий считалось, что советское общество существует и функционирует в условиях зрелого, развитого социализма.

Суть «концепции развитого социализма» четко изложил Ю. В. Андропов. Характеризуя созидательные задачи народа и партии, он писал в 1983 г.: «Взятые в комплексе, эти задачи сводятся к тому, что можно было бы назвать совершенствованием развитого социализма, по мере чего и будет происходить постепенный переход к коммунизму. Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа, который, в свою очередь, будет, естественно, знать свои периоды, свои ступени роста»¹⁹. Положительное значение этой концепции состояло, главным образом, в том, что она вернула социализму статус самостоятельной, притом длительной эпохи в истории коммунистического строя и сформулировала тезис о том, что постепенный переход к коммунизму будет происходить только от развитого социализма, по мере его совершенствования.

Однако по своему конкретно-историческому содержанию новое положение также страдало нереалистичностью, имело преждевременный характер. Возникшее как реакция на утопическую формулу развернутого строительства коммунизма, оно, в свою очередь, основывалось на преувеличенном представлении об уровне социалистического развития страны. Исходный его тезис о построении в СССР развитого социалистического общества не соответствовал исторической действительности. На этой почве в сознании людей возникла новая коллизия — отражение противоречия между декларациями и реальностями. Это станет особенно понятным, если мы учтем, что пора наиболее активной пропаганды достижений «развитого социализма» приходилась на годы застойного и предкризисного состояния. Тогда люди слышали одно, а видели другое.

В новой редакции Программы КПСС, принятой XXVII съездом партии, итоги развития страны за предыдущий период в их соотношении к современному состоянию характеризуются так: «Упорный труд советского народа, крупные успехи в экономике, социальной и политической сферах, науке и культуре вывели нашу страну на новые исторические рубежи, открывшие этап развитого социализма»²⁰. Теоретическое и практическое значение этого вывода состоит в том, что он реалистически оценивает соотношение между прошедшим и настоящим в истории реального социализма: развитый социализм пока не достигнут, он — впереди. Программное положение об открывшемся новом этапе нельзя интерпретировать в том смысле, что у нас уже построено развитое социалистическое общество. При реалистическом подходе к этому положению следует, что перед советским обществом открылся этап непосредственного утверждения развитого социализма — путем всестороннего совершенствования достигнутого состояния.

¹⁸ См. Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Т. 2. М. 1973, с. 92.

¹⁹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. Изд. 2-е. М. 1983, с. 245.

²⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 126.

Историки имеют теперь возможность на основе критического анализа прежних вариантов периодизации и опираясь на современные выводы по ее принципиальным аспектам успешно решить задачу в этой области.

Перед тем, как изложить свою позицию, должен оговориться, что мы не будем рассматривать все точки зрения и предложения (их уже довольно много), высказанные другими историками в ходе дискуссий и иных форм обсуждения вопросов периодизации истории советского общества. К отдельным высказываниям мы будем обращаться по мере необходимости для обоснования предлагаемого нами варианта. Но предварительно отметим один недостаток микрометодологического характера, свойственный нашим старым подходам к определению рубежей в истории, который, однако, дает о себе знать и теперь.

Как известно, прежде схемы периодизации создавались не столько на базе исследования реально-исторического состояния общества, сколько на формальных основаниях. Рубежи в них обычно «привязывались» к датам появления тех или иных важных документов или работы съездов и других форумов партии и государства — на том основании, что на них принимались «этапные решения». Между тем, о рубежах в поступательном движении нужно судить не по тому, когда, кем и какие постановления были приняты, а по тому, как они претворялись в жизнь, по реальным переменам в жизни общества. Исторический опыт знает примеры, когда программные и стратегические установки, исходившие от съездов и других руководящих органов, оставались нереализованными и, следовательно, не ознаменовали собой особых вех в развитии общества. Что касается дат принятия таких даже самых важных документов, как Программа партии или Конституция государства, то они не обязательно знаменовали собой этапные рубежи в истории общества. Ленину и партии не приходила мысль считать особыми рубежами истории Советской республики, например, принятие первой Конституции РСФСР или второй Программы партии.

От формального, неисследовательского подхода, как обнаружилось в ходе дискуссий, многие пока не отрешились. В качестве иллюстрации сошлемся на то, как историки подходят к определению конечного рубежа переходного периода от капитализма к социализму. В одном случае этот рубеж относят к 1936 г. — году принятия Конституции СССР; в другом — к 1937 г., поскольку XVIII съезд партии «исходил из того, что переходная эпоха от капитализма к социализму в нашей стране продолжалась не далее 1937 г.»; в третьем полагают, что конец переходного периода — 1939 г., при этом ссылаются на решения того же съезда, но с другой аргументацией: «Мы считаем целесообразным довести этот период до XVIII съезда ВКП(б), констатировавшего вступление СССР в «полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму»²¹.

Это примеры только по одному рубежу, а их можно привести и по ряду других. С таким грузом нам трудно будет решать новые задачи.

* *
*

Советское общество в своем поступательном движении давно миновало переходный от капитализма к социализму период и в течение уже четырех с половиной десятилетий существует и функционирует в фазе социализма. В развитии социализма до нашего времени при крупномасштабной его периодизации выделяются два наиболее общих периода, рубежом между которыми служит начало современной революционной перестройки.

²¹ См.: Вопросы истории КПСС, 1987, № 6, с. 99; № 9, с. 90; № 7, с. 54.

«Все то, чем мы располагаем,— отмечал М. С. Горбачев в 1985 г., имеет два отсчета. Первый начался с Октябрьской революции, второй — после Дня Победы»²². Теперь история зафиксировала и третий отсчет — современную революционную перестройку. От этих трех судьбоносных отсчетов ведут свое начало три крупных, общих периода в истории становления и развития социализма в СССР: переходный период и два периода в фазе социализма. С общей их характеристики мы и начнем рассмотрение нашего варианта периодизации.

Переходный период от капитализма к социализму. Построение в основном социалистического общества (1917—1941 гг.). Сущность и назначение этого периода, его исторические итоги, очевидно, не нуждаются в объяснении. Он привел к социалистическому преобразованию общества и созданию основ социализма, другими словами,— к построению в основном социалистического общества. Спор может идти о рубежах, точнее, о конечном рубеже этого периода. К последнему очень подходит ленинское положение об условном характере граней в истории, об их подвижности. В партийных и государственных документах, а также в литературе принято относить этот рубеж к 1937 году. В решении вопроса о замыкающей грани переходного периода существенное значение имеет определение места, которое занимают в структуре периодизации предвоенные три с половиной года (1938—1941). Существуют разные соображения, в том числе и мнение о целесообразности присоединения этого времени к периоду Великой Отечественной войны. Но последнее не выдерживает критики ни логически, ни исторически. По своему объективно-историческому характеру рассматриваемый отрезок времени скорее относится к предыдущему периоду.

В социально-экономической жизни страны не произошло в то время существенных качественных сдвигов, которые резко отделяли бы его от переходного периода. Отметим, что в социальной структуре общества даже несколько увеличился удельный вес несоциалистических слоев населения (крестьян-единоличников, некооперированных кустарей и пр.) — с 4,3 млн. человек в 1937 г. до 9 млн. в 1940 году²³. Это было связано с воссоединением республик Прибалтики, западных областей Украины, Белоруссии и Молдавии. Это явление, какой бы малозначительный дополнительный характер для общесоюзного преобразовательного процесса оно ни носило, нельзя не учитывать. Добавим еще, что в районах Крайнего Севера и отдельных национальных областях ликвидация эксплуататорских элементов затянулась до кануна войны.

Что касается общественно-политической и идеологической жизни, то здесь наряду с большим энтузиазмом, подъемом активности масс, особенно в связи с принятием Конституции СССР 1936 г., имели место и серьезные деструктивные процессы, обусловленные продолжавшимися массовыми репрессиями, напосившими невосполнимый урон обществу, главному его богатству — кадрам. А 1937 год, общепринятый до сих пор конечный рубеж переходного периода, являлся «апогеем» в практике массовых репрессий, нарушения законности.

Неубедительны суждения Н. А. Барсукова. К середине 30-х годов, пишет он, переходный период был завершен, что и закрепила законодательно Конституция СССР 1936 года. И далее: «Как подчеркивалось на февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б), введение новой Конституции Союза ССР означало поворот в политической жизни страны. Доводилось слышать мнение: не была ли здесь допущена субъективная торопливость и не лучше ли взять «запас прочности» и отнестись

²² Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М. 1985. с. 35.

²³ Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества. М. 1982, с. 38.

рамки переходного периода подальше вперед. Как историк и живой свидетель тех лет, я убежден, что нет»²³.

При рассмотрении вопроса о протяженности переходного периода следует помнить, что писал Ленин относительно «введения» в жизнь социалистических порядков: «Эту цель нельзя осуществить сразу, она требует довольно продолжительного переходного периода от капитализма к социализму, — и потому, что реорганизация производства вещь трудная, и потому, что нужно время для коренных перемен во всех областях жизни и потому, что громадная сила привычки к мелкобуржуазному и буржуазному хозяйничанью может быть преодолена лишь в долгой, упорной борьбе». Когда страна приступала к осуществлению экономической политики переходного периода, Ленин, обращаясь к партии и народу, подчеркивал: «На нас сейчас история возложила работу: величайший переворот политический завершить медленной, тяжелой, трудной экономической работой, где сроки намечаются весьма долги»²⁴. Это ленинское указание иногда предавалось забвению, что в определенной мере сказалось и на «сжатии» сроков переходного периода.

Преобразовательные процессы переходного периода Ленин относил ко всем областям жизни. И построение в основном социалистического общества означало создание не только экономических, но и социально-политических и культурно-идеологических его основ. Между тем, в свое время у нас бытовало неточное, ограниченное представление на этот счет — дело сводили лишь к социалистическому обновлению экономики. Разумеется, создание экономического фундамента социализма имело решающее значение. Однако нельзя его ставить вне связи с формированием основ социалистического бытия в таких сферах, как политика, культура, национальные отношения. Если смотреть на дело шире, всесторонне, то задачи переходного периода в условиях СССР решались на всем протяжении от Октября до кануна Великой Отечественной войны.

Теперь о первом, пройденном, периоде фазы социализма. Предлагаем следующий вариант его наименования и хронологических границ — «Р а н н и й (н а ч а л ь н ы й) п е р и о д с о ц и а л и з м а (1941—1985 гг.)».

Социализм — длительная эпоха с различными внутренними этапами. Какие этапы и сколько их — дело исторической практики, и это зависит от конкретных условий отдельных стран.

За четыре с половиной десятилетия построенный в основном социализм в СССР прошел большой и сложный путь развития. На этом пути выделялись существенно отличавшиеся друг от друга этапы, происходили великие события и грандиозные свершения, имели место выдающиеся успехи и серьезные неудачи, подъемы и спады в развитии. Встает вопрос: можно ли и нужно ли при этих обстоятельствах весь пройденный путь социализма заключать в единый период? Можно и необходимо, т. к. этот путь имел общую сущностную характеристику и историческое значение — на созданной основе воздвигнуть все здание социализма, утвердить социализм в целом как новый общественный строй.

В ходе дискуссий предложены разные варианты определения и общей характеристики этого периода. Об одном из вариантов мы уже упомянули. Это — предложение Н. А. Барсукова назвать его полосой развивающегося социализма. Л. М. Спирин характеризует период с середины 30-х годов до 1985 г. как период, «когда социализм рос и укреплялся как цельность»²⁵. Эти варианты импонируют широтой генерализации происходивших в рассматриваемый период процессов, но но-

²³ Вопросы истории КПСС, 1987, № 6, с. 98—99.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38, с. 385—386; т. 44, с. 326.

²⁵ Вопросы истории КПСС, 1987, № 9, с. 91.

сят слишком абстрактный и неопределенный характер: ведь социализм всегда развивается, а если он уже укрепился как цельность, то в этом качестве будет развиваться и дальше. Мы убеждены в том, что предложенное нами название периода является оптимальным, вполне соответствующим его объективно-исторической характеристике.

Почему ранний период и почему он так длителен? Временной параметр периода не является заданным и зависит от исторических условий развития социализма. Китайские коммунисты, например, считают, что для завершения начального периода социализма им потребуется еще минимум сто лет. У Китая, конечно, свое исходное состояние, свои особенности социалистического строительства. Но и у СССР были отсталое исходное состояние и большие трудности и сложности развития. Говоря словами Ленина, нам было легче начать, но труднее продолжать²⁶.

Чтобы уяснить ранний характер состояния социалистического прогресса, нам нужно смотреть и оценивать жизнь реалистически. Мы, как правило, преувеличенно оценивали свои достижения и односторонне абстрактно изображали социалистические преимущества во всем. В то же время терпимо, примиренчески относились к недостаткам, ко всякого рода негативным явлениям в жизни. В идеализации достигнутого сказывалось отчасти то, что советские люди, устремленные в будущее, склонны были выдавать желаемое за действительное. Историческая причина такой aberrации была связана и с тем, что формы и методы социалистического строительства, применявшиеся в условиях переходного периода и отражавшие конкретно-исторические условия того времени, были канонизированы и возведены в ранг непреложных догм. В результате сложился обедненный, схематизированный облик социализма с недооценкой разнообразия, богатства интересов людей, их активной роли в общественной жизни.

Историческая правда требует, чтобы мы отрешились от неадекватных историческим реальностям представлений о социалистическом обществе и на основе объективного подхода к пройденному этапу правильно определили его место в истории фазы социализма.

Достижения наши велики и неоспоримы. Думаю, что в статье нет необходимости детализировать их. СССР, утвердив незыблемый социалистический строй, благодаря своему мощному экономическому и научно-техническому потенциалу стал одной из сильнейших держав мира, открыл космическую эру в истории человечества, обеспечил военно-стратегическое равновесие с США — решающий фактор мира и безопасности. Однако о степени совершенства социализма и стадийной его характеристике нужно судить не только по его глобально-масштабным достижениям, но и по уровню материального благосостояния и удовлетворения культурных и социальных потребностей трудящихся, по их демократической зрелости.

Наряду с величайшими свершениями и успехами наша история знает и серьезные упущения в практике социалистического строительства, которые не позволили в полной мере использовать преимущества социалистического строя, эффективно реализовать его возможности. Как следствие этого построенное у нас социалистическое общество по своей зрелости и социальной результативности пока гораздо ниже возможного и необходимого уровня развития. С точки зрения ленинской концепции социализма, главное требование которой — забота о демократии, гуманизме, человеке, мы еще далеки от совершенной его стадии. Справедливо заключает А. Н. Яковлев: «Если исходить из этих высоких критериев зрелости и социальной результативности общества, то мы находимся еще

²⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38, с. 306.

где-то в начале эффективной реализации преимуществ, заложенных в природе социализма»²⁷.

О рубежах периода раннего социализма. Встречает возражение наша идея начальным рубежом его сделать 1941 год, историю фазы социализма начинать с Великой Отечественной войны. В качестве доводов наши оппоненты выдвигают различные положения. Н. А. Барсуков: «Война была нам навязана, нарушила созидательный процесс социализма, и принимать ее в качестве объективной грани на пути становления новой общественно-экономической формации, осуществления программных целей партии неправомерно». И. Б. Берхин: «Нельзя нападение фашистской Германии на СССР делать рубежом в строительстве коммунистического общества в СССР и в деятельности Коммунистической партии по руководству этим строительством»²⁸.

Война, разумеется, не являлась заданным началом фазы социализма, но по воле истории случилось так, что в СССР эти два феномена совпали. Этот факт имел особое значение для судьбы социализма, для решения проблемы «кто — кого» в международном плане. Великий Октябрь превратил социализм из теории в практику, положил начало утверждению реального социализма. Великая Отечественная война защитила реальный социализм от империалистического посягательства. «По классово-сути наша война с фашистской Германией была самым крупным военным столкновением социализма с ударными силами империализма»²⁹. Великая Отечественная война — это крупная международная гражданская война, продолжившая дело Октябрьской революции. Отстоять построенный социализм было столь же важно, как и построить его.

В связи с этим отметим, что в литературе бытует довольно странное представление об этапе Великой Отечественной войны в истории СССР. Так, авторы одной книги утверждают, что Великая Отечественная война относится к тем этапам в развитии общества, критерии которых имеют не обязательно комплексный характер. «Доминирующие, выступающие на первый план черты таких периодов могут служить важными сдвигами в какой-то одной или нескольких (но не обязательно во всех) сферах общественной жизни. Таковы, например, этапы коллективизации (кооперирования сельского хозяйства),... Великая Отечественная война Советского Союза»³⁰. Но ведь хорошо известно, что Отечественная война явилась всесторонним испытанием прочности советского общественного строя, всех его жизненных сил. Какие же сферы общественной жизни советского общества не были задеты войной?!

Победа в войне досталась советскому народу великой ценой. Это хорошо известно. Но известно и то, что эта победа сделала социалистический строй в СССР еще более прочным и жизнеспособным. Нельзя забывать и о международном аспекте этой победы. С ней непосредственно связано изменение соотношения сил социализма и капитализма в пользу социализма, а также образование мировой социалистической системы. Первая страна социализма избавилась от враждебного капиталистического окружения.

Замыкающий рубеж второго периода, 1985 год, обусловлен главным образом тем, что от него начался новый революционный поворот в истории социализма в СССР. Перестройка — это переход от раннего периода социализма к периоду нового качественного состояния социализма. Она последовательно продолжает идеи и дело Октября. Только между преобразовательным процессом, совершившимся после Октября в течение переходного периода, и современным процессом обновления имеется существенная

²⁷ Правда, 28.XI.1987.

²⁸ Вопросы истории КПСС, 1987, № 6, с. 98; № 9, с. 89.

²⁹ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М. 1985, с. 44.

³⁰ Марксистско-ленинское учение о социализме и современность. М. 1975, с. 151.

разница. Тогда мы переделывали старый мир, теперь преобразуем, радикально переделываем новый мир, созданный своим умом и руками. Тогда мы исправляли «чужие ошибки», а теперь — свои собственные. А это сопряжено со специфическими сложностями. И главный путь перестройки — повышение сознательности и социальной активности масс, путь полного развития социалистической демократии.

Начавшийся новый период является периодом всестороннего совершенствования социализма, достижения его полной зрелости, т. е. создания развитого социалистического общества. Совершенствование последнего, в свою очередь, будет означать постепенный переход его к коммунизму.

Таким образом, мы выделяем три крупных, более общих периода, а в пределах их — дробные, более частные этапы.

I. Переходный период от капитализма к социализму (1917—1941 гг.)

1. Великая Октябрьская социалистическая революция (1917—1918 гг.).
2. Гражданская война и «военный коммунизм» (1918—1920 гг.).
3. Социалистическое строительство в условиях новой экономической политики (1921—1927 гг.).
4. Развернутое строительство основ социализма. Отрицательное влияние культа личности на преобразовательный и созидательный процесс (1928—1941 гг.).

II. Ранний период социализма (1941—1985 гг.)

1. Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 гг.).
2. Возрождение страны и развитие ее в условиях формирования и функционирования мировой социалистической системы (1945—1955 гг.).
3. СССР на пути полной и окончательной победы социализма (1956—1970 гг.).
4. Годы застойного состояния; начало поиска форм и методов его преодоления (1971—1985 гг.).

III. Перестройка и всестороннее совершенствование социализма.

Не все выделенные в схеме дробные этапы нуждаются в объяснении. Комментарии требуют только некоторые из них, поскольку названия или хронологические грани их нами даются в новых вариантах.

Всегда было принято называть 1918—1920 гг. периодом гражданской войны и военной интервенции. Между тем понятие «гражданская война» включает в себя и борьбу против интервентов. Ленин говорил, что рабочие и крестьяне Советской республики тогда вели две гражданские войны: внутреннюю и международную, т. е. против внутренних сил контрреволюции и сил международной контрреволюции в лице военных интервентов. Нет необходимости поэтому в название рассматриваемого этапа выносить слово «интервенция». В то же время следует в него ввести термин «военный коммунизм». Политика «военного коммунизма», будучи вынужденной, составляла существенную особенность жизни страны того времени и играла весьма важную роль в судьбе Советской власти. Ленин подчеркивал впоследствии, что продовольственная политика «военного коммунизма» при всех своих недостатках «была единственно возможной при тех условиях, в общем и целом. И она выполнила свое историческое задание: спасла пролетарскую диктатуру в разоренной и отсталой стране»³¹.

Третий этап переходного периода дается нами в новом названии и новых хронологических рамках. Во всех прежних и ныне действующих схемах периодизации он именуется: «СССР в восстановительный период». Восстановление народного хозяйства, как ни было оно важно для страны, не характеризует этот период в качестве определенного этапа в

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44, с. 9.

становлении социализма. С этой точки зрения больше подходит понятие «новая экономическая политика», призванная укрепить экономический союз между рабочим классом и крестьянством, обеспечить создание материальной базы социализма. НЭп был рассчитан на весь переходный период, в исторической реальности он действовал лишь в пределах до 1927 года. Затем он настолько деформировался, что по существу был свернут, стала действовать иная, внеэкономическая политика. Прав Л. М. Спириг, который, объясняя, почему он считает 1928 г. начальным рубежом следующего этапа, пишет: «Партия, начав реконструкцию народного хозяйства, развернутое социалистическое строительство, стала свертывать нэп и переходить к иной политике»³². Приведенное положение вполне согласуется с нашим пониманием вопроса.

Из внутренних этапов второго общего периода требует комментария прежде всего этап «СССР на пути полной и окончательной победы социализма». В толковании и употреблении терминов «полная победа» и «окончательная победа» много запутанного и противоречивого. Ленин, как известно, далеко не однозначно употреблял термин «полная и окончательная победа социализма». Это обстоятельство, пожалуй, является главной причиной разноречивых суждений в документах и литературе. Под полной победой социализма у нас принято было понимать гарантию от реставрации капитализма внутренними враждебными силами. В этом смысле считалось, что полная победа была достигнута уже в связи с решением вопроса «кто — кого» внутри страны в пределах переходного периода. Под окончательной победой социализма понимали гарантию от восстановления капитализма в СССР внешними империалистическими силами.

Однако в употреблении и толковании термина «окончательная победа социализма» не все было логично. В Тезисах ЦК КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», одном из последних партийных документов, в которых в таком плане трактуется это понятие, говорилось: «Образование мировой социалистической системы, укрепление экономической и оборонной мощи Советского Союза изменили соотношение сил на мировой арене в пользу социализма, создали прочную гарантию от реставрации капитализма в СССР, обеспечили окончательную победу социализма»³³. Но для такого рода заявлений тогда не было достаточных оснований. Еще не было преодолено преимущество США в современной военной технике. Изменение соотношения сил на мировой арене в пользу социализма еще не гарантировало нашу страну от опасности реставрации капитализма путем империалистической интервенции, антисоветской войны. Такая гарантия могла прийти и пришла вместе с ликвидацией военно-стратегического превосходства США и НАТО. Когда же такое время наступило, сильно деформировалась сама постановка вопроса об окончательной победе социализма. В условиях современной военной техники суть вопроса уже не в том, кто кого победит в войне, а в том, как все человечество спасти от ядерной катастрофы.

Мы исходим из того, что феномены «полная победа» и «окончательная победа» социализма в современной интерпретации тесно взаимосвязаны по существу и сопряжены во времени. Это соответствует ленинской концепции социалистического строительства, одна из центральных идей которой — продолжать великую пролетарскую революцию и довести ее до полной и окончательной победы социализма. В этой концепции «полная победа» относится, главным образом, к внутренним аспектам социалистического строительства. При этом дело не сводилось, как это обычно было принято в документах и литературе, к ликвидации внутренних источников реставрации капитализма. Ленин рассматривал полную побе-

³² Вопросы истории КПСС, 1987, № 9, с. 85.

³³ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М. 1967, с. 25.

ду социализма чаще всего как результат решения созидательных задач нового общества, связывал ее со степенью социалистической зрелости последнего во всех сферах общественной жизни³⁴. Вместе с тем окончательную победу социализма Ленин, хотя и соотносил ее преимущественно с международными условиями, понимал и «в смысле полной организации социалистического общества»³⁵.

Полную и окончательную победу социализма в СССР как осуществление двуединой задачи можно считать достигнутой в основном к концу 60-х годов. «В короткий срок,— говорится в Программе КПСС,— СССР залечил тяжелые раны войны, значительно укрепил свой экономический, научно-технический и оборонный потенциал, упрочил международные позиции. Социализм в нашей стране победил полностью и окончательно»³⁶. Вместе с тем на этом этапе имели место серьезные упущения в развитии советского общества, он характеризовался незавершенными поворотами в поступательном движении социализма.

Требует объяснения, конечно, и последний этап второго периода — «Годы застойного состояния; начало поиска форм и методов его преодоления». Возражение против такой формулировки может возникнуть лишь в связи с тем, что у нас не принято давать «негативное» название, если даже оно отражает основную характеристику периода. 70-е — первую половину 80-х годов партия справедливо определила как годы застойного, предкризисного состояния советского общества. Если это верно, то почему бы их не именовать соответствующим образом? Очевидно, можно и нужно. Не следует забывать, что застойное или предкризисное состояние отнюдь не относилось лишь к отдельным сферам жизни нашего общества. Оно носило глобальный характер и было чревато серьезными последствиями для судьбы социализма. Не лишним будет напомнить в этой связи положение, высказанное в редакционной статье «Правды»: «Видимо, еще далеко не у всех есть ясное понимание драматизма ситуации, в какой оказалась страна к апрелю 1985 года и которую мы справедливо называем предкризисной»³⁷.

Мы вполне сознаем, что предлагаемый вариант периодизации истории советского общества вызовет споры, но это верный путь коллективными усилиями решить назревшую задачу исторической науки.

³⁴ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 443, 453; т. 39, с. 13; и др.

³⁵ Там же. Т. 38, с. 306.

³⁶ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, с. 126.

³⁷ Правда, 5.IV.1988,

БЛИЖНИЙ ВОСТОК: САМЫЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНЫЙ «КОНФЛИКТ ВЕКА»

Л. И. Медведко

На Ближнем Востоке между историей и политикой трудно провести четкий рубеж. События, которые, казалось бы, за последние 40 лет должны были стать достоянием истории, никак не могут застыть в огнедышащей лаве ближневосточного вулкана. Подведенное к краю пропасти ядерной катастрофы человечество, конечно, вправе говорить в этом отношении о безнравственности политики в глобальном, общечеловеческом плане. Но вот уже у нескольких поколений людей, родившихся на «святой земле» Палестины, имеется такое же основание обвинить в безнравственности и тех политиков, которые не сумели извлечь нужных уроков из истории, за которой поэтому все еще волочится цепь региональных войн и актов насилия. Хотя их и пытаются нередко представить как чисто военные или полицейские, «оборонительные» или «карательные» меры, всякий «акт насилия... — акт политический»¹.

Среди многих войн, отгремевших и пылающих в этом регионе, разгравшаяся недавно на Западном берегу Иордана и в секторе Газа «война камней», пожалуй, самая безнравственная: она ведется против безоружных людей. Это лишь одно из звеньев в цепи актов насилья, являющихся продолжением безнравственной империалистической политики, которая породила палестинскую трагедию и самый продолжительный «конфликт века».

Начало отсчета ближневосточного конфликта можно вести по-разному. В последнее время о нем чаще говорят как о «сорокалетней войне» и двадцатипятилетней агрессии. Названия эти обусловлены вполне конкретными событиями и их круглыми годовщинами, выпавшими на 1987—1988 годы. Но в эти годы можно было отметить и другие круглые даты.

Одна из них связана с деятельностью международного сионистского движения, которое сто лет назад приступило к колонизации Палестины еще до созыва в мае 1897 г. I конгресса сионистов в Базеле. Начало ей было положено Палестинским еврейским колонизационным обществом при прямой финансовой поддержке дома Ротшильда в начале 80-х годов XIX века. Оно организовало тогда в Палестине около 20 колоний еврейских поселенцев. Позднее идеологи и лидеры созданной в Базеле Всемирной сионистской организации (ВСО) разработали поэтапный план заселения Палестины, а затем и «Великого Израиля» в границах от «Египетской реки (т. е. Нила) до Евфрата». Далеко не мирное осуществление провозглашенного в конце прошлого века экспансионистского плана продолжается уже более 90 лет. Так что французские историки и публицисты А. Грэш и Д. Видаль не случайно назвали свою книгу «Столетняя

МЕДВЕДКО Леонид Иванович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института Африки АН СССР.

¹ Марке К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20, с. 162.

война на Ближнем Востоке»², имея в виду этот «конфликт века», продолжающийся до сих пор.

С деятельностью ВСО связано и такое «знаменательное» событие 70-летней давности, как провозглашение 2 ноября 1917 г. декларации Бальфура. Она названа так по имени английского министра иностранных дел, который дал тогда обещание лидерам ВСО содействовать созданию в Палестине «еврейского национального очага». Эта декларация как бы официально закрепила сговор империализма и сионизма, положивший начало прямой их конфронтации с арабским населением Палестины, а затем, по существу, со всем миром ислама.

Присвоив себе монопольное право «защитника» всех евреев и объявив своеобразную «монополию» на иудаизм, идеологи сионизма сделали заявку на все «святые места» и земли сначала в Палестине, а затем и в обширном районе традиционного распространения ислама. Поскольку эти земли уже были заселены арабами, сионизм и вступил с мусульманским миром в конфронтацию, которая породила уже немало войн. Можно ли их считать только войнами между иудаизмом и исламом, или между двумя национализмами — еврейским и арабским, как это иногда пытаются представить на Западе? Вряд ли.

Ислам и иудаизм имеют общие этнические и исторические корни. Обе религии, возникшие и получившие развитие в странах Ближнего Востока, близки и по сути своих вероучений. Раньше принято было считать, что именно ислам как религия, возникшая позднее, воспринял многие элементы монотеистического иудаизма. Но современной наукой доказано, что у древних арабских и еврейских племен (ведь те и другие — семиты) было немало общих или близких сказаний и легенд. Ф. Энгельс напомнил в этой связи, что «еврейское так называемое священное писание есть не что иное, как запись древнеарабских религиозных и племенных традиций», и поэтому его «основное содержание было арабским или, вернее, общесемитическим»³. Не случайно ислам и иудаизм имеют немало общих святынь, особенно в Иерусалиме, связанных с именами общих пророков. Их последователи в течение длительного времени мирно сосуществовали друг с другом не только в Палестине, но и в сопредельных с нею странах мусульманского Востока.

Пропасть между исламом и иудаизмом стала искусственно создаваться и усиленно расширяться именно с появлением в Палестине в конце XIX в. идеологических эмиссаров сионизма. Именно они, сначала фальсифицировав историю, создали палестинскую проблему, которая стала сердцевинной политического арабо-израильского конфликта. Эта проблема возникла еще до принятия резолюции ООН о разделе Палестины в 1947 году. Провозглашению в мае 1948 г. государства Израиль предшествовало массовое истребление и изгнание его организаторами местного арабского населения. Это и явилось одной из главных причин Палестинской войны 1948—1949 годов. В результате Ближний Восток оказался, можно сказать, единственным в мире районом, так и не познавшим за последние 40 лет мира.

В историческом аспекте причины арабо-израильского конфликта уже при самом его зарождении имели международный характер. Они были связаны не только с национальными и религиозными противоречиями между еврейскими поселенцами и арабами в Палестине. В большей степени они обуславливались планами империалистов на Ближнем Востоке как после первой, так и после второй мировой войны.

Декларация Бальфура была не первым и не последним ударом в спину арабов. Она как бы противопоставлялась другому плану «международного управления» арабскими землями, которое предусматривалось

² Grech A., Vidal D. Proche-Orient: une guerre de cent ans. P. 1984.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 28, с. 210.

секретным англо-французским соглашением Сайкс—Пико 1916 г. о разделе Турции и ее бывших владений (позднее к нему присоединилась Италия). Это соглашение, с которым был ознакомлен и министр иностранных дел России, в западной литературе называют иногда также соглашением Сайкс — Пико — Сазонов. Однако ради истины напомним, что Россия отказалась от участия в этом соглашении, не желая санкционировать раздел турецких и арабских земель своими союзниками.

Появление декларации Бальфура отделяет всего лишь несколько дней от Великой Октябрьской социалистической революции, которая нанесла сокрушительный удар по империалистическим планам раздела и закабаления арабского мира. Западные историки — а многие из них всегда пытаются преуменьшить влияние российской революции на мусульманский Восток — волей-неволей признают, что начавшаяся с декабря 1917 г. публикация в газетах «Правда» и «Известия» секретных документов и материалов из архива бывшего Министерства иностранных дел произвела на Ближнем Востоке эффект разорвавшейся бомбы. «Когда В. И. Ленин, — пишут А. Грэш и Д. Видаль, — обнаружил пресловутое соглашение Сайкс — Пико — Сазонов, буря гнева прокатилась по всему арабскому миру»⁴.

Вскоре после Октябрьской революции на одном из заседаний Совнаркома было принято обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», подписанное Лениным. Оно было переведено на все языки российской и зарубежной мусульман. В этом воззвании содержался призыв к трудящимся мусульманам поддержать революцию в России, которая прокладывает путь «к освобождению всех угнетенных народов». В нем говорилось, что не от России и ее революционного правительства исходит для мусульман опасность порабощения, а от империалистических хищников. «Вы сами должны быть хозяевами вашей страны! Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию, — подчеркивалось в воззвании. — Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в ваших собственных руках»⁵.

Критическая для Антанты ситуация, возникшая после Октябрьской революции, особенно остро поставила тогда вопрос о расширении участия в войне США. В этих условиях, как объясняет бывший председатель ВСО С. Ландман, наиболее верным путем побудить президента В. Вильсона к этому было «обеспечение сотрудничества евреев-сионистов». За это им и была обещана Бальфуrom Палестина. Она, по словам Ландмана, и помогла мобилизовать «мощные силы американских сионистов» в поддержку Антанты. Сионизм, цинично признавал позднее Бальфур, отвечает «нынешним нуждам и будущим надеждам» Запада гораздо глубже, чем «желание или предрассудки 700 тысяч арабов», проживавших в то время в Палестине⁶. Вот почему США, а затем и Франция одобрили декларацию Бальфура и официально присоединились к ней в 1919 году⁷. Англия преследовала при этом и свои далеко идущие имперские цели, связанные с укреплением ее позиций на Ближнем Востоке. Благодаря покровительству британских колониальных властей сионисты сумели добиться существенного изменения демографической структуры Палестины в ущерб ее арабскому населению.

В исследовании ООН по истории палестинской проблемы, подготовленном специальной группой по правам палестинцев, отмечается противозаконность декларации Бальфура с точки зрения международного права. «Во-первых, — пишут авторы исследования, — она явно противоречит духу обещаний независимости, которые были даны арабам как до, так

⁴ Grech A., Vidal D. Palestine — 47: Un partage avorté. Bruxelles. 1987, p. 121.

⁵ Сборник документов и материалов по истории СССР. М. 1966. с. 56.

⁶ Landman S. Great Britain, the Jews and Palestine. Lnd. 1936, p. 4.

⁷ Ibid.

и после ее опубликования. Во-вторых, судьба Палестины определялась в тесном сотрудничестве с политической организацией, которая провозгласила своей целью поселить в Палестине непалестинцев. При этом не только игнорировались интересы коренных палестинцев, но и преднамеренно нарушались их права. В-третьих, английское правительство, приняв эту декларацию, взяло на себя перед сионистской организацией обязательства в отношении земли палестинцев, которая в то время все еще была частью Османской империи»⁸.

Исходя из этого многие специалисты в области международного права доказывают, что декларация Бальфура не имела юридической силы, «ибо у Великобритании нет никаких суверенных прав на Палестину и она не могла поэтому распоряжаться этой землей»⁹. Противозаконность декларации Бальфура в значительной степени способствовала возникновению конфликта не только между палестинскими арабами и непалестинскими евреями, но и между целями сионистов и надеждами палестинских и других евреев. ВСО воспользовалась гарантиями в отношении «национального очага для еврейского народа» для протаскивания собственных планов колонизации Палестины, используя с этой целью реализацию декларации Бальфура с помощью системы мандатов Лиги наций. «Палестинский народ,— отмечается в исследовании ООН,— вынужден был противодействовать этим устремлениям, ибо его лишили основного политического права на самоопределение, а его земля была превращена в объект колонизации из-за границы в течение всего периода, пока Палестина находилась под мандатом Лиги наций»¹⁰.

Начало на Ближнем Востоке самого продолжительного после второй мировой войны регионального конфликта связывают как с провозглашением в мае 1948 г. государства Израиль, так и с принятием 29 ноября 1947 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, определявшей «статус бывшего английского мандата Палестины» в соответствии с «Планом раздела на основе Экономического союза», который предусматривал образование двух независимых — арабского и еврейского — государств, а также установление специального международного режима г. Иерусалима¹¹. До сих пор и в Израиле и в арабском мире можно слышать критические голоса в адрес этой резолюции, словно именно она явилась источником и первопричиной всех бед. Но если вчитаться во все ее пункты, нетрудно понять, что конфликт породило не принятие, а невыполнение этой резолюции. Будь она выполнена в полном объеме, конфликт не принял бы такого затяжного характера. Главная причина его заключалась не в создании государства Израиль, а в несоздании арабского государства Палестины.

Раздел Палестины происходил не «на основе Экономического союза», как это предусматривалось резолюцией ООН, а скорее на основе военной конфронтации. Это, в свою очередь, стало следствием разжигаемого Лондоном и Вашингтоном религиозного и национального конфликта между еврейским и арабским населением, а также обострившегося в послевоенный период соперничества между Англией и США за зоны влияния на Ближнем Востоке. Но, несмотря на различие целей, империализм, сионизм и арабская реакция уже тогда при всех столкновениях их интересов выступали, по существу, как соучастники действующего до сих пор тройственного заговора против арабского народа Палестины.

Прежде чем палестинская проблема стала дебатироваться в различных комиссиях и комитетах ООН, английские колониальные власти посеяли

⁸ Истоки и история проблемы Палестины. Ч. I. Нью-Йорк. 1979, с. 19.

⁹ Linowitz S. M. The Legal Basis for the State of Israel.— American Bar Association Journal. Vol. 43, 1957, p. 522.

¹⁰ Истоки и история проблемы Палестины. Ч. I, с. 19.

¹¹ Палестинская проблема. Документы ООН, международных организаций и конференций. М. 1984, с. 5—29.

в Палестине семена насилия и террора, которые потом проросли на Ближнем Востоке многими кровавыми конфликтами и войнами. Палестинцев — евреев и арабов — сотнями бросали в тюремные застенки, где подвергали издевательствам и пыткам. Наносились поочередные удары то по арабским, то по еврейским организациям. Напомним, что уже 29 июня 1946 г. в Палестине было объявлено военное положение. В тот же день, названный в западной литературе «черной субботой», были произведены повальные обыски и аресты. Власти выдали даже ордер на арест находившихся тогда в США сионистских руководителей во главе с Д. Бен Гурионом. За две недели было арестовано и интернировано около 3 тыс. человек. Подавляющее большинство их составляли еврейские иммигранты. Израильские власти и поныне осуществляют массовые репрессии против арабов в оккупированных районах, ссылаясь на закон о чрезвычайном положении, изданный английскими мандатными властями.

Посетившая Палестину в июне 1947 г. специальная комиссия ООН по вопросам Палестины (ЮНСКОП) в своем докладе подтвердила, что там сохраняется военное положение. Проволочные заграждения, заставы на дорогах, пулеметные гнезда, постоянное патрулирование броневиков — так выглядели, по описанию комиссии ЮНСКОП, Иерусалим и другие районы Палестины. «Свобода личного передвижения,— отмечалось в докладе,— максимально ограничена. Введение комендантского часа и объявление осадного положения стало обычным явлением... Каждый палестинец может быть арестован без решения судебных властей любым представителем вооруженных сил или полицейским чиновником... Положения о военных судах запрещают всякое обжалование в судебном порядке или оспаривание приговора военного суда»¹².

По мотивам «охраны порядка» в июне 1947 г. в Палестине было арестовано более 800 и, кроме того, задержано около 18 тыс. человек. При знакомстве с этим докладом перед глазами невольно встают картины сегодняшнего положения на оккупированном Израилем Западном берегу Иордана и в секторе Газа. Разница лишь в том, что 40 лет назад британские мандатные власти арестовывали в основном евреев-палестинцев, а израильские оккупационные власти производят массовые аресты, разгоняют демонстрации и депортируют арабов — исконных жителей Палестины.

В израильской и западной историографии довольно широко распространена версия о «ведущей роли» сионистов в антиколониальной борьбе в Палестине. Дескать именно поэтому английские власти, придерживаясь «проарабской ориентации», острие своих репрессий направляли против еврейских организаций. Однако в действительности мандатные власти проводили не «антиеврейскую», а антипалестинскую политику, направленную на расчленение Палестины, подавление освободительного движения на Ближнем Востоке и сохранение, а по возможности и укрепление своих военно-политических позиций. Этими целями руководствовался Лондон, соглашаясь и на «раздел», и на «федерацию» в Палестине с призрачной «автономией» еврейской и арабской общин при условии, однако, сохранения по политическим и военно-стратегическим соображениям британского военного контроля над Иерусалимом и пустыней Негев. Вашингтон был уже почти готов уступить Лондону, соглашаясь на передачу контроля над последней кому-либо из арабских вассалов Британии. Но в самый последний момент Белый дом под усилившимся нажимом влиятельных сионистских кругов отступил от прежней позиции и высказался за «раздел» Палестины.

Англия согласилась передать решение вопроса о будущем Палестины в ООН лишь после того, как лейбористское правительство К. Эттли убе-

¹² Истоки и история проблемы Палестины. Ч. II, 1947—1977 годы. Нью-Йорк, 1979, с. 20—21.

дилось в бесполезности давления на сионистов, пользовавшихся покровительством США. К тому же финансовое положение Лондона было не настолько прочным, чтобы он мог финансировать содержание в Палестине почти 100-тысячной армии и многочисленных военных баз на Ближнем Востоке и одновременно помогать своим вассалам, арабским монархическим режимам в Египте, Ираке, Трансjordании и на юге Аравии.

Администрация США проводила открытый курс на постепенное вытеснение европейцев с Ближнего Востока, делая при этом в Палестине ставку на сионистов. Президент Г. Трумэн уже в августе 1945 г. почти в ультимативной форме потребовал от правительства Эттли допуска в Палестину 100 тыс. евреев из числа перемещенных лиц в Западной Европе, у которых «нет реальных возможностей поселиться в США и вообще в Западном полушарии»¹³. Это требование, как признавали даже просионистские органы печати США, было продиктовано вовсе не гуманными соображениями, а стремлением заручиться поддержкой еврейских избирателей на приближающихся президентских выборах. Лондону ничего не оставалось, как удовлетворить требование Вашингтона. Англия и США стали после этого теснее координировать свои действия в Палестине. К тому же в вопросе еврейской иммиграции между ними не было антагонизма. В обстановке нарастающей напряженности в отношениях между арабской и еврейской общинами и провоцируемых колониальными властями кровавых столкновений между ними массовая еврейская иммиграция вела к еще большему обострению обстановки в Палестине, что могло бы повысить вес «посреднических функций» на первых порах английских мандатариев, а позднее и американских «миротворцев»¹⁴.

Однако в Лондоне явно просчитались. Надежды Эттли на то, что ему удастся обусловить въезд новых еврейских иммигрантов роспуском сионистских вооруженных формирований, не оправдались. Террористы из сионистских боевых групп «Иргун» и «Лехи» организовали серию диверсионных актов и покушений на британских военнослужащих и чиновников: в июне 1946 г. взорвали 10 мостов, затем устроили взрыв отеля «Царь Давид», под обломками которого погибло несколько десятков человек, в том числе много англичан; взорвали клуб британских офицеров в Иерусалиме; подожгли склады горючего в Хайфе; атаковали английские казармы и арсеналы с оружием; ограбили несколько банков; наконец, среди бела дня на улице захватили в качестве заложников несколько британских офицеров. Все эти дерзкие акции террористов получили широкий резонанс и послужили веским доводом для Эттли и шефа Форин оффис Э. Бэвина, чтобы передать палестинскую проблему в ООН¹⁵. В конце января 1947 г. колониальные власти вынуждены были отдать приказ об эвакуации из Палестины всех гражданских лиц, английских подданных, одновременно ужесточив репрессии против палестинцев.

Необъявленная война в Палестине вызывала недовольство и протесты как английского, так и мирового общественного мнения. Даже находившийся тогда в оппозиции лидер консерваторов У. Черчилль поставил перед лейбористским правительством вопрос: «Сколько может продолжаться эта кровавая бойня, которая ежегодно обходится в 30—40 млн. ф. ст. и отвлекает тысячи английских солдат, находящихся вдали от родины?»¹⁶. Чем сложней и напряженней становилась ситуация в Палестине, тем усерднее действовал Лондон. Чтобы сохранить там свое влияние, он препятствовал всякому вмешательству ООН и разжигал антагонизм между арабами и евреями в Палестине. Поклонники Лоуренса

¹³ Royal Institute of International Affairs. Great Britain and Palestine. Lnd. 1946, p. 115.

¹⁴ См. Прокофьев Д. Рождение кризиса.— Азия и Африка сегодня, 1988, № 1, с. 17—18.

¹⁵ Guillemot P. 1948. La guerre d'indépendance. Genève. 1975, p. 56.

¹⁶ Hansard, 3.III.1947.

оставались верными его завету: «Лучше нарушить клятву и выиграть, чем проиграть и отступить». Ни лейбористы, ни тори не хотели отступать, тем более добровольно уступать Палестину своему американскому партнеру.

Трумэн, переизбранный в 1948 г. президентом США при поддержке сионистов, проводил противоречивую, а вернее, тоже безнравственную ближневосточную политику с явным просионистским уклоном. Амплитуда колебаний ее «зигзагов» между арабами и евреями объяснялась прежде всего синдромом «боязни коммунизма». Публично Трумэн неоднократно заявлял, что палестинская проблема должна решаться дипломатическими средствами в сотрудничестве с англичанами и арабами таким путем, чтобы становление там нового государства происходило на мирной основе. «Я вовсе не хочу, — клялся президент, — посылать туда для замены англичан 500 тыс. американских солдат, чтобы устанавливать мир в Палестине»¹⁷. Но на деле администрация США, госдепартамент, Пентагон и созданное в годы правления Трумэна Центральное разведывательное управление немало постарались для заполнения создавшегося якобы после ухода старых колонизаторов «вакуума» на Ближнем Востоке. При этом использовались как экономические, так и военные средства.

«Американские стратеги, — пишут А. Греш и Д. Видаль, — всегда рассматривали Ближний Восток как жизненно важный для всего «свободного мира» плацдарм вблизи границ Советского Союза, против которого они хотели бы создать из арабских стран своеобразный «санитарный кордон». Именно эти страхи перед «советским экспансионизмом» и «угрозой коммунизма», которые усиленно внушались Трумэну ЦРУ, больше всего определяли колебания Вашингтона при поисках решения палестинской проблемы. Как вспоминал позднее сам Трумэн в своих мемуарах, американские дипломаты и военные, участвовавшие в дискуссиях в Овальном кабинете Белого дома и в составлении для президента различных меморандумов, проявляли больше всего беспокойства в отношении ближневосточной нефти, а в долгосрочном плане — в отношении арабов, которые «в пик западной политике в Палестине могут начать действовать сообща с Россией»¹⁸.

«Угроза коммунизма» мерещилась американским правящим кругам и с противоположной стороны. По мнению бывшего министра иностранных дел Израиля А. Эбана, занимавшего в то время пост представителя Еврейского агентства в ООН, «среди всего прочего особенно большой страх они испытывали перед прибывавшими из Центральной Европы еврейскими иммигрантами, которые «могли занести и распространить на Ближнем Востоке вирус коммунизма» и тем самым создать там угрозу американским интересам»¹⁹.

Это свидетельство может служить объяснением того, почему ЦРУ, проводя курс на расширение еврейской иммиграции в Палестину, проявляло вместе с другими секретными службами Запада, а затем и Израиля большую активность в ужесточении контроля за отбором еврейских беженцев и в оказании разносторонней поддержки сионистам не только в их конфронтации с арабами, но и в борьбе с левыми силами и прогрессивными еврейскими организациями. Администрация США на словах ратовала за права арабов и евреев на самоопределение в Палестине. На деле же именно Вашингтон внес немалую лепту в то, чтобы сорвать решение о создании арабского палестинского государства, хотя американские представители и голосовали за это в ноябре 1947 г. на Генеральной Ассамблее ООН.

Если Вашингтон при решении палестинской проблемы в 1947 г., руководствуясь в основном антикоммунизмом и антисоветизмом, склонился

¹⁷ Truman H. Memoirs. Vol. 2. Years of Trial and Hope. N. Y. 1956, p. 136.

¹⁸ Grech A., Vidal D. Op. cit., p. 121.

¹⁹ Truman H. Op. cit., p. 149.

на сторону сионистов, то Лондон по той же причине разыгрывал арабскую карту. Убедившись в невозможности сохранения своего прямого военного присутствия в пустыне Негев и секторе Газа, Англия развила закулисную деятельность, а затем стала открыто подталкивать своих арабских вассалов — монархов Трансиордании, Саудовской Аравии и Египта к установлению контроля над этими территориями. В феврале 1947 г. «мозговой трест» Форин оффис составил секретный меморандум, в котором подчеркивалась заинтересованность Лондона в присоединении к Амману части «святой земли», чтобы обезопасить «коридор от Красного моря через пустыню Негев и Газу к Средиземному морю». Это позволило бы сохранить «преобладающее английское военное и политическое влияние в районе, имеющем важное стратегическое значение»²⁰. Перспективами такого раздела Лондон пытался заинтересовать также Саудовскую Аравию и Египет, что, очевидно, в немалой степени помешало созданию арабского государства в Палестине в результате ее раздела.

Интересы Англии и зависимых от нее монархических арабских режимов во многом совпадали. Лига арабских стран, в которой тон задавали в основном монархи, выступала категорически против любого решения вопроса о Палестине, кроме создания на всей ее территории единого арабского государства. Но это не мешало некоторым из них, в частности королю Трансиордании Абдалле, поддерживать тайные контакты с сионистскими эмиссарами, ведя с ведома Англии и США сложную политическую игру. Такая двойственная, противоречивая позиция была обусловлена стремлением направить в спокойное русло контролируемое арабскими феодалами и буржуазией освободительное антиимпериалистическое движение в Палестине. Общность классовых интересов подталкивала их к налаживанию тайного сотрудничества с сионистами, в которых они видели своего потенциального союзника, поддерживаемого США. В результате проходивших в Аммане в ноябре 1947 г. тайных переговоров Абдаллы с представлявшей Еврейское агентство Г. Меир был заранее выработан план «расчленения и присоединения» Палестины. Он предусматривал, что в случае возникновения трудностей с созданием нового арабского государства большая часть его территории будет присоединена к Трансиордании, а остальные его земли — к будущему еврейскому государству. Так заранее были запланированы итоги еще не начинавшейся Палестинской войны и определены ее скрытые цели.

Война должна была создать дымовую завесу для маскировки тайной политической сделки между сионистами и арабской реакцией. Такой сценарий устраивал всех, кроме самих палестинцев. Король Трансиордании Абдалла, да и египетский король Фарук получали нечто вроде алиби от возможных нападков за присвоение палестинских земель, выдавая их за «трофеи» войны. Сионистских руководителей тоже устраивала запланированная война, ибо она, по словам Бен Гуриона, давала возможность «обсуждать вопрос о создании еврейского государства на значительной части бывшего британского мандата, не отказываясь от притязаний на всю Палестину», поскольку координация действий с Абдаллой имела целью обострение обстановки, а не разрядку напряженности в регионе²¹.

Лондон, в свою очередь, как вдохновитель войны надеялся, что она в любом случае окажется беспроигрышной. Англия была уверена, что ни арабы, ни евреи сами по себе не способны довести эту войну до победного конца. Но даже если кто-то из них попытался бы это сделать, Лондон и Вашингтон имели достаточно возможностей повлиять на ход войны. Кто-кто, а британцы хорошо знали боеспособность арабских армий, которые в основном были вооружены английским оружием и обучались английскими инструкторами.

²⁰ Studies Zionism, vol. 6. № 1, 1985; Grech A., Vidal D. Op. cit., p. 144.

²¹ Ibid., p. 22; см. также: Прокофьев Д. Ук. соч., с. 20.

Наиболее боеспособным из всех арабских армий считался находившийся в Трансиордании Арабский легион, которым командовал многие годы английский генерал Дж. Б. Глаб, более известный в арабском мире под именем Глаб-паша. Он считался не только негласным командующим вооруженными силами, но и фактическим британским наместником в Трансиордании. Именно по его настоянию король Абдалла на заседании Лиги арабских стран категорически высказался против предоставления палестинским арабам оружия. Что же касается вторжения Арабского легиона в Палестину, то оно могло быть осуществлено только с благословения английского правительства²².

К разыгрыванию арабской карты на определенном этапе подключился и Вашингтон. Запад долгое время держал в глубоком резерве под полицейским надзором во Франции бежавшего из Палестины иерусалимского муфтия Хадж Амина аль-Хусейна. Он скомпрометировал себя тесным сотрудничеством с нацистами, проведя всю войну в Германии и Италии, где выдавал себя за некоего «представителя палестинцев». Не без содействия своих западных друзей в мае 1946 г. на американском самолете он был доставлен в Египет. Громогласные призывы муфтия «изгнать всех сионистов из Палестины» и «сбросить их в море» способствовали провоцированию междоусобных столкновений в Палестине и кампании террора, направленной главным образом против прогрессивных арабских деятелей. С ноября 1946 по февраль 1947 г. сторонниками муфтия было организовано около 10 террористических акций, жертвами которых стали авторитетные арабские деятели, стоявшие при решении палестинской проблемы на умеренных позициях.

Так империализм, сионизм и арабская реакция каждый по-своему внесли свою лепту в нагнетание напряженности в Палестине и в блокировании мирного решения палестинской проблемы в рамках обсуждавшегося тогда в ООН проекта резолюции. В этих условиях здравомыслящие представители как еврейской, так и арабской общин испытывали законную тревогу о возможных трагических последствиях раздела Палестины, если она будет сопровождаться к тому же разгулом террора. Во всяком случае, раздел страны, писал в те дни ректор Еврейского университета в Иерусалиме И. Магнес, не остановит террористических действий еврейских групп. «Добившись с помощью террора раздела, они попытаются таким же путем добиться, чтобы и вся остальная часть страны была отдана евреям»²³.

Советский Союз, стремясь не допустить возникновения опасного очага на Ближнем Востоке в непосредственной близости от своих южных границ, проводил принципиальный и последовательный курс, направленный на быстрейшее выкорчевывание колониализма и укрепление независимости освободившихся стран. Выступая на заседании специальной комиссии Генеральной Ассамблеи ООН по Палестине 15 мая 1947 г., глава советской делегации А. А. Громыко указал, что справедливое решение палестинского вопроса может быть найдено только при соблюдении законных интересов как арабского, так и еврейского народов Палестины. «Историческое прошлое, — напомнил он, — равно как и условия, создавшиеся в Палестине в настоящее время, не могут оправдать любое одностороннее решение палестинского вопроса как в пользу создания арабского государства без учета законных прав еврейского народа, так и в пользу создания независимого еврейского государства, игнорируя законные права арабского населения»²⁴.

За три недели до того как проект резолюции о разделе Палестины должен был быть поставлен на голосование на сессии Генеральной Ассамблеи, СССР предпринял еще одну попытку предотвратить перераста-

²² Guillemot P. Op. cit., p. 55.

²³ The New York Times, 28.IX.1947.

²⁴ Правда, 16.V.1947.

ние палестинского конфликта в арабо-израильскую войну. С этой целью советская делегация в ООН внесла 3 ноября 1947 г. предложение о прекращении британского мандата с 1 января 1948 г., выводе британских войск из Палестины в трех-четырёхмесячный срок после отмены мандата и введении в ней переходного периода до провозглашения независимости еврейского и арабского государств, с тем чтобы Палестина находилась под управлением специальной комиссии ООН из представителей стран-членов Совета Безопасности. Такая комиссия могла бы, в частности, осуществлять военно-политический контроль за деятельностью вооруженных формирований обеих будущих государств²⁵.

Однако США и Великобритания, по существу, заблокировали советские предложения. Было решено сохранить мандат до мая 1948 г. и возложить ответственность за управление Палестиной в период между окончанием мандата и созданием еврейского и арабского государств на комиссию из представителей малых стран, не имевшую никаких реальных полномочий. За несколько дней до голосования в ООН резолюции о разделе Палестины арабские государства, убедившись в невозможности противостоять нажиму западных стран, попытались вернуться к обсуждению советского проекта. Будущий президент Ливана К. Шамун, представлявший тогда в ООН Лигу арабских стран, предложил, в частности, вернуться к выдвинутой в свое время СССР идее о создании в Палестине федерального государства, в котором арабская и еврейская общины обладали бы одинаковыми правами.

Но время уже было упущено. Причина тому была, как считают А. Грэш и Д. Видаль, вовсе не в «неожиданном изменении» советской позиции по палестинской проблеме, а в маневрах прежде всего английской и американской дипломатии, что в немалой степени облегчалось «расколом и амбициями» арабской стороны²⁶. Раскол среди арабов и экстремизм некоторых их лидеров помешали также им, несмотря на поддержку СССР, добиться включения в повестку дня вопроса в той редакции, на которой настаивал Советский Союз: «Прекращение мандата над Палестиной и провозглашение независимости страны»²⁷.

Авантюризм сионистских лидеров и неуступчивость арабских руководителей явились препятствием для решения палестинской проблемы и на основе создания единого еврейско-арабского государства в Палестине, как это предлагал СССР. Только после отклонения этого предложения обеими сторонами Советский Союз вынужден был поддержать предложение о разделе Палестины на два государства. Соответствующая резолюция была принята Генеральной Ассамблеей 29 ноября 1947 г. 33 голосами при 10 воздержавшихся. Против голосовали арабские и мусульманские страны (Египет, Ирак, Йемен, Саудовская Аравия, Сирия, Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, а также Индия, Греция и Куба). Среди воздержавшихся была Великобритания, которая, как считают многие западные и арабские исследователи, оказала наибольшее противодействие справедливому решению палестинской проблемы в целом.

Английские власти и после прекращения мандата старались любыми путями, разъединяя Палестину, там остаться. Они рассчитывали использовать арабо-еврейскую войну в качестве предлога для возвращения английских войск якобы с целью «восстановления порядка». Вот почему колониальная администрация, по существу, заблокировала в тот период выполнение резолюции о разделе Палестины в полном объеме, препятствуя вместе с сионистскими руководителями работе специальных комиссий и миссий ООН, которые должны были контролировать ход реализации решения Генеральной Ассамблеи ООН.

²⁵ Официальные отчеты ГА ООН. Вторая сессия. Специальный комитет по палестинскому вопросу. 13-е заседание.

²⁶ Grech A., Vidal D. Op. cit., p. 30.

²⁷ Ibid., p. 13.

Из трех взаимосвязанных условий решения палестинской проблемы в рамках резолюции ООН сразу же не были выполнены два ее главных требования — создание независимого арабского государства и установление международного режима г. Иерусалима. Так что, если говорить о резолюции в полном ее объеме, то независимость Израиля провозглашалась в соответствии с ее формой, но вопреки ее подлинному содержанию. Сионистские руководители при поддержке империалистических кругов игнорировали суть этой, да и других резолюций ООН. Не случайно ныне обращено внимание не только на противозаконность действий Израиля на оккупированных им арабских территориях, но и на нарушение им резолюций ООН от 29 ноября 1947 г. и 11 декабря 1948 года. Они обязывали Совет Безопасности принять все необходимые меры к обеспечению свободного доступа жителей Палестины к иерусалимскому району ввиду его тесной связи не только с иудаизмом, но и с двумя мировыми религиями — христианством и исламом. В связи с этим А. А. Громыко, который принимал участие как глава советской делегации в сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, где ставились на голосование эти важнейшие документы, заявил на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 1982 г.: «Разве кто-нибудь отменял решение, принятое ООН в 1947 г., которое предусматривает создание на бывшей подмандатной территории Палестины двух суверенных государств — арабского и еврейского? Никто не отменял. Так на каком же основании говорят о законности существования лишь еврейского государства и уже три с половиной десятилетия всячески препятствуют созданию другого — арабского? Не было и нет таких оснований»²⁸.

Сионистские лидеры односторонне, не ожидая согласованных сроков («через два месяца после окончания эвакуации вооруженных сил стран-мандатария», т. е. не раньше 1 августа и не позднее октября 1948 г.), уже 15 мая провозгласили Государство Израиль. Затем они сразу отвергли другую юридическую основу создания еврейского государства, установив с помощью военной силы контроль над частью Иерусалима, и полностью игнорировали план раздела Палестины на основе экономического союза. Такая поспешность объяснялась тем, что они предпочли осуществить раздел не после ухода колонизаторов из Палестины, а почти синхронно с их эвакуацией, т. е. фактически под прикрытием британского мандата. Так начался ближневосточный конфликт, порождающий одну войну за другой.

План под кодовым названием «Далет», предусматривавший постепенный захват Палестины и вытеснение оттуда арабов, был разработан еще до провозглашения государства Израиль. Сразу же после объявления резолюции о разделе Палестины вооруженные формирования «Хаганы» и различные террористические группы приступили к осуществлению этого плана. Они поспешили оккупировать западную часть Иерусалима, установили контроль над коридором между Тель-Авивом и Иерусалимом. Силой были захвачены арабские кварталы и населенные пункты в иерусалимском районе, в Западной Галилее, на юге и Средиземноморском побережье. Террористы творили разбой против безоружного арабского населения. Головорезы из банд «Иргун» и «Штерн», руководимые М. Бегинном, учинили в ночь с 9 на 10 апреля 1948 г. резню в деревне Дейр-Ясина вблизи Иерусалима, где было уничтожено 254 жителя, включая детей, женщин и стариков. Аналогичные погромы, учиненные 27—29 апреля в иерусалимских кварталах, заставили бежать оттуда более 40 тыс. жителей. Необъявленная война в Палестине сопровождалась массовым изгнанием арабов и из других районов: из Сафед и его окрестностей было изгнано 25 тыс., из Яффы — 67 тыс., Бейсана — 15 тыс.,

²⁸ Правда, 2.X.1982.

из южной Палестины — 25 тыс., из Аккры и прилегающих деревень — 30 тыс. арабов.

Бегство арабских жителей из Палестины приобрело еще более массовый характер в ходе войны 1948—1949 годов. Формально эту войну объявили арабские государства, не признавшие резолюцию о разделе Палестины, фактически же ее первым развязал Израиль. Опираясь на широкую поддержку США и сионистских кругов Запада, Израиль сумел увеличить свою армию с лета 1948 г. до конца войны с 60 тыс. до 100 тыс. человек, в то время как арабы смогли противопоставить ей лишь 30-тысячную армию, которую потом удалось увеличить лишь до 40 тыс. человек²⁹. Так что превосходство израильской армии над арабской в Палестинской войне проявилось не в «более высоком боевом духе» и выучке солдат, на чем обычно акцентируют внимание израильские и западные военные историки, а в количественном боевом составе, оснащении и мобильности. Буржуазный историк Б. Каган пришел к весьма многозначительному выводу, что своей победой в войне 1948—1949 гг. израильтяне в наибольшей степени обязаны добровольцам (т. е. наемникам), прибывшим в основном из США³⁰.

В результате Палестинской войны, которая продолжалась с перерывами до 28 марта 1949 г., Израиль нанес поражение войскам арабских стран. По оценке иностранных военных специалистов, их войска в ходе войны потеряли убитыми и ранеными более 40 тыс., а Израиль — около 21 тыс. человек. Израиль дополнительно к отведенной ему ООН территории оккупировал земли площадью 6,7 тыс. кв. км, в том числе большую часть Иерусалима. В ходе войны к 400 тыс. палестинцев, покинувших ранее свои дома, добавилось еще 340 тыс. беженцев. Вскоре общее число палестинских беженцев составило более 900 тыс. человек. Они вынуждены были оставить в Палестине 75 тыс. жилищ, около 350 деревень, около 350 тыс. га плодородной земли. Общая стоимость собственности, захваченной израильтянами у палестинских арабов, оценивалась тогда в 2,5 млрд. долларов³¹.

Арабские страны, составившие антиизраильскую коалицию, из-за разрозненности их рядов, отсутствия единой стратегии и руководства, а главное, из-за отсталости и зависимости от колониальных держав не смогли помешать захвату Израилем значительной части территории, на которой по решению ООН предполагалось создать арабское государство. Оставшаяся незахваченной Израилем часть территории Палестины была поделена между Иорданией и Египтом. Западный берег Иордана с восточной частью Иерусалима («Старый город») временно перешел под контроль Иордании, а в секторе Газа была установлена египетская администрация. Международный статус Иерусалима так и не был обеспечен.

Территориальный вопрос в арабо-израильском конфликте после войны 1948—1949 гг. еще более обострился. Границы Израиля с соседними арабскими государствами оставались неясными, т. к. двусторонними соглашениями о перемирии, которыми завершилась эта война, были зафиксированы лишь временные линии перемирия и прекращения огня. В апреле 1950 г. западный берег Иордана и восточная часть Иерусалима (общая площадь — 5 тыс. кв. км) решением иорданского парламента были включены в состав Иорданского Хашимитского королевства. При этом оговаривалось, что присоединение данной территории является временным и не будет влиять на окончательный статус арабской Палестины.

Неравномерность социально-экономического развития арабских стран в сочетании с постоянным давлением на них сил мирового империализма

²⁹ Carré O. Proche Orient entre la guerre et la paix. P. 1974, p. 71.

³⁰ Каган В. The Secret Battle of Israel. N. Y. 1966, pp. 80—81.

³¹ Николаев В. Правое дело палестинцев.— Азия и Африка сегодня, 1980, № 1, с. 13—14.

и внутренней реакции помешали выработке единой арабской стратегии и тактики в палестинском вопросе. Если инициативу создания еврейского государства в Палестине сразу же захватили сионистские лидеры, превратившие, по существу, правительство Израиля в своеобразный филиал ВСО, то арабы Палестины при ее разделе, полагаясь в основном на арабские страны, находившиеся в сильной зависимости от колониальных держав, были лишены единой организации и оказались разобщенными и не готовыми оказать необходимое сопротивление. К тому же не только Англия, но и США, по существу, содействовали тому, чтобы арабское государство в Палестине не было создано.

После окончания Палестинской войны империалисты всячески способствовали разжиганию в неоколониалистских целях противоречий и конфликтов как между арабскими странами, так и между арабами и государством Израиль. Судя по старанию, с каким Вашингтон и Тель-Авив разжигают ливанский кризис, очаги напряженности в Восточном Средиземноморье и в зоне Персидского залива, подбрасывая горячий материал в костер ирано-иракской войны, все эти события имеют самое прямое отношение к ближневосточному конфликту. Скандал, связанный с «ирангейтом», пролил новый свет не только на ирано-иракский конфликт, но и на закулисную сторону подготовки израильской агрессии 1967 г. против арабских стран. «Ирангейт» позволил раскрыть механизм распределения ролей между США и Израилем как в подготовке арабо-израильских войн, так и в саботировании ближневосточного урегулирования.

Начало стратегическому сотрудничеству между Вашингтоном и Тель-Авивом было положено задолго до подписания в декабре 1987 г. министром обороны США Ф. Карлуччи и его израильским коллегой И. Рабином «меморандума о взаимопонимании». Три десятилетия назад, когда разразился суэцкий кризис 1956 г., между сионизмом и империализмом тоже заранее были распределены роли не только в готовившейся против Египта агрессии, но и в более широком антиарабском заговоре. В то время как Израиль подталкивал Англию и Францию на скорейшее развязывание войны, Вашингтон, на словах осуждая интервенцию, выступал, по существу, координатором согласованных действий европейского колониализма, мусульманской реакции и международного сионизма. Агрессия против Египта была «тройственной» не только по числу ее непосредственных участников: она готовилась как первая коллективная акция трех контрреволюционных международных сил — колониализма, сионизма и арабской реакции, на которую возлагалась задача воспользоваться войной для свержения в Египте Насера.

Хотя в 1956 г. США непосредственно не участвовали в военной акции против Египта, тем не менее их вооруженные силы в восточной части Средиземного моря и на Ближнем Востоке всячески демонстрировали свою готовность вмешаться в события. После окончания тройственной агрессии Вашингтон поддерживал курс Тель-Авива на затягивание вывода израильских войск со всех оккупированных территорий. На словах американская дипломатия осуждала агрессоров, а на деле потворствовала и помогала им удерживать захваченные арабские земли.

После провала вооруженной англо-американской интервенции против Ливана и Иордании в 1958 г. и тщетных попыток свергнуть антиимпериалистические правительства в арабском мире США и их партнеры по НАТО делали во все большей степени ставку на сионистских лидеров Израиля. Возросшие благодаря помощи Запада боевые возможности армии Израиля позволили Вашингтону пересмотреть роль Тель-Авива в стратегических планах империализма на Ближнем Востоке. Если в начале 60-х годов в рамках агрессивных доктрин «отбрасывания» и «массированного возмездия» Израиль расценивался лишь как один из участников интервенционистских и карательных акций против арабского освободительного движения, то с середины 60-х годов в соответствии с доктриной

«гибкого реагирования» он выступал уже как самостоятельная ударная сила при ведении локальных войн в интересах неокOLONиализма.

Используя момент внезапности при нападении на арабские страны в июне 1967 г., Израиль в течение шести дней захватил Синайский п-ов, сектор Газа и восточный берег Суэцкого канала, Голанские высоты и Западный берег р. Иордан. В целом он оккупировал более 60 тыс. кв. км, т. е. территорию, втрое большую, чем занимал в 1949 году. Новая израильская агрессия принесла неисчислимые бедствия арабским странам. Сотни тысяч людей, лишенных крова, оказались в и без того переполненных лагерях палестинских беженцев в Иордании, Сирии, Ливане. Ущерб, причиненный войной, оценивался во многие миллиарды долларов.

Несмотря на поражение арабских стран в 1967 г., израильская агрессия в политическом и экономическом аспекте привела к результатам, во многом противоположным тем целям, ради которых она замышлялась. Прогрессивные арабские режимы сумели выстоять, а палестинское движение сопротивления активизировало свои действия. Не удалось агрессорам подорвать и арабо-советское сотрудничество. Перед лицом всего мира Израиль предстал в роли агрессора. От него отвернулись многие из тех, кто раньше ему сочувствовал или симпатизировал, в том числе в США и Западной Европе. Как показали последующие события, особенно октябрьская война 1973 г. и израильская интервенция в Ливане, далеко отодвинутые границы вовсе не обеспечили Израилю спокойствие. Они не стали даже линиями перемирия, превратившись в линии фронта фактически не прекращающихся военных действий.

Войны, которые велся Израилем сначала за «обеспечение независимости», а потом за «укрепление безопасности», привели к противоположным результатам. Израиль становится все более зависимым от американского империализма и живет в постоянной неуверенности за свое будущее. Оно никак не может считаться безопасным, пока Израиль угрожает арабским и многим другим мусульманским государствам. Проводя политику экспансии и агрессии, Израиль всегда пытался оправдать ее заботой о «безопасных границах». Теперь, после вспышки в конце 1987 г. народного восстания на оккупированных арабских территориях, ему впервые приходится вести войну внутри этих «безопасных границ».

Десять лет назад Вашингтон положил начало кэмп-дэвидскому «мирному процессу» на Ближнем Востоке, который не случайно совпал со стартом новой израильской агрессии, нацеленной против палестинского движения сопротивления и патриотических сил в Ливане. Кэмп-дэвидские соглашения представляли собой попытку трех участников сепаратного сговора — Вашингтона, Тель-Авива и Каира — совместными усилиями решить палестинскую проблему. Американско-израильско-натовская интервенция в Ливан 1982—1984 гг. была направлена на достижение той же цели с помощью силы. Но обе эти попытки оказались безуспешными.

Продолжающийся уже более тринадцати лет ливанский кризис стал не только составной частью ближневосточного конфликта, но в значительной степени — его зеркалом и барометром. Он еще туже затянул узел ближневосточной проблемы и усложнил обстановку в арабском мире. В этом кризисе отразились многие противоречия и нерешенные вопросы, связанные с неурегулированностью палестинской проблемы, арабо-израильской конфронтацией, противоречиями и расколом между арабскими государствами, межобщинными разногласиями и происками местных реакционных сил в Ливане, а также с неокOLONиалистскими маневрами империалистических государств, их конкурентной борьбой за сферы влияния на Ближнем Востоке.

Взаимосвязь ливанского кризиса с неурегулированностью ближневосточного конфликта и продолжающейся ирано-иракской войной еще больше проявилась в том опасном обороте, который приняли события на Западном берегу Иордана. Застопорившийся «кэмп-дэвидский процесс»

и неликвидированные последствия израильской агрессии и ливанского кризиса оказывают все большее влияние не только на расстановку политических сил в арабских государствах, но и в самом Израиле, особенно на оккупированных им арабских территориях. Проводимая Тель-Авивом политика «ползучей аннексии» должна была рано или поздно привести к взрыву. Неизбежность такого взрыва предчувствовали и сами израильские лидеры.

Биографы Бен Гуриона приписывают ему мысль о том, что принятую ООН резолюцию о разделе Палестины придется еще «обмыть кровью»³². Ближайший его сподвижник генерал М. Даян тоже не обольщался в июне 1967 г. легкой победой, говоря в узком кругу о том, что «главные события еще впереди»³³. В наши дни советник израильского министра иностранных дел М. Бар-Захар выражает удивление лишь по поводу того, что пороховая бочка взорвалась только через 20 лет. «Взрыв был неизбежен, — признает он, — ибо полтора миллиона палестинцев были доведены до отчаяния, не видя никакого выхода из своего драматического положения»³⁴.

Некоторые наиболее дальновидные американские политические деятели, вроде бывшего заместителя госсекретаря США Дж. Болла, не раз подчеркивали опасность проводимого Тель-Авивом курса на «увечковечение» оккупации арабских земель и призывали «спасти Израиль от самого себя»³⁵. Однако Тель-Авив оставался глухим ко всем предостережениям, стремясь заставить арабов капитулировать. Но палестинцы отвергают подобную политику «совершившихся фактов».

Палестинцев не смогли ни сломить силой оружия, ни задушить петлей «ползучей аннексии». Не смогли их обмануть и успокоить и «мирные планы», выдвигавшиеся различными израильскими лидерами, ни сепаратные «мирные соглашения» вроде кэмп-дэвидских, которые и сейчас все еще пытаются навязать палестинцам в различных «обновленных» вариантах. Взрыв «пороховой бочки» на оккупированных Израилем арабских землях возвестил о новом, революционном этапе палестинского освободительного движения. Начавшееся в Палестине народное восстание против израильской оккупации не стихийное выступление жертв давнишнего антипалестинского заговора сил империализма, сионизма и реакции и не результат какой-то «подстрекательской деятельности террористов ООП», как это пытаются представить на Западе или в самом Израиле. Это восстание возвестило о качественно новом этапе, в который вступает арабо-израильский конфликт, а следовательно, и сам процесс ближневосточного урегулирования.

Выход из создавшегося тупика может быть найден только коллективными усилиями всех заинтересованных сторон, включая единственного законного представителя палестинского народа — Организацию освобождения Палестины. Именно на такой широкой основе Советский Союз добивается созыва международной конференции по Ближнему Востоку, идею которой поддерживают руководители арабских государств. Израильским руководителям, которые пытаются с помощью своих стратегических союзников помешать этому, следовало бы давно понять, что справедливый мир на Ближнем Востоке является единственным надежным путем к обеспечению безопасности как самого Израиля, так и его арабских соседей.

³² Guillemot P. Op. cit., p. 16.

³³ Express, 8.I.1988, p. 11.

³⁴ Ibid.

³⁵ Boll G. Diplomacy for a Crowded World. Boston. 1976, p. 156.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ ЧАЯНОВ

В. В. Кабанов

Японский ученый Садаму Кодзима в недавно выпшедшей работе, посвященной кооперативной теории А. В. Чайанова, отметил, что это имя «известно не только в СССР, но и в Японии»¹. Наш коллега в данном случае проявил и общеизвестную японскую вежливость, и величайший такт. Мы же должны признать, что, наверное, в Японии Чайанова знают лучше, чем в СССР. И не только в Японии, но и в Англии, США, Франции, странах Латинской Америки и др. В 60-е годы его вновь «открывали» не мы, а иностранцы: американский ученый Д. Торнер, французский — Б. Кэрблей, английский — Т. Шанин. Мы пока в стадии пробуждающегося интереса к этому человеку.

Кто же такой Чайанов? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Экономист-аграрник, агроном, кооператор, педагог, литератор, библиофил, историк, археолог, искусствовед, общественный деятель и даже член Временного правительства в 29-летнем возрасте. Теоретик, но и большой практик, человек дела. И все же главная сфера приложения его интересов — аграрная. Чайанов — один из лучших представителей русской интеллигенции, к тому же из тех беспартийных интеллигентов, кто после социалистической революции встал на сторону трудового народа.

Более 50 лет вымарывалось его имя из истории, тщательно уничтожались следы его пребывания на земле. Дважды судимый, Чайанов был окончательно реабилитирован лишь летом 1987 года. Торжественно отметила научная общественность в январе 1988 г. 100-летие со дня его рождения. В его адрес было сказано много добрых слов. Но кое-что вызвало недоумение. Так, в «Известиях» Чайанов представлен как ученый, «сердцем воспринявший и марксизм, и Октябрь, и идеалы социализма»². Здесь все упрощено до искажения. А по мнению В. Н. Балязина, продовольственная политика Советской власти, продразверстка в частности, совпадала со взглядами Чайанова³. Подобные утверждения дезориентируют.

Хотя понятно, что авторами руководили добрые побуждения: уж лучше преувеличить достоинства ученого, чем недооценить его деятельность после стольких лет несправедливого забвения. Понятно и другое: мы истосковались по прекрасному, чистому и честному и ищем эти в какой-то мере утраченные нашими современниками качества в прошлом, особенно

КАБАНОВ Владимир Васильевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР.

¹ Кодзима С. Концепция А. В. Чайанова о «кооперативной коллективизации» (1927 г.) — неонароднический план реконструкции советской деревни во второй половине 20-х годов. — *Japanese Slavic and East European Studies*, 1987, vol. 8.

² Гавричкин В. Александр Чайанов — гражданин и ученый. — *Известия*, 29.1.1988.

³ Балязин В. Возвращение. — *Октябрь*, 1988, № 1, с. 154.

в людях трагической судьбы. И, естественно, хотим найти. И в этом стремлении нередко идеализируем объекты поиска. А ведь так важно избежать перекосов, приписывания прошлому того, чего не было! Мы знаем цену припискам! Поэтому так много значат сейчас объективный анализ творческого наследия Чайянова, выявление возможности принять на вооружение все то, что усилит нашу экономическую мысль, нашу культуру.

Научная реабилитация должна быть аргументированной. Не во всем просто разобраться. И журналистские лихие наскоки не лучший способ решить эту задачу. В юбилейных статьях и выступлениях фактически не затрагивались и не опровергались те обвинения (разумеется, о нелепых речь не идет), которые предъявляли Чайянову его оппоненты в 20-е годы. Между тем многие проблемы не утратили своего научного и практического значения. Например, вопрос о классовой дифференциации деревни. Кто был прав: Чайянов или его критики — люди, именовавшие себя аграрниками-марксистами, которые, выполнив свою миссию, разделили его участь и участь его товарищей по несчастью? А как разгадать загадку семейно-трудовой теории Чайянова? Можно ее принимать или не принимать, но она до сих пор (а сколько копий было сломано!) не опровергнута его критиками. Или — в каком соотношении находится ленинский кооперативный план и «кооперативная коллективизация» Чайянова?

Эти и другие задачи не могут быть решены без изучения трудов Чайянова и архивных документов, воспоминаний современников, иных материалов, отражающих его жизненный путь. В воссоздании научной биографии Чайянова есть настоятельная общественная потребность, и общими усилиями исследователей должны быть возвращены из мрака забвения его дела и мысли. Дабы не повторяться, автор опускает большую часть биографических сведений, нашедших отражение в юбилейных статьях, благодаря материалам, предоставленным журналистам родственниками ученого⁴.

Александр Васильевич Чайянов, сын купца Василия Ивановича Чайянова и мещанки Елены Константиновны Клепиковой⁵, родился в Москве 17 января 1888 года. Окончив частное реальное училище П. К. Воскресенского, он в 1906 г. поступил в Московский сельскохозяйственный институт (МСХИ) — так тогда называлась Петровская академия — скорее всего под влиянием родственников: его мать была одной из первых женщин, окончивших «Петровку», ее выпускником был и двоюродный брат Александра — известный опытник С. К. Чайянов (впоследствии также репрессированный).

С учебным заведением Чайянову повезло. Среди прекрасного преподавательского состава выделялись профессора Н. Н. Худяков, А. Ф. Фортунатов, Д. Н. Прянишников, которые оказали самое благотворное влияние на юношу. Из студентов он близко сошелся со своим однокурсником Н. И. Вавиловым. Вспоминая те годы, Николай Иванович писал: «Это была пора, когда в академии было 300 студентов, знавших друг друга, когда вся академия от профессоров до студентов была большой дружной семьей. То была пора кружков любителей естествознания, общественной агрономии, дополнявших и без того прекрасную школу. Студент ловил идеи у профессуры и сам быстро превращался в исследователя»⁶.

⁴ Б е л ы х Г. Подвижничество.— Тимирязевец, 15.I.1988; Зараев М. Читаю Чайянова.— Сельская жизнь, 16.I.1988; Мясоедов Б. Кто такой Чайянов.— Книжное обозрение, 22.I.1988; К о н о в а л о в В. Открытие Чайянова.— Комсомольская правда, 29.I.1988; Г а в р и ч к и н В. Ук. соч.; П э н э ж к о П. Как ударили по «чайяновщине».— Огонек, 1988, № 10; и др.

⁵ В современной интерпретации из этого получился удивительный симбиоз — «семья прогрессивных русских интеллигентов». Так было написано в программе юбилейного заседания ВАСХНИЛ, посвященного 100-летию со дня рождения Чайянова.

⁶ В а в и л о в Н. И. Из воспоминаний о Н. Н. Худякове.— Известия сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, 1928, № 3, с. 172.

Уже в студенческие годы Чаянов обнаруживает явную склонность к научной работе, активно участвует в семинариях и в тех двух кружках, о которых упомянул Вавилов. Достаточно назвать несколько из многочисленных докладов Чаянова, чтобы судить о широте и разнообразии его интересов: «Теория предельной полезности по К. Менгеру», «К вопросу о догме и критике технических методов статистического анализа», «Сравнение статистического метода с методами естественных наук», «Значение изучения организационных планов крестьянского хозяйства для деятелей агрономической помощи населению», «Сущность и пределы науки», «Дарвинизм и социология», «Существует ли принципиальное различие между опытами и некоторыми методами статистического исследования?», «Общественные мероприятия в сельском хозяйстве Италии», «История сельского хозяйства в Бельгии» и др.⁷

Если попытаться в этом многообразии выделить главное, то первое, что обнаруживаем, — это попытка целостного, глобального восприятия и осмысления задач науки (с позиций и политикоэкономии, и философии, и естествознания). Второе — выбор основных направлений будущих исследований: крестьянское трудовое хозяйство, кооперация, общественная агрономия. Третье — отработка инструментария, методики исследовательской работы; отсюда — интерес к статистике и счетному методу. Обращает на себя внимание интерес студента первого курса Чаянова к трудам Менгера — основателя австрийской школы теории предельной полезности, под влиянием которого (в дальнейшем и Э. Лаура) будет формироваться семейно-трудовая теория Чаянова.

Если принять во внимание живейший интерес молодого человека к истории, искусству, к художественному слову, книге и отнюдь не дилетантское знание предметов своего увлечения, то перед нами встает формирующийся тип довольно эрудированного ученого, из тех, кого назовут последними энциклопедистами.

С самых первых шагов в науке разработку теоретических и практических вопросов развития крестьянского хозяйства Чаянов теснейшим образом увязывал с развитием кооперации и агрономии. В комплексный подход органически включался поиск материала и методики исследования, результатом чего явилось обращение к бюджетным обследованиям, причем речь шла не просто об использовании этого вида источника, введенного в научный оборот земской статистикой, а о совершенствовании самого метода получения и подсчета данных. Одновременно выбирается объект изучения: крестьянские хозяйства Нечерноземной полосы, сравнительно бедные по отношению к хлеботородным губерниям. Соответственно определяется и роль оптимальных, по позднейшей терминологии Чаянова, культур этой полосы — картофеля и льна.

Во время каникул в 1908 и 1909 гг. Чаянов посещает Италию и Бельгию, где изучает кооперацию. Его доклады о полученных наблюдениях пользуются популярностью не только в студенческой аудитории, но и среди кооператоров и агрономов.

Думается, не будет натяжкой сравнить взгляды молодых В. И. Ленина и А. В. Чаянова по некоторым вопросам. Сравнение будет вполне корректным. Время — начало XX в., страны — однотипные: Дания и Бельгия. Точки соприкосновения имеются. Оценки — примерно одинаковые: высокие в отношении организации дела и неудовлетворительные по части социального содержания и направленности работы кооперации. Чаянов, высоко оценивая постановку молочного дела в Бельгии, вместе с тем пришел к выводу: «Давая общую оценку кооперативным начинаниям, мы должны подчеркнуть, что они представляют чисто практические предприятия мелких хозяев, с основания до вершины проникнутые коммерчес-

⁷ Центральный государственный исторический архив г. Москвы, ф. 642, оп. 1, д. 189, л. 40.

ским духом и бесконечно далекие от тех идей «взаимопомощи русского народа», которые склонны навязывать кооперации особенно российские приверженцы трудовой теории»⁸.

Приблизительно в те же годы Ленин также внимательно изучал кооперативное движение на Западе. Им был проделан критический анализ работ Ф. Герца, Л. Грандо, Г. Руанэ, Э. Куле, Р. Рокиньи, Э. Давида и др. На примере Дании, «идеальной страны сельскохозяйственных товариществ», Ленин выявил, что собой представляет кооперация даже в самой кооперативной стране. Он доказал, что благами товариществ пользуются предприниматели, а сами кооперативы являются составной частью капиталистического аграрного строя. В этих условиях кооперация не устраняет капиталистических противоречий в земледелии и скотоводстве⁹.

Несмотря на критику сущности западноевропейской кооперации, Чайанов в ее оценках оставался на народнических позициях, в то время как Ленин пошел революционным путем, доказывая, что кооперация может раскрыть свой социально преобразующий потенциал лишь при коренном изменении социально-экономических условий жизни общества. Таким образом, взгляды Ленина и Чайанова на кооперацию, едва соприкоснувшись, расходятся; вновь они сблизятся после перехода страны к нэпу.

Уже в студенческие годы Чайанов предстает перед нами зрелым исследователем. Он много печатается. Первая его работа вышла в 1908 г.¹⁰, а ко времени получения диплома (1911 г.) он автор 18 печатных работ (подсчет мой.— В. К.), которые были по достоинству оценены и в институте, и в кооперативно-агрономических кругах. Его оставляют (в 1910 г., еще до завершения учебы) при кафедре сельскохозяйственной экономики для подготовки к научной и преподавательской работе. Агрономический съезд Московской губернии, состоявшийся в 1911 г., привлекает его к работе над бюджетными обследованиями. Вскоре последовали приглашения прочитать разнообразные экономические курсы лекций в МСХИ, Коммерческом институте, Университете Шанявского. Но до того, в 1912 г., сдав магистерский экзамен, Чайанов получил годичную командировку в качестве стажера в Западную Европу. В Париже он работал под руководством профессора Д. Золла, в Берлине — профессора В. О. Борткевича. 17 сентября 1912 г. в Париже он закончил первую часть ставшей важной вехой в его жизни работы по теории трудового хозяйства¹¹.

Чаянов становится одним из основоположников организационно-производственного направления русской экономической мысли, формировавшегося с начала XX века. Обычно это направление связывают со столыпинской аграрной реформой, но причина его появления в ином. Оно начало формироваться раньше. Основное содержание этой теоретической концепции было высказано еще в 1904 г. А. Н. Челинцевым — «главным представителем», по словам Н. П. Макарова, организационно-производственного направления. Да и возникло это течение не на голом месте и не вдруг. Оно подготавливалось работами ряда исследователей конца XIX — начала XX в.: А. А. Кауфмана, А. В. Пешехонова, П. А. Вихляева, А. И. Скворцова и др. Думается, что в России вслед за промышленным переворотом, как это ни парадоксально, зрел переворот аграрный. Его признаками были не столько применение машин и новейшей технологии, сколько разработка этой технологии, организация хозяйства, развитие в

⁸ Чайанов А. Общественные мероприятия по скотоводству в Бельгии. Доклад соединенному заседанию комитета скотоводства и комитета ссудно-сберегат. и пром. т-в. Б. м. 1909, с. 44.

⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5, с. 252—268.

¹⁰ Чайанов А. В. Странствующие агрономические кафедры в Италии.— Вестник сельского хозяйства, 1908, №№ 33, 34.

¹¹ Чайанов А. Очерки по теории трудового хозяйства. Т. 1.— Труды МОСХ, 1912, вып. 52, прил.; т. 2. Основы сложения потребительского бюджета. М. 1913.

целом аграрной мысли. Нигде в мире в начале XX в. не появилось столько литературы по аграрному вопросу, сколько в России.

Организационно-производственное направление решало свои проблемы с помощью новых социальных сил на основе массового «материала» — широчайших слоев трудовых крестьянских хозяйств. Оно ставило своей целью преобразование крестьянского хозяйства на основе рациональной организации производства, его интенсификации за счет передовой технологии. Множество экономических и технических, а также организационных и иных проблем стояло на пути кооператоров, агрономов, ученых. Актуальными становились учет рентабельности химических удобрений в условиях русской деревни, определение норм выдачи кормов, количественного состава стада, установление выгодности того или иного севооборота, оценка различных систем кормодобывания, вопросы организации труда и пр.

Для решения этих задач появляются новые силы. Возрастает число учебных заведений сельскохозяйственного профиля, открываются частные сельскохозяйственные курсы (Стебуровские, Голицынские, Петербургские и др.). Уходит в прошлое ориентация на помещичье хозяйство. Многие институты утрачивают черты помещичьей кастовости и становятся открытыми учебными заведениями. Резко увеличивается численность студентов — выходцев из крестьян. Расширяются учебные программы по естественнонаучным и прикладным дисциплинам. Выпускники сельскохозяйственных учебных заведений значительно увеличили контингент агрономов, работавших в земствах и обслуживавших крестьянские хозяйства.

Новая организация крестьянского хозяйства мыслилась «организационниками» вне ломки существовавшего политического строя. Однако волею судеб аграрный переворот в России произошел не как технологический, а как социальный, что, впрочем, не изменяло планов «организационников», а лишь усложняло их разрухой народного хозяйства и некоторыми несовпадениями с аграрной политикой периода «военного коммунизма».

Работы представителей организационно-производственного направления явились ответом на практические запросы агрономов, кооператоров. А. Н. Челищевым, Н. П. Макаровым, А. В. Чайновым, А. А. Рыбниковым, А. Н. Мининым был разработан ряд тем, заинтересовавших специалистов: методы сельскохозяйственного районирования, счетоводный анализ крестьянских хозяйств, методика бюджетных исследований, изучение отдельных сельскохозяйственных культур и промыслов, анализ работы учреждений мелкого кредита, методика агрономической помощи населению, изучение различных видов сельскохозяйственной кооперации (льняной, молочной, картофельной и пр.), методы технического учета сельскохозяйственных предприятий и др. Важно было выяснить также, что представляло собой крестьянское хозяйство. Предпринятая в этом направлении работа Чайнова вызвала споры. Они продолжались и после революции, а его концепция трудового хозяйства совершенствовалась. Она впервые объясняла причины исключительной устойчивости и выживаемости крестьянского хозяйства. Эта устойчивость поддерживалась и усиливалась кооперацией. Отсюда — самое пристальное внимание к вопросам теории и практики кооперативной работы.

Обобщенные наблюдения Чайнова о работе кооперативов изложены им в ряде исследований, опубликованных главным образом в период первой мировой войны¹². Практическая его деятельность сосредоточивается в льноводческой кооперации. Созданное в 1915 г. А. В. Чайно-

¹² Чайнов А. В. Краткий курс кооперации. М. 1915; его же. Основные условия успеха кооперативного сбыта сельскохозяйственных продуктов. — Вестник кооперативных союзов. 1915. № 4—5; его же. Союзное строительство кооперативов в России. — Кооперативная жизнь, 1916. № 7; его же. Основные условия успеха кооперативного сбыта продуктов сельского хозяйства. М. 1917; и др.

вым, А. А. Рыбниковым, С. Л. Масловым, В. И. Анисимовым и др. Центральное товарищество льноводов делает, казалось бы, невозможное: в поразительно короткие сроки завоевывает внутренний, а затем и мировой льняные рынки. Тем самым был продемонстрирован образец деловитости, предприимчивости, а главное — умелого подхода к организации сбора льна на самой нижней ступени и решения проблемы финансового обеспечения во всех звеньях льняной кооперации.

Успешная деятельность русской кооперации во многом зависела от наличия хорошо подготовленных кадров кооперативных работников. Поэтому сферой приложения своих знаний Чайнов избирает педагогическое поприще, придавая важное значение подготовке специалистов. Начиная с 1907 г. в России стали создаваться краткие кооперативные курсы для взрослого населения. Возникла необходимость его ознакомления с кооперативной теорией, практическим опытом, с техникой кооперативных операций. Наиболее широко и квалифицированно, систематически это удалось наладить Университету Шаняевского. Здесь сосредоточились лучшие кооперативные силы: А. Е. Кульжний, П. А. Садырин, С. Н. Прокопович, В. Н. Зельгейм, М. И. Туган-Барановский и др.

В этой среде прочно утверждается молодой Чайнов, который помимо чтения лекций по ряду экономических дисциплин выполнял еще обязанности секретаря кооперативного отдела университета (не прекращая работы в родной «Петровке», Коммерческом институте). В 1915—1916 гг. этот отдел, по существу, становится мозговым центром русской кооперации. В те годы она уже являлась заметной общественной силой, выражавшей интересы определенной части интеллигенции (преимущественно научной), которая составляла в какой-то мере даже оппозицию правительству. В университете сформировалось то ядро, которое в июле 1915 г. образовало Всероссийский центральный кооперативный комитет. В 1917 г. он трансформируется в Совет всероссийских кооперативных съездов — высший орган кооперации.

После Февральской революции Чайнов — один из активнейших участников все расширявшихся кооперативных инициатив. Его избирают в члены Совета всероссийских кооперативных съездов, выдвигают в различные правительственные учреждения (Государственный комитет по народному образованию, Министерство земледелия) и общественные организации (Предпарламент, Лига аграрных реформ и др.). Однако он никогда не состоял в политических партиях. Активизация его общественно-политической деятельности связана с общим национальным подъемом, с пробуждением «кооперативного самосознания», расширением сферы деятельности кооперации, ее распространением на культуру, просвещение, политику. В области кооперативной работы ранее и прочнее всего Чайнов утвердился как личность. А кооператоры, претендуя на политическую арене на роль «надклассовой» третьей силы и добившись некоторого успеха, были преисполнены сомнений и самоуверенности. Они даже выдвинули кооперативную группу в качестве самостоятельной на выборах в Учредительное собрание, но потерпели неудачу.

Кооператоры, как и многие русские интеллигенты, наивно верили в очистительную силу Февральской революции (и, следовательно, полагались на Временное правительство). Лишь некоторые из них понимали, что, не решив и сотой части своих задач, она уже сошла с исторической арены. Одним из нерешенных был аграрный вопрос. Выступая в Лиге аграрных реформ, Чайнов высказал свое понимание предстоящей земельной реформы. Он был против «разделизма», растаскивания земли, поддерживал идею ее национализации. Первыми шагами на этом пути, по его мнению, должны были стать изъятие земли из торгового оборота, регулирование ее перехода из рук в руки земельными комитетами, введение прогрессивного дифференцированного налога. Крупные хозяйства подлежали принудительному отчуждению, леса и специальные виды

хозяйств (племенные, селекционные и пр.) — национализации. Государство должно было провести мелиорационные и землеустроительные мероприятия, организовать переселенческий фонд и осуществить аграрную политику, облегчающую развитие трудового хозяйства.

Однако любая программа (в том числе и чайновская), если она предлагалась без учета вопроса о власти, без учета стремительно нараставшего могучего крестьянского восстания, была утопичной, обреченной на провал. То, что делали Чайнов и его коллеги в Лиге аграрных реформ, Главном земельном комитете, Министерстве земледелия и др. организациях по определению размеров земельного фонда, проведению переписей, тщательной проработке земельной реформы и различных подготовительных мер к ее осуществлению, было, безусловно, полезным делом. Но события в стране развивались с небывалой быстротой. Требовалась немедленная передача всей земли крестьянам. Эсерствующие и беспартийные аграрники-специалисты так и не смогли разрешить противоречие между экономической гармонией и политической целесообразностью. Им было ближе сохранение порядка (хотя о каком порядке могла идти речь?!), нежели его нарушение, даже во имя справедливости. Но и тот относительный порядок, который существовал, был бы неизбежно сметен «бесконечно свирепым», по выражению Ленина, крестьянским восстанием¹³.

Венцом «политической карьеры» Чайнова в 1917 г. было выдвижение его на пост товарища министра земледелия в последнем составе Временного правительства. И хотя Чайнов пробыл на этом посту всего около двух недель и фактически мало что сделал (возможно, он помогал своему старому товарищу Маслову готовить тот печально знаменитый проект земельной реформы, который Ленин подверг критике¹⁴), морально он должен разделить с буржуазным правительством ответственность за то, что крестьяне земли не получили.

Октябрьскую революцию кооператоры встретили настороженно, некоторые даже враждебно. Эти настроения проявились на состоявшемся в феврале 1918 г. в Москве I Всероссийском кооперативном съезде, который, по существу, выразил недоверие Советской власти (среди выступавших на нем был и Чайнов). Затем позиции кооперативных лидеров изменились в сторону установления контактов с Советской властью: в марте был заключен взаимовыгодный компромисс, закрепленный декретом «О потребительских кооперативных организациях» от 12 апреля 1918 года. Однако деловое, сравнительно безконфликтное сотрудничество кооперации с Советской властью продолжалось недолго. Особенно напряженно проходил комбедовский период, когда стала проявляться тенденция огосударствления кооперации и изменения принципов ее работы.

Важнейшим шагом на пути ликвидации самостоятельности кооперации стала национализация Московского народного (кооперативного) банка (МНБ). Переговоры делегации кооператоров с Лениным по поводу этой акции проходили в конце ноября 1918 года. В составе делегации был и Чайнов. На его вопрос, нельзя ли сохранить МНБ как самостоятельный кредитный центр кооперации, Ленин ответил, что видит в этом выгоду, и подчеркнул, что отношение Советской власти к Центросоюзу всегда было благожелательным, она всегда входила с ним в соглашение, такое же отношение возможно и с МНБ¹⁵.

Однако взаимопонимания договаривающиеся стороны не достигли. Переговоры шли на «разных языках»: кооператоры отстаивали классические кооперативные принципы, Ленин полагал, что в новом обществе и кооперация должна строиться на новых принципах, которые вскоре и были изложены в ряде документов, в частности в декрете от 20 марта

¹³ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 205.

¹⁴ См. там же.

¹⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37, с. 196—197; *Экономическая жизнь*, 20.XI.1918.

1919 г. «О потребительских коммунах»¹⁶. Суть его — полный отказ от традиционных принципов кооперирования, добровольности объединения, паев и т. д. и принятие обязательности членства. С этого момента начинается интенсивное свертывание деятельности сельскохозяйственной кооперации. Многие кооператоры оставляют работу в кооперативах. С болью в сердце они пишут письмо Ленину, указывая на разрушение крестьянских хозяйств, на развал кооперации. Критика аграрной и продвольственной политики Советской власти была резкой¹⁷, но не контрреволюционной, ибо альтернатива иной политики, предлагавшейся кооператорами, конструировалась ими в рамках советской системы. Стало быть, это не означало отхода кооператоров от Советской власти. Правда, кое-кто из них эмигрировал, но многие продолжали трудиться в народном хозяйстве.

С 1919 г. Чайнов сосредоточивает свою работу в Народном комиссариате земледелия. Одновременно он продолжает преподавательскую деятельность, много размышляет и пишет о народном просвещении, о постановке высшего образования. Его волнуют вопросы культуры, музейного дела. Он участвует в работе Всероссийского съезда по вопросам культурно-просветительской деятельности кооперации. Наконец, Чайнов пишет свою первую романтическую повесть «История парикмахерской куклы, или Последняя любовь архитектора М.», которая выходит в 1918 году. Год выхода книги он помечает на обложке необычно: «1 год республики». Эта маленькая деталь подчеркивает его сопричастность к происходившим в стране событиям.

Однако все было не так просто. Чайновские идеалы социализма не совпадали с большевистскими. Это видно из его социально-утопического романа «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», изданного в 1920 г. под псевдонимом «Иван Кремнев». Роман условно можно разбить на два уровня, два слоя: критический, основанный на реальных фактах советской действительности, и программный, построенный на чайновском представлении о социалистическом обществе, в котором к власти пришла крестьянская партия. Позитивная часть может показаться наивной и в чем-то даже реакционной. И это неудивительно, если учесть, что политические проблемы у Чайнова всегда стояли на последнем месте, его политические взгляды отличались туманностью. Школу политического просвещения, научного коммунизма и классовой борьбы он не проходил. Чайнов не марксист, не пролетарский идеолог, но он и не защитник буржуазии, следовательно, — не враг.

В конце концов, почему в стране с абсолютно преобладающим крестьянским населением не мог появиться человек, который взял бы на себя смелость помечтать с позиций именно этого громадного слоя населения, выразить его устремления, не тождественные пролетарским?! В итоге был проигран вариант социального развития, которое могло бы произойти, если бы власть оказалась в руках крестьян. Важно, однако, и другое: идеология крестьянства здесь выражена интеллигентом (но и пролетарские идеологи не всегда были пролетариями!). Стало быть, это представления интеллигентного человека о крестьянских надеждах. При этом, конечно же, имеется в виду некий усредненный вариант хозяйствующего мужика, поэтому, говоря о крестьянской идеологии в изложении Чайнова, мы должны отдавать себе отчет в определенной условности данного понятия.

Удивительное дело, наряду с фантастикой, в книге подмечены черты реальной жизни, которые впоследствии развивались в условиях советской действительности: чрезмерность централизованного управления народным хозяйством, бюрократизация государственного аппарата, в ре-

¹⁶ СУ, 1919, № 17, ст. 191.

¹⁷ Центральный государственный архив народного хозяйства СССР (далее — ЦГАНХ СССР), ф. 533, оп. 1, д. 44а, лл. 3–4.

зультате чего смысл производства, конечная его цель заслонились демонстрацией или даже симулированием усилий. Книга вышла в свет благодаря содействию Ленина¹⁸. Не исключено, что он был знаком с рукописью и увидел в ней и гипотетические возможности крестьянского варианта трансформации, и реальную угрозу непомерной бюрократизации государственного аппарата, и предполагаемые результаты необоснованной централизации управления и некомпетентного регулирования хозяйственного механизма.

Однако книга вызвала раздражение критиков, ей был приклеен ярлык «кулацкий манифест», о котором вспомнили позднее и использовали для ошельмования Чайнова¹⁹. А жаль, ведь она была серьезным предостережением и с точки зрения перспектив развития советского общества, и с позиций 1920—1921 гг., когда волна мелкобуржуазной стихии захлестнула Россию, когда крестьяне открыто выражали недовольство продразверсткой, когда необычайно остро встал вопрос об укреплении союза рабочего класса и крестьянства. Книга Чайнова как бы напоминала (а события это подтверждали), что у крестьянства при всей общности интересов с пролетариатом все же имелись свои интересы, которые необходимо учитывать. Важно и другое: у интеллигенции также были на сей счет свои взгляды, которые необходимо было принимать во внимание в борьбе за этот слой общества, в борьбе за социализм, в строительство которого втягивались различные классы и слои.

Фантастические произведения Чайнова можно рассматривать как своеобразную компенсацию за тот реалистический подход к действительности, который был ему присущ. И лучше, безвреднее для общества фантазировать в литературе, чем в жизни, а именно утопичностью отличались действия многих советских и партийных работников того времени. Чего стоит хотя бы намерение некоторых из них коллективизировать крестьянские хозяйства за три года (план, возникший на I Всероссийском съезде земотделов, комбедов и коммун в декабре 1918 г.²⁰). Чайнов же в жизни никогда не доходил до подобной фантастики, всегда стоял на реальной почве. Практическая его деятельность отличалась лояльностью по отношению к Советской власти.

Свою причастность к великим свершениям революции он подтверждает серьезной работой в Наркомземе: разрабатывает сложнейшие теоретические проблемы землеустройства, которые имели большое практическое значение. К своей работе он привлекает лучшие агрономические силы, а также экономистов, статистиков (Н. Д. Кондратьева, А. Г. Дояренко и др.). Организованный Чайновым в 1919 г. семинарий сельскохозяйственной экономики и политики при Петровской академии вплотную занял актуальными проблемами землеустройства. Именно там начинаются поиски оптимизации сельскохозяйственных предприятий (индивидуальных и общественных).

Порученная Наркомземом работа была выполнена довольно быстро. 21 марта 1921 г. в Государственное издательство было направлено письмо, подписанное заместителями наркома земледелия И. А. Теодоровичем и Н. Осинским, в котором говорилось: «По поручению Наркомзема Высшим семинарием сельскохозяйственной экономики и политики при Петровской сельскохозяйственной академии под руководством профессора А. В. Чайнова была предпринята научная разработка некоторых основных проблем землеустройства, донные совершенно не освещенных в русской экономической литературе. В настоящее время уже закончены разработкой две чрезвычайно важные для научной постановки современных

¹⁸ См. предисловие Вл. Муравьева к публикации романа Чайнова в журнале «Архитектура и строительство Москвы». 1988. № 1, с. 26.

¹⁹ См., напр., Ярославский Ем. Реакционная утопия.— Правда, 25.I.1921.

²⁰ Труды I Всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун. Вып. 1. М. 1919, с. 15.

землеустроительных работ проблемы: 1) Оптимальные размеры земельной площади сельскохозяйственного предприятия; 2) Методы определения количественного эффекта землеустроительных работ»²¹. Наркомзем ходатайствовал перед Госиздатом о срочном издании этих работ. Они вышли спустя некоторое время и выдержали несколько изданий.

Активная работа Чайнова в Наркомземе не мешала его научной и педагогической деятельности. Скорее наоборот. Страна испытывала острый недостаток в специалистах, поэтому лучшие из них работали и в науке, и в высшей школе, и в кооперации, и в государственных учреждениях. И это имело положительные результаты: наука знала, что требуется практике, а вузы были осведомлены о ее потребностях, что способствовало целенаправленной подготовке будущих специалистов. Такое положение соответствовало разносторонним интересам и натуре Чайнова, постоянно стремившегося проникнуть в суть дела, довести его до конца. И в этом проявилась еще одна его черта: умение сочетать теорию с практикой.

Весной 1921 г. страна переживала переломный момент перехода к нэпу. Чайнов входит в очень ответственную комиссию по продналогу при Наркомземе (вместе с И. А. Теодоровичем, Б. Н. Книповичем, А. К. Берзиным, Н. Д. Кондратьевым и др.), которая разработала и приняла 31 марта «Основные принципы построения продналога». В основу перехода от продразверстки к продналогу был положен учет интересов крестьянина, стимулирование его к хозяйственной деятельности.

Глубокие знания крестьянского хозяйства, правильное понимание экономической и политической ситуации, высокий профессионализм, наконец, успешное выполнение заданий руководства Наркомзема способствовали росту авторитета Чайнова не только в научной и кооперативной среде, но и среди советских и партийных работников. Не случайно в феврале 1921 г. он утверждается членом коллегии Наркомзема (с совещательным голосом)²². Тогда же, в феврале, Ленин предложил включить Чайнова в состав только что образованного Госплана²³. В апреле в связи с учреждением экономического совещания при плановой комиссии Наркомзема его назначают заместителем председателя этого совещания²⁴, призванного начать разработку мероприятий по подъему производительных сил сельского хозяйства.

Являясь весьма авторитетным и активно работающим членом коллегии, полное уважение и доверие к которому проявило тогдашнее руководство Наркомзема, Чайнов принимал участие в подготовке важнейших документов комиссариата: постановлений о нормах обложения продналогом картофелеводческих хозяйств, об упорядочении крестьянской трудгужовинности, об улучшении постановки сельскохозяйственного образования, о концессиях и арендах в сельском хозяйстве, о концессиях на производство сельскохозяйственных машин и др.²⁵ Чайнов жил интересами страны и искал приемлемые формы и способы возрождения народного хозяйства. Он был вместе с республикой, решал важные для нее задачи. Самым, пожалуй, главным в его работе этого периода была подготовка первого плана восстановления и развития сельского хозяйства.

23 ноября 1921 г. на объединенном заседании заседания Президиума Госплана с его сельскохозяйственной секцией и представителями Наркомзема был заслушан доклад Чайнова «Генеральный план Наркомзема на 1921—22 гг.». Под председательством Г. М. Кржижановского здесь

²¹ ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 6, д. 1838, лл. 48—48об.

²² Там же, оп. 1, д. 473, л. 47.

²³ Ленинский сборник XX, с. 24. По каким-то причинам Чайнов не стал членом Госплана. Просмотр протоколов сельскохозяйственной секции и Президиума Госплана показал, что среди присутствовавших на заседаниях в 1921—1922 гг. Чайнов не значится. Но он осуществлял представительство Наркомзема в Госплане.

²⁴ ЦГАНХ СССР, ф. 478, оп. 1, д. 473, л. 86.

²⁵ Там же, лл. 67, 113, 210, 212 и др.

собрались ученые, специалисты сельского хозяйства, статистики, экономисты: В. Л. Вильямс, Д. М. Прянишников, А. Е. Лосицкий, А. И. Хрящева, П. И. Попов, Н. Д. Кондратьев, В. А. Тейтль, Н. П. Огановский и др. Обсудив доклад, Госплан постановил: «Заслушав генеральный план НКЗ на 1921—22 гг., Госплан признал его в основе построенным правильно и рассматривает его как программу первого реалистического подхода к построению единого сельскохозяйственного плана»²⁸. В дальнейшем Чайнов отходит от плановой работы, которая сосредоточивается в руках Кондратьева.

1922 год вносит много перемен в жизнь Чайнова. На базе Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики создается научно-исследовательский институт под тем же названием. Его директором становится Чайнов. Вскоре он вместе с молодой женой уезжает в длительную заграничную командировку. Поездка была весьма ответственной и преследовала несколько целей. Прежде всего — посещение международного конгресса по маслodelию, который состоялся в США. Далее, необходимо было помочь наладить внешнеторговые связи Советского государства с помощью кооперации. Большую роль здесь должен был сыграть нарком внешней торговли Л. Б. Красин, введенный в состав правления Центросоюза и выступавший за рубежом в качестве его представителя. В распоряжение Красина и направлялся Чайнов. Кроме того, Чайнову поручалось содействовать возвращению на родину профессоров Н. П. Макарова и А. Н. Челинцева. Были и более мелкие поручения, например, закупка книг для Наркомзема. Была, наконец, и обширная программа, связанная с изучением мирового сельского хозяйства в научных и практических целях.

Отправившись за рубеж весной 1922 г., Чайновы пробыли там полтора года. Летом 1923 г. они живут в маленьком немецком городке Хайдельберге, расположенном между Франкфуртом-на-Майне и Штутгартом, недалеко от Мангейма. Отсюда в июне Чайнов буквально бомбардирует Наркомзем и его экономистов-аграрников письмами с весьма интересными предложениями. Дело в том, что среди экономистов Запада, немецких прежде всего, зарождается замысел создания грандиозного труда «Положение мирового сельского хозяйства и торговля сельскохозяйственными продуктами после войны». Приглашались и русские ученые, авторский коллектив которых формирует Чайнов. Как ответственный редактор русского отдела серии он пытается привлечь к работе Н. П. Макарова, Н. П. Огановского, А. Н. Челинцева, А. И. Хрящеву, Б. Н. Книповича, Г. А. Студенского, А. Е. Лосицкого, Н. Д. Кондратьева, И. М. Жирковича, П. И. Лященко и др. Наркомзем весьма положительно отнесся к этой инициативе.

За рубежом Чайнов вновь принимается за разработку своей теории крестьянского хозяйства. Несколько статей он публикует в немецких журналах, а главный труд — «Очерки по теории трудового хозяйства» выпускает в 1923 г. в Москве (книга в том же году была переведена на немецкий язык, а в 1925 г. с немецкого издания на японский язык).

Написанную за границей третью романтическую повесть «Венецианское зеркало, или Диковиные похождения стеклянного человека» Чайнов издает в Берлине (вторая повесть «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» публикуется в Москве в 1922 г.). Все повести вышли под псевдонимом «Ботаник X».

Результаты поездки за рубеж оказались положительными. Советская кооперация уверенно выходила на мировой рынок, возможности которого для России заметно расширились благодаря установлению дипломатических отношений с рядом стран. Чайнов внес в это дело свою лепту: он участвовал в подготовке материалов для Генуэзской конференции. Были

²⁸ Там же, ф. 4372, ош. 10, д. 5, л. 57.

установлены полезные контакты с иностранными учеными. Русская наука активно выходила из изоляции, утверждала свой авторитет на самых передовых рубежах. Налаживалось плодотворное сотрудничество с английскими, немецкими, французскими, американскими и другими учеными. Вернулись на родину Макаров и Челинцев.

По возвращении в Россию в конце 1923 г. Чайнов сосредоточивается на научной и преподавательской работе, хотя в Наркомземе за ним остаются некоторые обязанности (координация с кооперативными центрами).

В 1923—1924 гг. организационно-производственное направление получает заметное влияние в агрономической сфере, среди ученых экономистов, в высших учебных заведениях. Главные силы «организационников» группируются в Тимирязевской академии. Все они возглавляют важнейшие кафедры экономического факультета: кафедрой «Организация сельского хозяйства» руководит профессор Чайнов, кафедрой «Планирование сельского хозяйства» — профессор Макаров, кафедрой «Районирование сельского хозяйства» — профессор Челинцев, кафедрой «Экономическая география» — профессор Рыбников. Все они в расцвете сил. К середине 20-х годов Чайнову и Макарову нет и 40, а Рыбникову и Челинцеву 50 лет. Завоевывают научный авторитет ученики Чайнова А. Л. Вайнштейн, Г. А. Студенский, И. М. Жиркович и др.

Плодотворно действовал и в теоретическом и в практическом направлении руководимый Чайновым Институт сельскохозяйственной экономики. За 10 лет работы было издано около 50 томов трудов института. В теоретическом плане работа сосредоточивалась на развитии теории крестьянского хозяйства, на разработке теории размещения (наподобие теории А. Вебера для промышленности). В практическом отношении исследовались проблемы питания, кредита, ирригации, оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий. Здесь Наркомзем являлся как бы заказчиком, по поручению которого и велась разработка названных тем. Институт, таким образом, выступал в некотором отношении в качестве исследовательского центра Наркомзема.

Институт Чайнова стремительно разрастался. Отпочковывались самостоятельные научные организации, разрабатывавшие комплексы проблем. Так, группа исследователей, изучавших цены на сельскохозяйственную продукцию, возглавляемая Копдратьевым, оформилась в самостоятельный Конъюнктурный институт, предметом его исследований стала мировая экономика.

Не прекращал Чайнов и литературных занятий. В 1924 г. вышла его четвертая повесть «Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина». Чайнов любил свой город. В его повестях имеются странички истории Москвы, например, Миусской площади. Предмет его специальных изысканий — топография древней Москвы. Своими находками и гипотезами Чайнов охотно делился с такими же, как он, энтузиастами изучения истории столицы. Долгие годы Чайнов состоял членом общества «Старая Москва», куда входили ученые, художники, театральные работники, писатели — знатоки истории города. Он сделал в обществе несколько докладов об опыте построения топографии Москвы XIII—XVII вв., которые вызвали восторженный отзыв А. М. Васнецова.

Проблематика докладов в «Старой Москве» смыкалась с интересами Русского общества друзей книги, одним из учредителей которого (1920 г.) был Чайнов. Здесь можно было услышать увлекательные рассказы о графическом орнаменте древнепечатных книг, о старой книжной Москве, о книжной торговле, о встречах в книжном мире и, конечно же, о поисках библиотеки Ивана Грозного. Вообще здесь читались доклады, которые не могли оставить равнодушными любителей московской старины: о московских легендах, о подземных ходах под городом, о создании

исторического плана подземной Москвы и пр. И наконец, бесконечные беседы единомышленников о русской старине, о книгах. Память о библиофильской страсти Чайнова сохранили его современники. По свидетельству старых библиофилов, Чайнов собрал уникальную библиотеку, которая насчитывала (на 1925 г.) более 5 тыс. томов. На нее была выдана государственная охранная грамота²⁷.

В середине 20-х годов Чайнов выпускает последнюю работу по теории крестьянского хозяйства. Что она собой представляла? Объектом исследования Чайнова было трудовое крестьянское хозяйство, т. е. крестьянская семья, не прибегавшая к найму рабочей силы, располагавшая земельной площадью и некоторыми средствами производства. Это был самый распространенный слой хозяйств, в значительной мере натуральных или слабо затронутых рынком. Такое хозяйство, согласно пониманию Чайнова, сосредоточивает в лице своего хозяина и предпринимателя и работника. Оно не может развиваться по обычным законам капиталистического предприятия, ибо невозможно рассчитать хотя бы зарплату работника, поэтому трактуется как трудовое семейное хозяйство, в котором семья в результате затраты годовичного труда получает единый трудовой доход и соизмеряет свои усилия с итоговым материальным результатом. «Иначе говоря,— поясняет Чайнов,— мотивацию хозяйственной деятельности крестьянина мы принимаем не как мотивацию предпринимателя, получающего в результате вложения своего капитала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сделщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы»²⁸.

Чайнов анализировал крестьянское хозяйство как отдельную клеточку народнохозяйственной системы, что неизбежно создавало о нем представление как о чем-то застывшем. Статика — специфическая черта чайновской теории. Затем предполагался следующий шаг, который Чайнов, однако, пока не считал своей назревшей задачей. Как ни мотивирована автором необходимость исследования морфологии крестьянского хозяйства, все же обнаруживается уязвимость его исходного звена. В основу понимания природы крестьянского хозяйства Чайнов ставил семью, состав и размеры которой определяли направление и объем хозяйственной деятельности. Критики Чайнова утверждали, что на деле все обстоит иначе: «Не хозяйство приспосаблиется к семье, а семья к хозяйству, и прежде всего к количеству имеющихся в его распоряжении средств производства»²⁹.

Перед нами две крайности, и трудно отдать предпочтение какой-либо одной. А дело, по-видимому, в том, что крестьянский двор сочетает в себе диалектическое единство взаимодействия двух факторов. Конкретные формы крестьянской семьи широко варьировались в зависимости от общества и природных условий, отражавшихся на естественно возникавших производительных силах, формой организации и использования которых было крестьянское хозяйство. В свою очередь, численность и состав семьи воздействовали на развитие и функционирование крестьянского хозяйства, находились в определенном соотношении с его мощностью, влияли на характер его сношений с внешним миром³⁰.

Чайнов, видимо, чувствовал уязвимость своей теории и поэтому допускал, что «не размер семьи определяет, как мы думали ранее, объем хозяйственной деятельности семьи, а обратно, размеры, скажем, земле-

²⁷ Друганов И. А. Библиотеки ведомственные, общественные, частные и судьба их в 1918—1925 гг. — Советская библиография, 1934, № 3—4, с. 160.

²⁸ Чайнов А. Организация крестьянского хозяйства. М. 1925, с. 10—11.

²⁹ Там же, предисловие от издательства, с. II.

³⁰ Подробнее см.: Данилов В. П., Данилова Л. В., Растяпников В. Г. Основные этапы развития крестьянского хозяйства. В кн.: Аграрные структуры стран Востока: генезис, эволюция, социальные преобразования, М. 1977, с. 12.

дельческого хозяйства определяют собою состав семьи. Говоря иначе, крестьяне обзаводятся семьей сообразно размерам своего материального обеспечения. Разрешение этой дилеммы далеко не так просто, как это может показаться с первого взгляда... Потребуется, по всей вероятности, немало лет кропотливой исследовательской работы для окончательного решения этого вопроса. По имеющимся в нашем распоряжении материалам можно думать, что вопрос этот не имеет однозначного решения». Это утверждение, похоже, ближе к истине. Рискнем, далее, предположить, что в диалектической связке «семья — хозяйство» примат зависит от конкретных условий, от уровня цивилизации той или иной страны.

В построении Чайнова все же присутствовало некое усредненное, абстрактное хозяйство, пригодное лишь для статичного изучения его морфологии. «Следует признать,— писал он,— конечно, что наши построения схематизируют жизнь и, как всякая абстрактная теория, имеют своим объектом мыслимое хозяйство, гораздо более чистое в своем типе, чем те, с которыми приходится встречаться в действительности»³¹. Главное, однако, состояло в том, что какой бы из факторов, определяющих жизнь крестьянина, мы ни считали господствующим, какое бы большое значение ни придавали влиянию рынка, размерам землепользования, наличию средств производства и т. д., мы должны вместе с Чайновым признать, что «технически организующим элементом всякого производственного процесса» являются рабочие руки. А поскольку в семейном хозяйстве запас рабочей силы и степень ее активности определяют состав семьи, постольку она и является одним из главнейших факторов организации крестьянского хозяйства.

Оценивая теорию трудового крестьянского хозяйства, следует непременно сделать следующие оговорки. Прежде всего Чайнов никогда не придавал ей такого значения, какое приписывали ей критики, и не ставил перед собой тех задач, решения которых от него непременно требовали. Так, у него никогда не было намерения осуществить анализ крестьянского хозяйства как народнохозяйственного явления, поэтому он и не рассматривал его в динамике. «Мы не занимаемся,— писал он,— ни судьбами крестьянского хозяйства, ни его исторической и народнохозяйственной концепцией, ни даже историческим развитием систем хозяйства. Наша задача несоизмеримо скромнее. Мы просто стремимся понять, что собою представляет крестьянское хозяйство с организационной точки зрения, какова морфология того производственного аппарата, который называется трудовым крестьянским хозяйством. Нас интересует, как в этом аппарате достигается соразмерность частей, как достигается организационное равновесие, какова механика оборота капитала и его восстановления в частнохозяйственном смысле, каковы методы определения выгоды и рентабельности и каковы формы реакции на воздействия внешних природных и экономических факторов, принимаемых нами как данное».

Таких задач при изучении крестьянского хозяйства еще никто не ставил. Но выдвигая их, Чайнов подчеркивал: «При всем этом нас интересуют не система крестьянского хозяйства и формы организации в их историческом развитии, а сама механика организационного процесса. А этот организационный анализ по самой своей природе должен быть статичен, как статичным является анализ конструкции паровоза Кампаунд или какого-нибудь турбогенератора»³². Чайнов готов был даже признать, что изучение морфологии крестьянского хозяйства — это, как считали его критики, задача не экономиста, а техника, и поэтому согласен был впредь именоваться всего лишь агрономом. Но именно агрономам и другим практическим работникам сельского хозяйства и был не-

³¹ Чайнов А. Организация крестьянского хозяйства, с. 30, 16.

³² Там же, с. 12—13.

обходим такой труд в их повседневном столкновении с подобными хозяйствами, которые, по утверждению Чайнова, «остаются все-таки непреложным фактом в целом ряде стран, в том числе и в СССР»³³.

Для агрономов, кооператоров, ветеринаров и других специалистов сельского хозяйства работа Чайнова имела большое практическое значение. Он рассказывал о строении крестьянской семьи и ее влиянии на хозяйственную деятельность, объяснял устойчивость семейного хозяйства, психологическую мотивацию хозяйственной деятельности крестьянина (пожалуй, впервые в русской экономической литературе), раскрывал основные принципы организации крестьянского хозяйства, строение его организационного плана и т. д. Чайнов был единственным экономистом, попытавшимся проанализировать крестьянское хозяйство как первичную ячейку общества и сделавшим первые удачные шаги в этом направлении. Может быть, от того, что он был единственным, его и не оставляли своим критическим вниманием экономисты, а затем и историки. Но критики били мимо цели: теория Чайнова оказалась живучей, как само крестьянское хозяйство.

В 70-е годы, обратившись к такому серьезному источнику, как данные налоговых сводок Наркомфина СССР, и вооружившись современной счетной техникой, В. П. Данилов и Т. И. Славко предприняли новое исследование. Объектом его стал коэффициент Чайнова $\frac{e}{p}$ (отношение едоков к работникам) — исходный для расчета т. н. трудо-потребительского баланса, который лежит в основе семейно-трудовой теории. Опровержение этого коэффициента выявило бы несостоятельность и самой концепции Чайнова. Однако в подходе авторов к проблеме имелся изъян. Они произвели буквальный расчет: делили число едоков на число работников (получая для Северного района, например, коэффициенты от 2,22 до 2,75), в то время как у Чайнова дело обстояло иначе. Он предварительно перевел (на основе принятых в его время в бюджетной статистике норм) различные возрастные группы, входившие в состав семьи, в категорию полного сил работника, а едоков — в категорию мужчин. Ведь на деле, например, две семьи при одинаковом количестве детей находятся в неодинаковых условиях: двоих подростков в первой семье прокормить труднее, чем двоих малолетних — во второй; дряхлая, лежащая на печи старуха как едок не может быть приравнена к полному сил юноше. Лишь деление условных едоков на условных работников давало коэффициент, показывающий, какое количество потребительских единиц (едоков) приходится содержать в каждой семье одному работнику. Все прочее — производное от этого.

На основании анализа вологодских бюджетов Чайнов выводил как бы параболу диапазона вычисленных коэффициентов от 1 до 1,94 и от 1,94 до 1. Получалась некая постоянная шкала измерений (а не отдельные показатели, как у В. П. Данилова и Т. И. Славко), по которой группировались крестьянские хозяйства: от 1 до 1,15, от 1,16 до 1,30, от 1,31 до 1,45 и т. д. (точно так же, как мы условно группируем хозяйства, допустим, по посеву: от 1 до 2 дес., от 2,1 до 4 дес., от 4,1 до 6 дес. и т. д.). Естественно, что коэффициенты В. П. Данилова и Т. И. Славко никоим образом не подтверждали выводов Чайнова и вообще не «работали» в чайновском понимании³⁴.

Данный случай еще раз убеждает в том, что Чайнову во избежание кривотолков следовало еще более четко сформулировать мысль о том, что выдвинутое им понимание природы крестьянского хозяйства — это

³³ Там же, с. 15.

³⁴ Ср. Чайнов А. Организация крестьянского хозяйства, с. 22, 25, 42; Данилов В. П., Славко Т. И. О путях исследования данных налоговых сводок по сельскому хозяйству СССР за 1924/25—1927/28 гг. — История СССР, 1972, № 5, с. 98; Крестьянские хозяйства, колхозы и совхозы СССР в 1924/25—1927/28 гг. По данным налоговых сводок Наркомфина СССР. М. 1977, предисловие, с. 57, 60.

необходимая, но лишь первая ступень в его познании, за которой неизбежно под влиянием новых задач должен следовать динамический анализ, предполагающий рассмотрение всех связей крестьянских хозяйств с внешним миром, ибо этот мир вторгается сразу, настойчиво, постоянно. Лучшей иллюстрацией тому может служить кооперация мелких производителей и потребителей. Кооперация, призванная, по мнению Чаянова, поддерживать и развивать крестьянское хозяйство, по сути своей отрицает семейную кооперацию крестьянского двора и выводит его на иной уровень, сочетающий в себе интересы не только семьи, но в какой-то мере и общества, несущий иные закономерности развития.

Чаянова неоднократно упрекали в том, что своей теорией он якобы увековечивает мелкое крестьянское хозяйство. Так ли это? Анатомический анализ крестьянского хозяйства помогает находить точки соприкосновения индивидуального хозяйства с хозяйством общественным; опираясь на них, можно безболезненно включать крестьянское хозяйство в общественное производство. В 1924 г. Чаянов писал: «По нашему глубочайшему убеждению, идеальным аппаратом сельскохозяйственного производства является совсем не крупная латифундия и не индивидуальное крестьянское хозяйство, а новый тип хозяйственной организации, в которой организационный план расщеплен на ряд звеньев, каждое из которых организовано в тех размерах, которые являются оптимальными для него. Говоря иначе, идеальным нам мыслится крестьянское семейное хозяйство, которое выделило из своего организационного плана все те его звенья, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой, и организовало их на разные степени крупности в кооперативы»³⁵.

Еще до Октябрьской революции Чаянов пришел к выводу, что с помощью кооперации можно избавить крестьян от нищеты и закабаления. В сущности, в этом стремлении — безболезненным и эволюционным путем перейти к социальным улучшениям и совершенствованию — он не отличался от своих предшественников, социалистов-утопистов.

Но все принципиально меняется после Октябрьской революции, с переходом власти в руки пролетариата. «В мечтаниях старых кооператоров, — писал Ленин, — много фантазии. Они смешны часто своей фантастичностью. Но в чем состоит их фантастичность? В том, что люди не понимают основного, коренного значения политической борьбы рабочего класса за свержение господства эксплуататоров. Теперь у нас это свержение состоялось, и теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью»³⁶.

Взгляды Чаянова на кооперацию не оставались неизменными. Социально-экономические сдвиги, происходившие в стране, ленинские оценки сущности кооперации при социализме, естественно, вносили уточнения в позиции ученого. Несомненно под влиянием ленинской статьи «О кооперации» Чаянов, критически осмыслив свои взгляды, писал, что «и у нас до революции, и во всех капиталистических странах она (кооперация. — В. К.) представляла собою не более как приспособление мелких товаропроизводителей к условиям капиталистического общества, не более, как оружие в борьбе за существование. Никакого нового общественного строя она не представляла и не могла представлять, и все мечтания многих кооперативных идеологов были в этом отношении утопичны». Теперь Чаянов был полностью согласен с Лениным: «Процесс перерождения внутреннего социально-экономического содержания кооперативного движения при замене политического господства капита-

³⁵ Чаянов А. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий. М. 1924, с. 3—4.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 369.

лизма властью трудящихся масс «особенной ясностью был освещен в предсмертных статьях В. И. Ленина о кооперации»³⁷.

Отталкиваясь от известного ленинского положения, что «строй цивилизованных кооператоров... это есть строй социализма»³⁸, Чаянов утверждает, что «при национализации земли и политическом господстве трудящихся масс эта система хозяйства, вводимая через союзы кооперативов и кооперативные центры в систему планового государственного хозяйства, может быть признаваема тождественной социалистической организации земледелия». Поэтому он считал, что после статьи Ленина «О кооперации» «кооперация делается одной из основ нашей экономической политики»³⁹. Таким образом, взгляды Чаянова на кооперацию не противоречили ленинскому кооперативному плану. Ленин считал, что переход «к крупному производству на началах добровольного объединения» на основе кооперативной политики может произойти «в неопределенный срок»⁴⁰, и Чаянов, судя по всему, стоял на таких же позициях. Но если у Ленина на переднем плане был социально-политический аспект, то у Чаянова — скорее технологический.

Ленинский кооперативный план возник не на пустом месте. Он вобрал в себя лучшие достижения теории и практики русской кооперации (добровольность, постепенность, материальная заинтересованность, самодетельность членов и пр.). Видимо, не последнюю роль здесь сыграли и работы Чаянова. Известно, что перед тем как продиктовать статью «О кооперации», Ленин заказал в библиотеке литературу по проблеме. В списке была и книга Чаянова «Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации» (М. 1919). В ленинской библиотеке в Кремле имеется семь работ Чаянова⁴¹.

К 1927 г., когда вышел 2-м изданием главный труд Чаянова — «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации» — в могучем потоке кооперативного движения все заметнее стала выделяться струя колхозного движения. Оно уже вступало на путь, провозглашенный XV съездом партии. Жизнь приблизила сроки, возможности и необходимость социалистического переустройства деревни. Отсюда возникает чаяновский план «кооперативной коллективизации». Его суть — в сравнительно медленном, эволюционном процессе постепенного кооперирования несколько усилить акцент на создание производственных форм. «Единственно возможный в наших условиях путь внесения в крестьянское хозяйство элементов крупного хозяйства, индустриализации и государственного плана, — писал Чаянов, — это путь кооперативной коллективизации, постепенного и последовательного отщепления отдельных отраслей от индивидуальных хозяйств и организации их в высших формах крупных общественных предприятий»⁴².

Однако если взгляды Чаянова на кооперацию не противоречили ленинскому кооперативному плану, то они стали противоречить той политике в деревне, которая проводилась после XV съезда партии. Чем дальше, тем больше кооперативная коллективизация не вписывалась во

³⁷ Чаянов А. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации. М. 1927, с. 24–25.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45, с. 373.

³⁹ Чаянов А. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации, с. 25; его же. Краткий курс кооперации. М. 1925, с. 3.

⁴⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43, с. 227.

⁴¹ Ленин, видимо, был знаком с Чаяновым. Еще в 1918 г. Чаянов в составе делегации кооператоров беседовал с Лениным по поводу национализации Московского народного банка. В 1920 г. Ленин содействовал изданию чаяновской утопии, в 1921 г. предложил кандидатуру Чаянова в состав Госплана. В том же году имя Чаянова фигурирует в разговоре Ленина с Н. Осинским по поводу урегулирования отношений Наркомзема с Госпланом (Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11, с. 446).

⁴² Чаянов А. В. Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации, с. 24.

все ускоряющийся темп преобразования деревни. А самого Чайнова все чаще называли буржуазным или мелкобуржуазным профессором, его взгляды квалифицировались как «неонароднические», т. е. далекие от понимания задач социалистического строительства.

Роковую роль в судьбе Чайнова и его сторонников сыграла дискуссия 1927 г. о дифференциации крестьянства. Объективно вопрос о классовом расслоении деревни назрел. Куда она идет? Интенсивно ли происходит расслоение? Происходит ли вымывание середняка? Представляет ли опасность кулак? Все эти вопросы имели важное практическое значение для судеб крестьянства, для страны в целом. Однако объективная научная полемика была подменена избиением тех, кто не был согласен с точкой зрения т. н. аграрников-марксистов, группировавшихся возле Л. Н. Крицмана и его окружения из Комакадемии — И. Д. Верменичева, С. М. Дубровского, Г. С. Гордеева, М. И. Кубанина и др.

Нелепо отождествлять мировоззрение (научное и политическое) того или иного специалиста с предметом его профессиональной деятельности. Никому не придет в голову обвинять врачей в апологетике человеческих страданий, а юристов — в защите правонарушителей. Но именно подобным образом обошлись с Чайновым, Кондратьевым, Макаровым и др., обвиняя их в стремлении увековечить мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство. Чайнова считали мелкобуржуазным теоретиком и идеологом во многом благодаря тому, что с этими слоями крестьянства ему (и его коллегам) приходилось ежедневно сталкиваться в практической работе. Но разве полунцим и полуголодным, необразованным представлял себе Чайнов крестьянина в будущем? Критики не замечали, насколько крестьянство уже было втянуто кооперацией в систему социалистических отношений, не видели того, что за годы Советской власти оно стало другим. Кооперация сочетала в себе ту степень личной заинтересованности населения и государственного интереса, которая давала возможность безболезненно и без ломки, медленно, но верно вводить крестьянина в социализм.

В 1928 г. последовали «оргвыводы»: Чайнову пришлось покинуть пост директора основанного им Института сельскохозяйственной экономики. Институт был преобразован в НИИ крупного социалистического хозяйства, членом коллегии которого Чайнов все же был оставлен. «Грешников» вынудили к публичному признанию своих ошибок. Прокапталась волна покаяний. С самокритикой выступили Макаров, Кондратьев, Челинцев, Чайнов. Нет, жизнь на этом не кончалась. Авторитет Чайнова был высок. Он продолжал преподавать. Участвовал в работе государственных учреждений — был консультантом правления Зернотреста, избирался в научно-технический совет Главного хлопкового комитета ВСНХ⁴³ и т. д. Его труды продолжали печатать, но чаще, правда, в сопровождении оговорок, что редакция с автором не согласна.

В 1928 г. выходит в свет последняя, пятая его повесть «Юлия, или Встречи под Новодевичем». Чайнов пишет киносценарий, по которому в 1928 г. был поставлен фильм «Альбидиум». Он по-прежнему остается блестящим лектором и одним из популярнейших и любимых профессоров Тимирязевской академии.

Но все же что-то постепенно меняется. Нагнетается обстановка. С 1928 г. начинается цепь политических процессов. Недоверие к старым специалистам усиливается. Свежие, интересные идеи, которые у них возникают, остаются незамеченными. Знакомство с практикой работы совхозов, личное участие в разработке проектов их организации (Пахта-Арал и др.), а также первого в стране Дигорского агро-индустриального комбината в Осетии давали богатый материал для размышлений о перспективах крупных социалистических предприятий. Свои соображе-

⁴³ ЦГАНХ СССР, ф. 3429, оп. 7, д. 3146, л. 23.

ния о принципах организации совхозов Чаянов излагает на страницах ряда журналов⁴⁴, готовит к печати монографию «Организация крупного хозяйства эпохи социалистической реконструкции земледелия», которая, однако, так и не вышла в свет (рукопись ее до сих пор не найдена).

Такой неожиданный резкий поворот к новой проблеме, прямо противоположной той, которой до сих пор занимался Чаянов, объясним. Он прекрасно понимал, что в складывавшихся условиях с индивидуальным крестьянским хозяйством было покончено. Оно разрушалось на глазах. Коллективизация, с помощью которой создавался класс колхозного крестьянства, не соответствовала представлениям Чаянова о втягивании крестьян в социализм посредством естественного кооперирования. Он органически не мог участвовать в этой работе. Единственной областью, где для него еще оставалась возможность применить знания и опыт на практике, было совхозное строительство.

Чаянов предлагал создавать четыре типа совхозов в зависимости от специфики местности. В районах плотного крестьянского населения и развитой кооперации он рекомендовал использовать совхозы в качестве агроцентров, обслуживающих крестьянство и колхозы. В районах технических культур на совхозы могли быть возложены задачи массового производства сельскохозяйственного сырья. Где-то совхозы взяли бы на себя организацию тракторного обслуживания окрестных крестьянских хозяйств. И, наконец, в районах земельного простора целесообразно было организовать крупные механизированные хозяйства по производству зерна и мяса.

Но с Чаяновым уже практически не считались. Несмотря на его рекомендации, несмотря на отработанную систему определения оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, страну захлестнула волна гигантомании.

1929 год стал годом великого перелома и в прямом и в переносном смысле. Переломили и переломали многое. Покаянные речи (а главное, практика их появления) по-новому освещают напряженно-противоречивую обстановку того времени, от которой до 1937 г. оставался шаг, другой. Тревожное сгущение общественной атмосферы чувствовалось повсюду. Осень 1929 г. стала тяжелым периодом для М. А. Булгакова, Е. И. Замятина, Б. Пильняка. Начались гонения на генетиков. Резко менялся курс в кадровой политике, которая окрашивалась в своеобразные пролеткультовские тона. Другими стали ритм и методы социалистического строительства: на смену научно обоснованному планомерному созиданию пришло форсированное продвижение с помощью административно-командного метода. Ярче всего бешеная гонка проявилась в коллективизации. В этих условиях ученые становятся лишними, ненужными. Впрочем, на них удобно свалить вину за издержки, неудачи, просчеты и ошибки, которых становилось все больше.

В соответствии с логикой происходившего завершился 1929 год. В конце декабря состоялась конференция аграрников-марксистов. С речью на ней выступил И. В. Сталин. Он отметил отставание работы на идеологическом фронте от задач классовой борьбы, подверг резкой критике т. н. мелкобуржуазные теории в аграрном вопросе. Сталин намеренно упрощал теорию, выдавал за очевидное то, что требовало доказательств. Раздел доклада «Теория «устойчивости» мелкокрестьянского хозяйства» —

⁴⁴ Чаянов А. В. Методы составления организационных планов крупных сельскохозяйственных предприятий в условиях советской экономики. — Бюллетень НИИ с. х. экономики, 1928, № 1—4; его же. Эволюция идеи о совхозах. — Совхоз, 1928, № 9—10; его же. Сегодняшний и завтрашний день крупного земледелия. — Экономическая жизнь, 1929, № 9; его же. Техническая организация зерновой фабрики. — Экономическое обозрение, 1929, № 12; его же. Организация крупных льно-травопольных совхозов. — Совхоз, 1930, № 11; его же. Техничко-экономические вопросы строительства социалистического земледелия. — Научное слово, 1930, № 4.

наглядный тому пример. «Что привязывало, привязывает и будет еще привязывать мелкого крестьянина в Западной Европе к его мелкому товарному хозяйству?» — спрашивал он и отвечал: «Прежде всего и главным образом наличие своего собственного клочка земли, наличие частной собственности на землю... Можно ли сказать, что этот фактор в таком его виде продолжает действовать и у нас, в условиях советских порядков? Нет, нельзя сказать. Нельзя сказать, так как у нас нет частной собственности на землю. И именно потому, что у нас нет частной собственности на землю, у нас нет и той рабской приверженности крестьянина к клочку земли, которая имеется на Западе». А это обстоятельство, с его точки зрения, не могло не облегчить перехода мелкого крестьянского хозяйства на рельсы колхозов.

Одна псевдолегкость моментально рождает другую, и далее в таком же духе, по цепочке. В вышеизложенном Сталин видел одну из причин того, что «крупным хозяйствам в деревне, колхозам в деревне удается так легко демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, свое превосходство перед мелким крестьянским хозяйством». «Вот где, — продолжал он, — великое революционное значение советских аграрных законов, уничтоживших абсолютную ренту, отменивших частную собственность на землю и установивших национализацию земли. Но из этого следует, что мы имеем в своем распоряжении новый аргумент против буржуазных экономистов, провозглашающих устойчивость мелкокрестьянского хозяйства в его борьбе с крупным хозяйством»⁴⁵. Здесь все неверно, начиная с послышки, что у нашего крестьянина нет привязанности к своему клочку земли.

Сталин употребил в своей речи маленькую, но магического действия конструкцию: он произнес имя Чаянова во множественном числе: «Почему антинаучные теории «советских» экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати?»⁴⁶. Это послужило как бы сигналом для атаки на него аграрников-марксистов, многие из которых еще недавно признавали авторитет Чаянова (среди них были и его ученики). Обрушившиеся на него обвинения позволили им торжествовать победу над инакомыслящими. Но то была их лебединая песня; пройдет немного времени, и победители, по законам складывавшейся административной системы, разделят судьбу побежденных (и тоже, стало быть, окажутся «немарксистами»!). Научная несостоятельность организационно-производственного направления была признана. Это облегчало следующий шаг — обвинение сторонников этого направления во вредительстве со всеми вытекающими отсюда последствиями.

И еще одно обстоятельство следует приять во внимание. Позиция Чаянова была близка Н. И. Бухарину. Поход против Чаянова и его последствия стали платформой для обвинения правых. На состоявшихся осенью 1930 г. в Комакадемии и Международном аграрном институте собраниях, посвященных осуждению «вредительства в сельском хозяйстве», выступившие с «разоблачениями» В. П. Милютин, С. Г. Ужанский, А. С. Бондаренко, Я. П. Никулихин, М. В. Сулковский, С. М. Дубровский, Ем. Ярославский и др. прямо связывали «кондратьевщину», «чаяновщину», «сухановщину» с правым уклоном. Так, Дубровский заявлял: «Кондратьевщина, чаяновщина, сухановщина ставили ставку на раскол партии. И идейно и организационно они смыкались с правым оппортунизмом». То же находим и в выступлениях П. Я. Гурова («Правые уклонисты черпают свою аргументацию из трудов этих вредителей») и Д. П. Давыдова («Правые несут большую ответственность за кондратьевщину»)⁴⁷.

⁴⁵ Сталин И. Соч. Т. 12, с. 150—151.

⁴⁶ Там же, с. 152.

⁴⁷ Кондратьевщина, чаяновщина и сухановщина. Вредительство в сельском хозяйстве. М. 1930, с. 16, 92; Кондратьевщина. М. 1930, с. 122.

Расправа с «вредителями в сельском хозяйстве» означала, по сути дела, подготовку к расправе Сталина с соратниками по партии, которая последует вскоре. Завязывалась сложная игра, в которой пока на передний план выдвигали Чайнова и его коллег. 21 июля 1930 г. он был арестован по обвинению в принадлежности к мифической «Трудовой крестьянской партии», о которой он, естественно, не имел ни малейшего представления. Затевался громкий судебный процесс.

В ожидании суда Чайнов, находясь в Бутырской тюрьме, в свободное от допросов время продолжает работать. Он пишет статью по истории западноевропейской гравюры и экономическое исследование «Внутрихозяйственный транспорт. Материалы к пятилетке 1933—37 гг.». Он продолжает жить интересами страны, как будто ничего не случилось. Открытый процесс над «Трудовой крестьянской партией» не состоялся, но Чайнов отсидел в тюрьме четыре года. Затем последовала ссылка в Алма-Ату, где он какое-то время работал в республиканском наркомате земледелия.

В 1937 г. Чайнов был вновь арестован и 3 октября 1937 г. приговорен к расстрелу. 20 марта 1939 г. приговор был приведен в исполнение. Чайнову шел 52-й год. Как много он мог бы еще сделать. Говорят, что в тюрьме он писал свой последний роман «Юрий Суздальский».

Чайнов начал изучать социально-экономический механизм общества не с его макроструктуры, не с глобальных проблем политэкономии, а с анализа микроструктуры, с ячейки, клеточки — с крестьянского хозяйства. Эти клеточки в совокупности составляли сложный социальный организм. Подход Чайнова прямо противоположен традиционному (где наибольших успехов в определении закономерностей общественного развития добился марксизм), но и он имел право на существование. При всей оригинальности этого метода он в общем-то был подготовлен трудами как русских, так и зарубежных экономистов, особенно представителей австрийской (Менгер, Лаур) и французской (маржинализм) школ.

Положительной стороной теории Чайнова являлось доказательство устойчивости трудового крестьянского хозяйства (хотя и это было в известной мере не ново), нахождение способов и методов поддержания этой устойчивости с помощью кооперации и правильной организации хозяйства. Но если теория трудового крестьянского хозяйства была относительно эффективна на «нижнем» уровне, то на «верхнем» она оказывалась беспомощной, бессильной противостоять разрушающим силам капитала. В осмыслении же закономерностей общественного развития она не достигла высот марксизма, оставаясь на уровне утопического социализма.

Один из представителей организационно-производственного направления, Н. П. Макаров, в свое время говорил о необходимости «синтеза обоих направлений»⁴⁸ — организационно-производственного и социально-экономического, представленного главным образом марксизмом. Возможно, эти направления было трудно согласовать, ибо марксизм учил преимущественно тому, как надо перестраивать общество и все его институты, а «организационники» — как надо правильно хозяйствовать, видя смысл перестройки общества в правильной организации хозяйства. Синтеза не произошло. Но замечательно другое. Великая революция создала возможность для превращения мечтаний социалистов-утопистов в реальность, ибо уничтожила главное препятствие на пути развития общества — власть капитала. И эта возможность уже приобретала реальные очертания к середине 20-х годов. Однако дальнейший ход событий исключил возможность организации общественного развития на научной основе.

Английский профессор Т. Шанин, много сделавший для возрождения

⁴⁸ Макаров Н. П. Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М. 1920, с. 54сл.

имени Чайнова, популяризации его трудов за рубежом и в нашей стране, говорил, что, считая крестьянское хозяйство «кирпичиком социального мироздания», Чайнов утверждал, что эти «кирпичики» столь же вечны, как и само мироздание. Трудовая крестьянская семья, возникшая на заре человечества, пережила известные нам общественно-экономические формации, продемонстрировав невиданную стойкость и способность к выживанию. С этим можно согласиться. Стойкость и выживаемость удивительные. А вот что касается вечности... Ведь во всем мире неумолимо идет процесс раскрестьянивания. И эту вторую сторону вопроса нельзя забывать.

Созданная Чайновым теория представляет интерес для развивающихся стран, где крестьянство остается еще огромной силой. И там действительно обозначился большой интерес к Чайнову. Например, в Боливии созданы чайновские общества по изучению и применению на практике его трудов. Как бы предвидя это, Чайнов в 1927 г. писал: «Для меня было ясно, что под одним и тем же термином «крестьянское хозяйство» в разных странах подразумевают весьма различные по своей природе хозяйственные образования. В то время как у нас в России из общей массы крестьянских хозяйств 90% составляют чистые семейные хозяйства, в Западной Европе и Америке эта группа представляет собой ничтожную социальную величину и термин «крестьянское хозяйство» прилагается к хозяйствам полукапиталистическим... Однако мне кажется, что все это не умаляет моих выводов и не делает мою книгу узко русской книгой... у меня есть все основания полагать, что в ряде стран Восточной Европы и особенно внеевропейских стран,— как то: Индия, Китай, Япония и др., эта группа хозяйств составляет весьма значительный социальный массив и ее общий удельный вес в мировом хозяйстве таков, что она вполне заслуживает особого внимания и изучения»⁴⁹.

Что можем взять у Чайнова мы? Исчезло то крестьянское хозяйство, которое было материалом для его исследований, разрушена кооперация, создававшаяся тем крестьянством. Однако с точки зрения сегодняшнего дня было бы полезным изучить многие теоретические и практические разработки Чайнова: как исчислял он оптимальные размеры предприятий, в чем заключается его теория дифференциальных оптимумов, что такое водная рента и как она выводится? В условиях перестройки экономики нам непременно понадобится вернуться к вопросам сельскохозяйственной таксации. Может оказаться полезным и опыт строительства первых агрокомбинатов и совхозов.

⁴⁹ Чайнов А. Организация крестьянского хозяйства, с. 72-73.

ЧЖОУ ЭНЬЛАЙ

С. Л. Тихвинский

В плеяде китайских революционеров, чья самоотверженная деятельность привела в 1949 г. к народно-демократической революции и провозглашению Китайской Народной Республики, один из основателей Коммунистической партии Китая, Чжоу Эньлай, занимает видное место.

Революционер-профессионал, с юношеских лет вступивший на путь борьбы за освобождение китайского народа от гнета иностранных империалистов и национальной феодально-милитаристской и компрадорской реакции, активный участник всех ключевых событий новейшей истории Китая, Чжоу Эньлай после победы революции стал видным государственным деятелем, бессменным руководителем Государственного совета (кабинета министров) КНР вплоть до своей кончины в январе 1976 года. Чжоу Эньлай вошел в историю и как крупный деятель международного коммунистического движения, талантливый военачальник и дипломат, внесший значительный вклад в дело строительства социализма в Китае.

Чжоу Эньлай родился 5 марта 1898 г. в уездном городе Хуайань в провинции Цзянсу в обедневшей семье потомственных государственных служащих — представителей ученого сословия феодального класса. Его отец, мелкий чиновник провинциального финансового управления, рано овдовев, отдал девятилетнего сына в семью своего бездетного брата. Через год мальчика взял к себе на воспитание другой дядя по отцу, служивший полицейским офицером в Мукдене (ныне Шэньян). Здесь Чжоу Эньлай стал посещать школу, организованную при поддержке иностранных миссионеров, где наряду с китайской классической литературой читал произведения Ч. Дарвина, Ж.-Ж. Руссо и других европейских авторов, жадно знакомился с китайской патриотической антиманьчжурской публицистикой. В школе он стал изучать английский язык. После Синьхайской революции, начавшейся в 1911 г., и отречения от власти маньчжурской династии Цин, правившей Китаем с 1644 по февраль 1912 г., Чжоу Эньлай остриг косу — традиционную прическу, силой навязанную маньчжурами мужскому населению Китая.

В 1913 г. Чжоу Эньлай поступил в только что открывшуюся в Тяньцзине субсидировавшуюся американскими миссионерами Нанькайскую среднюю школу, в которой проучился четыре года, живя здесь же, в интернате, и зарабатывая на жизнь выполнением различных технических работ, предоставляемых школьной администрацией. Годы учебы в Нанькайской средней школе (1913—1917 гг.) пришлись на период спада революционного движения в стране. Власть захватила реакционная северная милитаристская (бэйянская) группировка, возглавлявшаяся крупным помещиком генералом Юань Шикаем, а затем его преемниками.

ТИХВИНСКИЙ Сергей Леонидович — академик, академик-секретарь Отделения истории АН СССР, председатель Национального комитета историков Советского Союза.

Активную деятельность развернули сепаратистские группировки милитаристов южных и юго-западных провинций. Воспользовавшись начавшейся первой мировой войной, японский милитаризм форсировал свое экономическое и политическое проникновение в Китай. В январе 1915 г. японское правительство предъявило Китаю «21 требование», выполнение которых означало бы полное колониальное порабощение страны. Среди широких кругов китайской общественности, в первую очередь среди учащейся молодежи, возникло массовое патриотическое, антияпонское движение, с которым пришлось считаться и правящим милитаристским кругам, и самим японцам. Чжоу Эньлай откликнулся на эти события, выступив организатором создания школьной ассоциации «Уважать труд, жить коллективно» и журнала этой ассоциации, редактором которого он стал. Журнал резко критиковал неспособность правителей Китая дать отпор японским агрессорам.

Летом 1917 г. Чжоу Эньлай окончил Нанькайскую школу и был отмечен как наиболее отличившийся на выпускных экзаменах. В сентябре 1917 г. он по приглашению одного из своих материально обеспеченных школьных друзей уехал в Японию в надежде получить там университетское образование. Однако по приезду увлекся изучением японской социалистической литературы, познакомился с «Капиталом» К. Маркса, забросил подготовку к сдаче вступительных экзаменов в университет и активно включился в общественную деятельность проживавших в Японии китайских студентов, присоединившись к движению протеста против требования японского правительства послать китайские войска на Дальний Восток и в Сибирь для участия в интервенции против Советской России. Чжоу Эньлай жадно впитывал известия о русской революции, о деятельности В. И. Ленина, появлявшиеся в японской социалистической печати, горячо приветствовавшей Октябрьскую революцию и выступавшей против интервенционистской политики японского правительства.

В апреле 1919 г. Чжоу Эньлай возвратился в Тяньцзинь и вскоре активно включился в массовое движение протеста против условий Версальского мирного договора 1919 г. о передаче Японии бывших германских колониальных владений в Китае. Осенью того же года Чжоу Эньлай был зачислен студентом недавно открывшегося Нанькайского университета. Одновременно он был принят на работу в качестве технического сотрудника ректората, что позволило ему кое-как сводить концы с концами. Теперь Чжоу Эньлай с головой ушел в организаторскую работу среди студенчества Тяньцзиня, вскоре став редактором и активным автором ежедневной студенческой газеты. Одновременно он вел агитационную деятельность среди рабочих типографии, в которой печаталась газета. В своих статьях Чжоу Эньлай популяризировал социалистические идеи, выступал против эксплуатации иностранным капиталом дешевого труда китайских рабочих, в защиту их требований о повышении зарплаты, осуждал политику китайских милитаристов, критиковал старые феодальные семейные обычаи, философию конфуцианства. Продолжая живо интересоваться Октябрьской революцией и жизнью Советской России, Чжоу Эньлай возглавил группу студентов для встречи с разделившим коммунистические убеждения преподавателем Пекинского университета Сергеем Полевым, выпускником Дальневосточного университета. Во время этих встреч студенты обсуждали вопросы, связанные с местом и ролью в истории социалистов, анархистов, чартистов и особенно коммунистов.

В августе 1919 г. Чжоу Эньлай опубликовал статью с резкой критикой действий прояпонски настроенных милитаристов провинции Шаньдун, обрушивших репрессии на местных студентов, которые выступили против передачи Японии бывших германских прав и владений в этой провинции. По его инициативе был созван митинг, на котором были

осуждены действия шаньдунских властей. Участники митинга, студенты Тяньцзиня, решили послать своих делегатов в Пекин для вручения протеста властям и установления связи со столичными студентами. Когда пекинские власти арестовали этих делегатов, Чжоу Эньлай включился в организацию массового похода тяньцзиньских студентов на Пекин, требуя освобождения задержанных. Власти вынуждены были уступить. 6 сентября 1919 г. в Тяньцзине состоялось собрание, посвященное созданию патриотической студенческой Ассоциации пробуждения, на котором Чжоу Эньлай выступил с призывом к свержению власти милитаристов, компрадорской буржуазии и бюрократов, к равенству полов и ликвидации феодальной семьи. Вскоре Чжоу Эньлай пригласил выступить на заседании Ассоциации одного из первых китайских марксистов, профессора Пекинского университета Ли Дачжао. В это время Чжоу Эньлай продолжал серьезно изучать «Манифест Коммунистической партии», другие произведения основоположников марксизма, встречался с одним из основателей КПК, Чэнь Дусю. После запрещения властями студенческой газеты он наладил ее нелегальный выпуск.

29 января 1920 г. при разгоне властями массового митинга, участники которого призывали к бойкоту японских товаров, Чжоу Эньлай был арестован вместе с несколькими другими студентами. Во время 13-недельного пребывания в тюрьме он вел с товарищами по камере занятия по марксизму, экономике и праву, занимался самообразованием. Мужественное поведение Чжоу Эньлая на суде, где он выступил обвинителем властей, противодействовавших патриотическому движению бойкота японских товаров и жестоко разгонявших студенческие митинги и демонстрации, снискало ему большую популярность в Тяньцзине и способствовало освобождению. После выхода из тюрьмы Чжоу Эньлай, как и многие члены Ассоциации пробуждения, включился в развернувшееся по всему Китаю движение за отъезд молодежи на учебу и работу в страны Европы, которое отражало стремление китайской общественности вырвать страну из отсталости, опираясь на опыт передовых европейских стран.

Осенью 1920 г. Чжоу Эньлай с группой студентов отплыл во Францию на деньги, собранные по добровольной подписке жителями Тяньцзиня. Франция в эти годы привлекала китайскую молодежь относительно по сравнению с другими европейскими странами дешевой жизнью, политическим либерализмом и доступностью высших учебных заведений. Кроме того, китайское правительство обещало уезжавшим субсидии. Однако полторы тысячи китайцев во Франции оказались в крайне стесненном положении, правительственные субсидии не последовали, о поступлении в вузы не могло быть и речи. Большинство устроилось на автомобильные заводы Рено в Париже и Лионе и на угольные шахты в Лилле.

По приезде во Францию Чжоу Эньлай поселился в рабочем пригороде Парижа Бийянкур и сразу же отдался организаторской и революционно-пропагандистской работе среди китайской молодежи. Он установил также связь с китайцами в Бельгии и Германии. Одновременно Чжоу Эньлай был внештатным корреспондентом одной тяньцзиньской газеты. В Берлине он познакомился с Чжу Дэ, будущим главкомом китайской Красной армией, затем Народно-освободительной армией Китая, и привлек его к революционной работе. Во Франции Чжоу Эньлай продолжал изучать и пропагандировать идеи марксизма и вместе с группой единомышленников, в которую входили Цай Хэсэнь, Ли Лисань, Дэн Сяопин, еще до образования КПК основал в Париже Китайскую коммунистическую лигу молодежи, стал редактором и основным автором ее печатного органа — журнала «La Jeunesse» («Молодежь»). После установления связи с основанной в Шанхае летом 1921 г. Коммунистической партией Китая летом 1922 г. члены Лиги с участием представителей коммунисти-

ческих кружков китайцев, проживавших в Европе, на конспиративной конференции в Булонском лесу близ Парижа приняли решение о вхождении в КПК и создали ее европейскую секцию. Поэтому в КНР Чжоу Эньлай с полным правом относят к числу основателей и первых членов КПК. Участники секции, в том числе Чжоу Эньлай, по совету Коминтерна, исходившего из необходимости сотрудничества КПК и Гоминьдана в период буржуазно-демократических преобразований, и по решению КПК стали в индивидуальном порядке вступать в основанную Сунь Ятсеном партию Гоминьдан. К этому времени в Китае был установлен единый антиимпериалистический фронт Гоминьдана и КПК.

В сентябре 1924 г. по указанию руководства КПК Чжоу Эньлай вернулся из Европы в Китай, в Гуанчжоу (Кантон) — столицу Южного Китая, где находилось революционное правительство, которым руководил Сунь Ятсен. Чжоу Эньлай стал работать секретарем Гуандун-Гуансийского комитета КПК и главой его военного отдела. Вскоре Сунь Ятсен назначил его начальником политотдела военной школы Хуанпу (Вампу), созданной при участии советских военных советников и инструкторов для подготовки военных кадров правительства Сунь Ятсена. На этом посту Чжоу Эньлай проявил себя талантливым политическим работником, подготовившим немало преданных революции офицеров-коммунистов. Начальником школы Хуанпу был Чан Кайши, в то время тщательно скрывавший свои реакционные взгляды и выдававший себя за верного последователя Сунь Ятсена. Бесстрашно участвуя в военных операциях Национально-революционной армии против милитаристов Южного Китая, Чжоу Эньлай приобрел огромный авторитет среди комсостава и курсантов школы, что во многом способствовало впоследствии его успешной работе по воссозданию в 1937 г. единого фронта Гоминьдан — КПК.

В 1925 г. 27-летний Чжоу Эньлай женился на Дэн Инчао — активистке тяньцзиньской студенческой Ассоциации пробуждения, с которой он познакомился еще в 1919 г. и переписывался все годы, проведенные им в Европе. Чжоу Эньлай и Дэн Инчао дружно прожили свыше 50 лет, вместе деля тяготы и опасности. До последнего времени Дэн Инчао являлась председателем Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая — органа Единого патриотического фронта Китая.

Во время Северного похода революционных войск Юга в 1925—1926 гг., целью которого было обеспечение победы революции во всем Китае, Чжоу Эньлай был политическим комиссаром 1-го армейского корпуса, а затем в Шанхае вел подготовку вооруженного выступления пролетариата этого опорного пункта империалистической реакции в поддержку Национально-революционной армии. Наконец под руководством Чжоу Эньлая восставшему пролетариату удалось захватить власть в этом крупнейшем промышленном центре Китая. В течение трех дней рабочие удерживали город в ожидании подхода войск, которыми командовал Чан Кайши. Однако последний уже открыто перешел на сторону реакции и, вступив 12 апреля в Шанхай, по сговору с империалистическими державами и местной контрреволюцией учинил зверскую расправу над восставшими. Чжоу Эньлаю чудом удалось спастись; за его голову была объявлена огромная награда.

После измены правого крыла Гоминьдана во главе с Чан Кайши делу революции и формирования последним в Нанкине контрреволюционного центрального правительства Чжоу Эньлай вышел из Гоминьдана. На V съезде КПК весной 1927 г. он был избран членом ЦК КПК и оставался в его составе все последующие годы. Одновременно Чжоу Эньлай был утвержден заведующим военным отделом ЦК и в этом качестве руководил после отхода от революции также и большинства руководителей левого крыла Гоминьдана восставшим сохранивших верность

революции частей, поднятым 1 августа 1927 г. в городе Наньчане. Однако из-за измены ряда примкнувших было к восстанию гоминьдановских военачальников оно потерпело поражение. Часть восставших, среди которых был Чжоу Эньлай, с боями ушла на юг в провинцию Гуандун, где находилась революционная база, а другая во главе с Чжу Дэ присоединилась в горах Цзинганьшань к участникам крестьянского «восстания осеннего урожая», руководимого Мао Цзэдуном. В память о Наньчанском восстании 1-е августа отмечается теперь в КНР как день Народно-освободительной армии Китая.

В начале 1928 г. Чжоу Эньлай при содействии Коминтерна нелегально прибыл в Советский Союз, где в июне — июле близ Москвы состоялся VI съезд КПК, который подвел итог национальной революции 1925—1927 гг. и наметил дальнейшее направление национально-освободительной борьбы китайского народа. На съезде Чжоу Эньлай выступил с отчетом об организационной работе и докладом по военному вопросу, и был избран членом Политбюро, секретарем ЦК и заведующим орготделом ЦК КПК. Летом 1928 г. он участвовал в работе VI конгресса Коминтерна в Москве, на котором был избран кандидатом в члены Исполкома Коминтерна (ИККИ).

После разрыва Гоминьданом единого фронта с КПК и суровых репрессий, обрушившихся на КПК, на рабочие, крестьянские, молодежные, женские и профессиональные организации, революционное движение в Китае переживало спад. В условиях белого террора ЦК КПК возложил на Чжоу Эньлая организацию работы ЦК в подполье. В октябре 1928 г. он нелегально возвратился в Шанхай и приступил к выполнению этой задачи. Во второй половине 1929 г. КПК частично восстановила свои ряды и начала работать нелегально. К концу 1929 г. несколько активизировалось рабочее и особенно крестьянское движение; в ряде провинций были созданы небольшие, но зато стабильные части Красной армии и опорные советские районы. Летом 1930 г. Чжоу Эньлай нелегально выехал в Советский Союз для доклада ИККИ о деятельности ЦК КПК. Будучи в Москве, он 5 июня 1930 г. от имени своей партии приветствовал участников XVI съезда ВКП(б), подробно рассказал о состоянии революционного движения в Китае и выразил солидарность рабоче-крестьянских масс своей страны с советским народом.

На XVI съезде ВКП(б) Чжоу Эньлай, в частности, сказал: «Великая китайская революция и китайская Коммунистическая партия родились именно под влиянием Октябрьской революции... Мировой экономической кризис, развитие революционного движения и особенно большие успехи... социалистического строительства в СССР, все это оказывает серьезнейшее влияние на революционное движение в Китае». Остановившись на той реакции, которую вызвала военная авантюра китайских милитаристов на дальневосточных границах СССР (события 1929 г. на КВЖД), Чжоу Эньлай продолжал: «Империалисты не только толкают китайских милитаристов к войне, чтобы усилить эксплуатацию китайских трудящихся, но и используют китайских милитаристов как оружие для нападения на СССР, чтобы укрепить свои позиции на Дальнем Востоке. События на Китайской Восточной железной дороге являются ясным выражением авантюристской политики Гоминьдана. Какой был результат? Красная Армия СССР дала сокрушительный отпор такому нападению империалистов, а китайские рабочие и крестьянские массы демонстрировали под лозунгом «вооруженная защита СССР»... Лозунг защиты СССР и борьбы с милитаристами вызвал шумный отклик». Закljučая свое выступление под продолжительные аплодисменты делегатов съезда, Чжоу Эньлай отметил, что «хищники-империалисты ведут наступление на СССР с Запада и Востока, конфликт на КВЖД был попыткой спровоцировать СССР на войну. Однако нарастающим мировым революционным подъемом в конце концов было сорвано наступление империалистов...

Товарищи, молодая китайская коммунистическая партия следит за ленинской ВКП(б) и идет по пути жесточайшей революционной борьбы. Мы будем вместе с вами и пролетариатом всех стран бороться против империалистической войны, против наступления империалистов на СССР и против подавления империалистами революционного движения в колониях»¹.

Возвратившись в Китай в конце августа 1930 г., Чжоу Эньлай продолжал работать в глубоком подполье в Шанхае. Он стремился к сплочению вокруг ЦК всех организаций КПК и руководящих деятелей партии. В июне 1931 г. из-за предательства одного из подпольщиков Чжоу Эньлаю пришлось срочно покинуть город и перебраться в Центральный советский район, созданный в 1928—1930 гг. в провинции Цзянси, неподалеку от границы с провинцией Фуцзянь. 17 ноября 1931 г. на 1-м Всекитайском съезде Советов он был избран в состав Центрального Исполнительного Комитета Китайской Советской республики и стал членом ее Военного совета. На этих постах он проявил себя талантливым организатором революционных вооруженных сил, много сделал для мобилизации населения в поддержку правительства Центрального советского района и оказания успешного отпора Четвертому карательному походу чанкайшистских армий против него. Учитывая боевые заслуги Чжоу Эньлая, состоявшийся в январе 1934 г. в Центральном советском районе II Всекитайский съезд Советов избрал его заместителем председателя Военного совета республики.

Весной 1934 г. Чан Кайши, собрав огромную армию, используя авиацию и артиллерию, предпринял Пятый карательный поход против Центрального советского района. Ввиду невозможности удержать эту опорную базу перед натиском превосходящих сил противника Чжоу Эньлай разработал план прорыва гомиьндановской блокады, провел скрытую мобилизацию необходимых для этого людских резервов, военных материалов и продовольствия, и в октябре 1934 г. основные силы Красной армии выступили из провинции Цзянси в поход на северо-запад Китая, где имелась другая советская опорная база. Этот героический, более чем 10-тысячекilометровый поход через глубокие ущелья, непроходимые леса, покрытые вечными снегами неприступные горы, пустыни, болота и реки 11 провинций Китая, под постоянными атаками гомиьндановских войск и частей местных милитаристов, под воздушными бомбардировками — незабываемая страница в истории национально-освободительной борьбы китайского народа. Чжоу Эньлай делил все трудности похода с рядовыми его участниками, проявляя мужество и героизм, своим личным примером воодушевляя бойцов и командиров Красной армии.

Во время похода Чжоу Эньлай выполнял обязанности начальника штаба и от имени ЦК КПК неоднократно обращался к солдатам и офицерам противника с призывом сплотить все силы нации для отпора агрессии империалистической Японии. 1 августа 1935 г., когда основная группа участников похода обосновалась в Пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся, была опубликована декларация КПК с призывом прекратить братоубийственную гражданскую войну и создать правительство национальной обороны. 5 мая 1936 г. в телеграмме, адресованной Военному комитету чанкайшистского нанкинского правительства, всем вооруженным силам, партиям, группировкам, редакциям газет, руководители КПК вновь выступили с предложением о прекращении гражданской войны и объединении всех сил страны для борьбы с Японией. Аналогичные призывы были повторены КПК и в августе, и в сентябре. Однако Чан Кайши, поручив доверенным лицам начать конфиден-

¹ XVI съезд ВКП(б). Стеногр. отч. М.—Л. 1930, с. 435.

диальные переговоры с представителями КПК — Чжоу Эньлаем и Пань Ханьнянем, в то же время планировал очередные операции против опорных баз КПК.

По заданию ЦК КПК Чжоу Эньлай начал работу по установлению связи с войсками под командованием Чжан Сюэляна, вынужденными по приказу из Нанкина, не противодействуя захвату Маньчжурии Японией, отступить в Северо-Западный Китай. Еще в январе 1936 г. Чжоу Эньлай вместе с Мао Цзэдуном и Чжу Дэ обратился со специальным воззванием к офицерам и солдатам Северо-восточной армии Чжан Сюэляна, призывавшим их к совместному отпору японской агрессии. Аналогичная работа велась КПК и с личным составом 17-й армии Гоминьдапа под командованием патриотически настроенного генерала Ян Хучэна. 9 апреля 1936 г. Чжоу Эньлай имел глубоко законспирированную встречу с Чжан Сюэляном, в ходе которой разъяснил ему политику КПК в деле организации общенационального отпора японской агрессии. Под впечатлением этой встречи и последовавшей за ней переписки с Чжоу Эньлаем Чжан Сюэлян стал горячим сторонником прекращения гражданской войны, уже не выполнял приказы Чан Кайши о блокаде Особого района (так в 1937—1945 гг. назывался Пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся) и разрешил КПК иметь свое неофициальное представительство в провинциальном центре г. Сиани для разработки совместных с его войсками и 17-й армией Ян Хучэна действий по оказанию отпора японским интервентам, сконцентрировавшимся в Северном Китае.

Когда Чан Кайши прибыл в Сиань для руководства военными действиями против частей КПК, Чжан Сюэлян и Ян Хучэн потребовали от него прекратить гражданскую войну. Чан Кайши ответил отказом. Тогда 12 декабря 1936 г. они арестовали его и, по настоянию радикально настроенных офицеров своих войск, решили предать суду и казнить как изменника нации. Арест Чан Кайши активизировал действия про-японских элементов в нанкинском правительстве, стремившихся военным путем подавить патриотические силы и принять японские условия полного подчинения Китая Японии. Поскольку при всем своем антикоммунизме Чан Кайши не был сторонником капитуляции перед Японией и представлял собой наиболее крупную военную и политическую фигуру общенационального масштаба, способную возглавить объединенный отпор агрессору, по совету Коминтерна КПК решительно вмешалась в сианьские события. Туда был послан Чжоу Эньлай с целью мирного урегулирования инцидента. Он успешно справился с этой исключительно сложной задачей. Чан Кайши в беседе с ним выразил готовность объединить все силы страны для защиты от внешнего врага и прекратить гражданскую войну, после чего Чжан Сюэлян и Ян Хучэн согласились освободить Чан Кайши из-под стражи. 25 декабря 1936 г. Чан Кайши вылетел из Сиани. Мирное разрешение сианьского конфликта положило начало формированию в Китае единого антияпонского национального фронта с участием Гоминьдапа и КПК.

Вскоре Чжоу Эньлай был назначен представителем КПК для переговоров с нанкинским правительством по выработке подробного соглашения между обеими партиями о едином антияпонском фронте. Когда 7 июля 1937 г. Япония развязала войну против Китая, Чжоу Эньлай выехал на фронт в Северный Китай для проведения агитационно-пропагандистской работы среди населения, разъяснения методов партизанской войны, сплочения всех патриотических сил. В конце 1937 г., после установления сотрудничества между Гоминьданом и КПК, по решению ЦК КПК Чжоу Эньлай прибыл в г. Ухань, ставший временной столицей Китая после оккупации Японией Нанкина. Здесь он развернул большую работу по укреплению единого антияпонского национального фронта и одновременно редактировал орган КПК газету «Синьхуа жибао».

В марте 1938 г. Центральным правительством Китая он был назначен заместителем начальника Политуправления Военного комитета Китая и Управления по мобилизации масс при этом комитете. На этих постах Чжоу Эньлай спускал огромную популярность среди работников искусства, деятелей культуры, писателей, представителей других слоев интеллигенции, мобилизуя их усилия на отпор врагу. В конце 1938 г. в связи с продвижением японских войск в глубь страны, он возглавил представительство КПК и 8-й армии в г. Чунцине, куда теперь переместилась столица Китая, и продолжал работу по укреплению единого антияпонского фронта, разоблачая капитулянтские элементы в правительстве и армии, совершая частые инспекционные поездки по прифронтовым районам и японским тылам. Одновременно в качестве секретаря ЦК КПК, секретаря его Южно-Китайского бюро и главного редактора «Синьхуа жибао» он вел большую организаторскую и пропагандистскую партийную работу.

В августе 1939 г., находясь по делам в Яньани, Чжоу Эньлай при падении с лошади сломал руку и для лечения был направлен в Советский Союз. Встречаясь с руководством Коминтерна, Чжоу Эньлай подробно информировал ИККИ о положении в Китае, деятельности КПК и, в свою очередь, знакомился с состоянием международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, с деятельностью ИККИ. Выходящий на многих языках журнал «Коммунистический Интернационал» (орган ИККИ) постоянно публиковал статьи видных китайских коммунистов, документы КПК. Номер журнала от 1 декабря 1935 г. практически целиком был посвящен героической борьбе китайских коммунистов.

Среди других документов в журнале было опубликовано подписанное Чжу Дэ, Чжоу Эньлаем и Ван Цзясяном «Обращение Реввоенсовета Красной армии Китая к абиссинскому народу». В нем от имени Красной армии Китая и борющегося за свою независимость китайского народа они выражали солидарность с борьбой народа Абиссинии против итальянского фашизма и передавали ему братский привет. «Нас разделяют тысячи километров, реки, моря, горы,— говорилось в обращении,— но всеми мыслями и чувствами мы с вами, в вашей бесстрашной борьбе против империалистических варваров. Никто лучше нас не знает, каким нестерпимым мучениям, бесчисленным пыткам, жестоким истязаниям и всевозможным притеснениям подвергают империалисты закабаленные ими народы. Никто лучше нас не понимает той смертельной опасности, которая угрожает вашему народу со стороны итальянских империалистов... Единственный путь к спасению вашего народа — это самоотверженная вооруженная оборона вашей национальной независимости»².

В 1940 г. в СССР была опубликована статья Чжоу Эньлая «Против опасности раскола и капитуляции в Китае», в которой он писал, что «на всем протяжении национально-освободительной войны в Китае опасность капитуляции никогда не была столь острой, как сейчас». Указывая на внутренние и внешние источники этой угрозы, Чжоу Эньлай отмечал: «Американская буржуазия опасается последствий победы китайского народа в национально-освободительной войне. Кроме того, в связи с войной в Европе США менее заинтересованы в поставке военных материалов для японо-китайской войны. Вот почему, несмотря на противоречия, существующие между Англией, Францией и США на Дальнем Востоке, несмотря на всю остроту противоречий между ними и Японией, все они усиливают свое давление на китайское правительство и китайский народ, чтобы сломить сопротивление китайского народа и заставить его капитулировать». Далее Чжоу Эньлай писал: «Капитулянтские и консервативные элементы внутри Китая ведут кампанию лжи и клеветы против передовых элементов в стране, против Пограничного района, против 8-й и

² Коммунистический Интернационал, 1935, № 33—34, с. 115.

4-й армий, провоцируют вооруженные конфликты, стремясь таким образом расколоть силы Китая в антияпонской войне. Это и есть расчистка путей к капитуляции... здесь-то и кроется главная опасность для китайского народа в настоящее время». Борясь за единство антияпонских сил, «китайские коммунисты — верные сыны своего народа — призывают китайский народ и его армию быть бдительными и бороться за предотвращение опасности капитуляции» — такими словами закаивал Чжоу Эньлай свою статью³.

В марте 1940 г. Чжоу Эньлай после лечения возвратился из СССР в Яньань, а затем уехал в Чунцин, где продолжал работу по укреплению единого антияпонского фронта, по сплочению всех демократических сил, решительно противодействуя антикоммунистическим акциям Чан Кай-ши и его сторонников в Военном комитете, продолжая борьбу с капитулянтскими элементами в Гоминьдане. В Чунцине он вел и большую пропагандистскую работу в пользу КПК и 8-й армии среди дипломатического корпуса и иностранных корреспондентов.

С июня 1943 г. по ноябрь 1944 г. Чжоу Эньлай находился в Яньани, куда его вызвал Мао Цзэдун для участия в «кампании по исправлению стиля работы». Эта кампания, начавшаяся в Особом районе еще в конце 1941 г., приняла с апреля 1943 г. характер массовой чистки рядов КПК. ЦК КПК была поставлена задача «посредством идеологической системы Мао Цзэдуна покончить с меньшевистской идеологией внутри партии»⁴. В ходе кампании честных коммунистов заставляли каяться во всевозможных проступках, писать всякого рода «признания» в отклонении от линии партии. Начальник контрразведки Мао Цзэдуна — Кан Шэн под предлогом выявления агентуры Гоминьдана и японцев проводил необоснованные массовые репрессии, повсеместно насаждал культ личности Мао Цзэдуна, взгляды которого выдавались за образец «китайзированного марксизма»⁵.

После принятого Президиумом ИККИ в мае 1943 г. решения о самопуске Коминтерна в Яньани стали подвергаться огульной критике сторонники сохранения политики единого фронта с Гоминьданом, коммунисты-интернационалисты, в том числе Чжоу Эньлай. Это обстоятельство вынудило Г. Димитрова 22 декабря 1943 г. обратиться с личным письмом к Мао Цзэдуну, в котором он выражал тревогу в связи со свертыванием борьбы КПК с японскими оккупантами и отклонением руководства партии от политики единого национального фронта. «В период национальнoй войны китайского народа, — писал Димитров, — подобный курс грозит поставить партию в изолированное от народных масс положение и способен привести к опасному обострению междоусобной войны, в котором могут быть заинтересованы только оккупанты и их агенты в Гоминьдане. Я считаю политически неправильной проводимую кампанию против Чжоу Эньлая и Ван Мина, которым инкриминируется... политика национального фронта, в итоге которой они якобы вели партию к расколу. Таких людей, как Чжоу Эньлай и Ван Мин, надо не отсекать от партии, а сохранять и всемерно использовать для дела партии»⁶.

В ходе «кампании по исправлению стиля работы» в марте 1944 г. Чжоу Эньлай был вынужден выступить с пространной самокритикой в связи со своим участием в руководстве работой VI съезда КПК в Москве в 1928 г., а также подвергнуть критике отдельные стороны политики Коминтерна в китайских делах как в 1928 г., так и в последующие годы. В числе основных недостатков VI съезда КПК он назвал участие в его работе ряда советских представителей в Коминтерне, не разбиравшихся в китайских делах, и отсутствие на съезде Мао Цзэдуна и Лю Шаоци.

³ Там же, 1940, № 3—4, с. 98, 99, 102, 105.

⁴ Цзефан жибао. 6.VII.1943.

⁵ Новейшая история Китая. 1928—1949. Т. 2. М. 1981, с. 217.

⁶ Коммунист, 1982, № 9, с. 81—82.

Он также упомянул о том, что руководящие деятели Коминтерна, с которыми он беседовал в Москве в 1940 г., «все еще опасались, как бы мы не отошли слишком далеко от рабочего класса», и якобы в ответ на слова Чжоу Эньлая, что, «пройдя закалку в длительной борьбе в деревне и работая под руководством товарища Мао Цзэдуна, мы вполне можем протестаризироваться — товарищи из Коминтерна... только хмыкнули»⁷.

Выступая по форме с самокритикой и пропагандой идей Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлай в своем пространным докладе в Партийной школе при ЦК КПК в Яньани «К оценке VI съезда партии», по существу, впервые ознакомил широкий партийный актив с историей этого съезда и обсуждавшимися на нем вопросами, с деятельностью Коминтерна, со многими теоретическими проблемами китайской революции. Не случайно, видимо, Мао Цзэдун вскоре заявил, что «товарищ Чжоу Эньлай слишком много занимается самокритикой»⁸. Письмо Г. Димитрова Мао Цзэдуну способствовало свертыванию «кампании по исправлению стиля работы».

В ноябре 1944 г. Чжоу Эньлай был направлен в Чунцин для переговоров с гоминьдановскими властями и представителями США, взявшими за посредничество между Гоминьданом и КПК с целью создания коалиционного правительства в Китае. В апреле 1945 г. он участвовал в работе VII съезда КПК в Яньани, где выступил с докладом о едином фронте. На съезде он был переизбран в состав Политбюро и Секретариата ЦК КПК. 28 августа 1945 г., накануне капитуляции Японии, Чжоу Эньлай вместе с Мао Цзэдуну прибыл в Чунцин для мирных переговоров с Гоминьданом при посредничестве представителей США и 10 октября от имени КПК подписал соответствующее соглашение с Гоминьданом. 1 января 1946 г. он был назначен представителем КПК на трехсторонних переговорах с Гоминьданом и представителями США о прекращении военных конфликтов и восстановлении путей сообщения, а затем участвовал в качестве главы делегации КПК в созванной в Чунцине первой сессии Политической консультативной конференции представителей различных партий и общественных организаций Китая.

В марте 1946 г. Чжоу Эньлай возглавил представительство КПК и 8-й армии в Нанкине, где теперь находилось гоминьдановское правительство, часто посещал районы, где происходили столкновения частей, подконтрольных КПК, с гоминьдановскими войсками с целью их урегулирования, и в ноябре того же года в связи с постоянными нарушениями гоминьдановскими подписанных в Чунцине соглашений и продолжавшейся американской интервенцией он по указанию ЦК КПК возвратился в Яньань. Вскоре после этого Чан Кайши, опираясь на поддержку США, развернул крупномасштабную гражданскую войну против демократических сил страны. 18 марта 1947 г. ЦК КПК и правительство Особого района вынуждены были ввиду наступления гоминьдановских войск покинуть Яньань и перебазироваться на север провинции Шэньси, откуда координировать действия частей Народно-освободительной армии Китая (НОАК) (так стали с 1947 г. называться народно-революционные войска). В августе 1947 г. Чжоу Эньлай был назначен заместителем председателя Военного совета ЦК КПК, исполняющим обязанности начальника Генерального штаба НОАК, и участвовал в руководстве крупнейшими ее операциями конца 1948 — начала 1949 г.: Ляоси-Шэньянской, Бэйпин-Тяньдзинь-Калганской и Хуайхайской.

25 марта 1949 г. вместе с центральными учреждениями КПК Чжоу Эньлай прибыл в Бэйпин (Пекин), освобожденный частями НОАК 31 января 1949 года. Здесь он возглавил мирные переговоры с гоминьдановским правительством о прекращении гражданской войны и одно-

⁷ Чжоу Эньлай. К оценке VI съезда партии.— Избранные произведения. Т. I. Пекин. 1981, с. 231.

⁸ Лу Динъи. Вспоминаю хорошего народного премьера — товарища Чжоу Эньлая.— Женьминь жибао, 8.III.1979.

временно вел работу по сплочению вокруг КПК всех демократических сил страны. В этих целях в Бэйпине в июне 1949 г. был создан Подготовительный комитет по созыву Народного политического консультативного совета (НПКС). На открывшейся 22 сентября 1949 г. в Бэйпине конференции НПКС Чжоу Эньлай выступил с докладом о проекте его Общей программы и практически руководил работой конференции. На первой сессии народного правительства Китайской Народной Республики, провозглашенной 1 октября 1949 г., он был избран премьером Государственного административного совета и министром иностранных дел КНР. На этих постах ярко проявились его организаторские и дипломатические способности.

20 января 1950 г. Чжоу Эньлай прибыл в Москву, где в то время находился Мао Цзэдун, и участвовал в советско-китайских переговорах. 14 февраля от имени КНР Чжоу Эньлай подписал в Москве Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с Советским Союзом, по которому Китай получал от СССР необходимую финансовую, экономическую, научно-техническую и военную помощь и надежную защиту со стороны Советских Вооруженных Сил в случае иностранной агрессии. По просьбе китайского правительства в КНР была направлена большая группа советских экономических и военных советников, а также специалистов в различных областях промышленности, транспорта, финансов, культуры, науки и образования, руководство работой которых повседневно осуществлял Чжоу Эньлай.

С деятельностью Чжоу Эньлая после 1949 г. связаны все основные этапы народнохозяйственного строительства КНР, развития культуры, науки, просвещения, а также разработки и осуществления ее внешней политики. Он много сил и внимания уделял развитию всесторонних дружественных отношений с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Не было практически ни одного крупного выступления Чжоу Эньлая до 1961 г.— будь то на VIII съезде КПК, на сессиях Всекитайского собрания народных представителей, Всекитайского комитета НПКС, на собраниях общественности, в газетных и журнальных статьях,— где бы он не напоминал о необходимости крепить и развивать дружбу между КНР и СССР, совместно бороться за мир и безопасность народов.

В докладе на VIII съезде КПК в сентябре 1956 г. Чжоу Эньлай сказал, что в период осуществления первого пятилетнего плана Советский Союз предоставил КНР «кредиты на льготных условиях, оказал помощь в проектировании 205 промышленных объектов и поставках для них большей части оборудования, направил... много замечательных специалистов, а также оказал большую техническую помощь в других областях... Мы хотим воспользоваться этим случаем,— подчеркнул Чжоу Эньлай,— чтобы выразить свою глубокую благодарность Советскому Союзу и странам народной демократии за эту сердечную, братскую помощь»⁹.

Выступая в январе 1959 г. на XXI съезде КПСС с приветствием от ЦК КПК, Чжоу Эньлай говорил: «Советский Союз и Китай являются братскими социалистическими странами. Марксизм-ленинизм тесно сплачивает воедино обе наши страны и все социалистические государства, народы наших двух стран являются самыми близкими соратниками, прошедшими через длительное испытание. У нас общая судьба, наши интересы едины. Тесная дружба народов наших двух стран вечна и нерушима»¹⁰.

В докладе на первой сессии Всекитайского собрания народных представителей второго созыва Чжоу Эньлай подчеркнул: «Укрепление сило-

⁹ Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. М. 1956. с. 124—125.

¹⁰ Внеочередной XXI съезд КПСС. 27 января — 5 февраля 1959 г. Стеногр. отч. Т. 1. М. 1959, с. 158.

ченности с Советским Союзом и со всеми социалистическими странами — таков основной курс нашей страны... Империалисты и реакционеры всего мира всегда боялись и боятся сплоченности народов всех стран, в особенности сплочения народов социалистических стран. За последнее время они изощряются во всевозможных подлых приемах, стремясь подорвать дружбу между Китаем и Советским Союзом и между всеми социалистическими странами, ибо эта дружба и сплоченность являются могучим оплотом защиты мира и прогресса человечества»¹¹. В связи с 10-летием со дня образования КНР Чжоу Эньлай писал: «Отмечая десятую годовщину со дня образования КНР, народ нашей страны выражает особую благодарность Советскому Союзу, который оказал нашей стране помощь в строительстве 166 объектов в период первой пятилетки и вновь заключил в прошлом и нынешнем годах соглашения об оказании помощи нашей стране в строительстве 125 объектов, причем за 10 лет направил в Китай на работу свыше 10 800 специалистов в области экономики, культуры и просвещения... Достиженные нами успехи неразрывно связаны с огромной помощью со стороны народов братских стран, народ нашей страны никогда не забудет об их горячем энтузиазме и дружбе, будет всегда неуклонно придерживаться марксистско-ленинских принципов сочетания патриотизма с интернационализмом, неуклонно крепить и развивать братское сотрудничество с ними»¹².

Чжоу Эньлай неизменно поддерживал внешнеполитические шаги и инициативы Советского Союза по вопросам разоружения, запрещения испытаний ядерного и водородного оружия, обеспечения мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе и в Европе, политику в отношении заключения мирного договора с Японией, урегулирования положений на Ближнем Востоке и вокруг Западного Берлина. В ноте правительства КНР посольству СССР в Китае по вопросу о мирном договоре с Японией, подписанной Чжоу Эньлаем 22 мая 1951 г., выражалась полная поддержка предложений Советского Союза о том, чтобы в мирном договоре с Японией были «зафиксированы положения относительно запрещения Японии вступать в коалиции, направленные против какой-либо союзной державы», относительно того, что «все оккупационные войска должны быть выведены из Японии не позднее одного года после заключения мирного договора» и что «никакому государству не разрешается оставлять свои вооруженные силы или военные базы в Японии»¹³.

В совместном советско-китайском заявлении от 18 января 1957 г. по итогам визита в СССР правительственной делегации КНР, возглавлявшейся Чжоу Эньлаем, отмечалось, что в ходе широкого обмена мнениями «обе стороны пришли к совершенно единой точке зрения в отношении современной международной обстановки и важных международных вопросов». В заявлении подробно рассматривались эти вопросы и в заключительной части констатировалось, что «дружба и единство Советского Союза и Китая являются важнейшим фактором единства социалистических государств,.. важной опорой мира во всем мире»¹⁴. В приветственном выступлении по радио по случаю 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Чжоу Эньлай сказал, что «китайский народ всегда считал и считает праздник Октябрьской революции своим праздником. Октябрьская революция указала китайскому народу путь к окончательному освобождению. Советский Союз оказал и оказывает огромную и великодушную помощь китайскому народу в деле социалистического строительства. Китайский народ, навеки решительно

¹¹ Чжоу Эньлай. Отчетный доклад о работе правительства на первой сессии ВСНП второго созыва. Пекин. 1959, с. 65—66.

¹² Чжоу Эньлай. Великое десятилетие. Пекин. 1959, с. 41.

¹³ Советско-китайские отношения 1917—1957 гг. Сб. док. М. 1959, с. 263.

¹⁴ Там же, с. 330, 334—335.

сплотившись с советским народом, победоносно идет вперед по славному пути Октябрьской революции»¹⁵.

Будучи страстным патриотом, Чжоу Эньлай придавал особое значение делу воссоединения Тайваня с материковой частью КНР, призывал гоминьдановских деятелей на Тайване содействовать созданию третьего общенационального единого фронта между КПК и Гоминьданом. Выступая на третьей сессии Всекитайского собрания народных представителей первого созыва, он говорил: «Двери родины всегда широко открыты для всех патриотов. Каждый китаец имеет право и обязан внести свой вклад в священное дело объединения родины. Благодаря сплоченности нашей нации и усилиями всего нашего народа Тайвань будет непременно освобожден»¹⁶. Умирая, Чжоу Эньлай завещал, чтобы его похоронная церемония состоялась в Тайваньском зале здания Всекитайского собрания народных представителей, а его прах после кремации был развеян над полями, горами и реками Китая и над водами Тайваньского пролива. Большой вклад внес Чжоу Эньлай и в дело урегулирования правового статуса китайцев, проживающих за пределами КНР, главным образом в странах Юго-Восточной Азии.

Благодаря Чжоу Эньлаю значительных успехов добилась китайская дипломатия, способствовавшая ослаблению напряженности в международных отношениях. Особенно ярко дипломатический талант Чжоу Эньлая проявился на совещании министров иностранных дел пяти великих держав, открывшемся 26 апреля 1954 г. в Женеве, на котором обсуждался корейский вопрос и вопрос об Индокитае. Китай и Советский Союз энергично поддерживали на конференции предложения Демократической Республики Вьетнам (ДРВ), предусматривавшие признание ее независимости, а также Камбоджи и Лаоса. Достигнутые в Женеве соглашения упрочили положение ДРВ как молодого социалистического государства, положили конец французской интервенции в Индокитае.

В 1954 г. Чжоу Эньлай и премьер-министр Индии Дж. Неру совместно разработали пять принципов мирного сосуществования («панча шила»)¹⁷, признанных и поддержанных затем руководителями 29 стран Азии и Африки на состоявшейся в апреле 1955 г. при активном участии Чжоу Эньлая Бандунгской конференции. Решения ее, достигнутые благодаря дипломатическому искусству Чжоу Эньлая и Неру, были проникнуты духом борьбы против колониализма, за всестороннее экономическое и культурное сотрудничество между странами Азии и Африки на базе сформулированных конференцией десяти принципов мирного сосуществования, которые представляли собой развитие «панча шила».

Большое значение Чжоу Эньлай придавал личным контактам с руководителями и общественными деятелями зарубежных стран, много сам ездил за границу и часто принимал в Пекине иностранных гостей. Он тщательно готовился к заграничным поездкам, внимательно изучал собранные по его заданию аппаратом МИД КНР досье по всем вопросам, связанным с той страной, куда ему предстояло ехать. В ноябре 1956-го — феврале 1957 г. Чжоу Эньлай совершил ряд поездок в страны Азии — Вьетнам, Камбоджу, Бирму, Индию, Пакистан, Афганистан, Непал и Цейлон, устанавливая и развивая дружественные отношения Китая с этими странами. Весной 1960 г. он снова посетил Бирму, Индию, Непал, Камбоджу, Вьетнам, а также Монгольскую Народную Республику. В конце 1963-го — начале 1964 г. Чжоу Эньлай побывал в десяти странах Африки. Сделанные им в ходе этой поездки заявления, выдержанные в духе

¹⁵ Там же, с. 381—382.

¹⁶ Чжоу Эньлай. О современном международном положении, внешней политике КНР и об освобождении Тайваня. Пекин, 1956, с. 35.

¹⁷ 1) Взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и взаимная выгода; 5) мирное сосуществование.

установок Мао Цзэдуна о том, что в Африке существует «превосходная революционная ситуация», не получили, однако, ожидаемой поддержки правительств этих стран. Не увенчалась в этом плане успехом и его новая поездка по странам Африки летом 1965 года. Весьма примечательно, что публичные выступления Чжоу Эньлая в африканских странах в эти годы значительно отличались по содержанию и по тональности от бурной антисоветской кампании, развернутой тогда в китайской прессе.

В октябре 1961 г. Чжоу Эньлай посетил Москву в качестве главы китайской партийной делегации на XXII съезде КПСС. В своем выступлении на нем 19 октября он резко осудил военные провокации США в Берлине, на Кубе, в Лассе, Южном Вьетнаме, Южной Корее и на территории Китая — на острове Тайвань, призвал к единству и сплоченности всего социалистического лагеря, международного коммунистического движения: «Сплоченность — это сила. При наличии сплоченности можно преодолеть все. Перед лицом сплоченности сил социализма во всем мире, сплоченности угнетенных наций и угнетенных народов и сплоченности миролюбивых народов и государств всего мира все бредовые замыслы империалистов и их приспешников непременно потерпят полный крах. Между народами Китая и Советского Союза издавна существует глубокая дружба... Эта великая сплоченность и дружба между народами наших двух стран будут жить в веках, подобно тому, как Янцзы и Волга будут вечно нести свои воды»¹⁸. Свою последнюю поездку в Советский Союз в качестве главы партийно-правительственной делегации Китая Чжоу Эньлай совершил по поручению Мао Цзэдуна на празднование 47-й годовщины Великого Октября.

В 1972 г. врачи обнаружили у Чжоу Эньлая рак. Он перенес в общей сложности 14 операций, продолжая тем не менее напряженно работать. Весной 1974 г. его здоровье ухудшилось, он постоянно находился в госпитале, но не прекращал заниматься делами Госсовета и принимать посетителей. 13 января 1975 г., несмотря на болезнь, Чжоу Эньлай выступил с докладом на сессии Всекитайского собрания народных представителей, в котором изложил программу «четырёх модернизаций». В феврале 1975 г. он перенес еще одну операцию, но развитие болезни уже нельзя было остановить. 8 января 1976 г. Чжоу Эньлай скончался.

...5 апреля 1976 г. в день «динмин», когда по старинному народному обычаю поминают усопших родных, в Пекине стояла необычно холодная погода, дул пронизывающий северный ветер с пылью. Несмотря на это, сотни тысяч жителей столицы КНР с портретами Чжоу Эньлая, белыми траурными венками и белыми цветами, с пением «Интернационала» отовсюду стекались на центральную площадь Тяньаньмынь. В течение нескольких дней на площади стихийно возникли траурные митинги, читались стихи, посвященные памяти Чжоу Эньлая. Напуганные активностью масс, сторонники Мао Цзэдуна стянули к площади крупные воинские и полицейские силы, которые грубо разгоняли собравшихся и произвели массовые аресты. Участников демонстрации избивали, принесенные ими венки и цветы выбрасывали. Дэн Сяопин, выполнявший обязанности премьера Госсовета КНР во время болезни и после смерти Чжоу Эньлая, был обвинен в организации этой народной демонстрации и отправлен в ссылку, а на его место назначен Хуа Гофэн. 9 сентября 1976 г. умер Мао Цзэдун, а через месяц были арестованы члены «банды четырех» во главе с женой Мао Цзэдуна Цзян Ципи. Вскоре к руководству КПК и страной возвратился Дэн Сяопин.

В КНР за последние годы немало сделано для увековечения памяти Чжоу Эньлая. В 1978 г. широко отмечалось 80-летие со дня его рождения. В Нанкине, Шанхае, Чунцине, Сиани и Тяньцзине были открыты

¹⁸ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–31 октября 1961 года. Стеногр. отч. Т. 1. М. 1962, с. 326.

мемориальные музеи, связанные с пребыванием Чжоу Эньлая в этих городах, издан двухтомник его произведений, вышли и продолжают публиковаться документы, связанные с Чжоу Эньлаем, литература о нем. Многие китайские руководители, в том числе Дэн Сяопин, в своих статьях и публичных выступлениях призывают «учиться у товарища Чжоу Эньлая»¹⁹.

В связи с 90-летием со дня его рождения орган ЦК КПК газета «Жэньминь жибао» опубликовала воспоминания его помощников, характеризующие неутомимую деятельность Чжоу Эньлая на посту премьер-министра Госсовета и министра иностранных дел КНР, всегда принципиально и стойко отстаивавшего национальное достоинство Китая²⁰. Оценка, которую в 1979 г. дала Чжоу Эньлаю соратница и вдова Сунь Ятсена Сун Цинлинь, наиболее ярко выражает те чувства, которые питает китайский народ к Чжоу Эньлаю: «Настоящий коммунист и как человек, и как политический деятель, премьер Чжоу жил скромно и просто, был всегда доступен, всегда среди масс трудящихся, как один из них... Для нас навсегда останется образцом этот благородный, неутомимый, бесстрашный, с горячим сердцем борец и труженик, который был любим народом за то, что любил народ, и который был способен побеждать всех врагов и объединять всех, кого только можно объединить во имя поступательного движения»²¹.

Собирая материал о Чжоу Эньлае, автор имел ряд бесед с людьми, близко соприкасавшимися с ним. Председатель Китайского народного общества дружбы с границей, бывший посол КНР в США Чжан Вэньцзинь, долгие годы работавший в МИД КНР под непосредственным руководством Чжоу Эньлая, подчеркнул, что он заметно отличался от других китайских руководителей своей коммуникабельностью и феноменальной работоспособностью. Это, по словам Чжан Вэньцзиня, был прирожденный начальник штаба. Аналогичную оценку роли Чжоу Эньлая дал американский журналист Г. Солсбери²². Если Мао Цзэдун в 50–70-х годах лишь изредка общался с народом, присутствуя на высокой трибуне на площади Тяньаньмынь в Пекине во время демонстраций и парадов или же выступая в печати, то Чжоу Эньлай всегда находился в самой гуще народа, много ездил по стране, бывал на предприятиях, нефтепромыслах, новостройках. Он обладал удивительной памятью на лица и фамилии, держал себя со всеми приветливо, быстро вникал в суть самых сложных вопросов.

По воспоминаниям члена делегации КПК на VII конгрессе Коминтерна Го Шаотана (А. Г. Крымова), который был знаком с Чжоу Эньлаем еще с 1928 г., он обладал удивительной способностью убеждать спорящих в необходимости достижения разумного компромисса. Например, после завершения работы VI съезда КПК в 1928 г. Чжоу Эньлай успешно и довольно быстро примирил враждовавшие между собой группировки китайских студентов, учившихся в Университете им. Сунь Ятсена в Москве. Бывший первый заместитель председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, с 1950 по 1960 г. возглавлявший советских специалистов, работавших в КНР по приглашению китайского правительства, и часто общавшийся с Чжоу Эньлаем, отмечал, что, по его впечатлениям, он был наиболее последовательным из всех членов Политбюро ЦК КПК (за исключением, быть может, Чэнь Юня) в деле развития, укрепления, а в конце 50-х — начале 60-х годов и сохранения китайско-советской дружбы.

Как премьер Госсовета Чжоу Эньлай руководил всей повседневной работой правительственного аппарата, глубоко вникал во все вопросы

¹⁹ Deng Xiaoping. Selected Works. Beijing. 1984, p. 245.

²⁰ Правда. 23.II.1988.

²¹ China Reconstructs. Peking, 1979, № 4, pp. 7–8.

²² Salisbury H. E. The Long March. The Untold Story. Lnd. 1985, p. 132.

экономики, развития науки и техники, культуры, образования, внимательно прислушивался к рекомендациям советских специалистов. 7 февраля 1951 г. он направил Архипову письмо, в котором писал: «За истекший год специалисты-советники под Вашим руководством во всех областях народного хозяйства добились больших успехов. Во всех своих проектах, предложениях и изучении обстановки на местах они исходили из реальной китайской действительности, они повысили производительность труда во всех областях своей работы и оказали нам большую помощь. Ваши неустанные труды и великий дух интернационализма, проявленный Вами в деле оказания повседневной помощи китайским товарищам, внушили нам чувство глубочайшего уважения. От имени моего правительства я приношу Вам искреннюю, сердечную благодарность»²³.

6 ноября 1957 г. все советские специалисты, работавшие в то время в КНР, получили от Чжоу Эньлая подписанное им от имени правительства КНР поздравление с 40-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, в котором, в частности, говорилось: «Для того чтобы быстрыми темпами превратить Китай в мощную социалистическую державу, китайский народ и впредь будет настойчиво изучать передовой советский опыт в деле строительства страны. Примите благодарность за ту помощь, которую Вы оказываете нам в деле социалистического строительства нашей страны»²⁴.

Весной 1960 г. Н. С. Хрущев ввиду критики Мао Цзэдуном внутренней и внешней политики Советского Союза принял импульсивное решение о незамедлительном отзыве из КНР всех советских специалистов и советников. Чжоу Эньлай, чтобы смягчить отрицательное впечатление, которое это неожиданное волевое решение произвело на китайское население, дружественно настроенное в отношении СССР и советских людей, работавших в Китае, организовал повсеместные теплые проводы отъезжавших на родину советских специалистов и их семей. По указанию Чжоу Эньлая органы китайской пропаганды широко разъясняли, что отъезд советских людей из Китая вызван крайне острой потребностью СССР в наиболее квалифицированных кадрах для решения неотложных задач социалистического строительства и помощи развивающимся странам. По инициативе Чжоу Эньлая председатель Общества китайско-советской дружбы Сун Цинлин устроила в Пекине торжественный прием, на котором Чжоу Эньлай высказал теплые слова благодарности в адрес советских людей, так много сделавших для становления и упрочения китайской экономики, образования и культуры в ходе первых, самых трудных десяти лет существования народной республики. Чжоу Эньлай, как свидетельствовал Архипов, тяжело переживал ухудшение отношений между нашими странами.

Читатель вправе задать вопрос: как могло случиться, что бесстрашный коммунист-интернационалист Чжоу Эньлай, сделавший так много для победы народной революции в Китае, видный деятель международного коммунистического движения, постоянно и открыто выступавший до начала 60-х годов горячим поборником китайско-советской дружбы, оказался в 1966 г. соучастником развязанной Мао Цзэдуном «культурной революции»? Мне представляется, что в этом большую роль сыграли неукоснительная приверженность Чжоу Эньлая жесткой партийной дисциплине, которая к тому времени сводилась к требованию автоматического, слепого повиновения любому указанию вождя, и многолетняя личная привязанность Чжоу Эньлая к Мао Цзэдуну, с которым его связывали совместные драматические испытания Великого похода на Северо-Запад и полная опасностей эвакуация из Яньани. Как вспоминал в беседе с автором бывший корреспондент ТАСС в Китае В. Н. Рогов, встречавший-

²³ Личный архив И. В. Архипова.

²⁴ Там же.

ся с Чжоу Эньлаем в 1938 г. в Ханькоу, тот был искренне убежден в необходимости иметь в такой полуфеодальной стране, как Китай, с преобладанием крестьянского населения и с многовековой монархической традицией такого общенационального лидера — выходца из народных низов, к которому весь народ относился бы как к предопределенному судьбой вождю. Этим вождем, по его мнению, мог быть только Мао Цзэдун.

Роль Чжоу Эньлая в деле создания Коммунистической партии Китая, в национальной революции 1925—1927 гг., организации партийной работы в гоминьдановском тылу, строительстве советских районов и антияпонской войне была не менее яркой, чем роль Мао Цзэдуна. Но Чжоу Эньлай считал, что во главе такой массовой партии, как КПК, должен стоять представитель рабочего класса или крестьянства, а не выходец из классов чуждой среды, каким был он сам. Поэтому после поражения революции 1925—1927 гг. Чжоу Эньлай поддерживал на посту руководителя партии рабочего Сян Чжунфа, а после его гибели сына крестьянина — Мао Цзэдуна, сам намеренно оставаясь в тени, но в то же время отдавая все силы делу революции. Чтобы у мнительного Мао Цзэдуна не оставалось сомнений в отсутствии у Чжоу Эньлая каких-либо притязаний на лидерство, он избегал занимать второе место в руководстве партией в стране и пропускал вперед то Лю Шаоци, то Линь Бяо и под конец группы Цзян Цин.

Мао Цзэдун не раз использовал личную преданность Чжоу Эньлая в борьбе с теми, кто смел ему перечить, например, с Пэн Дэхуаем, а затем Лю Шаоци и Дэн Сяопином, несогласными с его левацкой, волюнтаристской политикой. Сознательно сталкивал Мао Цзэдун Чжоу Эньлая с Лю Шаоци. Ни для кого, кто работал в 50—60-е годы в руководящей группе аппарата ЦК КПК, не было секретом, что между Лю Шаоци, выдвинутым Мао Цзэдуном на руководящий пост в партии в годы «кампании по исправлению стиля работы» и особенно после 1945 г., когда на VII съезде КПК Мао Цзэдун поручил ему выступить с Отчетным докладом, и Чжоу Эньлаем были весьма натянутые отношения. Автору в его бытность советником Посольства СССР в КНР в один из деловых визитов к Чжоу Эньлаю в октябре 1949 г. довелось быть свидетелем бурной, неконтролируемой вспышки гнева обычно спокойного и уравновешенного премьера, когда по распоряжению Лю Шаоци была предпринята попытка изменения ранее согласованного с Чжоу Эньлаем порядка вручения верительных грамот Мао Цзэдуноу первым советским послом в КНР Н. В. Роциным.

Весной 1964 г. бывший советский посол в КНР П. Ф. Юдин рассказал автору об одной своей доверительной беседе с Мао Цзэдуном, проходившей на берегу открытого плавательного бассейна в личной резиденции Мао Цзэдуна в Пекине в середине 50-х годов. Мао Цзэдун, находившийся в весьма благодушном настроении, упрекнул Юдина в том, что тот не соблюдает строго паритетного соотношения количества своих деловых визитов к Лю Шаоци и к Чжоу Эньлаю. Юдин ответил, что он не видит никакой необходимости в соблюдении такого паритета, ибо обращается к тому или другому, лишь когда возникают вопросы, входящие в круг их соответствующей компетенции. «Вы плохой дипломат, — заметил Мао Цзэдун, — впредь следуйте моему примеру и уравновешивайте число встреч с тем и другим, даже если у вас нет для этого никакого делового повода, ибо оба крайне ревниво следят друг за другом».

Поддержав в самом начале «культурную революцию», видя в ней кампанию борьбы против бюрократизма, за социалистическое воспитание молодежи, Чжоу Эньлай в дальнейшем, когда это движение вышло из-под контроля компартии и правительства, делал все, чтобы сохранить работоспособность правительственных органов страны, не допустить полного краха экономической жизни, уберечь хотя бы часть государственных,

военных и партийных кадров, представителей научной и творческой интеллигенции от разъяренных банд хунвэйбинов и цзаофаней. Он максимально использовал свои возможности доступа к Мао Цзэду, стремясь предотвратить эксцессы и насилие. Приходя к Мао Цзэду как бы «за советом» по тем или иным вопросам, Чжоу Эньлай предлагал те варианты их решения, которые были приемлемыми для него самого, и объявлял затем тот или иной свой вариант «указанием председателя». О поведении Чжоу Эньлая в годы «культурной революции» весьма образно говорил Дэн Сяопин: «Чжоу Эньлай был в крайне трудном положении, и он говорил и делал много того, чего не хотел бы. Но люди простили ему потому, что, если бы он не делал и не говорил этого, он не смог бы выжить и сыграть нейтрализующую роль, которая уменьшила потери»²⁵.

Деятельность Чжоу Эньлая в годы «культурной революции» вызывала к нему острую неприязнь со стороны Цзян Цин и ее сторонников, натравливавших хунвэйбинов персонально на премьера. В течение нескольких дней и ночей Чжоу Эньлай был буквально осажден хунвэйбинами в своей официальной правительственной резиденции, и ему стоило немалого труда убедить ворвавшихся к нему молодых «стражей революции» в том, что он проводит линию председателя Мао, а не «капитулистов» (т. е. сторонников капиталистического пути), к которым тогда причисляли всех неугодных Мао Цзэду лиц). 6 января 1967 г. на центральной столичной площади Тяньаньмынь были вывешены огромные плакаты, призывавшие хунвэйбинов «зачиво сжечь Чжоу Эньлая». Осенью 1969 г. в Пекине автору довелось видеть написанные хунвэйбцами черной краской на заборах и стенах домов лозунги, призывавшие «размозжить собачью голову черного бандита Чжоу». Явную направленность против Чжоу Эньлая имела развернутая Цзян Цин и ее сторонниками «кампания критики Линь Бяо, критика Конфуция». Линь Бяо ко времени начала кампании уже не было в живых; организаторы всей этой шумной акции на все лады поносили древнекитайского мыслителя Конфуция, жившего в VI—V вв. до н. э., представляя его крайним реакционером, сторонником реставрации правления династии Чжоу (тот же иероглиф, что и в фамилии Чжоу Эньлая), царствовавшей в XI—VIII вв. до н. э.

По распоряжению Цзян Цин была арестована и впоследствии замучена в тюрьме приемная дочь Чжоу Эньлая и Дэн Инчао талантливая киноактриса и кинорежиссер Сунь Вэйши, в свое время учившаяся в Советском Союзе. Повеление Цзян Цин и ее подручных после кончины Чжоу Эньлая в январе 1976 г., когда ими были нарушены самые элементарные правила траура по скончавшемуся премьеру, свидетельствовало о том, что они не простили Чжоу Эньлаю его борьбу против проводимой им левацкой авантюристической политики. На гражданской панихиде по Чжоу Эньлаю не присутствовал Мао Цзэду, хотя до и после похорон премьера он принимал посетителей-иностранцев. Политике Цзян Цин и ее единомышленников Чжоу Эньлай в последние годы жизни противопоставил свой план «четырёх модернизаций» Китая. Ему удалось за год до кончины заручиться согласием Мао Цзэду на его осуществление. Для этого смертельно больной премьер нашел в себе силы 23 декабря 1974 г. покинуть больничную палату и совершить последний в своей жизни полет из Пекина в Чанша, где в то время отдыхал Мао Цзэду. Но только после отстранения «банды четырех» и ее сторонников на III Пленуме ЦК КПК одиннадцатого созыва в декабре 1978 г., проходившего под руководством Дэн Сяопина, завещанная Чжоу Эньлаем программа «четырёх модернизаций» обрела реальное воплощение и в настоящее время проводится в жизнь.

²⁵ Deng Xiaoping, Op. cit., p. 330.

Несмотря на ряд враждебных Советскому Союзу заявлений, сделанных Чжоу Эньлаем, как и другими китайскими руководителями в период «культурной революции», он принял все имевшиеся в его распоряжении меры, чтобы не допустить разъяренную толпу на территорию советского посольства в Пекине, длительное время осаждавшегося хунвэйбинами. 11 сентября 1969 г. в пекинском аэропорту Чжоу Эньлай провел встречу с Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным с целью урегулирования крайне напряженных после вооруженных столкновений на восточных и западных участках китайско-советской границы отношений между нашими странами. Эта встреча положила начало постепенной нормализации советско-китайских отношений; на ней было решено вновь назначить послов в соответствующие столицы и активизировать торговые и экономические связи между обеими странами.

Говоря об отношениях СССР с КНР в наши дни, Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев отметил, что в Китае «в процессе «четырёх модернизаций» реализуются очень интересные, во многих отношениях продуктивные идеи. В Китае мы видим великую социалистическую державу и предпринимаем практические шаги, чтобы советско-китайские отношения успешно развивались в русле добрососедства и сотрудничества»²⁶.

Западные авторы книг по новейшей истории Китая и биографических работ о Чжоу Эньлае неизменно выдвигают на первый план его роль в деле восстановления китайско-американских отношений и подготовки визита в КНР президента США Р. Никсона, объясняя, как правило, такой поворот в политике КНР давними прозападными симпатиями Чжоу Эньлая, якобы появившимися у него чуть ли не со школьных лет. Но это не так. Чтобы вывести страну из хаоса «культурной революции» и осуществить программу «четырёх модернизаций», необходимы были колоссальные материальные затраты, наличие большого количества высококвалифицированных кадров. 10-летний период «культурной революции» привел Китай к экономическому упадку, массовому уничтожению материальных ценностей, нарушению работы транспорта, прекращению школьного и вузовского образования, большим кадровым потерям. Крайне обострившиеся отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами и враждебность к нашей стране лично Мао Цзэдуна исключили возможность обращения руководства Китая, как это было в 1949 г., за помощью к нашей стране. В этих условиях Мао Цзэдун пришел к выводу о возможности пойти на сближение с США и поручил Чжоу Эньлаю практическое осуществление этого поворота, что тот и стал делать.

Работая в 1944—1945 гг. в посольстве СССР в Чунцине — столице Китая военного времени, автор, тогда молодой дипломат, только издала видел Чжоу Эньлая на различных дипломатических приемах. После того как весной 1949 г. руководство КПК перебазировалось в Бэйпин, где автор возглавлял генеральное консульство СССР, ему не раз приходилось иметь дело непосредственно с Чжоу Эньлаем по различным практическим вопросам советско-китайских отношений. Последний с неизменным вниманием относился ко всему, что касалось укрепления и развития этих отношений.

Вспоминается ясное, солнечное утро 1 октября 1949 года. За несколько часов до начала торжественной церемонии провозглашения Китайской Народной Республики в город поездом из Северо-Восточного Китая должна была прибыть делегация представителей советской общественности во главе с писателями А. А. Фадеевым и К. М. Симоновым. Сотрудники генерального консульства, отправившиеся ее встречать, были немало

²⁶ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М. 1987, с. 175.

удивлены, когда за несколько минут до прихода поезда на перроне появилось несколько военных, бережно поддерживавших двигавшегося в нашем направлении с закрытыми глазами бледного, как полотно, Чжоу Эньлая. Подошедший к нам помощник Чжоу Эньлая тихо попросил не будить спящего на ходу Чжоу Эньлая, т. к. он ни на минуту не смыкал глаз в течение четырех дней, пока руководил учредительной конференцией Народного политического консультативного совета Китая. Как только поезд показался из-за поворота и стал приближаться к перрону, помощник разбудил Чжоу Эньлая. Очнувшись, тот с виноватым видом, но очень приветливо, поздоровался с нами, а когда из вагона вышли члены советской делегации, горячо приветствовал их от имени китайского руководства. Чжоу Эньлай тут же проявил трогательную заботу о заболевшем в дороге Фадееве. Спустя несколько часов после встречи на вокзале как всегда бодрый и подтянутый Чжоу Эньлай с другими руководителями избранного накануне правительства КНР стоял на трибуне на площади Тяньаньмынь во время торжественной церемонии провозглашения Народной Республики.

Мне довелось несколько раз встречаться с Чжоу Эньлаем по вопросу о процедуре вручения иностранными послами верительных грамот, переводить речь советского посла Рощина, вручившего верительные грамоты председателю Центрального народного правительственного совета КНР Мао Цзэдуну. По рекомендации Чжоу Эньлая, в апреле—мае 1950 г. автор прочитал на китайском языке цикл лекций по международному праву и международным отношениям на дипломатическом отделении Народного университета, которое было создано для подготовки дипломатических кадров молодой республики.

Последняя встреча автора с Чжоу Эньлаем состоялась 23 июня 1957 г., когда в качестве заведующего отделом социалистических стран Азии Государственного комитета по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР он сопровождал председателя этого комитета Г. А. Жукова в его командировке в Пекин по приглашению Чжоу Эньлая и министра культуры КНР Шэнь Янбина. На завтраке, который Чжоу Эньлай дал после завершения переговоров с советской делегацией, царила непринужденная атмосфера. Чжоу Эньлай шутил, охотно отвечал на наши вопросы. В связи с приближавшимся 30-летием со дня основания НОАК я попросил рассказать о Наньчанском восстании 1927 г., в котором он играл ведущую роль. Чжоу Эньлай, как мне показалось, с некоторой горечью ответил, что в Китае не принято говорить о роли в революции каких-либо личностей, кроме одной. Это был явный намек на Мао Цзэдуна. Тем не менее на следующий день по указанию Чжоу Эньлая была организована встреча с бывшим начальником штаба легендарного отдельного полка китайских коммунистов под командованием Е Тина — генерал-полковником Чжоу Шици, активным участником Наньчанского восстания, о которой автор и рассказал затем 1 августа 1957 г. читателям «Известий».

Запомнилась и притча, рассказанная Чжоу Эньлаем в ответ на вопрос Жукова об основных направлениях внешней политики Китая. Жил был царь обезьян Сунь Укун, обладавший несметным воинством и постоянно вступавший в конфликты с земными, небесными, подводными и подземными властителями, которые с презрением относились к обезьянам и постоянно обижали их. Доведенные до отчаяния смелыми победоносными действиями бесстрашного Сунь Укуна и его рати, все эти властители в конце концов обратились со слезной жалобой к Будде. Тогда Будда собственноручно сплел и надел на голову Сунь Укуна венок из цветов лотоса, сделав его таким образом святым бодисатвой. Лишь после этого прекратились войны и конфликты. Вот и Китай, который западные державы ни во что не ставят, будет до поры до времени вести себя как Сунь Укун, закончил свой многозначительный рассказ Чжоу Эньлай.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИИ

14 марта 1988 г. на общем собрании Отделения истории АН СССР его академик-секретарь акад. С. Л. Тихвинский выступил с отчетом о работе Бюро Отделения за четыре месяца и наметил ее перспективы в свете доклада Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великого Октября, и материалов февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС.

В условиях развития демократии и гласности, сказал докладчик, возник социалистический плюрализм мнений, породивший среди историков разнообразие оценок прошлого, особенно проблем нации, коллективизации и индустриализации. Задача состоит в том, чтобы, избегая очернительства либо некритичного подхода, выявить историческую правду, показав неудачи и победы, ошибки и открытия, трагические и светлые события, нарушения социалистической законности и революционный энтузиазм масс. История советского общества нуждается в переосмыслении. Требуется установить, в какой мере претворены в жизнь ленинские принципы социализма, что мешало их реализации и какие помехи остаются не преодоленными донныне; выявить конкретное воздействие объективных и субъективных факторов на ход исторического процесса; помочь найти с учетом исторического опыта выход из трудных ситуаций.

В числе практических мероприятий Отделения, уже осуществленных или намеченных на ближайшее будущее, — Постановление о помощи Советскому фонду культуры, установление сотрудничества с Госкино СССР и Союзом советских обществ дружбы с зарубежными странами по созданию 20-серийного фильма «Рассказы о русской истории», циклы лекций о новейших открытиях в области истории, совместная с писателями и литературоведами научная сессия «Актуальные вопросы исторической науки и литературы: основные этапы развития советского общества и их освещение в исторической и художественной литературе».

Докладчик подверг критике пассивность историков в сфере устных и печатных выступлений на зарубежную аудиторию; охарактеризовал их задачи в деле улучшения преподавания истории в средней и высшей школе; назвал ряд научных докладов членов Отделения и других специалистов, касавшихся острых и дискуссионных проблем отечественной и всемирной истории; остановился на организационных мероприятиях, включая выборы новых директоров и ученых советов институтов Отделения, главных редакторов журналов, новых членов Отделения, на отработке комплексных исследовательских программ до 2000 г., пересмотре структуры научных советов и переходе на новую систему оплаты труда сотрудников институтов.

Историки очень мало сделали для выяснения причин негативных явлений в истории советского общества, в частности глубокого исследования национальных отношений. Докладчик назвал далее мероприятия, касающиеся работы историков с неформальными организациями, в связи с 1000-летием введения христианства на Руси, с подготовкой ко II Всесоюзному совещанию историков, и высказался за введение обязательного 30–50-летнего срока, по истечении которого архивные документы автоматически становились бы общедоступными. Он критиковал недостатки в деятельности издательства «Наука» и замедленные темпы предстоящего выпуска научно-популярного журнала по истории, рассказал о содержании нового Положения об Отделении. Крупными недостатками в работе историков докладчик назвал психологию выжидания и самоуспокоенности, далеко не полное использование творческого потенциала научных коллективов, плохую задействованность экономических рычагов работы.

После обсуждения доклада путем тайного голосования были избраны: директором Института истории СССР АН СССР — чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцев, директором Института всеобщей истории АН СССР — доктор исторических наук А. О. Чубарьян.

На заседании Бюро 31 марта 1988 г. чл.-корр. АН СССР Г. М. Бонгард-Левин и доктор исторических наук Г. А. Кошеленко сделали научный доклад «Новое в изучении древних цивилизаций». В нем шла речь о пересмотре некоторых аспектов истории кушанской культуры (I в. до н. э. — IV в. н. э.) в свете последних археологических открытий на территории южной части Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Северной Индии и западной части Восточного Туркестана.

Новые археологические, исторические и лингвистические исследования, применение новых методик научного анализа, открытия и публикация ранее неизвестных нарративных и эпиграфических памятников заметно изменили существовавшие прежде представления о времени возникновения и динамике развития кушанской цивилизации, о специфике ее наследия. В ином свете предстает ее взаимодействие с соседними цивилизациями, что затрагивает также этническую, социально-экономическую и политическую сферы жизни. Тогда вступили в тесное взаимодействие на Ближнем и Среднем Востоке Рим, Парфия, империя Гупт и Сатаваханов, такие этнически и лингвистически различные народы, как индо-иранцы, греки, семиты, китайцы, дравиды; получили широкое распространение христианство, буддизм, маизм, манихейство и индуизм, традиционные племенные верования сибирского и скифо-сарматского круга, эллинистические синкретические культы; сложились такие школы искусства, как греко-иранская, Матхура, Гандхара, восточнотуркестанская. Наметилось более тесное, чем раньше, сотрудничество историков, археологов, искусствоведов, лингвистов, этнографов, религиоведов различных стран, осуществляющих совместные научные проекты: советско-афганская экспедиция, советско-индийский проект по сравнительному изучению археологии, древней истории и культуры Индии и Средней Азии, советско-французские и советско-американские проекты по изучению Средней Азии, французско-индийская экспедиция, западногерманско-пакистанская экспедиция и др., что позволило продвинуть вперед исследование названных выше проблем.

Подписанный на 20 лет советско-индийский проект уже дал возможность ознакомиться с неопубликованными (или почти неизвестными за пределами Индии) фондами музеев и коллекциями Археологической службы Индии по материальной и духовной культуре кушанской эпохи, прежде всего по матхурской школе искусства. Сопоставление же изученных и новых памятников Индии с материалами Средней Азии, Афганистана, Пакистана с ранее изученными комплексами культур Средиземноморья и Ближнего Востока позволило прийти к углубленным выводам о характере и результатах взаимодействия разных этнокультурных компонентов в кушанской цивилизации, о ее контактах с другими цивилизациями древности. В результате приходится пересматривать бытовавшее мнение о незначительном воздействии народов среднеазиатского (оседло-земледельческого и кочевнического укладов) и центральноазиатского регионов на формирование кушанской культуры и матхурской школы. Оказалось, что Матхура очень сильно повлияла на формирование и развитие искусства Гандхары. И наоборот, тезис о ведущей роли эллинистических компонентов в становлении кушанского искусства утратил прежнюю императивность.

Собранные в результате реализации совместного проекта материалы наметили пути решения многих дискуссионных проблем. Особенно существенно, что теперь потребовалось отойти от сугубо искусствоведческого анализа местных памятников, что было ранее основным в работах ученых, и обратить первоочередное внимание на изучение материалов эпиграфики и нумизматики, религиозной и социальной обстановки в период формирования кушанской культуры, роли локальных центров (прежде всего Сангола), на соотнесение данных по нарративным источникам и произведениям искусства. Вместе с тем выявились новые вопросы, решение которых вряд ли состоится до конца этого столетия, поскольку понадобится привлечение широчайшего круга новых памятников. Участвовать в реализации намеченного плана должны специалисты многих стран, в связи с чем перед советскими учеными встанут серьезные задачи.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Аксенов А. И. *Генеалогия московского купечества XVIII в.* Из истории формирования русской буржуазии. М. Наука. 1988. 189 с. 12 000 экз. 95 коп.

Василевский А. М. *Дело всей жизни.* Кн. 2. Изд. 6-е. М. Политиздат. 1988. 303 с. с илл. 500 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Внешняя политика России. Историко-графия. Сборник статей. М. Наука. 1988. 296 с. 2300 экз. 3 руб. 80 коп.

Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. Ч. 2. Изд. 3-е, доп. М. Политиздат. 1988. 398 с. с илл. 200 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М. Наука. 1988. 280 с. 3500 экз. 3 руб. 60 коп.

Золотарев В. А., Козлов И. А. *Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье.* М. Наука. 1988. 208 с. 10 000 экз. 1 руб.

Из истории политической экономики в СССР: 30—50-е гг. Л. Изд-во ЛГУ. 1988. 205 с. 2635 экз. 2 руб.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М. Наука. 1988. 544 с. с илл. 14 000 экз. 3 руб. 40 коп.

Козлов В. А., Хлевнюк О. В. *Начинается с человека.* Человеческий фактор в социалистическом строительстве: итоги и уроки 30-х гг. М. Политиздат. 1988. 253 с. 50 000 экз. 80 коп.

Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945—конец 50-х гг. (История крестьянства СССР. История советского крестьянства. В 5-ти т. Т. 4). М. Наука. 1988. 395 с. 8500 экз. 3 руб.

«Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. Сост. А. Г. Кузьмин, В. И. Вышегородцев, В. Г. Фомин, М. Мысль. 1988. 336 с. (Научно-атеистическая библиотека). 25 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Куйбышев В. В. *Избранные произведения.* В 2-х т. М. Политиздат. 1988. Т. 2: 1929—1934 гг. 463 с. 40 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Ленин в Москве и Подмоскowie. Места пребывания, даты и события. Изд. 4-е, доп. М. Московский рабочий. 1988. 517 с. с илл. 20 000 экз. 2 руб. 10 коп.

Лунин М. С. *Сочинения, письма, документы.* Иркутск. Восточно-Сибирское книжное изд-во. 1988. 567 с. (Полярная звезда). 50 000 экз. 3 руб. 70 коп.

Люди большевистского подполья Урала и Сибири, 1918—1919. Сост. С. Г. Черемных. М. Советская Россия. 1988. 267 с. с илл. 10 000 экз. 85 коп.

Мавродин В. В. *Рождение новой России.* Л. Изд-во ЛГУ. 1988. 535 с. 30 000 экз. 2 руб. 80 коп.

Прост, как правда. Воспоминания нижегородцев о В. И. Ленине. Сост., научн. ред. В. А. Казаков, Изд. 3-е, доп. Горь-

кий. Волго-Витское книжное изд-во. 1988. 416 с. с илл. 15 000 экз. 60 коп.

Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М. Наука. 1988. 415 с. 1650 экз. 4 руб. 20 коп.

Смирнов Н. Н. *Третий Всероссийский съезд Советов: история созыва, состав, работа.* Л. Наука. 1988. 126 с. 400 экз. 90 коп.

Спаский И. Г. *Русские ефимки.* Исследование и каталог. Новосибирск. Наука. 1988. 206 с. с илл. 11 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Ташлиев Ш., Дурдыев Т. *Кайгысыз Агабаев: жизнь и деятельность.* Ашхабад. Туркменистан. 1988. 254 с. 6000 экз. 55 коп.

Хромов П. А. *Очерки экономики докапиталистической России.* М. Наука. 1988. 312 с. 1850 экз. 3 руб.

Всеобщая история

Александров В. В. *Новейшая история стран Европы и Америки, 1945—1986 гг.* Для вузов. М. Высшая школа. 1988. 639 с. 40 000 экз. 1 руб. 70 коп.

Жуков А. Е. *Межнартийная борьба в современной Японии по вопросам военной политики.* М. Наука. 1988. 139 с. 2600 экз. 95 коп.

Жуковская Н. Л. *Категории и символы традиционной культуры монголов.* М. Наука. 1988. 196 с. 5000 экз. 1 руб. 40 коп.

Китайская Народная Республика в 1985 году. Политика, экономика, культура. М. Наука. 1988. 351 с. 10 000 экз. 2 руб.

Колпинский Ю. Д. *Великое наследие античной Эллады и его значение для современности.* Изд. 2-е, испр. и доп. М. Изобразительное искусство. 1988. 359 с. 30 000 экз. 9 руб.

Кругликова Т. В. *Национализация и политическая борьба во Франции.* Опыт правительства левых сил. М. Наука. 1988. 136 с. 1400 экз. 1 руб. 80 коп.

Культура и общественная мысль: Античность; Средние века; Эпоха Возрождения. М. Наука. 1988. 245 с. 8000 экз. 1 руб. 60 коп.

Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. *Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь.* Л. Лениздат. 1988. 334 с. 50 000 экз. 50 коп.

Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. Сост. А. А. Нейхардт. М. Правда. 1988. 574 с. 400 000 экз. 2 руб. 70 коп.

Лондонская конференция Первого Интернационала. 17—23 сентября 1871 г. Протоколы и документы. (Документы Первого Интернационала). Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М. Политиздат. 1988. 573 с. 10 000 экз. 2 руб.

Мальков В. Л. *Франклин Рузвельт.* Проблемы внутренней политики и дипломатии. Историко-документальные очер-

ки. М. Мысль. 1988. 350 с. 50 000 экз.
2 руб. 40 коп.

Манасов М. А. *Куба: дорогами свершений*. М. Наука. 1988. 133 с. 1800 экз.
2 руб.

Скрынникова Т. Д. *Ламаистская церковь и государство: Внешняя Монголия XVI — начала XX в.* Новосибирск. Наука. 1988. 103 с. 4400 экз. 70 коп.

Смирнов В. П. *Франция: страна, люди, традиции*. М. Мысль. 1988. 287 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Соболевская А. А. *Изогранный механизм эксплуатации*. М. Экономика. 1988. 167 с. (Империализм: события, факты, документы). 50 000 экз. 40 коп.

Шумейко Г. В. *Социальный прогресс, реформы и реформизм*. Исторический очерк. М. Профиздат. 1988. 224 с. 7800 экз. 55 коп.

Книги, переведенные
с иностранных языков

Дорнеман Л. *Женни Маркс*. Пер. с нем. М. Политиздат. 1988. 366 с. с илл. 300 000 экз. 90 коп.

Наши жертвы были не напрасны. Немецкие коммунисты в борьбе против фашизма и войны, 1933—1945. Пер. с нем. Сост. Г. Я. Рудой. М. Политиздат. 1988. 413 с. с илл. 100 000 экз. 85 коп.

Роазио А. *Вечное горение*. Воспоминания. Сокр. пер. с итал. М. Политиздат. 1988. 335 с. 30 000 экз. 1 руб.

Семья Маркса в письмах. Пер. с нем., предисловие к некоторым письмам, подготовка научного аппарата О. К. Сенкиной. Изд. 3-е. М. Политиздат. 1988. 223 с. с илл. 150 000 экз. 45 коп.

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Академии наук СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ В АСПИРАНТУРУ

по специальностям:

С отрывом от производства:

Средневековая, новая и новейшая история стран Европы, Америки и Африки.

Без отрыва от производства:

Новая и новейшая история Германии.

Экономическая история средневековья Западной Европы.

История международных отношений в новое и новейшее время.

История стран Латинской Америки.

История культуры и общественной мысли стран Европы.

Прием документов — до 25 августа, вступительные экзамены — в сентябре.

Документы принимаются по адресу: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Телефон: 126-94-12.

CONTENTS

Materials of the Conference «Historians and Writers on Literature and History». Papers: Academician Fedoseyev. History, Literature, Society; V. I. Kasyanenko, Corresponding Member, USSR AS. The Key Development Patterns and the Topical Issues of the History of Soviet Society; P. A. Nikolayev, Corresponding Member, USSR AS. The History of Soviet Society as Depicted in Fiction and Problems of Literary Criticism. Articles: Academician M. P. Kim. Periodisation of Soviet History; L. I. Medvedko. The Middle East. The Longest Conflict of the Century. Outstanding Personalities: V. V. Kabanov. Alexander V. Chayanov; Academician S. L. Tikhvinsky. Zhou Enlai.

SOMMAIRE

Documents de la conférence «Les historiens et les écrivains sur la littérature et l'histoire»; Rapports: l'académicien P. N. Fédosseev. Histoire, littérature, société; V. I. Kassianenko, membre correspondant de l'Académie des sciences de l'URSS. Les lois tendentielles majeures du développement et les questions d'actualité de l'histoire de la société soviétique; P. A. Nikolaïev, membre correspondant de l'Académie des sciences de l'URSS. La vision de l'histoire de la société soviétique par la littérature et les problèmes de la critique littéraire. Articles: l'académicien M. P. Kim. De la division en périodes de l'histoire de la société soviétique; L. I. Medvedko. Le Proche-Orient: «conflit du siècle» de la plus longue durée. Personnalités dans l'histoire: V. V. Kabanov. Alexandre Vassiliévitch Tchaïanov; l'académicien S. L. Tikhvinski. Chou En-lai.

SUMARIO

Materiales de la conferencia «Historiadores y escritores sobre la literatura y la historia»; Informes: P. N. Fedoséev, miembro efectivo de la AC de la URSS. Historia, literatura, sociedad; V. I. Kasiánenko, miembro correspondiente de la AC de la URSS. Leyes objetivas fundamentales de desarrollo y cuestiones actuales de la historia de la sociedad soviética; P. A. Nikoláev, miembro correspondiente de la AC de la URSS. Reflejo de la historia de la sociedad soviética en la literatura y problemas de la crítica e historia de la literatura. Artículos: M. P. Kim, miembro efectivo de la AC de la URSS. Sobre la periodización en la historia de la sociedad soviética; L. I. Medvedko. Oriente Medio: el «conflicto del siglo» más prolongado. Personalidades en la historia: V. V. Kabanov. Alexandr Vasilievich Chaïánov; S. L. Tijvinski, miembro efectivo de la AC de la URSS. Zhou Enlai.

Редакционная коллегия: А. А. ИСКЕНДЕРОВ (главный редактор), В. П. АЛЕКСЕЕВ, Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ, П. В. ВОЛОБУЕВ, А. С. ГРОССМАН, В. П. ДАНИЛОВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. А. ДЬЯКОВ, М. С. КАПИЦА, И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО, А. И. КРУШАНОВ, В. И. КУЗИЩИН, В. А. КУМАНЕВ, Б. В. ЛЕВШИН, А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ, О. А. РЖЕШЕВСКИЙ, К. И. СЕДОВ, И. В. СОЗИН (зам. главного редактора), С. Л. ТИХВИНСКИЙ, А. Я. ШЕВЕЛЕНКО, В. В. ШЕЛОХАЕВ, В. А. ШИШКИН, В. Л. ЯНИН.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6. М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 28.04.88. Подписано к печати 16.06.88. А-00360. Формат 70×108^{1/16}

Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Усл. кр.-отт. 17,33. Учетно-изд. л. 19,08.

Тираж 21 000 экз. Заказ № 1562

344-44

СЕРТИФИКАТЫ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА СССР

Сертификаты Сберегательного банка СССР выпускаются на предъявителя достоинством 250 рублей, 500 рублей и 1000 рублей.

Сертификаты предназначаются для хранения денежных сбережений в течение 10 лет, с выплатой дохода дифференцированно в зависимости от продолжительности срока хранения денежных средств. При соблюдении 10-летнего срока хранения доход выплачивается из расчета 4 процентов годовых.

При оплате сертификата его владелец может приобрести новый сертификат или внести полученную сумму на любой вид вклада.

Сертификаты Сберегательного банка СССР и доходы по ним освобождаются от обложения государственными налогами.

Сертификаты являются выгодной и удобной формой хранения денежных сбережений населения, они свободно продаются, принимаются на хранение и к оплате в любом филиале Сберегательного банка СССР.